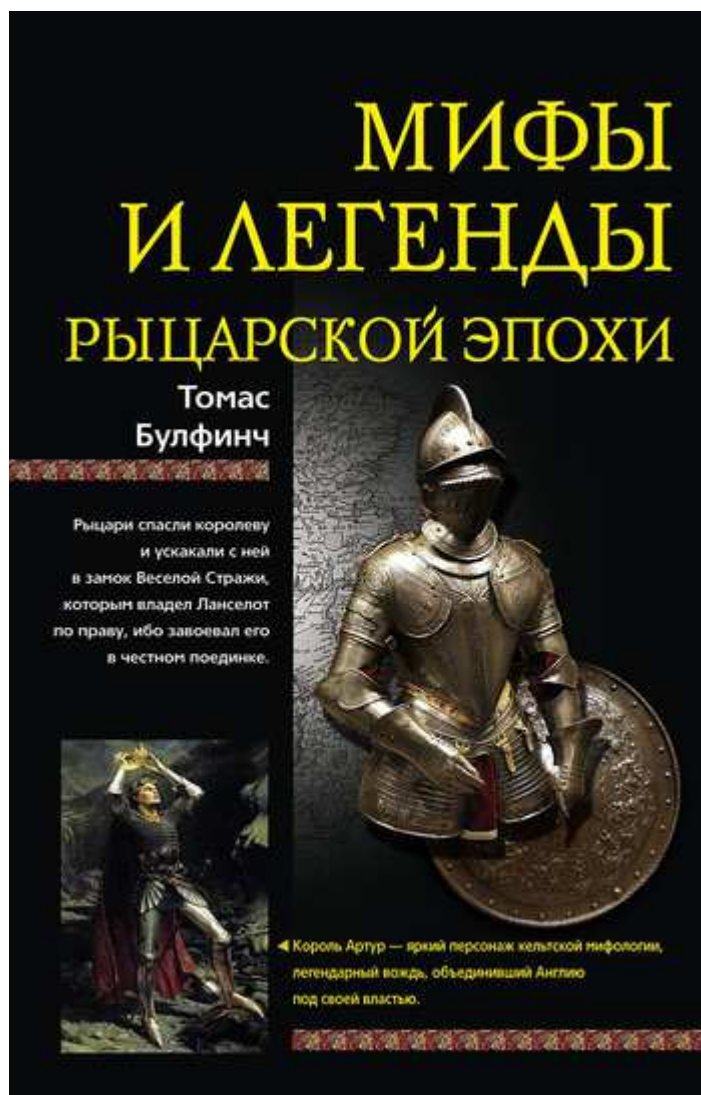

Томас Булфинч
Мифы и легенды рыцарской эпохи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=611125

«Мифы и легенды рыцарской эпохи»: ЗАО Центрполиграф; Москва; 2009
ISBN 978-5-9524-4093-7

Аннотация

Увлекательные легенды и баллады Туманного Альбиона в переложении известного писателя Томаса Булфинча — неотъемлемая часть сокровищницы мирового фольклора. Веселые и печальные, фантастичные, а порой и курьезные истории передают уникальность средневековой эпохи, сказочные времена короля Артура и рыцарей Круглого стола: их пиры и турниры, поиски чаши Святого Грааля, возвышенную любовь отважных рыцарей к прекрасным дамам их сердца...

Такова, например, романтическая история Тристрама Лионесского и его возлюбленной Изольды или история Леира и его трех дочерей. Приключения отчаянного Робин Гуда и его веселых стрелков, чудеса мага Мерлина и феи Морганы, подвиги короля Ричарда II и битвы самого благородного из английских правителей Эдуарда Черного принца.

Томас Булфинч

Мифы и легенды рыцарской эпохи

...Где лавры рыцарь и вельможа
Стягают и в дни мира тоже
Умом или клинком своим,
А дамы присуждают им
За смелость щедрые награды —
Обворожающие взгляды.¹

Джон Мильтон

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге, таким же образом, как раньше, читателю дана была возможность насладиться историями из языческой мифологии, изложенными современным языком, сделана попытка пересказать истории второй «эпохи преданий» – эпохи, ставшей свидетелем возникновения нескольких государств современной Европы.

Считается, что знакомство с литературой, которая на протяжении многих веков оказывала огромное влияние на представления наших предков, не только полезно для нашего читателя, но и доставит ему удовольствие. Истории, несмотря на то что изложенные в них факты не вызывают доверия, дают четкое представление о бытовавших нравах и обычаях, и приходит понимание, что образ жизни и образ мышления в пределах каждой эпохи составляют более важную часть истории, чем борьба между народами, которая в основном не приводит ни к каким результатам. Кроме того, литература эпохи рыцарства – сокровищница поэтического материала, к которому часто обращаются современные авторы. В качестве примеров можно привести итальянских поэтов Данте и Ариосто, англичан Спенсера, Скотта и Теннисона, а также Лонгфелло и Лоуэлла.

Легенды, изложенные в этой книге, логично вытекают одна из другой, а также связаны группой героев – Артур, Ланселот и их современники. Сюжеты их так же красочны и фантастичны, как легенды греческой мифологии. Если образованный молодой человек хочет ознакомиться с историей золотого руна, то почему бы ему не ознакомиться и с историей поисков Святого Грааля? И если можно сослаться на щит Ахилла, то почему бы в таком случае не сослаться на Экскалибур, знаменитый меч короля Артура?

Артур, восстановивший мир и в ком
Рука и меч слились в волшебном сплаве,
Он этим потрясающим мечом
Ведет ли англичан к Всемирной Славе?²

Часть первая КОРОЛЬ АРТУР И ЕГО РЫЦАРИ

ВСТУПЛЕНИЕ

¹ Перевод Ю. Корнеева.

² Уильям Вордсворт (1770–1850), английский поэт-романтик. (Примеч. авт.)

По мере ослабления власти Рима, спустя приблизительно пять столетий от Рождества Христова, страны Северной Европы практически лишились государственного правления. Множество властителей, более или менее могущественных, удерживали власть над территорией, размеры которой определялись имевшимися в их распоряжении возможностями. Иногда они объединялись ради достижения общей цели, но обычно находились в состоянии вражды. При таком положении дел права простых людей целиком зависели от милости противника. Совершенно ясно, что общество неизбежно впало бы в варварство, если бы не существовало ограничений, налагаемых на незаконную власть правителей. Такими ограничениями стали, во-первых, соперничество между правителями, с подозрением относившимися друг к другу, и, во-вторых, влияние церкви, которая, руководствуясь побуждениями, искренними и корыстными, стремилась обеспечить защиту слабых. И наконец, людей, несмотря на эгоизм и страсти, всегда отличало чувство справедливости и великодушие, что объясняет появление рыцарства, создание некой идеальной героической личности, сочетавшей неодолимую силу и отвагу, справедливость, скромность, преданность вышестоящим, уважительность к равным, сострадание к слабым и набожность. Этот идеал, если и не встречался в обычной жизни, воспринимался как образец для подражания.

Слово *chivaltry*, «рыцарство», происходит от французского слова *cheval*, «лошадь». Слово *knight*, первоначально означавшее «мальчик», «слуга», стало употребляться в отношении молодого человека, когда он получал право на ношение оружия. Этого права удостаивались молодые люди из богатых семей; основная масса населения не имела оружия. Итак, рыцарь – это вооруженный всадник знатного происхождения или находившийся на службе у лиц знатного происхождения, имеющий собственный независимый источник дохода, но часто зависевший от милости тех людей, у которых состоял на службе.

Во время войны рыцарь вместе с соратниками находился в лагере своего суверена, принимал участие в боевых действиях и защищал его замок. В мирное время рыцарь часто появлялся при дворе своего суверена, украшая своим присутствием пиры и турниры, которыми знатные люди заполняли свой досуг. В поисках приключений рыцарь мог отправиться в странствия, стремясь наказать зло и защитить справедливость, а иногда – выполняя религиозный или любовный обет. Этих рыцарей называли странствующими; они были желанными гостями в замках знати, поскольку их присутствие вносило оживление в уединенную жизнь обитателей замка. Рыцарей с почетом принимали в монастырях, большая часть доходов которых зачастую зависела от щедрости рыцарей. Но если поблизости не было замка или монастыря, отважный рыцарь мог, не поужинав, провести ночь у придорожного креста.

Понятно, что вершимое им правосудие носило грубый характер. Сила, призванная восстановить справедливость, могла с легкостью причинить зло. В рыцарских романах, несмотря на вымышленные истории, правдиво изображены нравы того времени. Зачастую рыцарский замок наводил ужас на окрестности; в его темнице томились господа и дамы, в ожидании некоего героя, способного освободить их или внести выкуп. Множество праздных вассалов, невзирая на законы, всегда были готовы выполнять приказы своего повелителя. Права невооруженного большинства не принимались в расчет. Это противоречие между реальностью и теорией стало причиной появления противоположных мнений относительно рыцарства. И насколько страстно одни превозносят его заслуги, настолько другие осуждают. Рассуждая объективно, мы не можем не поздравить себя с тем, что на смену эпохи рыцарства пришли времена законности и правопорядка, и судья, пусть и не такая колоритная фигура, занял место рыцаря в доспехах.

Воспитание рыцаря

Процесс воспитания кандидатов в рыцари был длительным и трудным. В семилетнем возрасте мальчиков из знатных семей забирали к королевскому двору или в замок будущего

покровителя (патрона) и отдавали на попечение гувернерам, которые обучали их основам религии, уважению и почитанию будущих покровителей и старших по чину и знакомили с придворным этикетом. Этих детей называли *пажами*, *валетами* или *варлетами*; в их обязанности входило прислуживание за столом и выполнение разного рода услуг, что в те времена не считалось чем-то унижительным. Во время досуга они учились танцам и игре на арфе; их приобщали к тайнам *лесов* и *рек*, обучали охоте, в том числе соколиной, рыболовству, борьбе, владению копьем и различным военным упражнениям, выполняемым верхом на лошади. В четырнадцать лет паж становился оруженосцем и приступал к освоению более сложных упражнений. Его обучали вольтижировке, бегу; учили взбираться по стенам и преодолевать рвы, причем все эти упражнения он выполнял в тяжелых доспехах; оруженосец осваивал приемы борьбы, искусство владения боевым топором, не поднимая забрала, на одном дыхании, и все приемы верховой езды. По достижении двадцати одного года, когда считалось, что обучение полностью закончено, молодого человека обычно посвящали в рыцари. Необходимо отметить, что за годы учебы молодой человек не менее усердно овладевал всеми правилами хорошего тона, называвшимися в те времена *куртуазностью*. В замке, в котором воспитывался будущий рыцарь, обычно было много молодых женщин. С раннего возраста паж выбирал одну из придворных дам в качестве дамы сердца, и его учили тому, как выражать чувства, какие говорить слова и совершать поступки в ее честь. Служение даме сердца было предметом особой гордости рыцаря, и достойной наградой являлись улыбки, которыми дама одаривала своего рыцаря в знак любви и признательности. Религия оказывала влияние на преданность и любовь рыцарей, и рыцарский орден, наделенный неприкосновенностью и внушавший благоговение, о чем позаботилось духовенство, стал предметом амбиций самых могущественных суверенов.

Церемония посвящения в рыцари была исключительно торжественной. После соблюдения строгого поста и проведения нескольких ночей в молитвах кандидат в рыцари исповедовался и причащался. После этого он переодевался в белую одежду, на шею надевал перевязь с мечом и отправлялся в церковь или в зал, где должна была проходить церемония. Священник, проводивший обряд, брал меч, благословлял его и возвращал кандидату. Затем кандидат, скрестив на груди руки, вставал на колени перед рыцарем, проводившим обряд посвящения, и тот, задав кандидату несколько вопросов о мотивах и причинах, побудивших его вступить в рыцарский орден, приводил кандидата к присяге и удовлетворял его просьбу. После этого присутствовавшие на церемонии рыцари, а иногда даже женщины и девушки по очереди подходили к кандидату и вручали шпоры, кольчугу, хауберк, наручни, наголенники, и, наконец, он перепоясывался мечом. Кандидат опять вставал на колени перед рыцарем, который, встав с места, совершал акколаду³ – три раза ударял плашмя мечом по плечу или шее кандидата, сопровождая удары словами: «Во имя Господа, святого Михаила и святого Георгия жалую тебя в рыцари; будь храбр, учтив и предан».

Наконец, рыцарь получал шлем, щит и копье, и на этом процедура посвящения в рыцари заканчивалась.

Фримены, вилланы, сервы и клирики

В те времена общество, помимо рыцарей, делилось на следующие классы. Первый составляли *фримены* – независимые владельцы небольших земельных наделов, которые иногда добровольно становились вассалами более богатых соседей, власть которых обеспечивала им необходимую защиту. Два других класса, более многочисленные, составляли сервы и вилланы, находившиеся на положении рабов.

³ Акколада (фр. – объятие) – название церемонии при приеме в рыцарский орден. После посвящения в рыцари гроссмейстер ордена или совершавший посвящение торжественно обнимал принимаемого, возлагая ему руки на шею (*ad collum*). Позднее это слово стало употребляться для обозначения всего акта рыцарского посвящения или принятия в рыцарский орден. (Примеч. пер.)

Сервы располагались на нижней ступени рабства. Все плоды их труда принадлежали хозяину, чью землю они обрабатывали и которого кормили и одевали.

Вилланы, по сравнению с сервами, находились в лучшем положении, которое в какой-то мере напоминает положение русских крестьян в настоящее время.⁴

Как и крепостные, вилланы были привязаны к земле и передавались вместе с землей в случае ее продажи, но за пользование землей они платили земельный налог (талью) и имели право распоряжаться излишками производимой ими продукции по собственному усмотрению.

Термин *клирик* имел широкое значение. Первоначально клириками называли только лиц, принадлежавших к церковнослужителям или священнослужителям, среди которых, однако, было много женатых мужчин, ремесленников и прочих категорий граждан. Но со временем термин стал приобретать все более широкое значение; любой, кто умел читать, причислялся к клирикам и пользовался привилегией, распространявшейся на духовенство, а именно в случае совершения преступления освобождался от смертной казни и некоторых других форм наказания.

Турниры

Великолепные театрализованные рыцарские турниры с яркой одеждой участников, красочной конской сбруей и рыцарский кодекс (свод рыцарских законов) зародились во Франции. Церковь неоднократно осуждала проведение турниров, возможно, потому, что они нередко превращались в кровавые побоища и приводили к смертельным исходам. Рыцарские поединки отличались от рыцарских турниров. На поединках рыцари использовали копья, и цель поединка заключалась в том, чтобы выбить противника из седла. В свою очередь, турниры проводились для того, чтобы рыцари могли продемонстрировать искусство владения различными видами оружия и верховой езды, при этом они должны были соблюдать установленные правила. К примеру, запрещалось ранить лошадей, наносить мечом колющие удары, нападать на противника, когда он поднял забрало. Во время турнира дамы подбадривали рыцарей, вручали призы, а мастерство победителей турниров становилось темой романов и песен. Трибунами для зрителей служили башни, террасы, галереи, висячие сады, ложи украшали дорогими тканями, гобеленами, цветами. Каждый из участников турнира объявлял имя дамы, чьим поклонником он являлся. Рыцарь имел обыкновение бросать взгляд на трибуну, где сидела дама сердца, и взгляд сияющих глаз, смотревших сверху, усиливал его храбрость. К шлемам, щитам или доспехам рыцари прикрепляли ленточки, вуали, браслеты, пряжки, проще говоря, детали женской одежды, полученной в знак благоволения от дамы сердца. Если во время поединка рыцарь ронял или терял этот подарок, очаровательная дарительница посылала рыцарю новый подарок, особенно если была довольна его поведением во время турнира.

Доспехи

Кольчуга, разновидностью которой был хауберк и получившая свое название от французского слова *maille* – «петля», «кольцо», была двух типов: пластинчатой, или чешуйчатой, и кольчатой. Поначалу кольчуга защищала только туловище, не опускаясь ниже колен. Она напоминала извозчиный кафтан, перепоясанный по талии. Позже появились кольчужные рукавицы, чулки и капюшон, который при необходимости натягивался на голову, оставляя открытым только лицо. Под кольчугу, чтобы не натирать кожу, надевалась стеганая рубаха (поддоспешник), которая, однако, полностью не решала проблему; избавиться от раздражения на коже помогала баня.

⁴ Следует помнить, что книга Т. Булфинча была опубликована в 1858 году. (Примеч. пер.)

Хауберк – кольчуга двойного плетения – покрывал тело полностью, с головы до пят. Некоторые хауберки надевались как современные пальто, другие через голову, как рубахи.

Кольчуга, состоявшая из металлических колец, скрепленных друг с другом, образовывала сетку. Кольца (по крайней мере, в некоторых случаях) были круглыми и отдельно заклепывались.

Хауберк защищал от самых сильных ударов мечом, но острое копье могло проникнуть сквозь кольца и вонзиться в тело. Для защиты от таких ударов под кольчугу надевали дуплет – куртку из плотной материи на стеганой подкладке, под которой обычно был металлический нагрудник – кираса. Отсюда столь обычное для средневековых поэтов выражение: «пробить пластину и кольчугу».

Кольчатая кольчуга использовалась примерно до XIV века, когда постепенно ее стала вытеснять пластинчатая кольчуга и доспехи, состоящие из стальных пластин, защищавшие отдельные части тела, так называемые латы.

Щиты, как правило, были деревянные, обтянутые кожей или каким-либо заменителем кожи. Для предохранения щитов от ударов меча на них были надеты металлические обручи.

Шлем

Шлем состоял из двух частей: головная часть, укрепленная изнутри несколькими металлическими полосами, и забрало, представлявшее собой решетку, через которую смотрел рыцарь. Забрало крепилось к шлему с помощью шарниров и, в зависимости от необходимости, легко поднималось или опускалось. Некоторые усовершенствованные шлемы имели вентиляционные отверстия.

В нескольких местах шлем крепился к хауберку, чтобы не сваливался, и его нельзя было бы сбить, поэтому, чтобы убить поверженного рыцаря, надо было сначала отстегнуть шлем. Правда, иногда удар наносился в живот под подол хауберка; орудием смерти был маленький кинжал, который носили на правом боку.

Романы

Во времена, когда не было книг, когда знать и даже правители не умели читать, истории и предания излагали рассказчики. Из поколения в поколение рассказчики передавали необыкновенные истории, в которые каждый последующий добавлял что-то от себя или сведения, полученные от других. Обычным явлением были, конечно, анахронизмы, ошибки, связанные с названием мест, географическим положением, обычаями и т. п. Сочинялись генеalogии, благодаря которым Артур и его рыцари, Карл Великий и его паладины вели происхождение от Энея, Эктора и других героев Троянской войны.

Что касается происхождения слова *роман*, то, по нашему мнению, оно появилось в языке, образовавшемся в Западной Европе из смеси латинского и местных языков и получившем название *романский язык*. Французский язык делился на два диалекта; разделительной границей использования диалектов служила река Луара. В провинциях, расположенных к югу от Луары, слово «да» выражалось словом *oc*, а в северных провинциях словом *oil*; отсюда Данте назвал южный диалект *langue d'oc*, а северный *langue d'oïl*. Нормандцы принесли в Англию северный диалект, который заложил основу современного французского языка; его можно назвать французским романским, в то время как южный диалект провансальским, или провансальским романским, поскольку на нем говорили в Провансе и Лангедоке, южных провинциях Франции.

Вскоре эти языки стали полностью отличаться друг от друга. Мягкий, расслабляющий климат, оживленная торговая деятельность, благодаря умению легко устанавливать связи с другими морскими странами, приток богатства и более прочная власть, возможно, способствовали совершенствованию провансальского диалекта, на котором сочиняли стихи трубадуры, средневековые поэты Южной Франции. Поэзия трубадуров оказала влияние на

многих итальянских поэтов, и особенно на Петрарку. Эта поэзия отличалась большим разнообразием жанров, таких как сирвенты⁵ (сатирические стихи), стихи о любви, тенсоны, своего рода поэтические диалоги двух поэтов, дискутирующих по вопросам любовной казуистики.

Провансальцы, похоже, были настолько поглощены обсуждением этих деликатных вопросов, что игнорировали и ни во что не ставили сочинение невероятных историй о приключениях и рыцарях; эту тему они отдали на откуп поэтам северной части королевства, так называемым труверам.

Нет ничего странного в том, что это было во времена, когда рыцарство вызывало всеобщее восхищение и все усилия рыцарей были направлены против врагов религии. Вполне естественно, что литература отражала чувства, испытываемые обществом, и что в поисках достойных подражания примеров храбрости и благочестия обращались к истории и преданиям. С этой целью были выбраны два героя – Артур и Карл Великий. Артур был храбрым, хотя и не всегда удачливым воином. Он со всей решимостью противостоял безбожникам, то есть саксам, и пользовался большим уважением соплеменников-бриттов, которые принесли с собой в Уэльс и родственную Арморику, или Бретань, истории о подвигах короля Артура, которые их национальное тщеславие преувеличивало до тех пор, пока Артур не превратился в завоевателя Англии, Галлии, большей части Европы. Мало-помалу его генеалогию проследили до мифического Брута и периода Троянской войны. Эта так называемая хроника была написана на уэльском, или армориканском, языке, и примерно в 1150 году, переведенная на латынь Гальфридом Монмутским, вышла под помпезным названием «История королей Британии». Уэльские исследователи полагают, что материалом для этой работы послужила история, написанная в VII веке святым Талианом, настоятелем собора Святого Асафа.

Что касается Карла Великого, то, хотя его заслуги были достаточны, чтобы обеспечить ему бессмертие, *священные войны* с сарацинами не могли не стать излюбленной темой беллетристов. Вымышленная история этих войн была написана, по всей видимости, в конце XI столетия монахом, который считал, что его сочинение только выиграет, если его приписать Турпену, который был архиепископом в Реймсе примерно в 773 году.

Эти вымышленные хроники были на какое-то время доступны только профессионалам. Возможно, сочинения Турпена и Гальфрида читали священнослужители, единственные, кто в те времена владел латынью, но их труды никогда не получили бы широкой известности, если бы не были переведены на какой-нибудь распространенный язык. В то время на англосаксонском языке говорили только покоренные народы и рабы. Еще не было испанского и итальянского языков. В большей части Европы знать говорила на нормандском диалекте французского языка, поэтому он был подходящим средством для распространения новой формы литературного сочинения.

Это был светский язык в Англии до завоевания ее нормандцами и затем стал единственным языком, на котором говорили при дворе в Лондоне. Как завоевания нормандцев и восхищение доблестью их выдающихся личностей захватили воображение людей, так и нормандские поэты с невероятным энтузиазмом восприняли поразительные легенды об Артуре и Карле Великом и перевели их на современный язык. Приключения, приписываемые этим монархам и их доблестным воинам, а также многим другим реальным и вымышленным героям, привело к появлению огромного количества удивительных легенд,

⁵ Сирвенты (прованс. *sirventes* – «служебная песня»). Сирвенты отличались своей социальной, иногда сатирической заостренностью; под пером некоторых трубадуров они превращались в агитационные произведения, нередко в памфлеты. Лучший и известнейший из авторов сирвент – Бертран де Борн, один из политических деятелей провансальской военной аристократии, сам принимавший участие в феодальных усобицах на юге Франции, в военной расправе из-за владений в Провансе, возникшей между сыновьями английского короля Генриха II – Ричардом Львиное Сердце и Генрихом, по прозвищу Молодой Король. Сирвенты служили Бертрону де Борну одним из средств феодальной борьбы. (Примеч. пер.)

которые, по названию языка, на котором были написаны самые древние из них, стали называться рыцарскими романами.

Романы в стихах

Самые ранние романы появились в виде так называемых грубых, необработанных стихов, и в этом виде их пели и декламировали на княжеских и рыцарских пирах. Следующим этапом стал язык и слог Роберта де Бовэ, достигшего популярности в 1257 году, которого цитирует Вальтер Скотт во вступлении к «Роману о сэре Тристреме» (Тристреме):

Я не берусь всех мнений передать,
Их множество – и устных и писаний —
У тех, кто любит все поминать
Истории о доблестном Тристреме.

Это пример языка, которым пользовалась английская знать в эпоху, наступившую за Нормандским завоеванием. Следом приводится пример английского языка, на котором в то время говорили простолюдины. Роберт де Брюн, говоря о своем знании латыни и французского языка, пишет:

Все, что услышал или прочел,
Я на простой инглис перевел.
Теперь и жизнь, и смерть мне близки
И их переборовший человек...
О том, увы, не рассказать вовек
На этом странном языке английском.

Этот «странный английский» был языком, на котором написано предыдущее четверостишие.⁶

Только к концу XIII столетия стали появляться романы в прозе. Эти сочинения, как правило, начинались с дискредитации источников, из которых в действительности авторы черпали информацию. Поскольку подразумевалось, что в основе любого романа лежит реальная история, их составители лишились бы всяческого доверия, если бы признались, что всего лишь переписывают созданные ранее произведения. Наоборот, они обычно заявляли, что, поскольку народные поэмы содержат много «заимствований», им приходится переводить правдивые истории реальных рыцарей с латыни, греческого, с древнеанглийского или армориканского; эти источники существовали только в их воображении.

Приведенный ниже отрывок одного из последних и наиболее известных романов Томаса Мэлори «Смерть Артура», написанного в 1485 году, подходит в качестве примера стиля написания прозаического романа. Сочинение Мэлори легло в основу большей части этой книги, при этом мы старались, максимально сохранив оригинальный стиль, создать произведение с учетом вкусов современных читателей.

«Ибо по всему вселенскому миру известно каждому, что всего на свете было девять лучших и достойнейших, и это: три язычника, три иудея и три мужа-христианина. Что до

⁶ Такого рода искажения были отмечены очень давно, и читатель найдет любопытный тому пример во вступлении к стихотворному «Роману о сэре Тристреме». Роберт де Брюн жалуется, что «Роман о сэре Тристреме» был бы лучшим из всех, когда-либо сочиненных, если бы его можно было читать вслух в том виде, в каком он был создан автором – Томасом Эрсилдауном; однако он написан таким цветистым языком и таким сложным размером, что теряет все свои достоинства в устах обыкновенных менестрелей, которые чуть ли не в каждой строфе что-то пропускают в ущерб и смыслу, и ритму отрывка. (Примеч. пер.)

язычников, то они жили еще прежде воплощения Христова, имена же им были: Гектор Троянский, об коем повести существуют и в прозе и в стихах; второй – Александр Великий, третий же – Юлий Цезарь, римский император, об коем истории всякому ведомы и повсеместно имеются. А что до тех иудеев, также прежде воплощения Господа нашего бывших, то из них первый – это Иисус Навин, что вывел сынов Израиля в Землю обетованную, второй – Давид, царь Иерусалимский, а третий – Иуда Маккавей; и об них троих в Библии излагаются все их благородные дела и подвиги. Со времени же помянутого воплощения Божия было еще три благородных мужа-христианина, восславленные по вселенскому миру и введенные в число девятерых достойнейших и лучших, и из них первый – благородный Артур, чьи благородные деяния я намереваюсь описать в нижеследующей книге. Вторым был Шарлемань, он же Карл Великий, коего жизнеописания имеются во многих местах, и французским языком, и английским изложенные; третьим же, и последним, был Годафрей Болонский».

«Мабиногион»

Европейским литераторам и антикварам хорошо известно, что в крупных публичных библиотеках имеются объемистые рукописи романов и сказаний, некогда популярных, но с появлением печатных книг постепенно отошедших на второй план и преданных забвению; рукописи не печатались, и даже ученые редко пользовались ими. Но примерно полвека назад на рукописи вновь обратили внимание, и выяснилось, что старинные памятники содержат описания нравов, образа жизни и мышления. Часть рукописей отредактировали частные лица, такие как сэр Вальтер Скотт и поэт Роберт Саути;⁷ редактированием других рукописей занимались общества любителей древностей.

Круг читателей, которых заинтересовали бы эти публикации, был столь ограничен, что издатели не видели никакой выгоды от редактирования и издания этих рукописей. Таким образом, свет увидели только немногие рукописи. Существовали рукописи, которые считались интересными и ценными, но маловероятно, что они могли когда-либо появиться изданными на английском языке. К ним относятся уэльские народные сказания, известные как «Мабиногион», множественное число от слова «мабиноги» – сказание. Эти рукописи находились в Бодлейской библиотеке в Оксфорде и в других местах, но проблема заключалась в том, что для издания рукописей сложно было найти переводчиков и редакторов. Ученые, если только они не являются уроженцами Уэльса, не знают валлийского языка, на котором говорят крестьяне Уэльса. Среди немногочисленных уэльских ученых не удалось найти ни одного, кто бы захотел ознакомить с этими легендами англоязычную публику. Саути, Скотт и некоторые другие авторы, увлекавшиеся древними романтическими сказаниями об Уэльсе, пытались убедить валлийских литераторов в необходимости возродить «Мабиногион». В предисловии к изданной им книге «Смерть Артура» Саути пишет: «Работы, которые я видел, чрезвычайно любопытны, и вряд ли имеется что-то более недостающее британской литературе, чем издание этих сказаний, в оригинале, с комментариями, которые никто не сделает лучше мистера Дэвиса. Безусловно, большая часть историй о Круглом столе возникла в Уэльсе, или в Бретани, и там их, по всей видимости, можно до сих пор найти».

Кроме того, в письме сэру Чарльзу В.В. Винну, датированном 1819 годом, Саути

⁷ Саути Роберт (1774–1843) – английский поэт, литератор из ближайшего окружения У. Вордсворта и С.Т. Колриджа. В 1796 году Саути приобрел известность, издав поэму «Жанна д'Арк». Начав изучать право в 1797 году, скоро охладел к профессии юриста и занялся литературным трудом. Со временем он перешел к прозе – историческим сочинениям и биографиям; лучшей среди них была восторженно принятая современниками «Жизнь Нельсона». Главным источником заработка для Саути была литературная критика. При жизни Саути выпустил 55 книг. В 1813 году он стал поэтом-лауреатом. Саути отказался от титула баронета в 1835 году, но принял выхлопотанную для него пенсию в 300 фунтов. (Примеч. пер.)

признается: «Я почти отчаялся когда-либо увидеть что-нибудь еще из „Мабиногиона“, однако если удастся найти знающего валлийца, способного грамотно отредактировать, насколько можно ближе к оригиналу, то я уверен, что его („Мабиногион“) можно будет издать по подписке небольшим тиражом, установив высокую цену, предположим двести экземпляров по пять гиней каждый. По такой цене я бы и сам с удовольствием подписался на книгу, в которую вошли бы ваши оригинальные произведения в прозе и стихах».

Шерон Тернер⁸ и сэр Вальтер Скотт тоже выражали желание опубликовать уэльские рукописи.

Вальтер Скотт предпринял попытку с помощью валлийца мистера Оуэна осуществить издание рукописей, но попытка не удалась, поскольку, по словам Саути, Оуэн плохо владел английским языком. «Уильям Оуэн передал мне три части „Мабиногиона“, восхитительно переведенного с применением валлийских идиом и синтаксических оборотов, так что этот перевод является не только содержательным, но и оригинальным», – пишет Саути. В другом письме он добавляет: «Пусть Шерон приведет его в соответствие с правилами грамматики, но оставит идиомы без малейших изменений».

Возможно, мистеру Оуэну не удалось осуществить задуманное, поскольку выполненная в таком виде книга едва ли могла рассчитывать на широкую аудиторию. Должен был появиться человек, обладавший хорошим знанием двух языков, энтузиазмом, необходимым для решения поставленной задачи, и средствами, дающими возможность оставаться независимым от книготорговцев и читателей; только в этом случае подобная книга могла выйти в свет. И этим человеком, после Саути и Скотта, стала леди Шарлотта Гест, англичанка. Выйдя замуж за состоятельного человека из Уэльса, Шарлотта выучила валлийский язык и, изучив литературные сокровища Уэльса, пришла в такой восторг, что перевела валлийские легенды и представила на суд английского читателя книгу, великолепно украшенную, благодаря стараниям иллюстратора и гравера. В книге, открывшей читателям «Мабиногион», содержались уэльские оригиналы, перевод и множество иллюстраций из литературы на французском, немецком и других языках. Бесценное сокровище для антикваров, языковедов и этнологов, такого рода книга едва ли способна завоевать народное признание. Наша заслуга состоит лишь в том, что мы попытаемся ознакомить наших читателей с этим произведением, отобрав самые интересные места и сохранив стиль, в котором леди Гест изложила легенды. Мы надеемся, что читатели по достоинству оценят наши старания облегчить им восприятие этого непростого материала.

Глава 1

МИФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АНГЛИИ

Согласно древним легендам, великан Альбион, сын Нептуна и современник Геракла, правил островом, которому дал свое имя. Пытаясь помешать продвижению Геракла на запад, Альбион, предположительно, был убит Гераклом.

По другой легенде, у Яфета, сына Ноя, был сын Гистион, который, в свою очередь, имел четверых сыновей – Франка, Романа, Алемана и Брито, от которых соответственно пошли французы, романцы, германцы и британцы.

Отвергая эти и подобные легенды, Мильтон обращает внимание на рассказы о троянце Бруте, которые, по его мнению, подтверждаются «родословной, прослеживаемой на протяжении длительного времени, обычаями и подвигами, по общему мнению, ниоткуда не заимствованными и невыдуманскими, и производят сильное впечатление; многие разделяют это мнение, и только немногие не соглашаются с ним». Основным источником была история, написанная в XII веке Гальфридом Монмутским, которая объясняла историю Британии,

⁸ Тернер Шерон (1768–1847) – английский историк. Работы Тернера составлены по источникам и отличаются глубиной понимания, но лишены оригинальности и написаны бледным языком. (Примеч. пер.)

пришедшую из Франции, точнее, из Бретани, в основном заселенной выходцами из Британии, время от времени эмигрировавшими сюда из-за частых нашествий пиктов и скоттов. Согласно Гальфриду Монмутскому, Брут был сыном Сильвия, который, в свою очередь, был сыном Аскания, чьим отцом был Эней. О бегстве Энея из Трои в Италию рассказано в книге «Эпоха легенд» («The Age of Fable»).

Во время охоты пятнадцатилетний Брут случайно застрелил своего отца из лука. Изгнанный возмущенной родней из Италии, Брут нашел убежище в той части Греции, куда привезли Гелена с группой троянцев. К тому времени Гелен уже умер, а потомки троянцев томились под властью греческого царя Пандраса. Благодаря доблести и искусному владению оружием Брут завоевал уважение всех жителей острова, занимавших видное положение, и в особенности сверстников. Увидев это, троянцы стали не только питать надежду на освобождение, но и уговаривать его возглавить поход для достижения долгожданной свободы. Троянцы даже заручились поддержкой Ассарака, благородного греческого юноши, матерью которого была троянка. Ассарак, пострадавший от несправедливости греческого царя, был готов разделить судьбу с троянскими изгнанниками.

Выбрав удобный момент, Брут с троянцами ушел в поросшие лесами горы, посчитав это самым безопасным местом, откуда и отправил Пандрасу послание.

– Пандраса, царя греков, приветствует Брут, вождь последних уцелевших троянцев. Так как было жестокой несправедливостью обращаться в царстве твоём с народом, происходящим от преславного колена Дарданова, по-иному, чем того требовала ничем не запятнанная знатность его, он укрылся в лесной глуши. Он предпочел кормиться, подобно зверям, мясом и травами, наслаждаясь свободой, чем, ублажая себя всевозможными яствами, оставаться и впредь поработленным тобою. Если сказанное оскорбляет величие твоей мощи, то вину за это нельзя возлагать на нас, – напротив, нас должно понять и простить, ибо всякому узнику свойственно стремление возратить себе бывшее достоинство. Итак, проникшись к нам милосердием, сообрази даровать нам утраченную свободу и дозвожь, чтобы мы обитали в лесах, которые заняли, желая сбросить с себя ярмо рабства. В противном случае снизойди хотя бы к тому, чтобы мы с твоего позволения беспрепятственно удалились к чужеземным народам.⁹

Пандрас, не ожидавший такого смелого поступка со стороны сыновей взятых в рабство троянцев, собрал войско, какое смог, и отправился в погоню за беглецами. Они встретились на берегу реки Ахелой, где Брут добился преимущества и захватил царя в плен. В результате все выставленные троянцами требования были выполнены. Царь отдал свою дочь Имогену (Инногену) в жены Бруту и предоставил троянцам корабли, золото, серебро и провиант, чтобы они могли покинуть его землю.

После того как отпраздновали свадьбу, троянцы на более чем трехстах кораблях вышли в море. На третий день плавания они пристали к острову, на котором не обнаружили ни одного жителя. Среди руин, оставшихся от человеческого жилья, троянцы нашли храм богини Дианы.

Стоя у жертвенника богини и держа в правой руке священную чашу, полную вина и крови белоснежной оленихи, Брут, подняв лицо к изваянию божества, нарушил молчание следующими словами:

Дебрей богиня лесных, вепрей дубравных погибель,
Коей открыты пути в темных просторах небес,
В безднах подземных миров! Открой нам судьбы изволение:
В землях каких обитать ныне ты нам повелишь?
Место такое назначь, где вечно чтить тебя будут,
Дев хороводы ходить будут вокруг храмов твоих.

⁹ Гальфрид Монмутский. История бриттов. Перевод с латинского А. Бобовича. (Примеч. пер.)

Повторив это девять раз кряду, он четырежды обошел вокруг алтаря, вылив вино из чаши в огонь, после чего возлег на шкуре оленихи, разостлав ее у подножия алтаря. Затем, уступив одолевшей его дремоте, он наконец уснул. Шел третий ночной час, когда смертных сковывает целительный сон. И Бруту привиделось, будто богиня стоит перед ним и вещает:

Там, где солнца закат, о Брут, за царствами галлов,
Средь Океана лежит остров, водой окружен.
Остров тот средь зыбей гигантами был обитаем,
Пуст он ныне и ждет, чтоб заселили его
Люди твои; поспеши – и незыблемой станет твердыней,
Трою вторую в нем дети твои обретут.
Здесь от потомков твоих народятся цари, и подвластен
Будет этим царям круг весь земной и морской.¹⁰

Брут, действуя теперь, как он полагал, согласно божественному предначертанию, поспешил отправиться на запад и на побережье Тирренского моря встретил потомков троянских изгнанников, бежавших вместе с Антенором из Трои в Италию, вождем которых был Кориней. Брут и Кориней решили объединиться, и корабли опять вышли в море. Они плыли до тех пор, пока не достигли реки Луары. Там они причалили к берегу, осмотрелись и решили основать поселение, но, подвергшись яростному нападению со стороны местных жителей, опять снялись с якоря. Вскоре они достигли побережья Великобритании в той его части, которая теперь относится к графству Девоншир. Брут понял, что это конечный пункт его долгого путешествия, высадил на берег людей и захватил эту землю.

На острове, который назывался еще не Британией, а Альбионом, суровом и почти безлюдном, жили только несколько оставшихся представителей племени гигантов, уничтоживших благодаря своей невероятной силе и жестокости остальных обитателей острова. Вступив с гигантами в борьбу, троянцы убили их. В битвах особенно отличился Кориней, чьим именем – Корнуолл – назвали часть острова, доставшуюся ему по жребию, на которой жили самые огромные великаны, скрывавшиеся в скалах и пещерах, пока Кориней не уничтожил их.

Брут построил столицу и назвал ее Новой Троей; со временем город изменил название на Триновант. Теперь он называется Лондон.¹¹

Брут правил островом в течение двадцати четырех лет. После смерти Брута его сыновья – Локрин, Альбанакт и Камбер (Камбр) – поделили владения отца. Локрину досталась средняя часть, Камберу – западная, получившая по его имени название Камбрия, а Альбанакту – Альбания, современная Шотландия. Локрин женился на Гвендолен, дочери Кориней, но однажды, увидев прекрасную девушку по имени Эстрильда, пленницу, привезенную из Германии, влюбился в нее, и у них родилась дочь, которую назвали Сабра. История держалась в секрете, пока был жив Кориней, но после его смерти Локрин развелся с Гвендолен и сделал Эстрильду своей королевой. Гвендолен, вне себя от гнева, отправилась в Корнуолл, где жил ее сын Мадан, воспитанный дедом Коринеем. Собрав армию из друзей и подданных отца, она вступила в сражение с армией мужа, во время которого Локрин был убит. Гвендолен приказала бросить свою соперницу Эстрильду и ее дочь Сабру в реку,

¹⁰ Гальфрид Монмутский. История бриттов. Перевод с латинского А. Бобовича. (Примеч. пер.)

названную с этого времени по имени девушки. Со временем название реки изменилось на Сабрину или Северн. Мильтон, обращаясь к реке, называет ее «быстрым Северном, виновным в смерти девы».

Если наши читатели спросят, когда происходили эти события, то мы будем вынуждены ответить, что, во-первых, мифология не придерживается точных дат, а во-вторых, поскольку Брут был правнуком Энея, это должно было происходить не позже чем через сто лет после Троянской войны, или примерно за одиннадцать веков до вторжения на остров Юлия Цезаря. Этот долгий период заполнен именами королей, постоянно воевавших друг с другом. Мы упомянем лишь тех, чьи имена связаны с конкретными местами или сохранились в литературных произведениях.

Бладуд

Бладуд построил город Бат и препоручил покровительство лечебных вод богине Минерве.¹²

Бладуд, человек очень изобретательный, владевший искусством магии, сконструировал крылья. Решив испытать свое изобретение, он попытался перелететь через стену храма Аполлона в Тринованте, но упал на землю и разбился. Так закончилось его двадцатилетнее правление.

Леир

Леир, правивший после Бладуда, построил город Лейкестер, назвав его своим именем. У него не было сыновей, а только три дочери. Состарившись, он решил поделить свое королевство между дочерьми, преподнеся каждой выделенную ей часть в качестве свадебного подарка. Но для начала, желая узнать, какая из дочерей любит его больше, решил спросить их под присягой, чтобы по ответу понять, кто испытывает к нему самые теплые чувства. Старшая дочь Гонерил, хорошо зная отцовские слабости, сказала, что души в нем не чает. «Поскольку ты с таким уважением относишься к моему преклонному возрасту, тебе и твоему мужу я отдаю третью часть своего королевства», – сказал старик. Такой щедрый подарок за несколько слов, произнесенных без долгих раздумий, подсказал второй дочери, Реган, что следует ответить отцу, и на тот же вопрос она ответила, что любит отца больше всего на свете. В результате получила такую же часть королевства, что и старшая сестра. А вот Корделла, младшая из сестер и до этого самая любимая дочь, слишком честная для того, чтобы выражать словами больше, чем чувствует сердце, дала по-настоящему искренний ответ. «Отец, я люблю тебя, как велит мне дочерний долг. Те, кто говорят, что любят тебя больше, просто льстят тебе», – сказала Корделла. Старик, огорченный услышанным, несколько раз повторил свой вопрос, но она неизменно отвечала, что говорит правду, и только правду. Тогда Леир, разгневавшись, вскричал: «Поскольку ты не уважаешь своего престарелого отца так, как твои сестры, не надейся получить от меня какую-нибудь часть королевства и того, чем я владею». Леир не мешкая выдал замуж двух старших дочерей – Гонерил за герцога Альбанского, а Реган за герцога Корнуолльского – и поделил королевство между ними. Бесприданница Корделла вышла замуж за французского принца, который вскоре унаследовал трон отца.

Король Леир пришел жить к старшей дочери в сопровождении всего сотни рыцарей. Но вскоре Гонерил, недовольная слишком многочисленной свитой отца, сократила ее до тридцати человек. Оскорбленный король отправился к средней дочери, но она, вместо того

¹² Согласно легенде, Бладуд однажды набрел на источник с теплой грязью. Свиньи, валяясь в ней, избавлялись от кожных болезней. Бладуд погрузился в эту грязь, а когда выбрался, обнаружил, что исцелился от проказы. На этом месте Бладуд основал город Кайрбадум (современный Бат), прославившийся своими минеральными источниками и лечебными грязями. (Примеч. пер.)

чтобы успокоить его раненое самолюбие, приняла сторону сестры и отказалась принять его со свитой, превышающей пять человек. Тогда Леир вернулся к старшей дочери, но та заявила, что примет его только с одним слугой. Тут король вспомнил о Корделле и отправился в поисках младшей дочери во Францию, не слишком надеясь на любезный прием после нанесенной им обиды. Но Леир хотел увидеть свою дочь, чтобы напоследок признаться, что был несправедлив по отношению к ней. Когда Корделле сообщили о приближении Леира и о его ужасном состоянии, она искренне расплакалась. Не желая, чтобы отец выглядел жалким в ее глазах и глазах других людей, она поручила одному из особо доверенных слуг встретить ее отца, тайно препроводить в удобное убежище и обеспечить всем подходящим его положению. И только после этого Корделла с мужем-королем отправились на встречу с Леиром и, после достойного приема, с позволения мужа отправилась с армией, чтобы добиться возвращения отца на трон. Удача сопутствовала Корделле. Она одержала победу над подлыми сестрами и их мужьями. Леир вернул корону и правил еще три года. Корделла унаследовала трон и правила в течение пяти лет, когда сыновья ее сестер восстали, и она потеряла и корону, и жизнь.

Шекспир взял эту историю за основу своей трагедии о короле Лире, несколько изменив отдельные детали.¹³

Основными отличиями являются безумие Лира, неудачная попытка Корделии вернуть отцу трон и изменения в именах героев трагедии. Наше повествование основывается на «Истории» Мильтона, таким образом, читатель получает возможность сравнить истории Лира, рассказанные двумя признанными мастерами английской литературы.

Феррекс и Поррекс

Братья Феррекс и Поррекс унаследовали королевство после Леира. Между ними разгорелся спор, кому наследовать отцовское королевство. Поррекс изгнал брата, который, получив поддержку Суарда, короля франков, вернулся и вступил в бой с братом. Феррекс погиб в бою, а его воины разбежались. Когда мать узнала о смерти сына, который был ее любимцем, она пришла в ярость и затаила смертельную ненависть к оставшемуся в живых сыну. Однажды, когда Поррекс спал, она, воспользовавшись возможностью, напала на него и с помощью служанок разорвала сына на части. Эта страшная история не заслуживала бы упоминания, если бы не тот факт, что она послужила сюжетом первой трагедии, написанной на английском языке. В первом издании трагедия называлась «Горбодук»,¹⁴ а во втором «Феррекс и Поррекс».

Трагедия, написанная Томасом Сэквилем, впоследствии графом Дорсетским, и барристером Томасом Нортонем, увидела свет в 1561 году.

Дунвалло Мольмуций

Еще одно заслуживающее упоминания имя. Он издал законы, известные как «Законы Мольмуция», согласно которым храмам давалась привилегия предоставления убежища; подобное же право давалось дорогам, ведущим к этим храмам, и полям, вспаханным плугом земледельца. Шекспир упоминает Мольмуция в пьесе «Цимбелин», акт III, сцена 1.

...Нам дал закон Мольмуций!..

¹³ Напечатанная в 1605 году анонимная пьеса «Истинная история о короле Леире и его трех дочерях Гонерилле, Регане и Корделле» считается одним из источников шекспировской трагедии. (Шекспир В. Избранные произведения / Пер. под ред. М.П. Алексеева и А.А. Смирнова. М.; Л.: Гослитиздат, 1950.) (Примеч. пер.)

¹⁴ Горбодук – отец Феррекса и Поррекса. (Примеч. пер.)

Он первым был британцем, на чело
Надевшим золотой венец и титул
Принявшим короля.¹⁵

Бренн и Беллин

Бренн и Беллин – сыновья Мольмуция, его преемники на троне. Возникшие между братьями ссоры привели к тому, что Бренн был изгнан с острова. Он нашел прибежище в Галлии, где снискал такое расположение короля аллоброгов, что тот выдал на него свою дочь и сделал соправителем. Римские историки называли Бренном знаменитого предводителя галлов, захвативших Рим во времена Камилла. Гальфрид Монмутский приписывает славу захвата Рима сыну Мольмуция Бренну, после того как он стал королем аллоброгов.

Элидур

После Беллина и Бренна правили несколько королей, ничем себя не прославивших, а после них правил Элидур. Его брат Артгаллон, будучи королем, нанес серьезную обиду могущественной знати, которая восстала против него, свергла и возвела на трон Элидура. Артгаллон сбежал, надеясь найти поддержку в соседних королевствах, но все его попытки оказались тщетны. Элидур был мудрым и успешным правителем. Он правил уже пять лет, когда случайно во время охоты встретил в лесу своего брата Артгаллона. После долгих странствий тот впал в такую бедность, что больше не мог терпеть, и решил вернуться в Британию в сопровождении всего десяти спутников в надежде восстановить отношения с теми, кого раньше считал своими друзьями. Увидев брата, Элидур тут же забыл старую вражду, подбежал и обнял его. Он привез Артгаллона с собой и спрятал во дворце. После этого Элидур сказался больным, созвал знать и, воздействуя – на одних силой, на других уговорами, – заставил согласиться с его отречением и восстановлением Артгаллона на престоле. Достигнув соглашения, Элидур снял корону со своей головы и возложил ее на голову брата. После этого Артгаллон правил на протяжении десяти лет мудро, успешно и справедливо.

После смерти Артгаллона королевство перешло его сыновьям, которые управляли в меру способностей, но жили недолго и не оставили потомства, поэтому Элидур опять взошел на трон. Свою жизнь, наполненную справедливыми и добродетельными поступками, за что получил прозвище Добродетельный, любовь и поклонение подданных, Элидур закончил королем.

Вордсворт использовал историю Артегаля (Артгаллона) и Элидура в качестве сюжета для поэмы из цикла «Poems founded on the Affections» («Стихи, основанные на любви»).

Луд

После Элидура в хрониках упоминается много королей, ни один из которых не оставил заметного следа. И вот наконец доходим до Луда, который значительно расширил столицу королевства Триновант и окружил ее мощными крепостными стенами. Он изменил название города, дав ему свое имя, и отныне город стал называться городом Луда, впоследствии Лондон. Луд был похоронен у городских ворот, получивших после его смерти название Лудские ворота. У Луда было два сына, но на момент смерти отца они были несовершеннолетними, поэтому заботы по управлению государством легли на плечи их дяди, брата Луда, Касваллауна, или Кассибеллауна, которого возвели на трон. Он был

¹⁵ Перевод В. Шершеневича.

храбрым и щедрым правителем, и слава о нем разнеслась по всему государству.

Кассибеллаун

Примерно в это же время (как сообщают римские источники) Юлий Цезарь, покорив Галлию, пристал к берегам Британии. Решив добавить остров к своим завоеваниям, он подготовил свой флот, погрузил армию на корабли и переправил через море в устье Темзы. Там во главе войска его встретил Кассибеллаун. Во время сражения Ненний, брат Кассибеллауна, сошелся в поединке с Цезарем. Противники успели обменяться несколькими ударами, когда меч Цезаря неожиданно вонзился в щит Ненния и застрял в нем. Поскольку набежавшие отовсюду воины помешали противникам в сумятице общего боя продолжить единоборство, римскому полководцу не удалось извлечь свой меч из щита, и Ненний стал обладателем этого трофея. Приближался вечер, и после нескольких стремительных атак бриттов Цезарь был вынужден отступить в лагерь. Поняв всю бессмысленность продолжения военных действий, он вернулся в Галлию.

Шекспир упоминает Кассибеллауна в «Цимбелине».
Судьба смеялась, и Кассибелан
Меч Цезаря готов был захватить,
Потешными огнями осветил
Он город Люду, мужество вселяя
В британские сердца.¹⁶

Кимбелин, или Цимбелин

Во время второго вторжения на остров Цезарь был более удачлив и заставил бриттов платить дань. Добросовестно соблюдая условия договора, бритты отправили Кимбелина, племянника короля, римлянам в качестве заложника. Цезарь привез его в Рим, где Кимбелин преуспел в изучении наук и ознакомился с достижениями, которых добилась Римская империя. Позже, вернувшись в свою страну и вступив на престол, Кимбелин продолжал поддерживать дружбу с римлянами и сохранял с ними мир в течение всего правления. Его сыновья, Гвидерий и Арвираг, которые появляются в пьесе Шекспира «Цимбелин», наследовали трон после смерти отца и, отказавшись платить дань римлянам, спровоцировали очередное вторжение. Гвидерий был убит, а Арвираг, заключив договор с римлянами, успешно правил на протяжении многих лет.

Арморика

Следующим заслуживающим упоминания событием является завоевание и колонизация Арморики Максимом, римским военачальником, и Конаном, правителем Миниадока (Мериадока), в Уэльсе. Страна стала называться Бретань, или Малая Британия. Она была так густо заселена колонистами-бриттами, что их язык ассимилировался с языком, на котором говорили в Уэльсе, и по сей день крестьяне этих двух стран, говорящие на родном языке, понимают друг друга.

В конце концов римлянам удалось закрепиться на острове, и через несколько поколений они настолько смешались с местным населением, что между ними уже не существовало никаких различий. Когда римлянам все-таки пришлось вывести свои войска из Британии, их уход вызвал сожаление у местных жителей, поскольку лишал защиты от

¹⁶ Перевод В. Шершеневича.

нападения варварских племен скоттов, пиктов и норвегов, регулярно совершавших набеги на страну. Таким было положение накануне эпохи короля Артура.

Спенсер упоминает о битве гиганта Альбиона с Геркулесом в «Королеве фей» (книга IV, песнь IX).

Наш Альбион – Нептуна сын, и он
Могуч и силой равен полубогу,
Как молодой медведь свою берлогу,
Покинул он Туманный Альбион
И в Галлию прекрасную спешит,
Чтоб там в борьбе со славою Геракла
Бессмертие сыскать на поле ратном,
Где, полусмертный, вскоре и убит.

Глава 2 АРТУР

Мы начнем историю короля Артура с сообщения подробных сведений о его жизни, которые основываются на исторических свидетельствах, а затем перейдем к пересказу тех легенд о нем, которые относятся к самому раннему периоду британской литературы.

Артур был вождем племени бриттов, называвшихся силурами и живших в Южном Уэльсе. Он был сыном Утера, названного Пендрагоном. Пендрагон – это не имя, а титул, данный правителю, который ставил его выше многих британских королей. По всей видимости, его военная карьера началась примерно в 500 году, а титул Пендрагон он получил лет десять спустя. По сведениям, он одержал двенадцать побед над саксами. Самой важной из них была победа у горы Бадон; некоторые авторы полагают, что это возвышенность возле города Бат, а некоторые связывают ее с Беркширом. Это последнее из его сражений оказалось столь впечатляющим, что саксы не досаждали Артуру, и он спокойно правил на протяжении двадцати лет до восстания его племянника Модреда, которое привело к знаменитой битве при Камлане в 542 году. Модред был убит, а смертельно раненный Артур переправлен морем в Гластонбери, где умер и был похоронен. Предания сохранили упоминание о месте его погребения в аббатстве Гластонбери. Об этом свидетельствует Гиралдус Камбрензис,¹⁷ который присутствовал на вскрытии могилы Артура по приказу короля Генриха II и видел кости, меч монарха и свинцовый крест, установленный на надгробии, надпись на котором гласила: «Здесь на острове Аваллон¹⁸ покоится прославленный король Артур».

¹⁷ «Итинизэриум Камбриаэ» – книга, написанная нормандско-валлийским хронистом и клириком Гиралдусом Камбрензисом после его путешествия по Уэльсу в 1188 году вместе с архиепископом Кентерберийским. Эта книга – важный источник для изучения валлийских легенд, ибо автор, не утруждая себя разбором, записывал буквально все, что слышал от местных жителей. (Примеч. пер.)

¹⁸ Аваллон (от *abal* (ирл.) и *afal* (валлийск.) – «яблоко») – в кельтской мифологии «остров блаженных», потусторонний мир, чаще всего помещавшийся на далеких «западных островах». Слово «Аваллон» первоначально встречается как имя собственное в валлийских генеалогиях применительно к мифическому предку древнейших династий Британии. Из валлийских источников его заимствовал Гальфрид Монмаутский, употребляя название «остров Аваллона» (лат. *insula Avallonis*) как эквивалент названия «остров яблок». В средневековых ирландских текстах прилагательное «абблах» характеризует остров Мананнана, сына Лера, так что не исключена возможность валлийского заимствования из ирландской традиции. По преданию, на остров Аваллон после сражения при Камлане был перенесен феей Морганой смертельно раненный король Артур. В XII веке монастырские легенды связали локализацию Аваллона с Гластонберийским монастырем в Англии, близ уэльской границы, где будто бы была обнаружена могила Артура. (Примеч. пер.)

Эту историю в стихотворной форме пересказал Томас Вартон.¹⁹

В течение долгого времени среди бриттов бытовало предание, что Артур не умер, а был перевезен для исцеления от ран на волшебный остров, и он появится вновь, чтобы отомстить за соотечественников и восстановить их главенство в Британии. В оде Вартона бард рассказывает королю Генриху передаваемую из поколения в поколение историю смерти Артура, заканчивая ее следующим образом.

Противник-язычник напрасно
Ударом сбивает героя —
Фей королева укроет
Его покрывалом прекрасным
Небесно-лазурного цвета,
А духам прикажет в стеклянной карете
На остров зеленый доставить
Героя, уже на рассвете.
Росой аравийскою ранней
Она заживит его раны.
Закон королевского права —
Британии всей средоточье,
Вернутся скипетр и держава,
В согласии с древним пророчеством.
Всесущие в мире узнают о том,
Как рыцари правят за круглым столом.

Затем вступает второй бард, который рассказывает другую историю:

Когда же Артур главою своей
Листвы вдруг коснулся опалой —
Он не был покрыт королевою фей
Лазурным ее покрывалом.
И Мерлина магия, даже во сне,
Не сгладила жуткую драму...
Лишь воин суровый отвез на коне
Артура к Иосифа храму.²⁰

Священник отвесил последний поклон
С молитвой на скорбных устах,
Тень смерти в долину пришла Авалон
С свечой поминальной в руках.
Святая земля. Глубоко его дом,

¹⁹ Вартон Томас (1728–1790) – английский поэт, историк литературы. Сочинял оды, баллады, сонеты в духе Кольриджа. (Примеч. пер.)

²⁰ Считается, что аббатство Гластонбери основал Иосиф Аримафейский на месте, которое в древности называлось островом или долиной Авалона.

Теннисон в своем произведении «Дворец искусств» ссылается на легенду о спасении Артура королевой фей:

Утера сын, был тяжело ранен он,
И вот лежит на травах он, под древами,
Храним прекрасною долиной Авалон
И плачущими в скорби королевами. (Примеч. авт.)

Согласно заслугам – пред алтарем.

Не секрет, что некоторые историки отрицают сам факт существования Артура. Мильтон пишет: «Что касается Артура, более известного по балладам и романам, чем из правдивых историй, кем он был и правил ли когда-либо в Британии, то, как раньше это подвергалось сомнению, так будут сомневаться и в будущем, и не без оснований». Однако современные критики признают, что король с таким именем существовал, приводя в доказательство частые упоминания Артура в произведениях валлийских бардов. Но по мнению мистера Оуэна, валлийского ученого и антиквара, герой романов Артур мифическая личность. «Артур, – пишет он, – это Большая Медведица, как об этом говорит само имя (Арктос, Арктур), и, возможно, это созвездие, которое так близко расположено к полюсу и описывает видимый круг, является причиной возникновения знаменитого Круглого стола».

А теперь позвольте вернуться к истории короля Артура в изложении летописцев.

У Константа, короля Британии, было три сына – Моин, Амбросий, также носивший имя Утер, и Пендрагон. Моин вскоре после вступления на престол потерпел поражение от саксов из-за предательства своего сенешаля Вортигерна и, потеряв в связи с этим авторитет, был убит подданными, а предатель Вортигерн занял его место.

Но вскоре Вортигерн потерпел поражение от Утера и Пендрагона, оставшихся в живых братьев Моина, и на трон взойшел Пендрагон.

Этот король поверил в мудрость Мерлина и сделал его своим главным советником. Примерно в это же время разразилась жестокая война между саксами и бриттами. Мерлин потребовал, чтобы братья поклялись хранить верность друг другу, но предсказал, что один из них погибнет в первом же сражении. Саксы были разбиты. В битве погиб Пендрагон, и Утер занял место на троне, прибавив к своему имени титул Пендрагон.

Мерлин по-прежнему оставался доверенным советником короля. По просьбе Утера он перенес с помощью магического искусства огромные камни из Ирландии для сооружения гробницы Пендрагона. Сейчас это каменное сооружение под названием Стонхендж²¹ расположено в долине Солсбери.

Затем Мерлин отправился в Карлайл, где приготовил круглый стол, за которым собрал самых благородных представителей страны. Все, принятые в члены этого ордена, должны были дать клятву оказывать помощь друг другу, если их жизни будет угрожать опасность, предпринимать самые рискованные путешествия, вести, в случае необходимости, затворническую жизнь, братья за оружие по первому зову и не покидать поля боя, пока противник не будет побежден, если только не вмешается ночь и не разведет воюющие стороны.

Вскоре после этого события король пригласил всех баронов на большой праздник, который ежегодно проводился в Карлайле.

Поскольку рыцари получили разрешение явиться с дамами, то Горлой, герцог из замка Тинтагель, появился на празднике с женой, прекрасной Игерной. Король воспылал страстью к Игерне, но она не ответила на его чувства и все рассказала мужу. Выслушав жену, герцог, не попрощавшись с Утером, немедленно покинул двор вместе с Игерной. Король пожаловался на неучтивость подданного своему советнику, и они решили призвать Горлоя

²¹ Это удивительное каменное сооружение, воздвигнутое на юго-западе Англии, до сих пор является загадкой для ученых. Предполагают, что Стонхендж был построен между 1800 и 1400 годами до н. э. Его руины лежат на равнине Солсбери, в 130 км к юго-западу от Лондона. Камни сооружения не содержат никаких надписей, которые могли бы пролить свет на его предназначение. Некоторые ученые считают, что Стонхендж был построен для наблюдения за небом, другие – рассматривают это сооружение как место религиозного поклонения, третьи – утверждают, что камни служат своеобразным календарем для указания смены времен года. Стонхендж связывают и с космическими пришельцами. Каменные исполины вытесаны из долерита зеленовато-голубоватого оттенка. Каждый из камней, образующих на равнине Солсбери круг, достигает высоты 4–4,6 м и весит 27–45 тонн. Предполагают, что камни могли быть доставлены из Уэльса, находящегося на расстоянии около 400 км от Стонхенджа. (Примеч. пер.)

ко двору, а если он откажется приехать, объявить его бунтовщиком. Поскольку Горлой отказался выполнить приказ, король вторгся во владения своего вассала и осадил замок Тинтагель, в котором укрылся Горлой. Мерлин придал королю образ Горлая, и благодаря этому король мог встречаться с Игерной. В конце концов Горлой погиб во время сражения, и король женился на Игерне.

От этого брака родился Артур, сменивший на троне своего отца Утера.

Артура выбирают королем

Хотя Артуру на момент смерти отца было всего пятнадцать лет, в присутствии всей знати он был избран королем. Не обошлось без оппозиции: на трон претендовало много честолюбивых соперников. Однако епископ Брайс, отличавшийся исключительной набожностью, обратился в сочельник к высокому собранию с просьбой совершить в эти праздничные дни молитву о ниспослании знака, который бы указал на мнение Божественного провидения относительно будущего правителя. Его молитва была услышана. Сразу же по окончании службы у дверей церкви обнаружили камень, из которого торчал меч с надписью на рукояти: «Кто вытащит сей меч из камня, тот и есть по праву король Британии» («Кто вырвет клинок из железных теснин, / Тот законный Британии властелин»).

Епископ Брайс призвал присутствующих возблагодарить Всевышнего за ниспосланное чудо, а затем предложил считать королем бриттов того, кто сможет вытащить меч из камня. Его предложение встретило всеобщее одобрение. Короли, платившие дань Утеру, и самые известные рыцари по очереди испытывали свою силу, стремясь доказать право на трон, но волшебный меч не поддавался ничьим усилиям. Прошло Сретенье, затем Пасха и наступила Троица, когда лучшие рыцари королевства собирались на ежегодный турнир. Артур, который в то время служил в качестве оруженосца у своего молочного брата сэра Кая, сопровождал хозяина на турнир. Сэр Кай сражался отважно и весьма успешно, но во время поединка сломал меч и отправил Артура к матери за другим мечом. Артур поспешил домой, но матери дома не было. Проезжая мимо церкви, Артур увидел воткнутый в камень меч. Он с легкостью вытащил его из камня и доставил своему хозяину. Сэр Кай с готовностью принял меч, но, когда, чтобы рассеять возникшие сомнения, меч снова воткнули в камень, ни ему, ни кому-либо, кроме Артура, не удалось его вытащить. Таким образом Небеса явно указали, что королем должен стать Артур. По общему признанию его объявили королем, и был назначен день коронации.

Сразу после коронации Артур узнал, что против него выступили одиннадцать королей и один герцог, большая армия которых разбила лагерь в Рокингемском лесу. По совету Мерлина Артур направил посольство в Бретань, чтобы заручиться поддержкой двух лучших рыцарей, королей Бана и Бохорта. Они откликнулись на просьбу, мощной армией пересекли море и высадились в Портсмуте, где были встречены с огромной радостью. Армия мятежников имела численное превосходство, но Мерлин с помощью заклинания заставил одновременно обрушиться все шатры в лагере противника. Воспользовавшись замешательством, Артур с союзниками напали и уничтожили противника.

Нанеся поражение мятежникам, Артур выступил против саксов. В одиночку ему было не справиться, и он отправил послов с просьбой о помощи в Арморику к Гоэлю, который незамедлительно привел на помощь королю Артуру большую армию. Объединив силы, два короля отправились на поиски врага, нашли его и стали готовиться к решающему сражению. Как пишет Гальфрид Монмутский, «сам Артур, облаченный в достойную столь могущественного короля кольчугу, надевает на голову золотой шлем с изваянным на нем драконом, на плечи вешает щит, именуемый Придвеном, с изображенным на нем ликом Богоматери Девы Марии, который постоянно его призывал ни на мгновение не забывать о ней. Еще он препоясывает себя Калибурном, отличным мечом, изготовленным на острове Аваллон, и берет в десницу свою копье, которое называлось Рон, – копье это было длинным

и широким, удобным в схватках».²²

Артур, воззвав к Деве Марии, ворвался в гущу врагов и уничтожил огромное множество своим грозным Калибурном, а оставшихся обратил в бегство. Болезнь не позволила Гоэлю принять участие в этом сражении.

Эту битву у горы Бадон, окончившуюся победой Артура, историки считают реальным событием.

Подвиги, совершенные Артуром в битве у горы Бадон, воспеты в стихах Дрейтона.²³

Они пели, как он в этот день при Бадоне
Высоко держал честь бриттов.
Два дня упорно сражаясь, утопая в крови,
Достойный сын Пендрагона своей рукой поразил триста
саксов.

Песнь IV

Мерлин

Известнейший астролог тех времен,
Мерлин – во всех искусствах искушен.
Он королю открыл дорогу к благам,
Построив корабли, дворцы, причалы...
Народ считал его великим магом.

Мерлин, о котором мы уже немного рассказали, а расскажем еще больше, был сыном не простого смертного, а инкуба, одного из существ не то чтобы абсолютно злых, но и не добрых, населявших воздушную стихию. Мать Мерлина, благочестивая молодая женщина, родив сына, передала его священнику, который поспешно отнес ребенка к святому источнику и тем самым спас от участи отца. Однако Мерлин сохранил много признаков своего необычного происхождения.

В то время Британией правил Вортигерн. Он был узурпатором, убившим своего короля Моина и изгнавшим из страны двоих его братьев, Утера и Пендрагона. Вортигерн, живший в постоянном страхе, что вернутся законные наследники короля, приступил к строительству укрепленной башни. Трижды без видимой причины обрушивалась башня, возведенная до определенной высоты. Король обратился к астрологам, пытаясь выяснить причину этого странного явления, и узнал от них, что угловой камень сооружения необходимо омыть кровью ребенка, рожденного не от простого смертного.

На поиски такого ребенка Вортигерн направил гонцов во все концы королевства, и они случайно нашли Мерлина, происхождение которого не вызывало никаких сомнений. Мерлина привезли к королю, но он, несмотря на молодость, смог объяснить королю всю абсурдность попытки спасти башню таким способом. Истинная причина, по словам Мерлина, заключалась в том, что башню возводили над логовом двух огромных драконов, которые, борясь друг с другом, сотрясают землю. Король приказал строителям копать под башней, и вскоре они обнаружили двух огромных змеев – одного белого как молоко, а другого красного как пламя. Люди с изумлением воззрились на змеев, когда они вдруг стали медленно подниматься из логова и, вытянувшись во всю длину, вступили в бой. Толпа в

²² Гальфрид Монмутский. История бриттов. Перевод с латинского А. Бобовича. (Примеч. пер.)

²³ Дрейтон Майкл (1563–1631) – английский поэт и драматург. Автор сонетов и терцин. Стихотворное описание Англии в 30-ти томах «Полиальбион» (1612–1622). (Примеч. пер.)

страхе разбежалась, и только Мерлин остался на месте, хлопая в ладоши и подбадривая сражавшихся. Красный дракон был убит, а белый, скользя в расщелину в скале, исчез.

Эти твари, как потом объяснил Мерлин, олицетворяли вторжение Утера и Пендрагона, законных наследников трона, вскоре после этого события высадившихся на берег с большой армией. Вортигерн потерпел поражение и позже заживо сгорел в замке, строительство которого потребовало от него таких невероятных усилий. После смерти Вортигерна на трон взошел Пендрагон. Мерлин стал его главным советником и часто помогал королю, пользуясь своим волшебным даром. Помимо прочего, он мог по своему желанию принимать любой облик. Иногда он появлялся в образе карлика, иногда девицы, пажа и даже борзой и оленя. Эту способность он часто использовал, выполняя поручения короля или просто развлекая двор и своего суверена.

Мерлин был главным консультантом во время правления Пендрагона, Утера и Артура, но однажды исчез и уже никогда не появлялся среди людей из-за вероломства своей возлюбленной феи Вивианы.

Мерлин, очарованный прекрасной Вивианой, «озерной девой», не удержался и раскрыл ей тайны своего волшебства, тем самым приблизив смертный час, о котором ему уже было все известно. Однако Вивиане было недостаточно подобного проявления его преданности, и она, как написано в романе, «размышляла», как бы «удержать его навсегда». Однажды Вивиана обратилась к Мерлину с такими словами:

– Мне бы хотелось, чтобы мы с помощью колдовства создали такое прекрасное и удобное место, которое никогда нельзя было бы уничтожить и где мы жили бы в радости и спокойствии.

– Возлюбленная моя, – сказал Мерлин, – я сделаю то, что вы просите.

– Но я не хочу, чтобы вы делали это сами. Научите меня, и я сделаю все по своему усмотрению.

– Я научу вас, – согласился Мерлин.

Он рассказывал, а Вивиана записывала за ним. Когда Мерлин закончил рассказ, Вивиана пришла в неописуемый восторг и окружила его такой любовью, о которой он прежде и не подозревал. Долгое время они жили вместе. Как-то раз они гуляли по лесу и набрали на куст шиповника, который был усыпан цветами. Они сели в тени куста на траву, Мерлин положил голову на колени девушки и уснул. Тогда Вивиана встала, обвела своим платком круг, в центре которого оказались цветущий куст и Мерлин, и произнесла заклинания, которым ее научил волшебник. Она проделала эту процедуру девять раз, а потом опустила на траву и опять положила голову Мерлина на колени. Когда Мерлин проснулся и огляделся, он понял, что заключен в самую укрепленную башню в мире и лежит на роскошном ложе. Тогда Мерлин сказал Вивиан:

– Возлюбленная моя, вы обманули меня, если только не решили остаться со мной, поскольку никакая сила не сможет разрушить эту башню, кроме вас.

Вивиана пообещала, что будет часто навещать Мерлина. С тех пор Мерлин навсегда остался в башне, в которую его заточила возлюбленная, а Вивиана входила и выходила из нее, когда ей заблагорассудится.

После этого Мерлин никогда уже не разговаривал ни с кем из смертных, кроме Вивианы, за исключением одного случая. Артур, заметив, что Мерлин не появляется при дворе, отправил на его поиски нескольких рыцарей, и в их числе сэра Гавейна, с которым во время поисков произошел крайне неприятный случай. Он на что-то отвлекся и не поприветствовал даму; в ответ на неучтивое поведение она превратила Гавейна в отвратительного карлика. Проходя через лес и громко сетуя на злую судьбу, сэр Гавейн неожиданно услышал справа от себя чей-то стон. Взглядевшись туда, откуда послышался стон, он увидел что-то напоминающее сгусток воздуха, пройти сквозь который не смог. И тут из этого сгустка воздуха раздался голос Мерлина, который поведал сэру Гавейну, как случилось, что волшебник оказался заключен в эту воздушную тюрьму.

– О сэр! Вы никогда больше не увидите меня, и это меня печалит, но я ничего не могу

исправить. Я никогда больше не смогу поговорить с вами или с кем-либо другим, кроме своей возлюбленной. Однако поспешите к королю Артуру и от моего имени убедите его без промедления приступить к поиску Святого Грааля. Уже родился рыцарь, посвященный им в рыцарское звание, которому предназначено заниматься этими поисками.

Затем Мерлин успокоил Гавейна, заверив, что тот будет вскоре расколдован и что по возвращении найдет короля в Кардуэле в Уэльсе, а все рыцари, которые примут участие в поисках, придут в тот же день в Кардуэл. Все произошло именно так, как предсказал Мерлин.

Мерлин часто появляется в рыцарских романах, и в основном это происходит либо накануне великих событий, либо в период, предшествующий его смерти или таинственному исчезновению. В романтических поэмах итальянских поэтов и у Спенсера Мерлин в основном изображается волшебником. Спенсер говорит о нем как о создателе несокрушимого щита и других доспехов короля Артура («Королева фей», книга I, песнь VII), а также зеркала, в котором девушка увидела призрак своего возлюбленного. Источник любви в поэме «Влюбленный Орландо»²⁴ тоже дело его рук, а из поэмы Ариосто мы узнаем о зале, украшенном пророческими картинами, которые демоны создали за одну ночь под руководством Мерлина.

Ниже приводится легенда из поэмы Спенсера «Королева фей» (книга III, песнь III).

БАШНЯ МЕРЛИНА (КАЭР-МЕРЛИН, ИЛИ КАЭРМАРТЕН В УЭЛЬСЕ)

Одевшись в лохмотья из рваных заплат,
Неузнанным вышел Мерлин.
В Меридиум, который, теперь говорят,
Зовется Каэр-Мердин.
Там мудрый Мерлин решил изваять,
Глубоко под землею, по слухам,
Подальше от света, как говорят,
Убежище тайное духам.

Места эти, если их очи узрят, —
Страшней эшафота и плахи.
Гора и пещера в ней, как говорят,
Да Барра, бегущая в страхе.
Среди дремучих Денвера холмов
Убежище нам незаметно,
Лишь злобные духи хранят этот кров
В глубинах горы беспросветно.

Прислушайтесь, там на вершине, без слов,
Приникните к таинству ухом —
До вас донесется звон медных котлов
И жалобы тысячи духов.
И разум не выдержит грохот, и звон,
И плач непосильного ига,
Когда эти звуки сливаются в стон
И скалы звенят, как вериги.

²⁴ Автор поэмы «Orlando Innamorato» («Влюбленный Роланд», или «Влюбленный Орландо») итальянский поэт-гуманист Маттео Боярдо. (Примеч. пер.)

Причина мне видится очень простой —
Мерлин, за Камердин радея,
Решил окружить его медной стеной,
Доверив строительство феям.
Но Дева Озерная, страсть его дней,
Призвала Мерлина игриво —
Был вынужден бросить труды чародей,
А с ними – исправно трудившихся фей,
Без мага – беспечно ленивых.

Озерная Фея, в коварстве своем,
Застала врасплох, и, по слухам,
Мерлин заточен навечно, причем
Строители в ужасе помнят о нем,
И трудятся тяжело и ночью и днем
Послушные Мерлину духи.

Сам Мерлин давно бы достроил сей град,
Будь он свободен – так говорят.

Гиневра

Леодогран, король Камелиарда —
Богат, но дочь его, поверьте, сэр,
Сокровище и высшая награда —
Прекрасная принцесса Гунивер.

Теннисон

Мерлин планировал женить Артура на дочери Леодограна, короля Камелиарда.²⁵

По совету Мерлина Артур в сопровождении волшебника и тридцати девяти рыцарей, специально отобранных волшебником для этой цели, нанес визит правителю этой страны. По приезде они застали Лаодегана с советниками, обсуждавшими, как отразить нападение короля Ирландии Райенса, который с пятнадцатью королями, платившими ему дань, и огромной армией практически окружил город. Мерлин, представившись предводителем отряда британских рыцарей, заявил, что они чужестранцы, которые приехали, чтобы предложить королю помощь на полях сражений, но при одном условии: они откроют свои имена, только когда сочтут нужным. Условие это показалось весьма странным, но было принято, и чужеземцы, принеся обычную в таких случаях клятву королю, отправились на ночлег, который им уже приготовил Мерлин.

Спустя несколько дней противник, несмотря на перемирие, заключенное с королем Лаодеганом, неожиданно покинул лагерь и предпринял попытку захватить город. Клеодал, военачальник короля Лаодегана, незамедлительно собрал все королевские силы. Артур и его спутники во главе с Мерлином, в руках которого появилось знамя с изображением страшного дракона, тоже взяли за оружие. Мерлин подошел к воротам и приказал стражнику открыть их, но тот отказался сделать это без приказа короля. Мерлин, несмотря на все запоры и засовы, открыл ворота и, после прохождения своего отряда, вернул ворота в

²⁵ Вариант написания имен собственных зачастую всего лишь дело вкуса. Мне кажется, что чаще употребляются Лаодеган и Гиневра, чем Леодегранс и Гвиневра. (Примеч. авт.)

прежнее состояние. Затем Мерлин прищипорил коня и поскакал во главе своего небольшого отряда навстречу двухтысячной армии язычников. Силы были слишком неравны, и Мерлин заколдовал противника, чтобы тот не смог увидеть размеров атакующего его отряда, но даже при этом британским рыцарям пришлось несладко. Однако жителям города, наблюдавшим с городских стен за неравным поединком, стало стыдно перед чужестранцами, принявшими участие в их судьбе. Они открыли ворота и вступили в бой. Теперь силы были примерно равны, и Мерлин снял заклинание, чтобы битва была честной. Там, где были Артур, Бан, Бохорт и остальные рыцари, армия короля имела преимущество, но на остальных участках армия короля терпела поражение. За ходом сражения с городской стены наблюдала дочь короля прекрасная Гинебра. Заметив, что враги окружают отца, она в полном отчаянии стала рвать на себе волосы, а затем упала без чувств.

Однако Мерлин, представлявший всю картину сражения, внезапно собрал своих рыцарей, вывел их из боя и перехватил отряд, захвативший короля. Налетевшие рыцари изрубили на куски часть воинов, а остальных обратили в бегство и спасли короля. Во время битвы Артур сошелся в поединке с Колангом, великаном, более четырех с половиной метров ростом. Прекрасная Гинебра, которая к тому времени уже почувствовала сильный интерес к красивому молодому чужестранцу, с трепетом следила за их поединком. Вот Артур нанес чудовищу страшный удар по шее и почти отсек ему голову. Лошадь с мертвым всадником, у которого болталась голова, носилась по полю, наводя ужас на язычников. Гинебра во всеуслышание заявила, что благородный рыцарь, который так умело расправился с великаном, должен стать ее мужем, и ее слуги разнесли весть о желании принцессы. Вскоре враг обратился в бегство, преследуемый Лаодеганом и его союзниками.

После битвы принцесса Гинебра сняла с Артура доспехи и проводила в купальню, в то время как его друзей сопровождали придворные дамы. После купания рыцарей ждал роскошный обед, на котором им прислуживали те же прекрасные дамы. Лаодеган, изнемогая от желания узнать имена своих благородных спасителей и втайне надеясь, что предводитель чужестранцев очарован его дочерью, пребывал в молчании и задумчивости, из которого его иногда выводили шутки придворных. Артур, получивший возможность высказать Гинебре свое восхищение, был крайне доволен сообщением Мерлина о последних подвигах Гавейна в Лондоне: теперь он мог не спешить с возвращением в свои земли и продлить пребывание при дворе Лаодегана. День ото дня росло восхищение двора галантными чужеземцами и разгоралась страсть Гинебры к их предводителю, и когда Мерлин наконец объявил королю, что они прибыли в поисках невесты для своего повелителя, Лаодеган тут же подвел Гинебру к Артуру и сказал, что, кем бы он ни был, его заслуг достаточно, чтобы получить право обладать наследницей Камелиарда. Артур принял принцессу с огромной благодарностью, после чего Мерлин к большому удовольствию короля сообщил, кем на самом деле является его зять. Лаодеган с баронами поспешили засвидетельствовать почтение своему законному суверену, наследнику Утера Пендрагона. В торжественной обстановке прекрасную Гинебру обручили с Артуром; праздник по случаю обручения продолжался семь дней. На восьмой день появился противник, собравший свежие силы, и пришлось опять вернуться к боевым действиям.²⁶

А сейчас мы расскажем, что происходило в Лондоне и его окрестностях, пока Артура не было в столице. Несколько молодых людей отправились ко двору, чтобы Артур произвел их в рыцари. Среди них были Гавейн и три его брата, племянники Артура, сыновья короля Лота, и Галахин, тоже племянник, сын короля Нантерса (Нанта). Король Лот был одним из руководителей восстания против Артура, которое Артур подавил, и теперь Лот хотел с

²⁶ Имя жены Артура, Гинебры, известно всем, кто интересуется легендами и преданиями о рыцарях. Варианты ее имени многочисленны: Гвинебра, Гвиневера, Гвинивер, Гвинебир, Гиновер, Гуинебра, Гиньебра, Гуанамара (лат.), Гвенхуивар (уэльск.), Гвенифар, Женьеве (фр.), Джинебра (ит.), Квеннувар, Кунневаре (герм.). Данте использовал историю Гинебры и ее преданного рыцаря сэра Ланселота в рассказе о Франческе да Римини. (Примеч. авт.)

помощью этих юношей помириться с шурином. Лот снарядил сыновей и племянника со всей возможной роскошью, дал им свиту, состоявшую из сыновей графов и баронов. Он позаботился, чтобы у всех были самые лучшие кони и доспехи. В общей сложности их было семьсот человек, но только девять были рыцарями. Остальные надеялись получить это почетное звание, стремились быстрее вступить в схватку с противником и тем самым приблизить посвящение в рыцарство. Возглавлявший их рыцарь Гавейн отличался необычайной силой, но еще более примечательным было то, что его сила была различной в разное время суток. С девяти утра до полудня и с трех часов дня до вечера его сила удваивалась, но и в остальное время он был сильнее обычных людей.

После трех дней пути они подошли к Лондону, где надеялись найти Артура и его двор, и неожиданно столкнулись с большой колонной противника, состоявшей из множества телег и фургонов, нагруженных провиантом, в сопровождении трех тысяч человек, беззастенчиво разграбивших окрестности Лондона. Одной стремительной атаки всадников Гавейна оказалось достаточно, чтобы разогнать охрану и, захватив обоз, немедленно направить его в Лондон. Но вскоре появилось семь тысяч новых воинов, готовых начать наступление на пятерых принцев с их небольшой армией. Гавейн, выбрав предводителя по имени Хоас, гигантского роста, вступил с ним в схватку и мощным ударом рассек гиганта от короны на голове до груди. Галахин сошелся в поединке с королем Санаграном, который тоже отличался внушительными размерами, и отсек ему голову. Агравейн и Гахерис также проявили чудеса доблести. Таким образом, им удалось удерживать большую армию противников до тех пор, пока им на помощь не подошла большая группа горожан из Лондона, куда прибыл отправленный Гавейном обоз, благодаря чему мэр и жители города узнали об опасности, которой подверглись их спасители. Исход битвы решило прибытие подмоги. Враги разбежались, и Гавейн с друзьями в сопровождении благодарных жителей вошли в Лондон, где им был оказан самый радушный прием.

После знаменательной победы у горы Бадон над саксами Артур обратил оружие против скоттов и пиктов и разбил их у озера Ломонд, заставив молить о пощаде. Затем Артур отправился в Йорк, где встретил Рождество и занялся восстановлением христианских церквей, разграбленных и разрушенных язычниками. Летом следующего года он завоевал Ирландию, а затем направил свой флот к берегам Исландии, подчинив и ее себе. Короли Готланда и Оркнея добровольно пришли к Артуру, пообещав выплачивать дань. После этого Артур вернулся в Британию, создал королевство и двенадцать лет жил в мире.

В это время он пригласил к себе всех известных своей доблестью людей из других государств. Он увеличил число слуг и завел при дворе такие порядки, которым стали подражать даже в самых отдаленных государствах. Всякий благородный человек считал себя достойным уважения только в том случае, если его одежда и оружие были сделаны по образцу рыцарей короля Артура.

Укрепив власть дома, Артур начал строить планы по распространению власти за пределами королевства. Первым делом, подготовив флот, Артур предпринял попытку завоевания Норвегии в желании завладеть ее короной для Лота, мужа своей сестры. Артур высадился в Норвегии, встретился в кровопролитном сражении с королем Норвегии, нанеся ему поражение и продолжал одерживать победы до тех пор, пока не покорил всю страну и не посадил на трон Лота. Затем Артур отправился в Галлию и осадил Париж. В то время Галлия была римской провинцией, которой управлял трибун Флолло (Флоллон). Осада продолжалась в течение месяца; в городе начался голод, и Флолло вызвал Артура на поединок, предложив таким способом решить судьбу Галлии. Артур с радостью принял вызов, убил противника, после чего жители сдали город на милость победителя. Одержав победу, Артур разделил свою армию на две части, одну из которых отдал под командование Гоэлю, приказав двигаться маршем на Аквитанию, тогда как сам со второй половиной армии занялся покорением других областей. Артур, покорив всю Галлию за девять лет, вернулся в Париж, куда перевел свой двор и, созвав туда духовенство и жителей, установил мир и справедливое соблюдение законов в королевстве. Затем Артур даровал Нормандию своему

виночерпию Бедверу, а провинцию Андегавию своему сенешалю Каю.²⁷

Несколько провинций Артур отдал лучшим воинам из своего окружения. Установив мир в городах и странах, в начале весны он вернулся в Британию.

С приближением Троицы Артур, испытывая ликование по поводу одержанных блистательных побед, загорелся желанием устроить грандиозное торжество, придав ему широкий размах, и, собираясь возложить на себя королевский венец, созвать на это знаменательное событие всех подчиненных властителей и вождей, чтобы отметить его достойным образом и установить среди своих приближенных прочный мир и согласие. Для этой цели он выбрал Карлеон, или Город Легионов, который помимо того, что был богаче других городов,²⁸ располагался на реке Уск (Оск), неподалеку от Сабринского моря. Этот город, как никакой другой, подходил для столь великого торжества.

Карлеон получил свое название от одного из лагерей легионеров, созданного во времена Римской империи. Римские авторы называют его *Urbs Legionum*, Город Легионов. Первая часть названия, переведенная на валлийский язык как *Saer*, означает «город», а вторая часть в сокращенном виде стала звучать как *leon*. Река Уск сохранила свое название до наших дней. На этой реке расположен город Карлеон, хотя есть предположение, что двор короля Артура находился в Кардиффе. Честер по-валлийски тоже называется Карлеон, поскольку его название происходит от слова *castra*, что в переводе с латыни означает военный лагерь.

Предполагают, что Камелот – это Винчестер.

Шалотт – Гилдфорд.

Порт Хамо – Саутгемптон.

(Карлайл, сохранивший свое название, расположен на границе с Шотландией. Но это название иногда соотносят с другими местами, которые, подобно этому, были военными поселениями. – *Авт.*)

Во-первых, город омывался широкой рекой, поэтому королям и принцам из стран, находившихся за морем, было удобно добираться до него водным путем. Во-вторых, красота полей и рощ, великолепие королевских дворцов с высокими позолоченными крышами позволяли ему соперничать даже с великолепием Рима. Кроме того, город был знаменит двумя церквями, в одной из которых пел хор девственниц, целиком посвятивших себя служению Господу, а в другой находился монастырь. Помимо этого в городе находилась коллегия, состоявшая из двухсот философов, которые, обладая знаниями в астрономии и других науках, добросовестно наблюдали за движением небесных светил и предсказывали Артуру грядущие со бытия. Вот почему в этом городе и началась подготовка к проведению предстоящих торжеств.

В королевства были направлены послы, чтобы пригласить ко двору принцев из Галлии и соседних островов. Прибыли Авгусель, король Альбании, нынешней Шотландии; Кадвалло, король Венедотии, нынешнего Северного Уэльса; Сатер, король Деметии, нынешнего Южного Уэльса; архиепископы крупных городов и епархий, Лондона и Йорка, и

²⁷ Во французских романах это имя писалось *Queux*, что означает «главный повар». Отсюда можно сделать вывод, что это был титул, а не имя, однако персонаж с таким именем не упоминается ни в каких других источниках. Он является главной, если не единственной комической фигурой среди всех героев двора Артура. Он сенешаль, или дворецкий, и его обязанности также включали руководство поварами. В романах его образ представлял собой сочетание доблести и шутовства; он всегда был готов к сражению, но обычно терпел поражение. Его замечания носили саркастический, обидный характер, из-за чего он часто попадал в беду. Однако Артур испытывал к нему привязанность и часто следовал его советам, как правило ошибочным. (Примеч. авт.)

²⁸ Авторы романов приписывают королю Артуру владение несколькими городами, главными из которых были Карлеон, Камелот и Карлайл.

епископ Карлеона, Города Легионов, Дубриций. Этот прелат, являясь первосвященником Британии и легатом апостолического престола, отличался таким рвением к истинной вере, что исцелял своими молитвами «обремененных тяжкими немощами». Также прибыли правители крупнейших городов и многие другие персоны, не уступавшие им в знатности.

С соседних островов прибыли: Гилламурий, король Ирландии; Гунфазий, король Оркнеев; Мальвазий, король Исландии; Лот, король Норвегии, Бедвер, герцог Нормандский; Кай-сенешаль, герцог Андегавии; двенадцать пэров из Галлии и Гоэль, герцог армориканских бриттов, со своей знатью, доставившие такое количество мулов, лошадей и украшений, что это не поддается описанию. Кроме того, и в Испании не осталось ни одного сколько-нибудь стоящего властителя, который не явился бы по приглашению Артура. И это неудивительно, ибо распространившаяся по всему свету молва о его щедрости обеспечила ему всеобщую любовь.

Когда все собрались в день торжества, архиепископов провели во дворец, чтобы они увенчали Артура королевской короной. Дубриций, поскольку дворец находился в его епархии, подготовку ко всему, что было связано с церемонией коронования и принесением присяги на верность королю, взял на себя. Как только королю вручили все регалии, его с большими почестями сопровождали в главный храм. Перед ним шли четыре короля, Альбании, Корнуолла, Деметии и Венедотии, неся перед собой золотые мечи. Процессия, в которой находилась королева, облаченная в дорогие одежды, в сопровождении архиепископов и епископов, проследовала в церковь Девственниц. Четыре королевы, супруги вышеперечисленных королей, шли перед королевой, и в соответствии с древней традицией у каждой из них в руках был белый голубь. Когда процессия прибыла на место, голоса и инструменты в обоих храмах зазвучали настолько слаженно, что рыцари, присутствовавшие на церемонии, не зная, какой предпочесть храм, переходили из одного в другой, причем никто не чувствовал усталости, несмотря на то что торжества длились весь день. Наконец службы в обоих храмах закончились, король и королева сняли короны, облачились в более простые одежды и отправились на пир. Когда все заняли места согласно протоколу, Кай-сенешаль в богатом одеянии из горноста с помощью тысячи юношей из знатных семей, облаченных в роскошные одежды, прислуживал за столом. Бедвер-виночерпий с помощью такого же числа юношей разносил кубки, чаши и сосуды с вином. Еды и питья было в изобилии, все самого отменного качества, и подавалось наилучшим образом. В этом нет ничего странного. К тому времени Британия достигла такого уровня, что по богатству, роскоши и этикету намного превосходила другие королевства.

Сразу по окончании пира рыцари отправились за город в поля, чтобы принять участие в спортивных играх: стрельбе из лука, метании копья, бросании камней, развлекали себя игрой в кости и другими забавами. Все это проходило мирно, без обид и ссор. Так прошло три дня, и, наконец, пришла пора прощаться: короли и знать отправились по домам.

После этого Артур мирно правил на протяжении пяти лет, до тех пор пока не прибыли послы от Луция Тиберия, прокуратора при римском императоре Льве, и не потребовали выплаты дани. Артур отказался платить дань и стал готовиться к войне. Как только были отданы необходимые распоряжения, Артур передал правление королевством своему племяннику Модреду и королеве Гиневре, а сам отправился с армией в порт Гамо, чтобы выйти в море с первым попутным ветром. Армия благополучно пересекла пролив и высадилась в устье реки Барба, где поставили шатры и стали ждать прибытия королей с островов.

Как только прибыли все войска, Артур двинулся к Августодунуму (ныне Отен) и разбил лагерь на берегу реки Арру. Здесь неоднократно проходили сражения, в которых бритты под командованием своих доблестных вождей – Гоэля, герцога Армориканского, и Гавейна, племянника Артура, – всегда одерживали победы. В конце концов Луций Тиберий решил отступить и дожидаться прибытия императора Льва со свежими силами. Но Артур, предугадав ход противника, захватил долину и перекрыл путь к отступлению, заставив Луция вступить в бой, в котором Артур потерял нескольких самых храбрых рыцарей и

наиболее преданных сторонников. Но был убит и Луций Тиберий, а его армия потерпела сокрушительное поражение. Бежавшие с поля боя разбрелись по стране: одни спрятались в лесной глуши, другие затерялись в городах, надеясь найти там спасение.

Артур остался в тех краях до следующей весны, занимаясь наведением порядка и решая вопросы, связанные с управлением. Затем он вернулся в Британию и с огромным размахом отпраздновал победу.

А позже король собрал всех своих рыцарей и тем из них, кто был не богат, дал землю и приказал никогда не творить произвол, не совершать убийств и не замышлять измены; ни при каких обстоятельствах не быть жестокими и милостиво относиться к тем, кто нуждается в милосердии; и всегда и везде служить дамам. Он приказал им не вступать в поединки за несправедное дело, в нарушение закона, во имя чего бы они ни велись. Все рыцари – молодые и старые – поклялись в этом за круглым столом. И каждый год в день Святой Троицы они повторяли эту клятву.

Король Артур убивает гиганта с горы Святого Михаила

Пока армия стояла лагерем в Бретани в ожидании прибытия королей, к Артуру пришел крестьянин и сообщил, что великан, живущий в пещере рядом с горой, названной в честь святого Михаила, в течение многих лет крадет и пожирает крестьянских детей.

– А теперь он захватил герцогиню Бретонскую, когда она ехала мимо горы со своей свитой, и, несмотря на оказанное ему сопротивление, унес герцогиню.

– Послушай, приятель, – сказал король Артур, – не можешь ли ты объяснить мне, как добраться до убежища великана?

– Конечно, – ответил крестьянин, – поезжай вперед, пока не увидишь два больших костра. Там ты и найдешь великана и столько сокровищ, сколько, я думаю, нет во всей Франции.

Король призвал к себе сэра Бедвера и сэра Кая и приказал им подготовить коней и сбрую для себя и для них, поскольку с наступлением темноты он собирается отправиться к горе Святого Михаила.

Итак, они втроем отправились в путь и скакали до тех пор, пока не подъехали к подножию горы. Король попросил своих спутников оставаться внизу, сказав, что один взберется на гору. Он поднимался до тех пор, пока не увидел большой костер и свежевырытую могилу, рядом с которой сидела старая женщина и горько плакала. Король Артур поздоровался и спросил, почему она так горько плачет. На это женщина ответила:

– Сэр рыцарь, говорите тише. Дьявол совсем рядом, и если он услышит наш разговор, то придет и убьет вас. Он настолько свиреп и жесток, что вы не сможете оказать сопротивление. Он убил герцогиню, которая лежит в этой могиле, самую справедливую женщину из всех, кого я знаю, жену сэра Гоэля.

– Леди, – ответил король, – меня прислал благородный завоеватель, король Артур, на переговоры с этим тираном.

– Он не признает никаких переговоров, – сказала женщина, – и не станет договариваться ни с королем, ни с кем бы то ни было.

– Ладно, – проговорил Артур, – я понимаю, как ты напугана, и учту все, что ты мне рассказала.

Артур отправился дальше к вершине горы и наконец увидел сидящего за ужином великана, который у костра обгладывал человеческую ногу. Рядом с ним на земле лежали три связанные девушки, ожидавшие своей очереди быть съеденными. Сердце короля от жалости к несчастным девушкам облилось кровью, и Артур обратился к великану со словами:

– Тот, кто правит всем миром, лишит тебя жизни и обречет на позорную смерть. Почему ты убил герцогиню? Иди сюда, негодяй, сегодня ты примешь смерть от моей руки.

При этих словах великан встал, взял огромную дубину и ударил короля; от удара с

головы короля слетела корона. В ответ король размахнулся мечом и нанес великану страшный удар в живот. Великан отбросил дубину и схватил короля руками, пытаясь сломать ему ребра. Лежавшие до этого на земле девушки встали на колени и стали молиться за короля Артура. Тем временем, схватившись, Артур и великан покатались по склону горы, и Артур, уловив момент, выхватил кинжал и ударил им великана. К счастью, это случилось в тот миг, когда они подкатились к тому месту, где Артура дожидались два рыцаря. Увидев короля в железных объятиях великана, они подбежали и освободили его. Артур приказал сэру Каю отрубить великану голову, насадить ее на копье, а копье установить на барбакане всем на обозрение. Вскоре вся страна узнала о гибели великана. Люди приходили и благодарили короля, а Артур отвечал им:

– Вы должны благодарить Господа, а не меня. Возьмите всю добычу великана и поделите между собой.

И король Артур приказал построить на вершине горы церковь в честь святого Михаила.

Король Артур получает меч от Озерной Девы

Однажды король Артур ехал верхом и вдруг увидел, что за Мерлином гонятся трое простолюдинов, намереваясь убить его. Король подъехал к ним и крикнул:

– Прочь, наглецы!

Крестьяне, увидев рыцаря, испугались и бросились бежать.

– О, Мерлин, – сказал Артур, – несмотря на твое колдовство, они могли убить тебя, если бы не я.

– Нет, – ответил Мерлин, – это не так. Я могу постоять за себя, а вот ты был гораздо ближе к смерти, чем я.

Разговаривая, они двинулись дальше, и тут король Артур увидел рыцаря верхом на коне, который, казалось, охранял дорогу.

– Сэр рыцарь, – обратился к нему Артур, – что ты здесь делаешь?

И услышал в ответ:

– Ни один рыцарь не может проехать мимо, не сразившись со мной. Таков закон этой дороги.

– Я отменю этот закон, – сказал король.

Они поскакали навстречу друг другу и с такой силой скрестили копья, что древки разлетелись на куски. Тогда они выхватили мечи и долго бились, нанося друг другу страшные удары. Наконец после одного из таких ударов меч короля Артура переломился надвое. Тогда, обратившись к Артуру, рыцарь сказал:

– Теперь в моей власти решать, сохранить тебе жизнь или убить, и если ты признаешь поражение, то я сохраню тебе жизнь, а если нет, то убью.

– Что касается смерти, – ответил король Артур, – то я смиренно приму ее, но я не признаю поражение, словно жалкий трус.

С этими словами он бросился на рыцаря и, обхватив за пояс, приподнял и бросил оземь. Но рыцарь оказался сильным и сумел вскоре подмять под себя Артура, изготовившись стащить с него шлем и убить. И тут заговорил Мерлин:

– Рыцарь, остановись, этот рыцарь, твой противник, требует к себе большего почтения, чем ты думаешь.

– Да кто же он? – вскричал рыцарь.

– Это король Артур.

Но разгоряченный сражением рыцарь все-таки занес меч над головой Артура, и в этот момент Мерлин произнес заклинание. Рыцарь упал на землю и погрузился в глубокий сон. После этого Мерлин поднял короля Артура и посадил на коня.

– О! – воскликнул Артур. – Что ты наделал, Мерлин? Неужели ты убил этого славного рыцаря с помощью колдовства?

– Не беспокойся, – сказал Мерлин. – Он живет, чем ты был минуту назад. Он всего

лишь спит и проснется через три часа.

Оставив спящего рыцаря, король и Мерлин поскакали дальше и ехали, пока не увидели отшельника, человека доброго и искусного лекаря. Отшельник осмотрел раны Артура и нанес на них целебные бальзамы. Король остался у отшельника. Через три дня, когда зажили раны, он вместе с Мерлином отправился дальше.

– У меня нет меча, – сказал Артур Мерлину, как только они покинули отшельника.

– Не волнуйся, – ответил ему Мерлин. – Поблизости есть меч, который станет твоим.

Они скакали до тех пор, пока не подъехали к полноводному и широкому озеру. И тут увидел Артур, как из глубины озера появилась женская рука в драгоценных браслетах, державшая ослепительно сверкающий меч в золотых ножнах.

– Итак, – произнес Мерлин, – вот тот меч, о котором я говорил.

И тут они увидели деву, которая шла к ним по озерной глади.

– Кто эта дева? – спросил Артур.

– Это владычица озера, Озерная Дева, – ответил Мерлин. – На этом озере есть остров, и это самое прекрасное место на земле. Скоро эта дева подойдет к тебе, заговорит с тобой и отдаст тебе меч.

И действительно, вскоре дева подошла к Артуру и поздоровалась с ним. Ответив на приветствие, Артур спросил:

– Леди, что за меч в руке, поднявшейся из глубины озера? У меня нет меча, и я бы хотел, чтобы этот меч стал моим.

– Сэр Артур, – сказала владычица озера, – это мой меч, и если ты сделаешь мне подарок, когда я попрошу тебя об этом, то получишь меч.

– Обещаю, что сделаю тот подарок, который ты попросишь.

– Хорошо, – сказала дева. – Тогда садись в лодку, подплыви к мечу и возьми его, а я попрошу подарок, когда придет время.

Артур и Мерлин спешили, привязали лошадей к дереву, сели в лодку и подплыли к руке, держащей меч. Артур взялся за рукоять и вытащил меч из руки, и в тот же миг таинственная рука опустилась под воду.

Артур с Мерлином сошли на берег и поскакали дальше. Король Артур смотрел на меч и никак не мог налюбоваться.

Наконец они прискакали в Карлеон, где их радостно встретили рыцари, и, услышав о приключениях короля, удивились, что он в одиночку подвергал себя такой опасности. Но все единодушно признали, как хорошо иметь вождя, который, словно простой рыцарь, готов подвергать свою жизнь опасности.

Глава 3

КАРАДОК БРИФБРАС, ИЛИ КАРАДОК СУХОРУКИЙ

Карадок был сыном Исенны, прекрасной племянницы Артура. Он не знал, кто его отец, до тех пор пока не произошло следующее. Когда юноша достиг возраста посвящения в рыцари, король Артур созвал на эту церемонию много народу. В их числе оказался незнакомый рыцарь, который предлагал сразиться с ним всем придворным рыцарям Артура, и вот на каких условиях. Он кладет голову на плаху, и любой рыцарь может нанести ему удар мечом, но если он останется в живых, то уже рыцарь должен пройти через это испытание. Сэр Кай, который обычно был готов принять любой вызов, на этот раз заявил, что безрассудно принимать подобный вызов, и он ни за какие богатства мира его не примет. И когда после того, как незнакомый рыцарь предложил свой меч для нанесения удара, никто так и не откликнулся на его вызов, Карадок, возмущенный тем, что на рыцарей Круглого стола может пасть позор, отбросил в сторону свой плащ и взял протянутый незнакомцем меч.

– Вы делаете это потому, что считаете себя одним из лучших рыцарей? – спросил незнакомец.

– Нет, – ответил Карадок, – я не считаю себя самым лучшим, а одним из самых глупых рыцарей.

Незнакомец положил голову на плаху. Последовал удар, его голова слетела с плеч и откатилась в сторону. Однако он встал как ни в чем не бывало, поднял голову, водрузил ее на место и сказал, что вернется через год, когда двор опять соберется, чтобы вернуть удар. Через год обе стороны явились без опоздания. Король и королева приложили все усилия, чтобы отговорить незнакомца от выполнения задуманного; весь двор стал на защиту Карадока, но незнакомец был неумолим. Молодой рыцарь положил голову на плаху, и думал только о том, чтобы все поскорее кончилось, поскольку ожидание становилось невыносимым. Наконец незнакомец плашмя легко ударил юношу мечом по шее, после чего приказал ему подняться и объявил, что он отец Карадока, колдун Элиаврес, и он очень рад, что его сын храбрец и умеет держать слово.

Но благосклонность колдунов коротка и изменчива. Элиаврес находился под влиянием коварной женщины, которая была враждебно настроена к Карадоку и убедила колдуна посадить на руку юноши змею, питающуюся его плотью и кровью, и никто не мог снять змею с руки Карадока или хоть как-то облегчить страдания, которые он испытывал.

Карадок был обручен с Гвимиерой, сестрой своего закадычного друга Кадора и дочерью короля Корнуолла. Узнав о несчастье, случившемся с Карадоком, они сразу же отправились в Нант, где находился его замок, чтобы Гвимиера могла ухаживать за несчастным юношей. Поначалу известие об их приезде вызвало у Карадока огромную радость. Но вскоре он стал опасаться, что его болезненный вид и испытываемые им страдания отвратят от него Гвимиеру. Он настолько убедил себя в этом, что тайком покинул Нант и укрылся в уединенном жилище. На его поиски отправились рыцари короля Артура, а Кадор поклялся, что не успокоится, пока не найдет друга. После долгих странствий Кадор нашел Карадока в жилище отшельника, до крайности истощенного, находящегося на грани смерти. После того как были безуспешно испробованы все способы спасти Карадока, Кадор решил обратиться к колдуну Элиавресу, надеясь, что тот не откажется сообщить единственное средство, способное вернуть Карадока к жизни. Выяснилось, что необходимо найти девушку, равную Карадоку по происхождению и красоте, которая любила бы его больше чем себя и согласилась принять те же муки, что выпали на его долю. Затем следовало поставить две ванны, одну с забродившим вином, а вторую с молоком. Карадок должен по шею погрузиться в ванну с вином, а девушка – по пояс в ванну с молоком, чтобы змее была видна ее грудь. Тогда, соблазнившись привлекательной плотью, змея покинет иссушенное тело своей жертвы. Ванны следовало поставить на расстоянии трех футов друг от друга, и, когда змея начнет переползать из одной в другую, кто-нибудь из рыцарей должен разрубить ее пополам. Если рыцарь промахнется, то Карадок будет спасен, но станет свидетелем того, как его прекрасная спасительница испытывает те же страшные муки, которые совсем недавно приходилось переносить ему. Легко представить, что было дальше. Гвимиера охотно согласилась подвергнуть свою жизнь опасности, и Кадор метким ударом разрубил змею. Рука Карадока, так долго страдавшая от змеи, обрела прежнюю силу, но внешне выглядела сморщенной и безжизненной. Из-за этого Карадок и получил прозвище Сухорукий.

Глава 4 СЭР ГАВЕЙН

Сэр Гавейн, племянник короля Артура, был сыном его сестры Морганы, жены Лота, короля Оркнеев, которого Артур сделал королем Норвегии. Сэр Гавейн был одним из самых известных рыцарей Круглого стола, и романисты называли его *мудрым и учтивым*. Джеффри Чосер²⁹ в «Рассказе сквайра» ссылается на сэра Гавейна, рассказывая о том, как

²⁹ Чосер Джеффри (1344–1400) – виднейший из английских поэтов Средневековья, крупнейшая фигура

некий рыцарь ведет себя при дворе:

С таким изяществом и знанием правил,
Что сам Гавейн его бы не поправил,
Когда б вернуться снова к жизни мог
Сей рыцарских обычаев знаток.³⁰

Братьями Гавейна были Агравейн, Гахерис и Гарет.

Женитьба сэра Гавейна

Однажды к королю Артуру, двор которого находился в славном Карлайле, пришла девица с просьбой о милосердии. Она просила отомстить негодяю рыцарю, который взял в плен ее возлюбленного и отнял принадлежавшую ей землю. Король Артур приказал принести ему меч Экскалибур и оседлать коня и один, без сопровождения, отправился восстанавливать справедливость. Вскоре он подъехал к замку безжалостного барона и вызвал его на поединок. Но замок стоял на заколдованной земле, и всякий ступивший на нее рыцарь терял отвагу и лишался сил. Король Артур ощутил колдовские чары; он не успел нанести первый удар, как ноги его подкосились, а разум помутился. Он был вынужден сдаться в плен рыцарю, который согласился отпустить его при одном условии, если он в конце года вернется с ответом на вопрос: «Чего больше всего желают женщины?» Если же он не сможет ответить правильно, то сдастся на милость победителя и лишится всех владений. Король Артур принял условие и поклялся вернуться в назначенный срок. В течение года король побывал на востоке и на западе и задавал всем встречным один вопрос – чего больше всего жаждут женщины.

Одни отвечали ему, что женщины мечтают о богатстве, другие говорили, что те хотят достигнуть высокого положения; кто-то считал, что они стремятся к веселой жизни; некоторые отвечали, что им необходима лесть, а иные думали, что галантный рыцарь. Но король сомневался, что среди множества услышанных им ответов есть правильный. Заканчивался отведенный на поиск ответа год, и вот однажды, когда король в глубокой задумчивости ехал лесом, он увидел сидящую под деревом женщину, настолько уродливую, что невольно отвел глаза и, когда она поздоровалась, не ответил на ее любезное приветствие.

– Что ты за человек, если не хочешь даже заговорить со мной? Может, я, несмотря на мою уродливую внешность, смогу развеять твои сомнения, – сказала женщина.

– Если тебе это удастся, то можешь требовать любой награды, и поверь, я сдержу слово.

– Поклянись, – потребовала женщина.

И Артур дал клятву.

Тогда женщина сообщила ему ответ на вопрос и потребовала в награду, чтобы Артур выдал ее замуж за красивого, обходительного рыцаря.

Король Артур поспешил в замок жестокого барона и пересказал один за другим все услышанные за год ответы, кроме последнего, но барон отверг их все как ошибочные.

– Ну что ж, Артур, – заявил барон, – ты не смог правильно ответить на вопрос и вместе со своими землями переходишь в мою собственность.

Но Артур перебил барона:

Не торопись, гордец барон,

английской литературы. Лучшее и знаменитейшее произведение Чосера, подарившее ему бессмертное имя во всемирной литературе, – «Кентерберийские рассказы». (Примеч. пер.)

Еще сказать вели.
Ведь на кону – отцовский трон
И честь моей земли.

В лесу, где дичь гоняешь ты,
С утра пришлось скакать мне,
Там дама – вестница мечты —
Гуляла в алом платье.

Она ответ смогла мне дать,
И мудрость в том ответе:
«Желают сами все решать
Все женщины на свете».

– Это моя сестра подсказала тебе ответ! – взревел барон. – Она заслуживает наказания, и рано или поздно я отомщу ей!

Король Артур отправился домой, но на сердце у него было тяжело, поскольку он помнил обещание найти для уродливой женщины мужа среди молодых и галантных рыцарей. Он поведал свою печаль племяннику, сэру Гавейну, и тот ответил:

– Не печалься, мой повелитель, я женюсь на этой женщине.

Артур горячо возразил любимому племяннику:

Племянник, добрый мой Гавейн,
Мне мать твоя – сестра!
А эта дама – сущий тлен,
Уродлива, стара...

Но Гавейн продолжал настаивать, и король с тяжелым сердцем был вынужден согласиться на его предложение. Артур и его рыцари поскакали в лес, нашли женщину и привезли ее ко двору. Сэр Гавейн терпеливо сносил насмешки своих товарищей. Церемония бракосочетания прошла без привычных для подобного случая торжеств. Вот что нам рассказывает об этом Чосер:

А только много горестной печали.
Назавтра свадьбу молча отыграли.
Он днем скрывался, как в лесу сова:
Жена уродка – ни к чему слова.³¹

Когда наступила ночь и молодожены остались одни, сэр Гавейн не мог скрыть своего отвращения, и новобрачная спросила, почему он так тяжело вздыхает и отворачивается от нее. Гавейн искренне признался, что его поведение объясняется тремя причинами: ее возрастом, отталкивающей внешностью и низким положением. Леди, нисколько не обидевшись, достойно ответила молодому супругу. С возрастом, сказала она, приходит благоразумие, уродство гарантирует отсутствие соперников, а истинное благородство зависит не от происхождения, а от характера человека.

Сэр Гавейн ничего не стал возражать, но, взглянув на невесту, с изумлением увидел, что от ее уродства не осталось и следа. И тут она объяснила, что ее уродство не что иное, как чары злой колдуньи, и она примет свое истинное обличье только в том случае, если произойдут два события. Первое из них – получит в мужья молодого и галантного рыцаря,

³¹ Перевод О. Румера.

что уже произошло, поэтому половина заклѣтия снята и теперь она может пребывать в собственном обличье в течение половины суток. Она предложила выбрать Гавейну, в какое время он хочет видеть ее красивой. Сэр Гавейн решил, что хочет видеть жену красивой ночью, чтобы только он один мог любоваться ее красотой, а днем, для других, пусть она по-прежнему остается уродливой. Но невеста сказала, что ей было бы приятнее быть красивой днем и вызывать восхищенные взгляды рыцарей и придворных дам. Сэр Гавейн уступил. Как оказалось, именно это требовалось для того, чтобы полностью снять заклѣтие. Прекрасная дама с радостью сообщила Гавейну, что теперь она будет одинаково прекрасна и днем и ночью.

Глаза – чернее диких слив,
И губы вишней спеют;
Румянец нежен и игрив,
И белоснежна шея.

С красавицей в постель возлѣг,
Целуя, сэр Гавейн,
Пусть свят супружеский наш долг,
Но долг в любви – блажен.

Рассеявшиеся чары освободили от заклѣтия и ее брата, «жестокоего барона», который тоже был заколдован. Из жестокого угнетателя он превратился в галантного и благородного рыцаря, как и все рыцари при дворе короля Артура.

Глава 5

ЛАНСЕЛОТ ОЗЕРНЫЙ

На короля Бретани Бана, верного союзника Артура, напал его враг Клауд, и после продолжительной войны у Бана осталась одна крепость, в которой его и осадил враг. Оказавшись в отчаянном положении, Бан решил обратиться за помощью к Артуру и под покровом ночи сбежал из крепости с женой Еленой и сыном, младенцем Ланселотом, оставив крепость на своего сенешаля, который тут же сдал ее Клауду. Несчастный монарх, бросив взгляд назад и увидев горящую крепость, умер от разрыва сердца. Бедная Елена, оставив младенца на берегу озера, бросилась к мужу, чтобы принять его последний вздох. Вернувшись на берег озера, она увидела маленького Ланселота на руках у нимфы. Заметив появившуюся на берегу королеву, нимфа бросилась вместе с ребенком в воду. Этой нимфой была Вивиана, возлюбленная волшебника Мерлина, больше известная как Озерная Леди, или Озерная Дева. Свое прозвище Ланселот получил по той причине, что прошел обучение при дворе этой волшебницы, дворец которой находился посреди не реального, а, подобно миражу, возникающему перед глазами африканского путешественника, воображаемого озера, которое является преградой на пути к ее владениям. Вивиана жила здесь не одна, а в окружении многочисленной свиты, которую составляли рыцари и дамы.

Потеряв мужа и сына, королева ушла в монастырь, где к ней присоединилась вдова благородного короля Борса, который умер от горя, получив известие о смерти брата. Два его сына, Лионель и Борс, были спасены верным рыцарем и появились в озерном дворце в облике борзых. Там, вновь приняв человеческое обличье, они стали обучаться вместе со своим кузеном Ланселотом.

Когда ее ученик Ланселот достиг восемнадцати лет, фея отправила его ко двору Артура для возведения в рыцарское звание. Благородство, не уступавшее отваге и умению владеть оружием, появившегося в замке молодого кандидата в рыцари, произвело неизгладимое впечатление на Гиневру, а ее чары разожгли в нем пылкие чувства. С течением времени их любовь только усилилась и повлияла на историю короля Артура. Ради Гиневры Ланселот

добился завоевания Нортумберленда, победил Галлахата, болотного короля, который впоследствии стал его самым преданным другом и союзником, участвовал во многих поединках и бросил к ногам своего суверена множество пленников.

После того как король Артур вернулся из Рима в Англию, все рыцари Круглого стола прибыли к нему и стали устраивать поединки и турниры. В особенности отличался сэр Ланселот Озерный. Он побеждал во всех турнирах, поединках и даже в схватках не на жизнь, а на смерть. Никто из рыцарей не мог превзойти его, поскольку победить Ланселота можно было только с помощью предательства или колдовства. К нему стали относиться с еще большей почтительностью, и королева Гинебра отличала его среди других рыцарей. Понятно, что он любил королеву, как не любил ни одну женщину, и лишь для нее совершал подвиги, а его рыцарство спасало ее от опасностей. Сэр Ланселот долго предавался различным развлечениям и, наконец, решил отправиться странствовать. Он предложил своему брату Лионелю вместе отправиться «на поиски приключений». В полном вооружении они сели на коней и поскакали через лес. Спустя какое-то время перед ними открылась широкая равнина. Время близилось к полудню, стало жарко, и сэра Ланселота потянуло в сон. Тут сэр Лионель увидел высокую яблоню и сказал:

– Брат, мы и наши лошади можем отдохнуть в тени этого дерева.

– Молодец, отлично придумал, – похвалил сэр Ланселот.

Они подъехали к яблоне, спешились, сэр Ланселот лег на землю, подложил под голову шлем и вскоре уснул. Сэр Лионель проснулся, когда брат еще спал. Первое, что он увидел, – это троих скакавших во весь опор рыцарей, за которыми гнался еще один рыцарь. Сэр Лионель подумал, что ему еще не приходилось видеть такого огромного рыцаря. Спустя несколько мгновений рыцарь нагнал одного из преследуемых всадников и одним ударом выбил его из седла. Затем догнал второго и сбил его ударом на землю, а затем та же участь постигла третьего всадника. После этого он спешился и связал рыцарей их же уздечками. Заинтригованный увиденным, сэр Лионель решил выяснить все подробности этого дела и тихо, стараясь не разбудить сэра Ланселота, сел на коня и поскакал за огромным рыцарем. Нагнав его, он только собрался задать вопрос, как на него обрушился удар такой силы, что он упал на землю вместе с конем. Рыцарь спешился, связал сэра Лионеля, забросил поперек седла своего коня и всех четверых пленников отвез в свой замок. Там он бросил их в глубокую яму, в которой уже находилось много рыцарей, пребывавших в ужасном состоянии.

Сэр Ланселот еще спал под яблоней, когда к нему подъехали четыре королевы. Четыре конных рыцаря держали над ними натянутый на четырех копьях большой кусок зеленого шелка, защищавший дам от горячих солнечных лучей. Сами королевы ехали на белых мулах.

Они проезжали мимо и услышали громкое ржание крупного коня. Подъехав ближе, увидели облаченного в доспехи рыцаря, спящего под яблоней. Королевы сразу узнали в спящем рыцаре сэра Ланселота и принялись спорить, кому из них он достанется в качестве возлюбленного.

– Не будем спорить! – сказала фея Моргана, сестра короля Артура. – Я околдую его, и он проспит шесть часов, а за это время мы отвезем его в мой замок. Там я сниму с него заклинание, и ему не останется ничего другого, как выбрать одну из нас в возлюбленные.

Спящего сэра Ланселота заколдовали, положили на щит, и два рыцаря, взявшись за него, привезли пленника в замок. Затем его отнесли в покои, а вечером накормили ужином.

На рассвете четыре королевы в богатых нарядах пришли пожелать Ланселоту доброго утра, и он ответил им тем же.

– Сэр рыцарь, – обратились дамы к сэру Ланселоту. – Вы должны понимать, что являетесь нашим пленником. Мы хорошо знаем, что вы сэр Ланселот Озерный, сын короля Бана и самый отважный из рыцарей. Мы также знаем, что для вас существует только одна женщина – королева Гинебра, а поскольку вы навсегда потеряли ее, а она вас, то вам следует выбрать одну из нас. Я королева фея Моргана, а эти дамы – королевы Северного Уэльса, Восточной страны и Островов. А теперь выбирайте одну из нас, и если откажетесь, то

умрете.

– Тяжелый жребий, – ответил Ланселот, – значит, я должен либо умереть, либо выбрать одну из вас. Ну что ж, в этом случае я предпочту смерть, чем одну из вас в качестве возлюбленной, поскольку все вы коварные колдуньи.

– Ну что ж, – сказали дамы, – надо понимать, вы отказываетесь от нас?

– Да, – сказал сэр Ланселот, и глубоко опечаленные дамы покинули его покои.

В полдень девушка принесла ему обед и спросила, как он себя чувствует.

– Никогда еще мне не было так плохо, милая девушка, – ответил Ланселот.

– Сэр, если будете меня слушаться, помогу вам. Только пообещайте, что в следующий вторник во время турнира поможет моему отцу, который будет биться с королем Северного Уэльса; в прошлый вторник отец проиграл схватку.

– Назови мне имя своего отца, красавица, и я дам тебе ответ.

– Сэр рыцарь, мой отец король Багдемагус.

– Я знаю его как благородного короля и хорошего рыцаря и готов услужить тебе и твоему отцу в назначенный день.

Девушка ушла, а вернувшись наутро, застала Ланселота полностью готовым. Она проводила его через двенадцать дверей и вывела прямо к его коню. Рыцарь вскочил в седло и ускакал.

Во вторник он приехал в небольшой лес, где должен был проводиться турнир. Там уже были установлены трибуны для зрителей, откуда лорды со своими дамами могли наблюдать за турниром и вручать призы. На поле вышли король Северного Уэльса в сопровождении ста шестидесяти рыцарей и восемьдесят рыцарей во главе с королем Багдемагусом. Вооруженные копьями рыцари бросились друг на друга, и в первой схватке король Багдемагус потерял двенадцать человек, а король Северного Уэльса шесть воинов; отряд Багдемагуса пострадал сильнее.

Тут появился сэр Ланселот Озерный и направил копье в самую гущу. Одним ударом он сшиб пять рыцарей, выбил из седла короля Северного Уэльса, и тот при падении сломал бедро. Рыцари короля Северного Уэльса отказались от сопротивления, и победа досталась королю Багдемагусу.

После турнира сэр Ланселот отправился вместе с королем Багдемагусом в его замок, где с королем и его дочерью приятно провел остаток дня. Наутро он попрощался с ними, объяснив, что поедет на поиски брата сэра Лионеля, который уехал в неизвестном направлении, когда он спал. Ланселот отправился в путь и опять приехал в тот самый лес, где его сморил сон. По дороге он встретил девушку, ехавшую верхом на белой лошади, и они обменялись приветствиями.

– Красавица, известно ли тебе в этом краю что-нибудь, что может стать приключением для рыцаря?

– Сэр рыцарь, – ответила девушка, – здесь приключения на каждом шагу.

– Почему бы мне не испытать себя? Ведь именно для этого я сюда приехал.

– Сэр, – продолжила девушка, – поблизости живет рыцарь, с которым не может справиться ни один из известных мне рыцарей, кроме, может быть, вас. Его зовут сэр Турквин, и, насколько я знаю, он злейший враг короля Артура. У него в темнице томится более шестидесяти рыцарей Артура; он в одиночку взял их в плен.

– Красавица, – попросил Ланселот, – умоляю, объясни, как проехать к этому рыцарю.

– Его замок примерно в миле отсюда, слева от него водопой, куда приводят лошадей, и рядом с водопоем растет красивое дерево, увешанное щитами тех рыцарей, которых он пленил. Еще на дереве висит медный таз, и если вы ударите в него, то увидите, что произойдет.

Сэр Ланселот поехал в указанном девушкой направлении и вскоре увидел водопой и дерево, на котором висели щиты и таз. На дереве он заметил щиты сэра Лионеля, сэра Эктора и многих других рыцарей, которых хорошо знал.

Сэр Ланселот ударил концом копья в таз раз, другой, третий, но, сколько он ни ударял,

никто так и не появился. Наконец он увидел огромного рыцаря, ведущего под уздцы лошадь с перекинутым через седло связанным рыцарем. Когда они подошли ближе, сэр Ланселот понял, что знает пленного рыцаря. Это был сэр Гахерис, брат сэра Гавейна, рыцаря Круглого стола.

– А сейчас, уважаемый рыцарь, – сказал сэр Ланселот, – сними этого раненого рыцаря с коня и дай ему немного отдохнуть, пока мы с тобой померяемся силой, поскольку, как мне стало известно, ты оскорбил рыцарей Круглого стола и навлек на них позор. Теперь защищайся!

– Если ты принадлежишь к Круглому столу, то я бросаю вызов тебе и всему вашему братству, – заявил сэр Турквин.

– Сильно сказано, – заметил сэр Ланселот.

Вскочив на лошадей, они с копьями в руках кинулись навстречу друг другу. Каждый из них нанес другому удар копьем в середину щита, от которого их кони упали и подмяли под себя всадников. Выбравшись из-под лошадей, они тут же скрестили мечи. Каждому удалось нанести несколько сильных ударов, которые не выдержали щиты и доспехи. Вскоре противники уже истекали кровью. Вконец обессиленные, еле дыша, они прекратили схватку и с трудом оперлись на мечи.

– Что ж, приятель, – сказал сэр Турквин, – ты самый стойкий из всех, с кем мне приходилось иметь дело, и умеешь драться. Если ты не тот рыцарь, которого я ненавижу больше остальных за то, что он убил моего брата, сэра Карадоса, я с удовольствием помирюсь с тобой и в знак уважения к тебе освобожу своих пленников.

– Как зовут рыцаря, которого ты ненавидишь больше других? – спросил Ланселот.

– Его зовут сэр Ланселот Озерный, – ответил сэр Турквин.

– Я сэр Ланселот Озерный, сын короля Бана и рыцарь Круглого стола. И теперь я вызываю тебя на смертельный бой.

– Ах, так! – вскричал сэр Турквин. – С тобой, Ланселот, я хотел встретиться больше всего на свете, и мы будем драться до тех пор, пока один из нас не умрет.

И они стали биться, как два разъяренных быка, размахивая щитами и мечами с такой яростью, что иногда даже не удерживались на ногах и падали головой вперед. Так они бились два с лишним часа, пока вся земля вокруг не обагрилась кровью.

Внезапно сэр Турквин покачнулся, стал заваливаться назад и от слабости опустил щит. Заметив это, сэр Ланселот как лев яростно бросился к противнику, сорвал с него шлем и одним ударом отсек его голову от шеи.

Сэр Гахерис, увидев, что сэр Турквин убит, обратился к победителю:

– Благородный рыцарь, скажи мне свое имя, поскольку сегодня я увидел лучшего в мире рыцаря. Ты только что в моем присутствии убил самого сильного и искусного из всех, кого мне доводилось встречать до этого дня.

– Меня зовут сэр Ланселот Озерный, и я должен был отомстить за оскорбление, нанесенное королю Артуру, и в особенности за сэра Гавейна, твоего любимого брата. А теперь я прошу тебя отправиться в замок и освободить всех пленников, которых ты там найдешь. Я уверен, что среди них будет много рыцарей Круглого стола и, конечно, мой брат сэр Лионель. Поприветствуй их от моего имени и передай, что они могут взять в замке все, что захотят. Да, и передай моему брату, чтобы ехал ко двору и ждал меня: я надеюсь вернуться туда до Троицы. А сейчас меня ждут новые приключения.

Сэр Ланселот отправился в путь, а сэр Гахерис поехал в замок, взял ключи у привратника, отворил дверь темницы и освободил всех пленников. Среди них были сэр Кай, сэр Брандель, сэр Бриан, сэр Алидук, сэр Эктор Окраинный, сэр Лионель и многие другие. Увидев сэра Гахериса, они стали благодарить его, поскольку решили, глядя на его раны, что это он убил сэра Турквина.

– Не благодарите меня. Это сэр Ланселот убил злодея. Я видел собственными глазами.

Сэр Ланселот скакал целый день и в сумерках подъехал к красивому замку. Пожилая дама, хозяйка замка, проявила исключительное гостеприимство, вкусно накормила и

Ланселота, и его коня. Когда пришло время, хозяйка отвела Ланселота в отведенную ему для ночлега комнату. Сэр Ланселот снял доспехи, положил их рядом с кроватью, лег в постель и почти мгновенно заснул. Но спал он недолго, поскольку вскоре к замку прискакал всадник и стал громко стучать в ворота. Разбуженный громким стуком, Ланселот встал, выглянул в окно и в лунном свете увидел троих всадников, вооруженных мечами. Вот они подъехали к воротам, рыцарь повернулся к ним и бесстрашно вступил в схватку. «Я должен помочь этому рыцарю, – подумал сэр Ланселот, – ведь это подло, троим нападать на одного». Он надел доспехи, по простыне спустился из окна на землю и громко крикнул:

– Оставьте этого всадника, рыцари, и сразитесь со мной!

Рыцари оставили в покое сэра Кая – как оказалось, это был он – и набросились на сэра Ланселота. Они наступали на него с трех сторон и наносили ощутимые удары. Сэр Кай попытался вмешаться и помочь сэру Ланселоту, но был остановлен словами:

– Не надо, сэр, я не нуждаюсь в помощи и сам справлюсь с ними.

Сэр Кай подчинился его желанию и стал наблюдать за боем со стороны. Сэру Ланселоту понадобилось всего шесть ударов, чтобы все противники оказались на земле и тут же взмолились:

– Сэр рыцарь, сдаемся на твою милость!

– Вы мне не нужны. Если хотите, сдавайтесь сэру Каю, а я просто обещаю сохранить вам жизнь.

– Мы сделаем, как ты скажешь, благородный рыцарь, – заверили они.

– Тогда идите на Троицу ко двору короля Артура и сдайтесь там королеве Гиневре, не забыв сказать, что вы пленники сэра Кая.

– Сэр, – ответили эти трое, – клянемся, что выполним в точности все, что ты сказал.

Каждый из них поклялся на своем мече, и сэр Ланселот разрешил им уехать.

Утром сэр Ланселот поднялся рано, когда сэр Кай еще спал, взял доспехи и щит сэра Кая, вывел из конюшни его коня, вскочил в седло и уехал. Вскоре после его отъезда проснулся сэр Кай и обнаружил, что сэр Ланселот забрал его доспехи и коня. «Теперь мне понятно, – подумал сэр Кай, – что он решил сразиться с кем-то из рыцарей короля Артура, которые, увидев его в моих доспехах и на моем коне, решат, что это я, и смело вступят с ним в бой. Зато его доспехи и конь позволят мне никого не бояться в пути». После этого сэр Кай попрощался с хозяйкой замка и уехал.

Сэр Ланселот ехал по густому лесу и увидел под дубом четырех рыцарей, которые служили при дворе короля Артура. Это были сэр Саграмур Желанный, сэр Эктор Окраинный, сэр Гавейн и сэр Ивейн. Когда они увидели сэра Ланселота, то по доспехам приняли его за сэра Кая.

– Клянусь, сейчас я испытаю силу сэра Кая, – заявил сэр Саграмур, взял копье и подъехал к сэру Ланселоту.

Сэр Ланселот занес копье и с такой силой ударил сэра Саграмура, что тот вместе с конем повалился на землю. Тогда сэр Эктор сказал:

– Сейчас вы увидите, что я с ним сделаю.

Но ему досталось еще больше, поскольку копье сэра Ланселота пронзило его плечо, и он упал с коня на землю.

– Клянусь честью, – вскричал сэр Ивейн, – перед нами сильный рыцарь. Боюсь, он убил сэра Кая и облачился в его доспехи.

Сэр Ивейн взял в руки копье и поскакал к сэру Ланселоту, который встретил его таким ударом, что у сэра Ивейна земля ушла из-под ног и он перестал понимать, на каком теперь свете. «Теперь пришла моя очередь вступить в схватку с этим рыцарем», – понял сэр Гавейн. Он взял щит и самое хорошее копье, которое было прекрасно известно сэру Ланселоту. Всадники разъехались на положенное расстояние, развернулись, ринулись навстречу друг другу, и каждый ударил копьем в щит противника. Копье сэра Гавейна сломалось, а от удара сэра Ланселота его конь упал, подмяв под себя всадника. Сэр Ланселот поскакал дальше и, улыбнувшись, мысленно поблагодарил того, кто сделал его копье, поскольку у него никогда

еще не было лучшего копья. Когда он уехал, рыцари стали утешать друг друга, а сэр Эктор сказал:

– Даю голову на отсечение, что это был сэр Ланселот. Я узнал его по посадке в седле.

Сэр Ланселот проехал много чужих земель, пока судьба не привела его к красивому замку. Когда он проезжал мимо, то ему показалось, что он услышал перезвон колокольчиков. Затем над его головой пролетел сокол и уселся на высокий вяз. К его лапе был привязан должник,³² который запутался в ветках, и когда птица решила взлететь, то лишь взмахнула крыльями и повисла лапами вверх.

Сэр Ланселот с состраданием наблюдал за попыткой птицы вырваться из случайного плена, как вдруг услышал женский голос:

– О Ланселот, Ланселот! Ты цвет всего рыцарства. Помоги мне достать моего ловчего сокола. Если я не смогу его спасти, то мой господин убьет меня, а он скор на расправу.

– Как зовут твоего господина? – спросил сэр Ланселот.

– Сэр, – ответила дама, – его зовут сэр Фелот, он рыцарь короля Северного Уэльса.

– Что ж, прекрасная дама, раз уж ты знаешь мое имя и вызываешь к моему рыцарскому долгу, я сделаю что могу, чтобы достать этого сокола. Но видит бог, я не мастер лазать по деревьям, да и дерево уж очень высокое, и мало на нем суков, по которым можно было бы взбираться.

Сэр Ланселот спешил, привязал коня к дереву и попросил даму помочь ему снять доспехи. Освободившись от доспехов, он снял куртку и стал ловко карабкаться по дереву. Долез до сокола, распутал его, привязал к сухому сучку и сбросил вниз. Дама поймала сокола, и тут вдруг из замка вышел ее муж в доспехах и с обнаженным мечом в руке.

– Наконец-то ты мне попался, рыцарь Ланселот.

С этими словами он встал под деревом, готовясь зарубить сэра Ланселота.

– Ах, госпожа, – вскричал Ланселот, – зачем ты меня предала?

– Она сделала то, что я ей приказал, – ответил за жену сэр Фелот. – И тут уж ничего не поделаешь – пришел твой смертный час.

– Позор на твою голову, – воскликнул Ланселот, – вооруженный рыцарь убивает безоружного человека, которого предали.

– При чем тут благородство? Спасайся, если можешь, – прорычал сэр Фелот.

– Что ж, – ответил Ланселот, – раз ты так решил, то заberi мои доспехи, но только повесь на сук мой меч, чтобы я мог его достать, и тогда уж убивай меня, если сумеешь.

– Ну уж нет, – ответил сэр Фелот, – я хорошо знаю тебя, поэтому оружие ты не получишь.

– Увы, – воскликнул тогда сэр Ланселот, – придется рыцарю умирать безоружным.

Говоря это, он поглядел вокруг и увидел прямо над головой крепкий сук, на котором не было листьев. Он обломил его и начал спускаться, отметив при этом, где стоит его конь, и таким образом спрыгнул на землю, чтобы тот оказался между ним и сэром Фелотом. Сэр Фелот замахнулся мечом, но Ланселот отразил удар толстым суком, а затем с размаху обрушил его на голову сэра Фелота. От удара сэр Фелот, потеряв сознание, упал на землю. Сэр Ланселот подошел к противнику и его же мечом отсек ему голову.

– О, – вскрикнула дама, – зачем ты убил моего мужа?

– Это не моя вина, – ответил сэр Ланселот. – Это вы вдвоем коварно задумали убить меня, а все обернулось против вас.

Дама лишилась чувств, а сэр Ланселот поспешно облачился в доспехи, поскольку опасался других засад, ведь замок рыцаря был рядом. Он поспешно вскочил на коня и поскакал прочь, возблагодарив Бога за избавление от страшной опасности.

За два дня до праздника Пятидесятницы сэр Ланселот вернулся домой. Король и весь

³² Должник (или должик) – обычно прочный узкий ремешок или шнур длиной несколько меньше метра, привязывается к путцам из тонких кожаных ремешков, снабженный на концах небольшими, но прочными медными или латунными колечками, сквозь которые пропускают должник. (Примеч. пер.)

двор очень обрадовались его приезду. А когда сэр Гавейн, сэр Ивейн, сэр Саграмур и сэр Эктор Окраинный увидели Ланселота в доспехах сэра Кая, они уже не сомневались, что это он свалил их всех четверых одним копьем. И по этому поводу было много смеха и веселья. А между тем ко двору стали прибывать один за другим бывшие узники сэра Тарквина, и все они восхваляли сэра Ланселота. Сэр Гахерис услышал голос сэра Ланселота и сказал:

– Я видел весь бой от начала и до конца.

Он поведал королю Артуру, как все происходило, и прибавил, что сэр Тарквин был могущественнейший из рыцарей, каких доводилось ему видеть, не считая лишь сэра Ланселота. Следом сэр Кай рассказал королю, как сэр Ланселот спас его от верной гибели и как заставил трех рыцарей признать себя «не его пленниками, а моими». Присутствовавшие при разговоре трое рыцарей подтвердили слова сэра Кая.

– А потом, клянусь Богом, – заключил сэр Кай, – сэр Ланселот взял мои доспехи, мне же оставил свои, и я ехал в мире и спокойствии, ибо никто не желал со мной драться.

И была в ту пору у сэра Ланселота слава такая, как ни у кого из рыцарей на свете, и почитал его всяк – и велик и мал.

Глава 6

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛАНСЕЛОТА. СЛУЧАЙ С ТЕЛЕГОЙ

В начале мая королева Гинебра призвала к себе десять рыцарей Круглого стола и объявила, что назавтра рано утром она отправится на празднование наступления весны в окрестности Вестминстера.

– Повелеваю вам, чтобы каждый из вас явился на добром коне и с ног до головы облаченный в зеленое, в шелк или полотно. Со мной поедут десять дам, так что каждому рыцарю будет дама. Только пусть каждого рыцаря сопровождает оруженосец и двое прислужников, и повелеваю всем им явиться верхом на лучших конях.

Этими рыцарями были сэр Кай-сенешаль, сэр Агравейн, сэр Брандель, сэр Саграмур Желанный, сэр Додинас Свирепый, сэр Озанна Храброе Сердце, сэр Ладиас из Дикого Леса, сэр Персиант Индийский, сэр Айронсайд Железный Бок, по прозвищу Рыцарь Красного Поля, и сэр Пелеас Влюбленный. Все эти десять рыцарей с особой тщательностью снарядились сопровождать королеву. И вот ранним майским утром они уселись на коней и вместе с королевой в веселом настроении поехали по лесам и лугам праздновать наступление весны, и самое позднее в десять часов королева хотела вернуться к королю Артуру. Но был один рыцарь по имени сэр Мелегант, сын короля Багдемагуса, и этот рыцарь получил в те дни в дар от короля Артура замок примерно в семи милях от Вестминстера. Надо сказать, что сэр Мелегант уже многие годы питал любовь к королеве Гинебре. Он постоянно устраивал засады, чтобы силою захватить королеву, но ни разу не отважился напасть из-за сэра Ланселота, ибо не решался тронуть королеву, если с нею рядом или где-то поблизости находился сэр Ланселот. В те дни был такой обычай, что королева никогда не ездила без сопровождения вооруженных рыцарей. В основном это были молодые люди, и их так и называли – рыцари королевы. Никогда, ни в битвах, ни в поединках, они не носили никаких отличительных знаков, а лишь имели гладкие белые щиты. И когда кому-либо из них случалось больше других отличиться в бранном деле, то в ближайший праздник Пятидесятницы, если умирал или погибал в бою кто-нибудь из рыцарей Круглого стола – а в те времена не проходило года, чтобы хоть одним рыцарем не стало меньше, – тогда на освободившееся место избирался достойнейший из рыцарей королевы. Так был избран еще задолго до того, как прославился, и сэр Ланселот, и все остальные тоже.

Итак, этот рыцарь сэр Мелегант разузнал о том, куда направляется королева, и о том, что сэра Ланселота при ней нет, а сопровождают ее лишь десять рыцарей, облаченных в зеленые одежды в связи с весенним праздником. Он собрал двадцать вооруженных рыцарей и сотню лучников и приготовился напасть на королеву, поскольку рассудил, что самое время завладеть той, которую он любил. Скачет по лесу королева со своими рыцарями,

украшенными зелеными уборами из трав, мхов и цветов, и вдруг выскакивает из рощи им наперерез сэр Мелегант со ста шестьюдесятью воинами в полном боевом снаряжении и кричит королеве и ее рыцарям, чтобы они остановились, поскольку, хотят они того или нет, им все равно придется покориться.

– Рыцарь-изменник! – вскричала королева Гиневра. – Что ты задумал? Или ты решился опозорить себя навеки? Вспомни, ведь ты – королевский сын и рыцарь Круглого стола, а ты собрался причинить обиду благородному королю, посвятившему тебя в рыцарство! Ты позоришь рыцарское звание, ты позоришь себя и меня. Но знай, что меня тебе опозорить не удастся никогда, ибо я скорее перережу себе горло, чем позволю тебе меня обесчестить!

– Что касается ваших слов, – ответил сэр Мелегант, – то это мы еще увидим. Да будет вам известно, госпожа, что я уже много лет люблю вас и никогда до сих пор не мог к вам приблизиться. И потому, как бы там ни было, я все равно вас не отпущу.

Тут в разговор вступили рыцари и в один голос сказали:

– Сэр Мелегант, знай, что ты погубишь свою честь и покроешь себя позором. Хотя мы в численности уступаем твоему отряду, но, чем отдавать на бесчестье королеву и самим лишиться чести, мы скорее согласимся положить свои жизни, поскольку в противном случае мы будем опозорены навеки.

– Что ж, готовьтесь, как можете, к бою и защищайте с оружием в руках свою королеву! – ответил им сэр Мелегант.

Тогда десять рыцарей Круглого стола обнажили мечи, и воины Мелеганта устремились на них с копьями. Рыцари мужественно защищались и отбили удары, сломав копья противника. После этого они стали биться на мечах и бились до тех пор, пока с тяжелыми ранами не упали на землю сэр Кай, сэр Саграмур, сэр Агравейн, сэр Додинас, сэр Ладиас и сэр Озанна. Но сэр Брандель, сэр Персиант, сэр Айронсайд и сэр Пелеас еще долго продолжали бой, хотя и истекали кровью. Десять рыцарей Круглого стола, прежде чем были выведены из боя, зарубили сорок противников, самых храбрых и искусных в бою. Когда королева увидела, что все ее рыцари тяжело ранены и непременно будут убиты, она заплакала от жалости и горя и с такими словами обратилась к Мелеганту:

– Сэр Мелегант, не убивай моих благородных рыцарей, и тогда я соглашусь пойти за тобой, но при условии, что ты сохранишь им жизнь и они будут сопровождать меня, куда бы ты меня ни увез. Я скорее лишу себя жизни, чем отправлюсь с тобой без этих благородных рыцарей.

– Госпожа, – ответил сэр Мелегант, – ради вас я согласен, чтобы они отправились в мой замок, если вы будете вести себя благоразумно и поедете со мной.

Королева крикнула оставшимся четырем рыцарям, чтобы они прекратили бой, если не хотят с ней расстаться.

– Госпожа, – ответил ей сэр Пелеас, – мы сделаем так, как вы прикажете, но что касается меня, то мне теперь все равно – жить или умереть.

А ведь этот сэр Пелеас наносил такие мощные удары, что их не могли выдержать никакие доспехи.

По приказу королевы рыцари прекратили бой. Часть раненых рыцарей усадили в седла, а некоторых положили поперек седла: на это нельзя было смотреть без слез. Затем сэр Мелегант потребовал, чтобы ни один из рыцарей ни на шаг не отходил от королевы, поскольку боялся, как бы Ланселот Озерный не узнал о том, что произошло. Королева прекрасно поняла, чего он боится, и незаметно подозвала к себе одного из пажей.

– Улучи момент и скачи к сэру Ланселоту. Передай ему это кольцо и попроси во имя любви ко мне приехать и спасти меня. И не жалея коня ни на суше, ни на воде, – тихо сказала королева.

Паж улучил момент, прищипил коня и поскакал во весь опор. Сэр Мелегант, заметив бегство паж, сразу догадался, что королева послала его к сэру Ланселоту. В погоню за ним бросились лучшие всадники; ему в спину стреляли лучшие стрелки, но юноше удалось уйти от погони.

И тогда сэр Мелегант сказал королеве:

– Госпожа, вы решили предать меня, но я позабочусь о том, чтобы сэр Ланселот не скоро смог до вас добраться.

После этого они, не теряя времени, отправились в его замок. На дороге сэр Мелегант оставил засаду из тридцати лучших лучников, каких только можно было найти в тех краях, и приказал караулить сэра Ланселота. Он описал им внешность сэра Ланселота и сказал, что, как только появится этот рыцарь на белом коне, нужно любым способом убить под ним коня, но с рыцарем в бой не вступать, поскольку одолеть его им не под силу. После прибытия в замок королева ни на минуту не отпускала от себя никого из своих рыцарей и дам; они постоянно находились при ней.

Паж, спасшись от погони, приехал в Вестминстер, быстро разыскал сэра Ланселота, пересказал ему слова королевы и вручил ее кольцо.

– О, я буду опозорен навеки, если не спасу мою прекрасную даму от бесчестия! – воскликнул сэр Ланселот.

И он громко крикнул, чтобы ему поскорей подали доспехи. Юный паж рассказал сэру Ланселоту о том, как храбро сражались десять рыцарей, но доблестнее всех оказались сэр Пелеас, сэр Айронсайд, сэр Брандель и сэр Персиант, и особенно сэр Пелеас, поскольку его ударов не выдерживали ни одни доспехи, и как они сражались до тех пор, пока все не были повержены; и как королева, ради спасения их жизни, согласилась последовать за сэром Мелегантом.

– Неужели эта благороднейшая из дам обречена на гибель? Даже если бы мне предложили всю Францию, я предпочел бы очутиться рядом с моей королевой с оружием в руках, – сказал Ланселот.

Уже сидя в доспехах на коне, он попросил пажа королевы пойти к сэру Лавейну и рассказать ему, почему сэр Ланселот так поспешно уехал.

– И скажи ему, если он меня любит, пусть поспешит вслед за мной и скачет не переводя дух, пока не достигнет замка Мелеганта. Там он узнает обо мне, если только я буду жив и спасу королеву и десять рыцарей, которых Мелегант предательски взял в плен. Доказательством будет голова его и всех тех, кто вместе с ним.

Поскакал сэр Ланселот во весь опор, и говорили, что у Вестминстерского моста он переплыл на коне Темзу и вышел на берег у Ламбита. Очень скоро он добрался до того места, где благородные рыцари бились с воинами сэра Мелеганта. Сэр Ланселот ехал по их следам до тех пор, пока не заехал в лес, где ему преградили путь тридцать лучников и крикнули, чтобы он поворачивал и не ехал дальше этой дорогой.

– Кто вы такие, – спросил сэр Ланселот, – чтобы указывать мне, рыцарю Круглого стола, где сворачивать с пути?

– Здесь ты не сможешь проехать, разве что пойдешь пешком, потому что конь под тобой будет сейчас убит, – ответили лучники.

– Невелика доблесть убить коня. А что касается меня, то я и без коня справлюсь с вами, будь вас даже не тридцать, а пятьсот человек!

Выпустив множество стрел, лучники убили коня сэра Ланселота. Тогда он освободил ноги из стремян и встал на дороге, но его отделяло от лучников столько преград, что он не мог до них добраться.

– Позор, когда один рыцарь предает другого! – сказал сэр Ланселот. – Но старая пословица говорит: «Доброму человеку лишь тогда грозит опасность, когда он во власти труса».

И сэр Ланселот зашагал дальше. Ему тяжело было идти в доспехах, со щитом и копьем, но он не решался бросить что-нибудь из снаряжения, поскольку опасался очередной западни, приготовленной для него сэром Мелегантом. Вдруг он увидел возчика на телеге, который приехал в лес за дровами.

В те времена телеги использовали крайне редко, только для перевозки мусора и доставки преступников к месту казни. Но сейчас сэр Ланселот думал только о спасении

королевы, и его меньше всего заботило, что и как перевозится на телегах.

– Скажи мне, – спросил крестьянина сэр Ланселот, – сколько ты возьмешь с меня за то, чтобы отвезти в замок? До него меньше двух миль.

– Ты не должен залезать в телегу, поскольку меня послали в лес за дровами для моего господина сэра Мелеганта.

– Вот с ним-то я и хочу поговорить, – сказал сэр Ланселот.

– Но я не повезу тебя, – заупрямился крестьянин.

Тогда сэр Ланселот бросился к нему и нанес удар такой силы, что несчастный выпал из телеги и замертво свалился на землю. Второй возница, испугавшись, что его ждет участь товарища, взмолился:

– Не губите мою жизнь, милостивый господин, я отвезу вас, куда пожелаете.

Сэр Ланселот забрался в телегу, и возчик припустил галопом. Так случилось, что в это время мимо проезжал сэр Гавейн, который, увидев вооруженного рыцаря, передвигающегося таким необычным способом, решил подъехать и выяснить, кто бы это мог быть. Сэр Ланселот рассказал ему, что королеву похитили и что он, потеряв коня, был вынужден воспользоваться телегой.

– Но это недостойно рыцаря! – выслушав рассказ сэра Ланселота, воскликнул сэр Гавейн.

Однако сэр Ланселот не обратил внимания на его слова.

В сумерках они подъехали к замку, и госпожа в сопровождении служанок вышла, чтобы приветствовать сэра Гавейна. Но ей очень не понравился его спутник, которого она приняла за преступника или, по крайней мере, за пленника, и она не хотела впускать его в замок. Но сэр Гавейн настаивал, и она была вынуждена согласиться. Хозяйка замка собиралась отправить сэра Ланселота ужинать на кухню, и только благодаря вмешательству сэра Гавейна он был допущен к господскому столу. Служанки не приготовили ему постель, и он сам нашел свободную спальню, лег в постель и крепко уснул.

Утром из башни замка сэр Ланселот увидел кавалькаду, сопровождавшую госпожу, которую он принял за королеву. Сэр Гавейн согласился, что это вполне возможно. Хозяйка замка дала сэру Ланселоту коня, они поспешно покинули замок и понеслись по равнине. От встречных путешественников они узнали, что к замку сэра Мелеганта ведут две дороги, поэтому друзья разделились. Сэр Ланселот выбрал дорогу, полную препятствий, которые успешно преодолел, но потерял на этом много времени. Близился вечер, когда он встретил молодую, веселую девушку, которая предложила ему поужинать у нее в замке. Рыцарь, который к тому времени проголодался и устал, принял ее предложение, правда без особой радости. Он последовал за девушкой в ее замок и жадно набросился на ужин, не отвечая на ее заигрывания. Неожиданно ситуация изменилась; на него набросились шесть разъяренных головорезов, и он расправился с ними настолько решительно, что все они вскоре упали замертво. В мгновение все снова изменилось. Он опять сидел с прекрасной хозяйкой замка, которая сообщила, что она фея-хранительница и просто подвергла проверке его отвагу и преданность.

На следующий день фея показала ему дорогу и, прежде чем попрощаться, дала кольцо, которое, по ее словам, меняет цвет в присутствии колдунов, что позволит ему сопротивляться волшебным чарам.

Сэр Ланселот продолжил путь без особых происшествий, если не считать колкостей встречных путешественников, которые каким-то образом узнали о его позорной поездке в телеге. Один, самый дерзкий, имел даже наглость оторвать его от обеда, чтобы вызвать на бой. Легко одолев его, Ланселот заставил посрамленного нахала проехать в телеге.

Ночью его принимали в замке, оказывая нарочитое гостеприимство, а утром он, закованный в цепи, оказался в темнице. Сверившись с кольцом и поняв, что это всего лишь колдовство, сэр Ланселот разорвал цепи, надел доспехи, несмотря на сопротивление охранявших их призрачных чудовищ, открыл ворота замка и продолжил путь. Через некоторое время он подъехал к широкой и быстрой реке, преодолеть которую можно было

по очень узкому мосту, но каждый неосторожный шаг мог стоить рыцарю жизни. Сэр Ланселот поплыл рядом, держась за уздечку коня, который шел по мосту, но стоило ему выбраться на берег, как на него набросились лев и леопард. Довольно быстро он справился с обоими. Обессиленный, истекающий кровью сэр Ланселот сел на траву, чтобы перевязать раны, и тут к нему подошел Багдемагус, отец Мелеганта, замок которого был уже в поле зрения. Отец, не менее галантный, чем сын, был высокомерным и заносчивым. Выразив восхищение тем, как сэр Ланселот отважно и умело преодолел мост и справился с дикими животными, король Багдемагус предложил ему помощь и сообщил, что королева находится в безопасности в замке, но освободить ее можно только одним способом: вызвать на поединок Мелеганта. Сэр Ланселот потребовал, чтобы поединок состоялся на следующий день у подножия башни на глазах прекрасной пленницы. Сэр Ланселот сильно страдал от ран и сражался не так отчаянно, как всегда. Трудно было предугадать, чем кончится поединок, но тут Гиневра воскликнула:

– Ах, Ланселот, мой рыцарь! Значит, мне правильно сказали, что ты больше не достоин меня!

Эти слова подстегнули обессиленного рыцаря, и вскоре надменный противник лежал у его ног.

Сэр Ланселот уже готов был лишиться жизни поверженного сэра Мелеганта, когда Гиневра, тронутая горячими просьбами Багдемагуса, приказала ему отойти от сэра Мелеганта, и сэр Ланселот повиновался. Теперь замок и пленники были в его распоряжении. Сэр Ланселот поспешил в покои королевы, бросился перед ней на колени и собрался поцеловать руку своей прекрасной даме, когда она воскликнула:

– Ах, Ланселот! Неужели ты не понимаешь, что недостоин меня, поскольку путешествовал таким позорным...

Сэр Ланселот не дал ей закончить фразу. Горько сокрушаясь о том, что навлек на себя немилость королевы, он покинул замок, бросил меч направо, а щит налево, и исчез в лесу.

Похоже, история о злополучной телеге, которая преследовала сэра Ланселота на каждом шагу, достигла ушей сэра Кая, который пересказал ее королеве в качестве доказательства того, что ее рыцарь был опозорен. Но Гиневра уже пожалела о том, что так поспешно поверила в эту историю. Три дня сэр Ланселот бесцельно блуждал, пока не пришел к выводу, что его возлюбленную намеренно ввели в заблуждение, и он должен сам ей все объяснить. Он вернулся в замок, заставил Мелеганта освободить пленников и послал их встречать сэра Гавейна. На следующий день сэр Ланселот встретился с сэром Гавейном, и всей компанией они отправились в Камелот.

Глава 7

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛАНСЕЛОТА. ЛЕДИ ИЗ ШАЛОТТА

Король Артур объявил о проведении турнира в Винчестере. Король, с неменьшим нетерпением, чем его рыцари, ждавший этого праздника, отправился туда за несколько дней до его начала, чтобы проследить за приготовлениями к турниру, оставив королеву с ее свитой в Камелоте. Сэр Ланселот под предлогом плохого самочувствия тоже остался в Камелоте. Дело в том, что он задумал присутствовать на турнире инкогнито, и сообщил о своем плане Гиневре. После этого он вскочил на коня, и один, без слуг, переодетый стариком, направился в Винчестер по боковой дороге. Встречные принимали его за старика, который едет посмотреть турнир. Даже Артур и сэр Гавейн, заметившие неизвестного старца, проезжавшего под окнами замка, не признали в нем сэра Ланселота. Но его выдала случайность. Его конь захромал, и наш герой, забыв на мгновение, что он притворяется слабосильным стариком, с такой характерной для него легкостью вправил коню ногу, что все тут же признали в старике неподражаемого сэра Ланселота. Однако они позволили ему продолжить путь в полной уверенности, что его блестящее владение оружием не останется незамеченным на предстоящем турнире, и ему не удастся скрыться под маской старика.

Вечером в соседнем замке Шалотт незнакомому рыцарю, а это был Ланселот, устроили пышный прием. У владельца замка были красавица дочь и два сына, недавно посвященные в рыцари. Один из братьев заболел и потому не мог принять участие в турнире, к которому братья долго готовились. Ланселот предложил сопровождать на турнир второго брата, если ему позволят воспользоваться доспехами больного. Владелец замка Шалотт, не зная имени гостя, который тем не менее внушал ему доверие, сказал, что сын вряд ли найдет более достойного спутника, и охотно принял его предложение. Дочь владельца замка, которую незнакомец поразил с первой минуты, не сводила с него глаз. Ужин еще не подошел к концу, а девушка уже успела влюбиться в рыцаря, и ее бледное лицо то и дело заливала краска смущения. Все это не ускользнуло от внимания сэра Ланселота, и девушка была вынуждена удалиться в свои покои, где дала волю слезам. Сэр Ланселот поспешил передать ей через брата, что его сердце уже занято, но ему будет приятно выступать в качестве ее рыцаря на предстоящем турнире. Девушка, обрадованная проявленной рыцарем галантностью, вручила ему свой шарф, который он должен был носить на турнире.

Сэр Ланселот с молодым рыцарем выехали ранним утром и по пути в Винчестер заехали в замок, принадлежавший сестре владельца замка Шалотт, которая оказала им радушный прием. На следующий день они надели доспехи, простые, без украшений, какие обычно бывают у молодых людей в первый год после посвящения в рыцари; свита могла распознать их только по красному цвету щитов. Ланселот привязал к шлему шарф, подаренный девушкой из Шалотта, и в таком виде отправился на турнир, где рыцари разделились на два отряда: один под командованием сэра Галахада, другой во главе с королем Артуром. Понаблюдав какое-то время за поединком и заметив, что отряд сэра Галахада начал сдавать позиции, сэр Ланселот с молодым рыцарем присоединились к его отряду, причем молодой человек выбирал в качестве противников молодых рыцарей, а сэр Ланселот сражался с самыми известными рыцарями Круглого стола. Первую победу он одержал над сэром Гавейном, вторую над сэром Борсом, а затем над сэром Лионелем. Зрители были поражены; все считали, что такое под силу только сэру Ланселоту Озерному. К тому же сбивал с толку шарф на шлеме, поскольку было известно, что сэр Ланселот носит только отличительные знаки своей королевы. Наконец сэр Эктор, брат Ланселота, вступил с ним в схватку и во время яростной атаки нанес ему серьезную рану. В ответ Ланселот ударом по шлему оглушил противника, и тот как подкошенный рухнул на землю. А победитель в сопровождении молодого рыцаря ускорил шаг.

Они вернулись в Шалотт, где Ланселота окружили вниманием и заботой граф, его сыновья и, прежде всего, красавица дочь. Ее умение врачевать раны помогло быстрому выздоровлению рыцаря. Сэр Ланселот уже почти полностью восстановил здоровье, когда сэр Эктор, сэр Борс и сэр Лионель, которые после возвращения двора в Камелот решили отправиться на поиски приключений, увидели его прогуливающимся по стене замка. Встреча была радостной, и три дня в замке прошли в непрерывных развлечениях. Друзья подтрунивали друг над другом, вспоминая прошедший турнир. Ланселот, который вначале грозился отомстить человеку, нанесшему ему тяжелые раны, заявил, что гордость за искусное мастерство и доблесть брата достойная плата за перенесенную боль. Когда пришло время прощаться, сэр Ланселот передал королеве письмо, в котором написал, что вернется, как только надлежащим образом простится с гостеприимными хозяевами и прекрасной девушкой из Шалотта.

Молодая леди, после тщетной попытки задержать сэра Ланселота с помощью слез и настойчивых просьб, смотрела вслед Ланселоту, понимая, что он не оставил ей никакой надежды.

Турнир проводился в начале лета, но миновало уже несколько месяцев с отъезда сэра Ланселота, и надвигалась зима. Силы девушки из замка Шалотт постепенно таяли, здоровье ухудшилось, и она чувствовала, что больше не может жить вдали от возлюбленного. Она покинула замок, спустилась к реке, села в лодку и поплыла вниз по течению в сторону Камелота.

Как-то утром король Артур и сэр Лионель увидели из окна башни, стены которой омывала река, богато украшенную лодку под пологом из золотистой ткани, которая плыла по течению, как им показалось, без всякого управления. Наконец лодка уткнулась в берег, и они поспешили к реке. В лодке под пологом они нашли мертвое тело красавицы, в которой сэр Лионель сразу узнал прекрасную дочь владельца замка Шалотт. Продолжив осмотр лодки, они нашли кошелек, украшенный золотом и драгоценными камнями, а в нем письмо. Король Артур взял письмо и увидел, что оно адресовано ему и всем рыцарям Круглого стола. В письме говорилось, что сэр Ланселот Озерный самый лучший рыцарь и самый красивый мужчина, но при этом самый безжалостный, что и послужило причиной смерти несчастной девушки, чья любовь была столь всепоглощающей, что она не смогла смириться с его жестокосердием.

Король распорядился похоронить девушку со всеми подобающими ее положению почестями и рассказал рыцарям историю ее любви.

История о «красавице Элейн, прекрасной деве из Астолата», рассказанная Теннисоном в «Королевских идиллиях», конечно же не что иное, как история леди из Шалотта.

Глава 8

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛАНСЕЛОТА. КОРОЛЕВА ГИНЕВРА В ОПАСНОСТИ

Случилось так, что жизнь королевы Гинеvры оказалась в большой опасности. Некий оруженосец из ее личной свиты по какой-то причине возненавидел сэра Гавейна и решил отравить его во время званого вечера. Он напoтал ядом самое красивое яблоко, положил его на блюдо с яблоками с самого верха, а блюдо поставил перед королевой, решив, что, поскольку сэр Гавейн как рыцарь занимает высокое положение, королева именно ему предложит это яблоко. Но в этот день ко двору прибыл шотландский рыцарь, тоже занимавший высокое положение. Его посадили рядом с королевой, и ему королева предложила отравленное яблоко. Едва надкусив яблоко, он почувствовал резкую боль и свалился без чувств. Все, конечно, пришли в замешательство: рыцари встали из-за стола, бросая негодующие взгляды на несчастную королеву, слезы и оправдания которой не смогли снять с нее подозрений. Несмотря на предпринятые попытки спасти рыцаря, он умер, и не оставалось ничего другого, как устроить пышные похороны и установить на его могиле памятник.

Некоторое время спустя сэр Мадор, брат погибшего рыцаря, прибыл ко двору короля Артура, чтобы выяснить, что произошло с братом. Во время охоты в лесу он случайно наткнулся на могилу, прочел надпись на надгробии и приехал ко двору с твердым желанием немедленно отомстить убийце. Он въехал на коне в зал, громко обвинил королеву в измене и потребовал подвергнуть ее наказанию, если она к такому-то дню не найдет рыцаря, готового ради доказательства ее невиновности подвергнуть риску свою жизнь. Артур, несмотря на свое могущество, не решился отвергнуть его требование и с тяжелым сердцем дал согласие. Мадор уехал, оставив королевскую чету в страхе и тревоге.

В течение всего этого времени Ланселот отсутствовал, и никто не знал, где он. После того как королева упрекнула его за любовь к леди из Шалотта, шарфом которой Ланселот украсил свой шлем на турнире, разгневанный рыцарь покинул свою повелительницу. Он поселился в лесу в жилище отшельника и решил больше не думать о жестокой красавице, которая, как ему казалось, своим обращением показывала, что желает избавиться от него. Однако, имея возможность спокойно все обдумать, он несколько умирил гнев и понял, что хочет помириться со своей повелительницей, хотя и понимал, что вряд ли может рассчитывать на успех. И тут, на счастье, до него дошли слухи о вызове, брошенном сэром Мадором. Он сразу почувствовал прилив сил и с большой радостью стал готовиться к поединку, победа в котором могла вернуть ему расположение королевы и благодарность суверена.

Печальная судьба леди из Шалотта полностью оправдала Ланселота в глазах королевы

и показала безосновательность обвинений его в неверности. Королева горько плакала, рассказывая, что затеяла глупую ссору, из-за которой в такое трудное для нее время осталась без самого надежного защитника.

Поскольку день, назначенный сэром Мадором, приближался, ей требовалось найти другого рыцаря, который встал бы на ее защиту, и она по очереди обращалась к сэру Эктору, сэру Лионелю, сэру Борсу, сэру Гавейну, чтобы они приняли участие в поединке. Она падала перед ними на колени, призывала в свидетели своей невиновности Небеса, но все они отвечали, что не могут биться за ту, чей поступок, свидетелями которого они были, привел к фатальному исходу. Она ушла от них ни с чем, не найдя утешения, но представляя мысленно костер, на котором ей будет суждено сгореть, если ее признают виновной. Королева лихорадочно искала выход. Она вновь обратилась к сэру Борсу, бросилась к нему в ноги, молила о милосердии и неожиданно потеряла сознание. Храбрый рыцарь не устоял перед ее слезами. Он поднял королеву и пообещал, что встанет на ее защиту, если не найдется другого, более достойного рыцаря. Затем сэр Борс созвал друзей и сообщил им о принятом решении, но, поскольку поединок с сэром Мадором был смертельно опасным предприятием, друзья решили проводить его утром в лес к жилищу отшельника, где он хотел перед тем, как принять вызов, получить отпущение грехов. Въехав в лес, они увидели скачущего им навстречу рыцаря, в котором узнали сэра Ланселота. Обрадованные встречей, они в ответ на его вопросы подтвердили слухи об опасности, грозящей королеве. Сэр Ланселот велел им возвращаться ко двору, насколько возможно успокоить королеву, но ничего не говорить о его намерении выступить в ее защиту, поскольку он хочет появиться на поединке под видом неизвестного искателя приключений.

Обедня уже закончилась, когда рыцари вернулись в замок, и им не представилось возможности поговорить с королевой до обеда. Среди гостей царило тягостное молчание; даже Артур не мог скрыть печали. Несчастливая Гинебра, застывшая словно статуя, по лицу которой непрерывным потоком текли слезы, в ужасе ждала появления сэра Мадора. Наконец он вошел в зал и громовым голосом, казавшимся еще более громким из-за повисшей в зале тишины, потребовал немедленного наказания виновной. Артур с достоинством ответил, что назначенный день еще не истек, и в оставшееся время может появиться рыцарь, который удовлетворит стремление Мадора к бою. Тут из-за стола вышел сэр Борс и, вскоре вернувшись в доспехах, опять занял свое место. Король, несколько прибодрившись, обнял и поблагодарил своего рыцаря. Сэр Мадор, выказывая растущее нетерпение, вновь высказал желание отомстить за брата и потребовал больше не откладывать поединок.

В разгар спора в зал въехал рыцарь на черном коне, в черных доспехах, с опущенным забралом и с копьём в руке.

– Сэр, – обратился к нему король, – не желаете ли спешиться и разделить нашу трапезу?

– Нет, сэр, – ответил рыцарь, – я приехал, чтобы спасти жизнь женщины. Королева одаривала благосклонностью и воздавала почести многим рыцарям, но в трудный час рядом с ней не оказалось никого, кто смог бы защитить ее. Сегодня тому, кто осмелился обвинить ее в предательстве, потребуется вся его сила.

Сэр Мадор, хотя и был удивлен, не испугался мрачного вида противника и приготовился к бою. После первого удара оба вылетели из седла. Тогда они выхватили мечи, и начался бой, который продолжался с полудня до вечера, когда сэр Мадор стал терять силы, упал на землю и был вынужден просить о пощаде. Победитель, уже занесший руку с мечом над головой поверженного противника, опустил меч, помог подняться сэру Мадору и искренне признался, что никогда не встречался с более достойным противником. Сэр Мадор торжественно поклялся, что не будет мстить за смерть брата, и оба рыцаря, ставшие теперь лучшими друзьями, сердечно обнялись. Когда незнакомец снял шлем, король Артур узнал в нем сэра Ланселота. В сопровождении рыцарей он бросился к сэру Ланселоту, чтобы поприветствовать и поблагодарить своего спасителя. Гинебра потеряла голову от радости, и место сражения неожиданно превратилось в место ликования.

Общая радость еще усилилась, когда удалось найти настоящего преступника. Он случайно навлек на себя подозрение, и ему пришлось сознаться в совершенном злодеянии. Он понес наказание в присутствии сэра Мадора.

Двор вернулся в замок, который король Артур в знак благодарности передал сэру Ланселоту.

Это была история сэра Ланселота. А теперь давайте перейдем к истории сэра Тристрама Лионесского.

Глава 9

ИСТОРИЯ ТРИСТРАМА ЛИОНЕССКОГО

Мелиодас был королем Лионессы, страны известной по рыцарским романам, которая некогда граничила с королевством Корнуолл, но теперь исчезла с карты, поглощенная, как полагают, океаном. Мелиодас был женат на Изабелле (Елизавете), сестре Марка, короля Корнуолла. В Мелиодаса влюбилась фея и, когда он охотился, колдовством заманила его в замок. Королева отправилась в лес на поиски мужа, но вскоре у нее начались родовые схватки, и она родила мальчика. Однако во время поисков она так сильно простудилась, что почти сразу после родов умерла. Младенца из-за печальных обстоятельств рождения назвали Тристрамом.³³

Говернал, дворянин, сопровождавший королеву, взял на себя заботы о младенце и передал его отцу, когда тот сумел избавиться от колдовских чар и вернулся домой.

Семь лет спустя Мелиодас женился вновь, и королева, ревнуя мужа к сыну, замышляла заговор с целью лишить мальчика жизни. Узнав об этом, Говернал бежал с мальчиком ко двору французского короля, где Тристрам был любезно принят. Там он изучил правила придворного этикета и рыцарства, научился владеть оружием, овладел игрой в шахматы и на музыкальных инструментах. Став старше, он увлекся охотой и превзошел в этом всех рыцарей французского двора. И не было ничего удивительного в том, что дочь короля Белинда влюбилась в него, но, поскольку он не отвечал ей взаимностью, в приступе гнева сумела настроить против него своего отца, и Тристрама изгнали из королевства. Вскоре принцесса раскаялась в своем поступке и в отчаянии покончила счеты с жизнью, написав перед смертью нежное письмо Тристраму и отправив ему в память о себе красивую и умную собаку, к которой была очень привязана. К тому времени Мелиодас уже умер и, поскольку на трон взошла королева, мачеха Тристрама, Говернал побоялся возвращаться с воспитанником на родину. Они поехали в Корнуолл к дяде Тристрама, Марку, который принял их очень радушно.

Король Марк жил в замке Тинтагель, который уже упоминался в истории об Утере и Игерне. Здесь Тристрам отличился во всех науках, которые должен освоить рыцарь, и в скором времени у него появилась возможность на деле показать доблесть и полученные навыки. Брат королевы Ирландии Моронт, прославленный воин, прибыл к королю Марку с требованием выплаты дани. Рыцари Корнуолла никогда не отличались храбростью, о чем упоминалось в рыцарских романах, и в этом случае повели себя не лучше. Королю Марку не удалось найти ни одного рыцаря, который согласился бы сразиться с ирландцем, и тогда его племянник Тристрам, еще не посвященный в рыцари, сам предложил выступить за Корнуолл и сразиться с ирландским рыцарем. Король Марк нехотя дал согласие. Тристрама посвятили в рыцари и назначили время и место поединка.

Не будем вдаваться в подробности этого знаменитого сражения, ставшего первым и одним из самых известных подвигов Тристрама, скажем только, что молодой рыцарь, получив серьезное ранение, раскроил голову Моронту, причем обломок меча остался в ране. Моронт, едва живой от полученных ран, стыдясь поражения, поспешил на корабль и отплыл

³³ Triste (фр.) – печальный. (Примеч. пер.)

в Ирландию. Вскоре по прибытии в страну он скончался.

Вот при каких обстоятельствах королевство Корнуолл освободилось от дани. Тристрам, ослабевший от потери крови, лишился чувств. Друзья бросились оказывать ему помощь. Они перевязали его раны, но наконецник копья Моронта был пропитан ядом, и одна рана не заживала. Были перепробованы все средства, но Тристраму день ото дня становилось все хуже. Лекари оказались бессильны. Тристрам попросил у дяди разрешения отправиться за помощью в королевство Лоэгррия (Англия). Получив согласие дяди, Тристрам взобрался на борт судна и, проведя много дней под парусом на море, по воле ветра пристал к побережью Ирландии. Он высадился на берег, радуясь и благодаря судьбу за то, что не дала ему погибнуть в морской пучине, сел и заиграл на роте.³⁴

Был летний вечер, и король Ирландии с дочерью, прекрасной Изольдой, любовались из окна видом на море. За неизвестным музыкантом послали слуг, привели его во дворец, и тут Тристрам понял, что попал в Ирландию, а ведь он совсем недавно убил рыцаря из этой страны. И Тристрам назвал себя Трострисом. Королева лично занялась исцелением рыцаря, и благодаря лечебным ваннам он быстро пошел на поправку. Тристрам, благодаря многочисленным талантам, стал частым гостем при дворе и вскоре взялся обучать прекрасную Изольду музыке и поэзии. Под его руководством она так преуспела в этих искусствах, что во всем королевстве, не считая ее учителя, не нашлось ей равных.

Король решил провести турнир, на который среди прочих были приглашены рыцари Круглого стола. В первый день абсолютным победителем стал сарацинский принц Паломид. В честь победителя во дворце устроили пир, на котором присутствовал Тристрам, совсем недавно оправившийся от ран. В этот день прекрасная Изольда была как никогда хороша. Паломид воспылал страстью к дочери короля и даже не пытался скрывать свои чувства. Ревность вызвала у Тристрама такую боль, что он понял, насколько дорога стала ему за это время Изольда.

На следующий день турнир продолжился. Тристрам, еще слабый после перенесенной болезни, встал ночью, взял свои доспехи и спрятал их в лесу недалеко от места проведения турнира. В этот день он принял в нем участие, победил всех, кто вступал с ним в бой, в том числе Паломиды, которого сначала выбил ударом копья из седла, а потом продолжил бой на мечах. Тристраму достался приз этого дня. Но от напряжения его рана опять открылась; началось сильное кровотечение, и его, обессиленного, но торжествующего от одержанной победы, принесли во дворец. Прекрасная Изольда целиком посвятила себя выхаживанию больного, и Тристрам быстро восстановил здоровье.

Как-то одна из придворных дам, войдя в кладовую, где хранились доспехи и оружие Тристрама, увидела, что его меч обломан. Она догадалась, что недостающий обломок остался в черепе Моронта. Она рассказала об этом королеве, которая приложила обломок меча, вынутый из черепа брата, к мечу Тристрама и поняла, что именно этим мечом был убит ее брат. Обливаясь слезами, она представила королю обнаруженные свидетельства вины Тристрама, и король признал обоснованность ее подозрений. Тристрам предстал перед королем и всей его свитой, и его осудили за то, что он посмел явиться сюда после убийства их родственника, брата королевы. Тристрам признался, что дрался с Моронтом из-за взимаемой с королевства дани, и объяснил, что оказался в Ирландии по воле ветра и волн. Королева требовала отомстить за смерть брата. Прекрасная Изольда побледнела, задрожала, но не произнесла ни слова. Однако в зале поднялся ропот, из которого можно было сделать вывод, что присутствующие не согласны с мнением королевы; это не повод, кричали они, лишать жизни такого красивого и отважного рыцаря. В конечном счете великодушные одержали победу над негодованием, и король согласился с мнением большинства. Тристрама целым и невредимым отпустили из дворца, но приказали немедленно покинуть королевство

³⁴ Рота – средневековый кельтский струнный инструмент, корпус которого напоминает колесо. Играющий держал роту как сейчас держат скрипку. (Примеч. пер.)

и никогда сюда не возвращаться. Тристрам вернулся в Корнуолл.

Король Марк заставил племянника подробнейшим образом поведать о своих приключениях. Тристрам описал свои приключения буквально по минутам, но, дойдя до описания прекрасной Изольды, заговорил с таким жаром, с каким может говорить только влюбленный мужчина. Король Марк был настолько поражен его рассказом, что, выбрав удобный момент, потребовал, чтобы Тристрам пообещал выполнить одну его просьбу.³⁵

И Тристрам с готовностью поклялся, что выполнит просьбу короля. Тогда Марк приказал ему отправиться в Ирландию и предложить прекрасной Изольде стать королевой Корнуолла.

Тристрам понимал, что возвращение в Ирландию грозит ему верной смертью, и в таком случае он не может выступать в качестве посла Марка. Однако, связанный клятвой, он ни минуты не колебался. Единственное, что он сделал, – это поменял доспехи, после чего отправился в Ирландию. Но буря прибила его корабль к берегам Англии, неподалеку от Камелота, где находился двор короля Артура; место, где находились рыцари Круглого стола и многие другие самые известные в мире рыцари.

Тристрам решил не открывать своего имени. Он принял участие в большом количестве поединков, в которых снискал себе славу. Однажды среди вновь прибывших ко двору он увидел короля Ирландии, отца прекрасной Изольды. Его обвиняли в измене королю Артуру, и он приехал в Камелот, чтобы снять с себя обвинение. В качестве обвинителя выступал Блаанор, один из наиболее сильных и опытных рыцарей Круглого стола, а у короля Аргия (Анген, Ангвисанс) уже не было ни молодого задора, ни сил, чтобы самому принять вызов, и ему пришлось искать рыцаря, готового доказать его невиновность. Однако рыцари Круглого стола могли сражаться друг с другом только в случае внутренних раздоров. Аргий слышал о неизвестном рыцаре и даже был свидетелем его подвигов. Он разыскал рыцаря, стал умолять выступить в его защиту и поклялся, что невиновен в преступлении, в котором его обвиняют. Тристрам с готовностью согласился и открыл королю свое имя. В свою очередь Аргий пообещал в случае победы одарить Тристрама, чем тот пожелает.

Тристрам сразился с Блаанором и победил его; теперь жизнь побежденного зависела от победителя. Поверженный рыцарь попросил Тристрама воспользоваться своим правом и нанести смертельный удар.

– Бог не простит, – ответил Тристрам, – если я отниму жизнь у такого отважного рыцаря!

Он помог Блаанору подняться и подвел к друзьям. Судьи поединка приняли решение снять обвинения с короля Ирландии и с почетом отвели Тристрама к его шатру. Король Аргий, преисполненный благодарности, уговорил Тристрама отправиться вместе с ним в Ирландию. Королева, забыв о своем желании отомстить за смерть брата, поблагодарила рыцаря, спасшего жизнь ее мужу.

Изольда обрадовалась, узнав, что отец обещал своему спасителю любую награду, какую бы тот ни попросил. Но несчастный Тристрам, памятуя о клятве, данной королю Марку, смотрел на нее взглядом полным отчаяния. Благородный по натуре, он не нашел в себе силы побороть любовь. Он рассказал о данной им клятве и с дрожью в голосе попросил отдать прекрасную Изольду в жены его дяде.

Аргий дал согласие, и скоро все было готово к отъезду Изольды. Сопровождать Изольду должна была ее любимая камеристка Брангвейн. В день отъезда королева отвела Брангвейн в сторону и сказала, что между ее дочерью и Тристрамом возникли нежные

³⁵ В основе рыцарства лежит честность. Если рыцарь давал слово (не важно, обдуманно или сгоряча), он должен был выполнить его любой ценой. Особенно если он клялся в этом человеку, обратившемуся к нему с просьбой. В рыцарских романах есть масса примеров, когда рыцарь, опрометчиво пообещавший выполнить любую просьбу, был вынужден совершить что-то себе во вред. Но исполнение любых желаний мы находим не только в рыцарских романах. История того времени представляет подлинные факты заключения затруднительных и абсурдных сделок. (Примеч. авт.)

чувства, и, чтобы не допустить беды, дала камеристке флакон с сильнодействующим приворотным зельем (любовным напитком), наказав подать его Изольде и королю Марку в день свадьбы.

Тристрам и Изольда вместе взойшли на корабль. Попутный ветер наполнил паруса, обещая им счастливое плавание. Возлюбленные смотрели друг на друга и не могли удержаться от тяжелых вздохов. Любовь, заставившая полыхать их сердца, казалось, иссушила их губы. День был жаркий, и они страдали от жажды. Изольда первой пожаловалась на жажду. Тристрам увидел бутылку с любовным напитком, которую Брангвейн по неосмотрительности оставила на видном месте. Он взял бутылку, дал напиток Изольде, а остаток выпил сам. Собака Худайн вылизала чашу, из которой они пили. Корабль приплыл в Корнуолл, и Изольда вышла замуж за короля Марка. Старый монарх был восхищен невестой, и его благодарность Тристраму не знала границ. Он осыпал его почестями и сделал камергером, тем самым позволив постоянно встречаться с королевой.

В разгар пиршеств, устроенных после королевской свадьбы, появился незнакомый менестрель с необычного вида арфой. Он вызвал любопытство у короля Марка, заявив, что будет играть только в том случае, если король выполнит его просьбу. Король обещал выполнить просьбу менестреля, который был не кем иным, как сарацинским рыцарем Паломидом, влюбленным в прекрасную Изольду. Под аккомпанемент арфы Паломид запел о том, что просит отдать ему прекрасную Изольду. По законам рыцарства король Марк не мог отказаться от своего обещания. Торжествующий воздыхатель усадил Изольду на коня и увез из замка короля Марка. Излишне говорить, что Тристрам в это время отсутствовал и вернулся уже после того, как они уехали. Узнав о том, что случилось в его отсутствие, он схватил свою роту и бросился на берег, где Изольда и ее новый повелитель уже сели на корабль. Тристрам заиграл на роте. Изольда услышала музыку, которая тронула ее до слез, и пожелала сойти на берег, чтобы посмотреть на музыканта, извлекающего из инструмента эти волшебные звуки; сэр Паломид был вынужден сойти вместе с ней. Тристрам не растерялся: схватил за поводья коня Изольды и бросился в лес, успев крикнуть сопернику, что все, что тот приобрел с помощью арфы, сейчас потерял из-за роты. Паломид бросился в погоню и догнал Тристрама с Изольдой. Если бы завязался бой, то он закончился бы смертью одного из этих рыцарей, но тут между ними встала Изольда и, обращаясь к Паломиду, сказала:

– Вы говорите, что любите меня, а значит, не откажете в моей просьбе.

– Леди, – ответил Паломид, – я выполню любое ваше желание.

– Откажитесь от поединка, отправляйтесь ко двору короля Артура и передайте от меня привет королеве Гиневре. Скажите ей, что в мире существуют только две дамы, она и я, и два возлюбленных, ее и мой, и впредь никогда не появляйтесь там, где буду находиться я.

Паломид разрыдался.

– О леди, я исполню вашу просьбу, но умоляю вас, не держите на меня зла.

– Паломид, – ответила Изольда, – я никогда не познаю радости любви, если изменю своему первому чувству.

Паломид уехал, а влюбленные провели целую неделю в уединенном месте, после чего Тристрам вернул Изольду ее мужу, посоветовав в следующий раз награждать менестрелей каким-нибудь другим образом.

Король выразил Тристраму огромную благодарность, но в его сердце уже поселилась ревность. Однажды Тристрам и Изольда находились вдвоем в покоях королевы. Подлый и трусливый рыцарь по имени Андрет стал подсматривать за ними в замочную скважину. Влюбленные сидели за столом и играли в шахматы, но было ясно, что игра их не увлекает. Андрет, предварительно возбудив в короле подозрение, привел его и предложил ему понаблюдать за игроками. Король, увидевший достаточно, чтобы подтвердились его подозрения, ворвался в покои с обнаженным мечом и вполне мог зарубить не ожидавшего нападения Тристрама. Но Тристрам сумел уклониться от удара, обнажил меч, отбил нападение трусливого монарха, который бросился спасаться бегством. Тристрам кинулся следом. Они бегали по дворцовым покоем, и Тристрам наносил королю удары мечом

плашмя. Марк напрасно призывал рыцарей спасти его: они либо не хотели, либо не осмеливались вмешаться и встать на его защиту.

Доказательством огромной популярности легенды о сэре Тристраме является тот факт, что итальянские поэты Боярдо и Ариосто создали на ее основе образ двух волшебных источников: любви и ненависти.³⁶

Вот как Боярдо описывает источник ненависти:

Прекрасен был фонтан: мосты,
Цветы, скульптуры, гроты.
И отраженья красоты
В воде и позолоте.

Мерлин не создал бы фонтан,
Не принеси герольды
Весть, что не получил
Тристан Согласие Изольды.

И воин, избежав беды,
И странствующий рыцарь,
Могли бы в шлем набрать воды —
Напиться ли – забыться ль...

...и от любви не умереть.
К волшебному фонтану
Не довелось, скитаясь, впредь
Приблизиться Тристану.

Глава 10 ТРИСТРАМ И ИЗОЛЬДА

После этого случая Тристрам был изгнан из королевства, а Изольду заточили в башню, стоящую на берегу реки. Тристрам не мог уехать, не встретившись с возлюбленной, поэтому спрятался в лесу, пока, наконец, ему не пришла мысль привлечь ее внимание с помощью веточек, которые он аккуратно обстригивал и пускал по течению реки, омывавшей башню, где находилась затворница. Таким образом он давал знать Изольде о себе. Тристрам жил в лесу, питаясь дичью, которую ему приносил пес по кличке Худайн. Это преданное животное было непревзойденным охотником и прекрасно понимало, что хозяину приходится скрываться; пес никогда не лаял, гоняясь за дичью. Наконец Тристрам уехал, оставив Изольде на память свою собаку.

Сэр Тристрам побывал во многих странах и, решаясь на самые рискованные предприятия, покрыл себя славой, но это не приносило ему удовлетворения, поскольку он не мог соединиться со своей несравненной Изольдой. Однако когда на земли короля Марка вторгся вождь соседнего племени, король был вынужден призвать на помощь племянника. Тристрам откликнулся на призыв, встал во главе дядиных вассалов и изгнал захватчика из

³⁶ Боярдо, граф ди Скандьяно – итальянский поэт, жил при дворе феррарских герцогов. Писал эклоги на латинском языке, на итальянском – сонеты и канцоны, подражал Петрарке. Славу приобрел своей поэмой «Orlando innamorato» («Влюбленный Роланд»). Боярдо превратил грубоватых героев каролингского цикла в рыцарей Круглого стола и наделил их характерами придворных кавалеров с утонченной и изнеженной культурой, со стремлением к наслаждению. Поэма имела огромный успех, заложив основу жанра, который был доведен до совершенства продолжателем Боярдо – тоже итальянским поэтом Лодовико Ариосто. (Примеч. пер.)

страны. Марк, преисполненный благодарности, был ему чрезвычайно благодарен, вернул Тристраму бывшее расположение и позволил видеться с Изольдой. Тристрам был на вершине счастья. Увы, счастье длилось недолго.

Как-то Тристрам привел с собой друга Фередина, сына короля Бретани. Этот молодой рыцарь увидел королеву Изольду и не смог устоять перед ее очарованием. Зная о любви своего друга к королеве и о том, что эта любовь взаимна, Фередин скрывал свои чувства до тех пор, пока не стал чахнуть от любви. Чувствуя, что смерть неминуема, он написал прекрасной королеве, что умирает от любви к ней.

Добрая Изольда из сострадания к другу Тристрама отправила ему такое теплое и сочувственное письмо, что вернула его к жизни. Спустя несколько дней Тристрам обнаружил это письмо. От охватившей его ревности он словно лишился разума и был готов убить Фередина. Тому с трудом удалось спастись.

Тогда Тристрам вскочил на коня и отправился в лес, где провел десять дней без сна и пищи. Там его, лежащего почти без чувств рядом с источником, нашла девушка. Она узнала Тристрама и попыталась привлечь его внимание, но, увы, безрезультатно. Тогда она вспомнила о его любви к музыке, принесла арфу и стала играть на ней. Тристрам очнулся, из его глаз полились слезы, и, сделав глубокий вдох, он взял арфу и запел балладу, перемежая пение глубокими вздохами.

В былые дни я напевал,
И о любви звучали
Те песни, без которых стал
Я жертвою печали.

Любви поработила власть
От юности меня...
Всех без разбора губит страсть,
Сгубившая меня.

В мой смертный час
В любви огне
Сгораю сир и наг!
Изольда, вспомни обо мне,
Мой самый милый враг.

Могильный камень, сохрани
Прохожим мой завет:
«Я жил благодаря любви,
В которой смерти нет!»...

Закончив петь, Тристрам записал балладу и попросил девушку передать ее королеве.

Королева оставалась безутешной в отсутствие Тристрама. Она поняла, что отъезд Тристрама связан с ее письмом Фередину. Изольда не чувствовала за собой вины, но в отчаянии от печальных последствий своего поступка она опять написала Фередину, запретив ему появляться перед ее глазами. Несчастный влюбленный подчинился ее жестокому требованию. Он отправился в лес и в жилище отшельника умер от горя и любви.

Изольда проводила дни в слезах, теряясь в догадках о судьбе Тристрама. Однажды ее ревнивый муж, незаметно войдя в покои жены, услышал, как она поет:

Мой голос похож на жалобный стон
Арфы, тоской плененный.
Любовь! Ты сулила мне жизнь как сон

Влюбленного и влюбленной.

Тристрам вдалеке от меня, никто
Не избегнет душевных мук.
Как же ты можешь быть далеко,
Мой нежный и милый друг?

При этих словах король впал в ярость, но Изольда была настолько погружена в горе, что не испугалась его гнева.

– Вы подслушивали меня, – сказала Изольда. – Признаюсь, я люблю Тристрама и всегда буду его любить. Не сомневаюсь, он мертв, и умер из-за меня. Я больше не хочу жить. Удар, который положит конец моим страданиям, я приму с огромной радостью.

Короля тронула исповедь прекрасной Изольды, и, возможно, мысль о смерти Тристрама уладила его гнев. Он оставил королеву на попечении служанок, чтобы она от отчаяния ничего не сделала с собой.

Тем временем Тристрам, чтобы отвлечься, оказал серьезную услугу пастухам, убив великана по имени Таулас, который повадился воровать животных из стада и грабить жилища пастухов. В благодарность за оказанную услугу пастухи отвели Тристрама к королю Марку, чтобы тот вручил ему достойную награду. Нет ничего удивительного в том, что король не признал в этом полураздетом, одичавшем человеке своего племянника Тристрама. В благодарность за услугу, оказанную незнакомцем, он приказал позаботиться о нем и передал на попечение королевы и ее служанок. Благодаря их уходу Тристрам быстро восстановил здоровье и стал, по словам романиста, еще красивее, чем прежде. Ревность короля Марка усиливалась по мере того, как к Тристраму возвращались здоровье и красота, и, хотя был в долгу перед Тристрамом, король вновь изгнал племянника из дворца.

Сэр Тристрам оставил Корнуолл и отправился в поисках приключений в Лоэгрию. Однажды он оказался в густом лесу. Услышав звук колокольчика, Тристрам понял, что рядом какой-то лесной обитатель. Он пошел на звук и увидел отшельника, который сообщил ему, что Тристрам находится в лесу, принадлежащем фее Вивиане, Озерной Деве, которая, сгорая от любви к королю Артуру, нашла способ заманить его в лес. С помощью чар она удерживала короля Артура в качестве пленника, полностью лишив его памяти; он даже забыл, кто он и как его зовут. Отшельник также сказал, что все рыцари Круглого стола отправились на поиски короля, а его, Тристрама, ждут необычайные приключения.

Этого было достаточно, чтобы Тристрам ринулся на поиски. Довольно скоро он встретил одного из рыцарей короля Артура. Им оказался сэр Кай, сенешаль, который спросил Тристрама, кто он и откуда. Тристрам ответил, что из Корнуолла, и сэр Кай не преминул отпустить шутку в адрес корнуолльского рыцаря. Тристрам решил не только оставить его шутку без внимания, но даже подыграл ему, а встретив еще нескольких рыцарей, отказался вступать с ними в поединок. Они вместе провели ночь в монастыре, где Тристрам терпеливо сносил шутки в свой адрес. Сенешаль договорился со своими спутниками отправиться в путь рано утром, чтобы перехватить на дороге корнуолльского рыцаря и повеселиться, наблюдая за его испугом, когда они вызовут его на поединок. Утром Тристрам обнаружил, что остался один. Он надел доспехи и решил продолжить поиски. Вскоре он увидел сенешаля и трех рыцарей, которые преградили ему путь и стали настаивать на поединке. Тристрам долго отказывался, но в конце концов занял боевую позицию. Он по очереди сразился с каждым рыцарем, поверг всех на землю, и людей, и лошадей, и, сказав на прощание, чтобы они не забывали своего друга корнуолльского рыцаря, продолжил путь.

Довольно скоро Тристрам увидел на дороге девушку.

– О мой повелитель! – крикнула она. – Поспешి вперед и не дай свершиться страшному предательству!

Тристрам поспешил на помощь и вскоре увидел рыцаря, которого трое других повалили на землю и пытались снять шлем, чтобы отрубить голову.

Тристрам не раздумывая бросился на помощь и ударом копья убил одного из нападавших. К тому времени поверженный на землю рыцарь успел подняться и поразил мечом второго из нападавших, а третий бросился бежать. Спасенный Тристрамом рыцарь поднял забрало, и длинная седая борода опустилась ему на грудь. Величие и достоинство рыцаря подсказали Тристраму, что перед ним не кто иной, как король Артур, и рыцарь подтвердил его догадку. Тристрам изготавился преклонить колени, но Артур заключил его в объятия и спросил, кто он и откуда прибыл. Однако Тристрам отказался открыть свое имя, объяснив, что дело, которым он сейчас занимается, требует анонимности. В этот момент девушка, которая привела Тристрама, бросилась к Артуру, схватила его за руку и сняла с его пальца кольцо, подаренное феей. Колдовство рассеялось. Артур, к которому вернулись разум и память, пригласил Тристрама вместе отправиться во дворец, чтобы воздать Тристраму полагающиеся почести, но Тристрам отказался, согласившись только сопровождать короля во дворец, чтобы передать его целым и невредимым на попечение рыцарей. Не успели они далеко отъехать, как встретили Эктора Окраинного, который подъехал к королю и учтиво поздоровался. Король представил его Тристраму как одного из самых отважных рыцарей. Тристрам попрощался с королем и его преданным рыцарем и продолжил свое путешествие.

У нас нет возможности рассказать обо всех приключениях Тристрама в этот период его жизни. Достаточно сказать, что во всех случаях он вел себя как подобает настоящему рыцарю: приходил на помощь угнетенным, наказывал зло, отменял несправедливые законы и боролся с несправедливостью. Одним словом, своими активными действиями старался заглушить боль от разлуки с той, которую любил больше всего на свете. Тем временем Изольда, разлученная с дорогим ее сердцу Тристрамом, проводила дни в тоске, постепенно теряя силы. Наконец она поняла, что не может сопротивляться желанию узнать хоть что-нибудь о возлюбленном. Она написала письмо и вручила его одной из своих служанок, племяннице верной Брангвейн. Однажды Тристрам, уставший от постоянного напряжения сил, спешился, прилег у источника и провалился в сон. Служанка королевы Изольды как раз подошла к этому источнику, узнала Пассебрюля, коня Тристрама, а затем и его спящего хозяина. Он был худ и бледен, и весь его вид говорил о страданиях, которые он испытывал, находясь вдали от возлюбленной. Девушка разбудила Тристрама и отдала письмо, которое ей вручила Изольда. Тристрам испытал радость, свойственную всем влюбленным, и не только от полученного письма, но и от разговора о предмете своей любви. Он уговорил девушку остаться с ним до окончания рыцарского турнира, объявленного королем Артуром, и проводил ее в замок Персида, храброго и преданного рыцаря, который оказал девушке радушный прием.

Тристрам сопровождал служанку королевы Изольды на турнир, посадил ее среди придворных дам королевы Гиневры и только после этого присоединился к участникам турнира. Никто не смог превзойти его в силе и отваге. Сэр Ланселот пришел в восхищение от такого отважного и умелого рыцаря. Король Артур спустился с балкона, чтобы поздравить победителя, но скромный и преданный своей возлюбленной Тристрам, довольный, что стал победителем на глазах посланницы Изольды, удалился с турнира вместе с ней.

На следующий день турнир продолжился. Тристрам надел другие доспехи, чтобы его никто не мог узнать, но вскоре его выдала сила наносимых им ударов. Артур и Гинебра не сомневались, что это тот рыцарь, который накануне стал победителем. В Артуре проснулся рыцарский дух. Он считался лучшим рыцарем Круглого стола после сэра Ланселота Озерного и сэра Гавейна. Артур незаметно для окружающих надел доспехи и присоединился к участникам турнира. Вступив в поединок с Тристрамом, Артур сумел нанести ему удар, который пришелся в седлище, а Тристрам, не узнавший короля, выбил противника из седла. Артур пришел в себя и довольный тем, что на себе испытал силу незнакомого рыцаря, предложил сэру Ланселоту постоять за честь Круглого стола. Сэр Ланселот, выполняя просьбу короля, напал на Тристрама, который к тому моменту сломал копье. Однако по правилам турнира рыцарь, сломавший копье, должен был продолжать поединок, сражаясь мечом и защищаясь от ударов копья противника щитом. Тристрам выставил щит, но

Ланселот пробил его своим смертоносным копьем. Тристрам был ранен в бок, и обломок копья застрял в ране. Несмотря на полученную рану, Тристрам с такой силой ударил по шлему Ланселота, что насквозь пробил его. Рана была неглубокой, но кровь залила глаза Ланселоту, и он на какое-то время ослеп. Тристрам, решив, что смертельно ранен, покинул поле боя. Ланселот признался королю, что никогда прежде не получал столь сильного удара.

Тристрам поспешил к своему верному Говерналу, который вытащил обломок копья и перевязал рану, и Тристрам сразу почувствовал облегчение. Хотя после турнира Тристрам удалился в свой шатер, Артур с согласия рыцарей Круглого стола объявил его победителем второго дня турнира. Теперь уже ни для кого не было секретом, что вчерашний и сегодняшний победитель один и тот же рыцарь. Говернал подтвердил догадки сэра Ланселота и короля Артура, что этот рыцарь не кто иной, как сэр Тристрам Лионесский, племянник короля Корнуолла. Король Артур, желая наградить отважного рыцаря и зная, что король Марк несправедливо обошелся с племянником, изгнав его из страны, решил воспользоваться возможностью и предложить Тристраму остаться при дворе. Все рыцари Круглого стола заявили, что не могли и мечтать о более достойном товарище. Но Тристрам уже отбыл навстречу новым приключениям, а служанка королевы Изольды вернулась к своей госпоже.

Глава 11

ИСТОРИЯ СЭРА ТРИСТРАМА ЛИОНЕССКОГО. ПРОДОЛЖЕНИЕ

Сэр Тристрам ехал по лесу и увидел, как один человек сражается с девятью. Он подъехал к рыцарям и крикнул, чтобы они прекратили это позорное побоище. Виданное ли дело: девять рыцарей нападают на одного! Ответил Тристраму предводитель этих рыцарей по имени Брюс Безжалостный, в то время самый злобный из всех рыцарей:

– Сэр рыцарь, какое вам дело до нас? Если вы умны, то как приехали сюда, так и уезжайте своей дорогой. Все равно этому рыцарю от нас живым не уйти!

– Будет очень жалко, – сказал сэр Тристрам, – если такого благородного рыцаря так подло убьют. И потому я объявляю вам, что буду защищать его, насколько у меня хватит сил!

С этими словами сэр Тристрам спешил, поскольку рыцари сражались пешими, и он не хотел, чтобы они зарубили под ним коня, выхватил из ножен меч и стал так яростно рубить направо и налево, что едва ли не с каждым ударом сокрушал какого-то из рыцарей. Вскоре нападавшие вместе с Брюсом бросились спасаться бегством, а Тристрам с мечом в руке погнался за ними, но они успели укрыться за стенами башни и закрыли ворота. Сэр Тристрам вложил меч в ножны и вернулся к спасенному рыцарю. Рыцарь, получивший серьезные ранения, сидел под деревом.

– Любезный рыцарь, – обратился к нему сэр Тристрам, – как вы себя чувствуете?

– Сэр рыцарь, – ответил сэр Паломид, поскольку это был именно он, – благодарю вас за доброту, поскольку вы спасли меня от смерти.

– Как вас зовут? – спросил сэр Тристрам.

– Меня зовут сэр Паломид, – ответил рыцарь.

– Неужели? – воскликнул сэр Тристрам. – Так знайте, что вы как раз тот человек, кого я ненавижу больше всех на свете. А теперь готовьтесь, поскольку я страстно желаю сразиться с вами.

– Как ваше имя? – спросил сэр Паломид.

– Меня зовут сэр Тристрам, и я ваш смертельный враг.

– Может, и так, – сказал сэр Паломид, – но сегодня вы сделали для меня слишком много, чтобы я стал сражаться с вами. Кроме того, для вас не будет много чести сразиться со мной, ведь я жестоко изранен, тогда как вы полны свежих сил. Но если вы во что бы то ни стало желаете драться со мной, то назначьте мне день, и тогда я с вами встречу, можете на меня положиться.

– Вы правы, – согласился сэр Тристрам. – В таком случае встретимся на лугу у реки Камелот, там, где камень Мерлина.

Договорившись, они разъехались в разные стороны. Сэр Тристрам долго ехал густым лесом, пока не выехал в долину, где стояла монашеская обитель. Там у доброго человека он отдыхал шесть дней.

Хорошо отдохнув, сэр Тристрам прямоком направился в Камелот. Подъехав к камню, воздвигнутому Мерлином, он стал озираться в поисках сэра Паломиды и увидел, что скачет к нему статный рыцарь, весь в белом, с затянутым щитом. Когда рыцарь подъехал, сэр Тристрам громко сказал:

– Добро пожаловать, сэр рыцарь, рад, что вы сдержали свое слово.

После этих слов они выставили свои щиты и копья, ринулись друг к другу со всей скоростью, на которую были способны их кони, и столкнулись с такой силой, что и кони, и всадники рухнули на землю. Вскочив на ноги и загородившись щитами, они изо всей силы ударили сверкающими мечами, нанося друг другу страшные раны, из которых на траву хлынула кровь. Так, не проронив ни единого слова, они бились на протяжении четырех часов. Наконец, рыцарь в белом, не выдержав, сказал:

– Сэр, вы сражаетесь так, что я только диву даюсь. Я в жизни не встречал лучшего бойца. А потому не соизволите ли вы открыть мне ваше имя?

– Почему вы спрашиваете мое имя? – удивленно спросил сэр Тристрам. – Разве вы не сэр Паломид?

– Нет, любезный рыцарь, – ответил рыцарь в белом. – Я сэр Ланселот Озерный.

– О, – вскричал сэр Тристрам, – что я наделал! Ведь вы тот человек, которого я люблю больше всех на свете!

– А теперь, любезный рыцарь, – сказал сэр Ланселот, – назовите ваше имя.

– Меня зовут сэр Тристрам Лионесский.

– Так вот какое приключение выпало на мою долю, – проговорил сэр Ланселот, опускаясь на колено и протягивая рукоятью свой меч Тристраму.

Сэр Тристрам тоже встал на колено и протянул свой меч рукоятью вперед Ланселоту. Так они уступали друг другу честь победы. После этого они подошли к камню Мерлина, сели на него, сняли шлемы и поцеловались сто раз. Затем вскочили на коней и отправились в Камелот. По пути они встретили сэра Гавейна и сэра Гахериса, которые поклялись королю Артуру, что не вернутся до тех пор, пока не найдут и не приведут ко двору сэра Тристрама.

– Можете возвращаться, – сказал рыцарям сэр Ланселот. —

Ваши поиски закончились, поскольку я встретил сэра Тристрама. Вот он перед вами собственной персоной.

Сэр Гавейн обрадовался и сказал:

– Добро пожаловать, сэр Тристрам!

Тут появился король Артур и, увидев, кто перед ним, подъехал к сэру Тристраму, взял его за руку и сказал:

– Сэр Тристрам, вы так же желанны при дворе, как любой рыцарь, приехавший к нам.

Затем сэр Тристрам рассказал королю, что он приехал сюда для того, чтобы найти и сразиться с сэром Паломидом, которого для начала спас от сэра Брюса Безжалостного и его девяти рыцарей. Выслушав рассказ, король за руку подвел сэра Тристрама к Круглому столу. Тут появилась королева Гинебра в окружении множества дам, и все они в один голос сказали:

– Добро пожаловать, сэр Тристрам!

– Добро пожаловать! – сказали все рыцари.

– Добро пожаловать! – сказал король Артур. – Ты один из лучших рыцарей, один из самых благородных и учтивых. Тебе принадлежит первенство во всех видах охоты, ты обучился всем приемам игры на охотничьем роге, ты знаком со всеми приемами травли дичи и соколиной охоты, и ты лучше всех играешь на музыкальных инструментах. Итак, благородный рыцарь, добро пожаловать к нашему двору.

Затем король Артур с надлежащей торжественностью произвел сэра Тристрама в рыцари Круглого стола, и по этому поводу был устроен такой роскошный пир, какой даже трудно представить.

Знаменитый волшебник Мерлин, создавая Круглый стол, использовал все свои таланты и мастерство. Стол окружали тринадцать сидений в память о тринадцати апостолах. Только двенадцать сидений могли быть заняты, и только самыми достойными рыцарями. Тринадцатое считалось местом предателя Иуды, и всегда оставалось пустым. Его называли *опасным (гибельным) местом* с тех самых пор, как безрассудный и заносчивый сарацинский рыцарь осмелился занять его, и земля разверзлась и поглотила этого рыцаря.

Некая магическая сила вывела на спинке каждого сиденья имя рыцаря, который имел право сидеть на этом месте. Освободившееся место мог занять только тот рыцарь, кто превосходил по доблести и славным победам рыцаря, занимавшего это место прежде; в противном случае невидимая сила изгоняла посягнувшего на освободившееся место. То, что рыцарь оставался за Круглым столом, служило доказательством того, что он по праву занимает освободившееся место.

Одно из главных мест, принадлежавшее ирландцу Моронту, было свободно уже десять лет, с тех пор как этот рыцарь пал от меча сэра Тристрама, но его имя все эти годы горело на спинке сиденья. Король Артур взял сэра Тристрама за руку и подвел его к этому месту. Сразу же раздались мелодичные звуки, воздух наполнился нежным ароматом, имя Моронт исчезло, а вместо него появилось имя Тристрам. Теперь исключительная скромность Тристрама должна была подвергнуться серьезному испытанию, поскольку по законам рыцарского ордена он должен был рассказать, за какие подвиги удостоился столь высокой чести, чтобы писцы занесли его рассказ в хроники Круглого стола. После окончания церемонии Тристрама поздравили все члены рыцарского ордена. Сэр Ланселот и королева Гинебра воспользовались случаем, чтобы поговорить с ним о прекрасной Изольде, и высказали желание увидеть ее в королевстве Лозгрия.

Пока Тристрам удостоивался почестей при дворе короля Артура, душу Марка терзала наичернейшая ревность. Стоило ему взглянуть на Изольду, как он вспоминал, что она любит Тристрама, и редкая удачливость племянника зародила в нем мысли о мести. Наконец он решил инкогнито отправиться в Лозгрию, внезапно напасть на Тристрама и убить его. Он взял с собой двух рыцарей, воспитанных при его дворе, которые, как он думал, были преданы ему. Не желая оставлять Изольду дома, он потребовал, чтобы она сопровождала его вместе с верной Брангвейн и еще двумя служанками.

Достигнув окрестностей Камелота, Марк поделился своим планом с рыцарями, но они пришли от него в ужас. Более того, они заявили, что отказываются оставаться у него на службе, и тут же уехали. Марк предположил, что они вполне могут поехать ко двору короля Артура и все рассказать ему. Марку было необходимо опровергнуть обвинения рыцарей, и, оставив Изольду в аббатстве, он отправился в Камелот.

Довольно скоро он заметил на дороге группу рыцарей, служивших при дворе короля Артура, и постарался избежать встречи, поскольку знал их привычку вызывать на поединок любого незнакомого рыцаря. Но было слишком поздно. Они разглядели его доспехи, узнали в нем корнуолльского рыцаря и решили немного развлечься. Среди рыцарей был Дагонет, шут короля Артура, которому, несмотря на уродство и слабосилие, было не отказать в отваге. Пока Марк приближался, рыцари договорились, что Дагонет представится сэром Ланселотом Озерным и бросит вызов корнуолльскому рыцарю. Они обрядили Дагонета в доспехи одного из рыцарей, который был ранен и не мог вынести тяжести щита и доспехов, и отправили к перекрестку дорог. Внешний вид противника не внушил Марку опасений, и он решил принять вызов, но, когда карлик подъехал и представился сэром Ланселотом Озерным, Марк почувствовал, как в его сердце закрадывается страх, прищипорил коня и поскакал во весь опор, преследуемый криками и смехом рыцарей.

Тем временем Изольда, оставшись в аббатстве с верной Брангвейн, нашла единственное развлечение в прогулках по лесу, примыкающему к аббатству. Здесь, у

источника, спрятавшегося в тени деревьев, Изольда думала о своем любимом и иногда под звуки арфы пела баллады, вспоминая о самых грустных и самых радостных минутах жизни. Как-то ее пение услышал подлый рыцарь Брюс Безжалостный и стал крадучись подбираться к ней. А Изольда пела:

О, тишина, тенист зеленый грот,
Сулящий отдых для души мятежной,
Пока воспоминание живет
И будит горе в сердце моем нежном.

Самой природой созданный приют —
Журчит родник, поля цветов питая
И заглушая мои стоны тут,
Где глаз печаль слезами истекает.

Где рыцарь мой и как его дела?
С ним и любовь, и доблесть, и удача.
Великий рыцарь Круглого стола!
Тристрам! Я тут! Твоя Изольда плачет...

Брюс Безжалостный, который, как и большинство других негодяев, уже испытал на себе силу оружия Тристрама и, естественно, ненавидел его, услышав его имя из уст прекрасной певицы, с удвоенной энергией выскочил из укрытия и набросился на несчастную жертву. Изольда лишилась чувств, а Брангвейн огласила воздух отчаянными криками. Брюс понес Изольду туда, где привязал коня, но животное отвязалось и паслось на некотором расстоянии. Брюсу пришлось положить на траву свою прекрасную ношу и идти за конем. В это время мимо проезжал рыцарь, который услышал крики и подъехал к Брангвейн, чтобы выяснить, что случилось. Женщина охрипла от криков и только молча указала на госпожу, лежавшую без чувств на земле.

Тут вернулся Брюс, и Брангвейн снова стала кричать. Этого было достаточно, чтобы незнакомец принял решение. Он пришпорил коня и ринулся к Брюсу, который изготавился вступить в поединок, но от первого удара вылетел из седла и притворился мертвым. Однако когда незнакомец, оставив его лежать на земле, подошел к несчастным женщинам, вскочил на коня и ускакал.

Рыцарь приблизился к Изольде, нежно приподнял ее голову, отвел в сторону упавшие на лицо золотистые локоны, пристально взгляделся в ее лицо и, издав крик, упал без чувств. К ним подошла Брангвейн, быстро привела в чувство свою госпожу, и уже вместе они сосредоточили все внимание на лежащем без чувств рыцаре. Они подняли забрало и поняли, что перед ними сэра Тристрам. Изольда упала на грудь любимого, и ее слезы полились на его лицо. Открыв глаза, Тристрам понял, что держит в объятиях свою возлюбленную.

По закону Круглого стола каждый вновь принятый в его братство рыцарь должен был отправиться на поиски приключений и в течение десяти дней его соратники, переодетые в чужие доспехи, должны были встречаться у него на пути, чтобы иметь возможность испытать на себе его силу. Тристрам странствовал уже семь дней и за это время успел сразиться со многими славными рыцарями Круглого стола, с честью выходя из всех поединков. Оставшиеся три дня Изольда провела в аббатстве под защитой Тристрама, а затем в сопровождении служанок и сэра Тристрама отправилась в Камелот, чтобы присоединиться к королю Марку.

Это чудесное приключение стало одним из самых ярких моментов в жизни Тристрама и Изольды. Тристрам воспел свои чувства в стихах, исполняемых под звуки арфы, и французы

позже называли эту стихотворную форму *триолетом*.³⁷

С рассвета неблизок любви нашей путь —
Усталость коснулась лица,
Нас тянет в тенистом лесу отдохнуть —
С рассвета неблизок любви нашей путь,
К убежищу тихому манит прильнуть
И сны досмотреть до конца...
С рассвета неблизок любви нашей путь —
Усталость коснулась лица.

С прекрасной Изольдой, любовью моей,
Живу я, как в райском саду!
Нет выше блаженства для смертных людей,
Чем жизнь, что с любимой веду.
Все делаю, как пожелает она.
Дни ярко летят чередой.
Любовь и Изольда цветут, как весна,
И радости жизни со мной.

С рассвета неблизок сегодняшний путь.
Усталость коснулась лица?
Мы можем в зеленом лесу отдохнуть
От тягот пути без конца.
Местечко укромное в чаще найдем
(легко ли с рассвета скакать?),
И мы отдохнем с наслаждением в нем —
Любовь не должна уставать.

Они приехали в Камелот, где сэр Ланселот оказал им самый сердечный прием. Изольда была представлена королю Артуру и королеве Гиневре, которая встретила Изольду как сестру. Поскольку король Марк содержался под стражей в связи с обвинениями, выдвинутыми его рыцарями, королева Изольда не могла воссоединиться с мужем, и сэр Ланселот предоставил свой замок под названием «Веселая стража» в распоряжение Изольды и Тристрама.

Король Марк, который должен был либо признать справедливость выдвинутых против него обвинений, либо снять их с себя, вызвав обвинителей на бой, предпочел согласиться с обвинениями. Король Артур, поскольку преступление не было совершено, решил не наказывать его, а лишь взять с него клятву, что он отбросит все черные мысли в отношении своего племянника. В присутствии короля и всего двора состоялось примирение. Марк и Изольда отправились домой, а Тристрам остался при дворе короля Артура.

Глава 12

КОНЕЦ ИСТОРИИ СЭРА ТРИСТРАМА ЛИОНЕССКОГО

³⁷ Триолет – одна из особых, так называемых «твердых» форм лирической поэзии французского происхождения, восходящая к старофранцузскому рондо. Триолет состоит из восьми стихов и строится только на двух рифмах – одной мужской и одной женской, расположенных по схеме: а b а а а b а b. Своеобразие формы триолета заключается в повторах целых стихов, которые, однако, не подходят под тип обособленного рефрена, а тесно сплетаются с тканью стихотворения. Эти повторы появляются в триолете дважды: 1) первый стих воспроизводится буквально в четвертом стихе; 2) первый и второй стихи повторяются без изменений в седьмом и восьмом стихах. (Примеч. пер.)

Однажды, во время пребывания с Изольдой в «Веселой страже», сэр Тристрам выехал из замка, но без доспехов, имея при себе только копье и меч. Проехав немного, он увидел двух сражающихся рыцарей, один из которых был намного сильнее, и поверг противника. Победителем оказался сэр Паломид. Увидев Тристрама, сэр Паломид воскликнул:

– Сэр Тристрам, вот мы и встретились! Теперь уж мы не разойдемся, пока не загладим старые обиды.

– Что до меня, – ответил сэр Тристрам, – то не найдется того христианина, который бы мог похвастаться тем, что я от него сбежал, и вы, хоть и сарацин, никогда не сможете сказать этого обо мне.

Сразу после этого сэр Тристрам пустил лошадь галопом, подъехал к сэру Паломиду и ударил его с такой силой, что сломал копье. Тогда он обнажил меч и нанес сэру Паломиду шесть ударов по шлему. Сэр Паломид, увидев, что на сэре Тристраме нет доспехов, поразился его безрассудству и сказал себе: «Если я вступлю с ним в схватку и убью, то опозорюсь на весь свет». И тут сэр Тристрам крикнул:

– Трусливый рыцарь, почему вы уклоняетесь от боя?

– О сэр Тристрам! – воскликнул сэр Паломид. – Вы же понимаете, что поединок с вами грозит мне бесчестьем, поскольку я, в отличие от вас, в доспехах. А теперь ответьте мне на один вопрос.

– Спрашивайте что хотите, – сказал сэр Тристрам.

– Что бы сделали вы, как истинный рыцарь, если бы, встретив меня, вы были в доспехах, а я незащищен?

– Я понял, что вы хотите сказать, сэр Паломид, – ответил сэр Тристрам, – но, клянусь Богом, то, что я скажу, будет сказано не из страха перед вами. Если бы это случилось, то вам пришлось бы уехать, поскольку я не стал бы сражаться с вами.

– Но и я не хочу сражаться с вами, – сказал сэр Паломид, – поэтому поезжайте, куда ехали.

– Что ж, у меня есть выбор, – сказал сэр Тристрам, – уехать или остаться. Но, сэр Паломид, я одному поражаюсь: почему вы, такой славный рыцарь, и до сих пор не крестились?

– Дело в том, что я не могу окреститься из-за обета, который дал много лет назад. В душе я верю в нашего Спасителя и Его милосердную мать Марию, но мне осталось сразиться еще раз, после чего я с радостью приму крещение.

– За чем же дело стало? – воскликнул сэр Тристрам. – Вон лежит поверженный вами рыцарь. Помогите мне надеть его доспехи, и я помогу выполнить условия вашего обета.

– Воля ваша, – ответил сэр Паломид.

Они направили коней к побежденному рыцарю, который к тому времени уже сидел, привалившись к дереву. Сэр Тристрам поприветствовал рыцаря и услышал в ответ приветствие, произнесенное слабым голосом.

– Сэр, – обратился к рыцарю Тристрам, – не могли бы вы дать на время свои доспехи, поскольку я безоружен, а мне надо сразиться вон с тем рыцарем.

– Сэр, – ответил раненый рыцарь, – я с удовольствием одолжу их вам.

Сэр Тристрам снял доспехи с сэра Галерона, так звали раненого рыцаря, и тот, насколько хватило сил, помог облачиться в доспехи сэру Тристраму. Затем сэр Тристрам сел на коня и взял в руки копье сэра Галерона. Сэр Паломид уже был наготове, и они ринулись друг на друга на всем скаку и ударили один другого в середину щита. Копье сэра Паломиды сломалось, и его конь от удара сэра Тристрама упал на землю. Сэр Паломид поспешно выбрался из-под коня и обнажил меч. Увидев это, сэр Тристрам спешил, привязал коня к дереву и тоже обнажил меч. После этого они сошлись, как два диких зверя, осыпая друг друга ударами. Так они бились более двух часов, и не раз сэр Тристрам наносил такие удары, после которых сэр Паломид падал на колени, хотя ему удалось разрубить щит сэра Тристрама и ранить его. Тут сэра Тристрама обуял бешеный гнев. Он накинулся на сэра

Паломид с такой яростью, что тот не устоял и рухнул на землю, но тут же вскочил на ноги, и тогда сэр Тристрам сильно ранил его в плечо, при этом умудрился еще и выбить меч из рук сэра Паломиды. Если бы сэр Паломид нагнулся за мечом, сэр Тристрам убил бы его, но сэр Паломид неподвижно стоял, печально глядя на лежащий рядом меч.

– Теперь, – сказал сэр Тристрам, – у меня такое же преимущество перед вами, как до этого было у вас передо мной. Но никогда ни при одном дворе никто не сможет сказать, что сэр Тристрам в состоянии убить безоружного рыцаря. А потому возьмите свой меч, и доведем наш поединок до конца.

На это сэр Паломид так ответил сэру Тристраму:

– У меня нет желания продолжать этот бой. Оскорбления, нанесенные мной, не столь уж велики, чтобы мы с вами не могли стать друзьями. Я нанес вам обиду тем, что влюбился в прекрасную Изольду, и смею утверждать, что ни одна женщина не идет с ней ни в какое сравнение. За свою обиду вы нанесли мне много жестоких ударов, и на некоторые я сумел ответить. А потому прошу вас, сэр Тристрам, простите меня за то, что оскорбил вас, и отведите в ближайшую церковь. Там я сначала исповедаюсь, а потом в вашем присутствии пройду через обряд крещения. Затем мы вместе поедem ко двору моего господина короля Артура, чтобы отпраздновать там Троицын день.

– В таком случае садитесь на коня, – сказал сэр Тристрам, – и как вы сказали, так мы и сделаем.

Они сели на коней, и сэр Галерон отправился вместе с ними. Когда они пришли в церковь в Карлайле, епископ распорядился заполнить водой большой сосуд, освятил воду, после чего отпустил сэру Паломиду грехи и окрестил его. Сэр Тристрам и сэр Галерон были крестными сэра Паломиды. Они снова пустились в путь и приехали в Камелот, где благородный король Артур и королева Гинебра собрали весь двор. Все обрадовались, узнав, что сэр Паломид принял крещение. Затем сэр Тристрам вернулся в замок «Веселая стража», а сэр Паломид отправился своим путем.

Вскоре после описанных событий сэр Гавейн вернулся из Бретани и рассказал королю Артуру, что с ним случилось в Броселиандском лесу, как с ним заговорил Мерлин, который просил его убедить короля Артура срочно отправиться на поиски Святого Грааля. Пока король Артур обдумывал, как следует поступить, сэр Тристрам вызвался отправиться на поиски, причем с большой готовностью, поскольку ему было известно, что в случае благополучного завершения этого святого дела он получит отпущение всех грехов. Сэр Тристрам немедленно отправился в Бретонское королевство, надеясь встретиться с Мерлином и узнать у него, куда следует держать путь, чтобы достичь успешного результата.

По прибытии в Бретань Тристрам узнал, что король Гоэль воюет с восставшим вассалом, и противник сильно теснит короля. Лучшие королевские рыцари пали в последнем бою, а сам король не знает, к кому обращаться за помощью. Тристрам предложил свою помощь. Предложение было принято, и армия Гоэля во главе с Тристрамом и воодушевленная его примером одержала полную победу. Преисполненный чувством благодарности король, узнав о происхождении сэра Тристрама, предложил ему в жены свою дочь, принцессу, красивую и получившую хорошее воспитание, которую знали так же, как королеву Корнуолла, но в рыцарских романах ее, в отличие от Изольды Прекрасной, называли Изольдой Белорукой.

Как описать ту борьбу, которая происходила в душе Тристрама? Он боготворил первую Изольду, но его любовь к ней была безнадежной и омрачалась угрызениями совести. Кроме того, святое дело, на которое он отправился, требовало от него жизни чистой и безгрешной. Казалось, сама судьба вручает ему Изольду Белоруку как залог успешного разрешения всех его проблем. Исходя из этих соображений, он принял решение. Они поженились и провели несколько месяцев, наслаждаясь безмятежным счастьем, при дворе короля Гоэля. Удовольствие, которое Тристрам испытывал в обществе жены, росло день ото дня. Однако врожденное благородство не позволяло Тристраму забыть, что он дал клятву отправиться на поиски Святого Грааля. Казалось, чувство радости от возможной победы одержало верх над

силой волшебного любовного напитка.

Война, которую на время удалось остановить, вспыхнула с новой силой. Как обычно, Тристрам находился там, где было опаснее всего. Враг терпел поражение за поражением и, наконец, был окружен в своем главном городе. Тристрам возглавил штурм города. Когда, вскарабкавшись по приставной лестнице, он перелезал через городскую стену, один из осажденных бросил камень, который попал Тристраму в голову, и он без чувств свалился на землю.

Стоило ему прийти в себя, как он тут же потребовал, чтобы его отнесли к жене. Принцесса не позволила никому приближаться к любимому мужу. Ее красивые руки ловко перевязали его раны, и Тристрам поцеловал эти руки с благодарностью, которая стала перерастать в любовь. Поначалу казалось, что благодаря заботам преданной жены он идет на поправку, но вскоре стало ясно, что, несмотря на ее уход, его состояние ухудшается день ото дня.

Обеспокоенный состоянием своего господина, старый оруженосец Тристрама напомнил ему, что принцесса Ирландии, нынешняя королева Корнуолла, однажды уже вылечила его, когда состояние его не внушало оптимизма. Тристрам позвал Изольду Белорукую и рассказал ей историю о своем излечении, добавив, что королева Изольда сможет его вылечить, и он уверен, что она не откажет ему в помощи, если ее об этом попросить.

Изольда Белорукая согласилась, что нужно отправить в Корнуолл Геснеса, надежного человека и опытного мореплавателя. Тристрам позвал его и вручил кольцо.

– Передай его королеве Корнуолла, – сказал Тристрам, – и скажи, что Тристрам при смерти и просит ее помощи. Если тебе удастся ее уговорить, подними белые паруса на своем судне, когда будешь возвращаться, чтобы, когда судно покажется на горизонте, мы знали, что все в порядке. Но если королева Изольда ответит отказом, подними черные паруса – они станут предвестниками моей скорой кончины.

Геснес успешно справился с возложенной на него миссией. Случилось так, что в то время короля Марка не было в столице, и королева с готовностью согласилась отправиться на корабле в Бретань. Геснес поднял на судне белоснежные паруса и отплыл в Бретань.

Тем временем состояние здоровья Тристрама ухудшалось с каждым днем. Сил у него осталось так мало, что его уже нельзя было ежедневно выносить на берег моря, как это вошло у него в привычку с тех пор, когда он решил, что корабль должен уже находиться на пути в Бретань. Тогда он позвал молодую служанку, поручил ей смотреть в направлении Корнуолла и сразу сообщить ему, какого цвета паруса у первого судна, которое будет двигаться к берегу.

Когда Изольда Белорукая согласилась с тем, что необходимо послать за королевой Изольдой, она еще не знала, что должна опасаться новой встречи мужа с королевой, которая могла повлиять на ее счастье. Теперь она знала намного больше и острее чувствовала опасность. Она решила утаить от мужа известие о прибытии королевы, но воспользоваться ее знаниями для лечения Тристрама и тем самым избежать опасных последствий их личной встречи. Когда к берегу направилось судно с белыми парусами, девушка по приказу своей госпожи сказала сэру Тристраму, что судно идет под черными парусами.

Тристрама охватила невыразимая печаль, он горько вздохнул, отвернулся к стенке и сказал:

– Увы, возлюбленная, нам уже никогда не суждено встретиться!

С этими словами он вверил себя Богу и испустил последний вздох.

Первое, что услышала королева Корнуолла, ступив на берег, – это известие о смерти Тристрама. Ее, почти бесчувственную, проводили в покои Тристрама, и она умерла, обняв тело возлюбленного.

Перед смертью Тристрам попросил, чтобы его тело отправили в Корнуолл, а меч и письмо передали королю Марку. Тела Тристрама и Изольды погрузили на корабль и доставили в Корнуолл. Король Марк расчувствовался, когда увидел меч, от которого погиб

ирландец Моронт и который так часто сохранял жизнь лично ему и спасал от позора его королевство. В письме Тристрам просил прощения у дяди и рассказал историю с любовным напитком.

Марк приказал, чтобы любовников похоронили в его часовне. Из могилы Тристрама выросла виноградная лоза, которая поднялась по стене и опустилась на могилу королевы. Трижды лозу обрезали, но каждый раз она вырастала еще более сильной, чем прежде, и с тех пор это удивительное растение защищает от света могилы Тристрама и Изольды.

Спенсер рассказывает о сэре Тристраме в своей «Королеве фей» (книга IV, песнь II). В лесу сэра Калидора встречает молодого охотника:

Он видит юношу, приятного с лица.
Высокий рост, открытый взгляд уверенный,
Он не похож на выскочку-юнца,
А благороден статью и манерами.

Под шляпою с причудливым пером,
Он взглядом завораживать бы мог;
Расшита зелень куртки серебром,
На поясе его – сигнальный рог.

На нем – кордовской кожи башмаки,
Прихваченные высоко шнурками;
Его происхождению близки
Копье и дротик, слитые с руками.
И видно, что копье у молодца
Не раз пронзало львиные сердца.

Авторы рыцарских романов часто упоминают Тристрама как серьезного авторитета по всем вопросам, связанным с охотой. В «Королеве фей» Тристрам в ответ на вопрос сэра Калидора называет свое имя, говорит, откуда он родом, и заканчивает такими словами:

В распутство окунаться не хотел,
И праздность сердцу моему не мила.
Я воинским искусством овладел
И накопил физическую силу.

Я среди моих сверстников-повес
Охотой вызываю восхищенье.
Мне тайны все открыл зеленый лес,
Зверей привычки, нравы, ухищренья.

В повадках птиц – весьма поднаторел:
Сумею с соколом управиться в полете.
В кормлении и обученье птиц – умел,
В лесу я забавляюсь на охоте.

Глава 13

ИСТОРИЯ ПЕРСИВАЛЯ

...Сэр Персиваль, которого Артур и его рыцари называли

*Непревзойденным.
Теннисон*

Отец и два старших брата Персиваля погибли, кто в бою, кто в поединке, и поскольку он остался единственной надеждой семьи, мать отправилась с ним в безлюдную местность, где он воспитывался, оставаясь в полном невежестве относительно оружия и рыцарства. Когда они ходили в лес, мать брала с собой «маленькое шотландское копье», единственное оружие, которое было положено «господскому прекрасному полу». Персиваль так хорошо научился владеть этим копьем, что мог убить им не только дикое животное, но даже летящую птицу. Однако вскоре у него возникли мысли о воинской славе, особенно после того, как в лесу он увидел рыцарей, облаченных в доспехи.

– Мама, – спросил Персиваль, – кто они?

– Это ангелы, сынок, – ответила мать.

– Клянусь своей верой, я пойду и стану ангелом, как они. Персиваль вышел на дорогу и встал перед рыцарями.

– Скажи мне, юноша, – обратился к нему один из рыцарей, – не видел ли ты рыцаря, проезжавшего по этой дороге вчера или сегодня?

– А кто такой рыцарь? – спросил Персиваль.

– Человек, похожий на меня, – ответил рыцарь.

– Если вы ответите на мои вопросы, то я отвечу на ваш, – сказал юноша.

– С удовольствием отвечу на все твои вопросы, – сказал сэр Овейн, ибо так звали этого рыцаря.

– Что это? – указав на седло, спросил Персиваль.

– Это седло, – ответил Овейн.

Так Персиваль спросил о каждой незнакомой вещи, которая была на рыцарях и конях, об оружии, о том, для чего и как они используются. Сэр Овейн подробно ответил на все вопросы, а Персиваль поделился с рыцарями сведениями, которые были известны ему.

Затем Персиваль вернулся к матери и сказал:

– Мама, это были не ангелы, а благородные рыцари.

При этих словах сына мать упала в обморок. А Персиваль пошел туда, где они с матерью держали лошадей, на которых доставляли в замок дрова и провизию, и взял пегого коня, который показался ему самым сильным. Сделал из тюка некое подобие седла, а из лозы конскую сбрую наподобие той, что видел на лошадях рыцарей, а после этого пошел к матери. К тому времени она уже пришла в себя после обморока.

– Сын, – спросила мать, – ты хочешь уехать?

– Да, с твоего благословения, – ответил Персиваль.

– Тогда отправляйся ко двору короля Артура, где самые лучшие, самые благородные и самые доблестные рыцари. Скажи королю, что ты Персиваль, сын Пеленора, и попроси посвятить тебя в рыцари. И всякий раз, когда увидишь церковь, не забудь прочитать молитву «Отче наш». А когда увидишь мясо и питье и у тебя будет потребность в них, можешь взять то, в чем нуждаешься. Если услышишь крик о помощи, особенно женский крик, поспеши на помощь и сделай все, что будет в твоих силах. Если увидишь драгоценный камень, добудь его, поскольку через это добудешь славу, но легко отдай этот камень другому, поскольку через это удостоишься похвалы. Если увидишь прекрасную женщину, будь любезен с ней, и через это ты обретешь любовь.

После материнского напутствия Персиваль вскочил на коня и, взяв в руку несколько остро отточенных палочек, отправился в путь. Он долго ехал по лесу, не встретив ни единой живой души, не имея ни еды, ни питья, и, наконец, выехал на поляну, на которой стоял шатер. Решив, что это церковь, Персиваль прочел молитву «Отче наш». Вход в шатер был открыт, и Персиваль, спешившись, вошел в него. В шатре сидела девушка с золотым обручем на голове и золотым браслетом на руке.

– Приветствую тебя, девушка, поскольку мать сказала мне, что всякий раз, как я встречу женщину, я должен почтительно приветствовать ее.

Увидев в углу шатра две фляги с вином и кусок жареного бараньего окорока, он сказал:

– Моя мать сказала, что всякий раз, как увижу мясо и напитки, я могу взять то, что захочу.

И Персиваль с жадностью набросился на еду, поскольку был очень голоден.

– Сэр, вам лучше поскорее уйти отсюда, поскольку скоро придут мои друзья и могут причинить вам зло.

Словно не услышав этих слов, Персиваль сказал:

– Моя мать сказала, что если я увижу драгоценный камень, то должен взять его.

С этими словами он снял у нее с пальца золотое кольцо и надел себе на палец, а взамен снял свой перстень и отдал его девушке. После этого сел на коня и уехал.

Персиваль путешествовал до тех пор, пока не приехал ко двору короля Артура. Случилось так, что именно в это время неучтивый рыцарь нанес грубое оскорбление королеве Гинебре. Дело было так. Когда паж протянул королеве золотой кубок с вином, рыцарь ударил пажа по руке; вино брызнуло в лицо королеве, залило корсаж ее платья, при этом рыцарь заявил: «Если кто-нибудь достаточно смел, чтобы постоять за честь королевы, то пусть следует за мной на луг». Рыцарь сел на коня и поехал на луг, увозя с собой злополучный золотой кубок. Все присутствующие опустили голову, и никто не последовал за рыцарем, чтобы отомстить за обиду, нанесенную королеве. Все решили, что никто не рискнул бы оскорбить королеву, если бы не владел магией или колдовством, а значит – никто не в силах наказать того, кто осмелился на такой дерзкий поступок. В этот момент в зале появился Персиваль на пегом коне с самодельной сбруей. В центре зала стоял сенешаль сэр Кай.

– Скажи мне, высокий человек, – обратился к нему Персиваль, – кто здесь Артур?

– Зачем тебе Артур? – спросил сэр Кай.

– Моя мать велела мне отправиться к Артуру и попросить его посвятить меня в рыцари.

– Но для этого у тебя нет ни подходящей лошади, ни доспехов, – ответил сэр Кай.

Тут все присутствующие стали смеяться и осмивать Персиваля. Но была среди присутствующих девушка, которая провела год при дворе короля Артура, и никто ни разу не видел, чтобы она улыбалась. Королевский шут сказал, что девушка улыбнется только тогда, когда увидит того, кто со временем станет цветом рыцарства.

Тут эта девушка подошла к Персивалу и, улыбаясь, сказала, что если он останется в живых, то станет одним из самых храбрых и достойных рыцарей.

– По правде говоря, тебя ничему не научил год пребывания при дворе короля Артура, если ты никому ни разу не улыбнулась, а теперь в присутствии короля и всех рыцарей улыбаешься этому человеку и говоришь, что он будет лучшим рыцарем, – сказал сэр Кай и отвесил девушке такую затрещину, что она без чувств свалилась на пол.

После этого он обратился к Персивалу:

– Следуй за рыцарем, который отправился на луг, победи его, возврати золотой кубок, вернись на его коне и в его доспехах – и станешь рыцарем.

– Я сделаю так, как ты сказал, высокий человек, – ответил Персиваль.

Он развернул коня и поехал на луг. Там он увидел рыцаря, разъезжающего взад-вперед, весь вид которого говорил о силе, храбрости и благородном происхождении.

– Скажи мне, – обратился к Персивалу рыцарь, – видел ли ты кого-нибудь, кто последовал за мной на луг?

– Высокий человек, который был при дворе, сказал мне, чтобы я поехал за вами, победил, забрал кубок, коня и доспехи.

– Молчать! – вскричал рыцарь. – Возвращайся ко двору и скажи, чтобы Артур либо приехал сам, либо прислал того, кто сразится со мной. И пусть поторопится, я не намерен ждать.

– Хотите вы того или не хотите, но я заберу кубок, лошадь и доспехи.

При этих словах Персиваля рыцарь бросился к нему и ударил его древком копья в плечо.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся Персиваль. – Слуги моей матери никогда так не играли со мной. Теперь я поиграю с вами.

И он метнул в рыцаря одну из остро заточенных палочек, которая попала рыцарю в глаз и вышла из затылка. Рыцарь замертво свалился на землю.

А в это время при дворе короля Артура сэра Овейн, обращаясь к сенешалю сэру Каю, сказал:

– Честно говоря, было неразумно посылать этого сумасшедшего сражаться с таким рыцарем. Одно из двух: он либо будет повержен, либо убит. В любом случае это станет позором для короля и его рыцарей. Поэтому я схожу и посмотрю, что там происходит.

Когда сэра Овейн приехал на луг, он увидел, что Персиваль пытается стянуть с рыцаря доспехи.

– Что ты делаешь? – спросил сэра Овейн.

– Эта железная одежда, – ответил Персиваль, – никак не снимается. Во всяком случае, мне самому с этим не справиться.

Сэр Овейн снял доспехи и одежду с убитого рыцаря.

– Возьми лошадь и доспехи и следуй за мной к королю Артуру, чтобы он посвятил тебя в рыцари, поскольку ты действительно заслуживаешь этого.

Сэр Овейн помог Персивалю надеть доспехи и показал, как пользоваться стремянами и шпорами, поскольку Персиваль до этого ездил без седла, погоняя коня прутиком. После этого сэра Овейн хотел проводить его к Артуру, чтобы юноше воздали должные почести, но Персиваль сказал:

– Я вернусь ко двору только тогда, когда отомщу тому высокому человеку, который ударил девушку. Передайте кубок королеве Гиневре и скажите королю Артуру, что, где бы я ни был, я всегда буду его вассалом и буду служить ему верой и правдой.

Сэр Овейн вернулся ко двору и рассказал все увиденное и услышанное в присутствии короля Артура, королевы Гиневры и всех остальных.

А тем временем Персиваль тронулся в путь и вскоре встретил рыцаря.

– Откуда едешь? – спросил рыцарь.

– От короля Артура, – ответил Персиваль.

– Так ты один из его людей?

– Да.

– Хорошенькие же слуги у короля Артура.

– Почему вы так говорите? – спросил Персиваль.

– Ну что ж, я отвечу тебе, – сказал рыцарь. – Я всегда был врагом Артура и всегда убивал всех его людей, с которыми приходилось столкнуться.

Без лишних слов они набросились друг на друга, и вскоре Персиваль мощным ударом выбил противника из седла. Рыцарь воззвал к милосердию.

– Вы окажете мне милость, – сказал Персиваль, – если отправитесь ко двору Артура и скажете ему, что это ради него я одержал над вами победу. И еще скажите, что не приеду до тех пор, пока не отомщу за оскорбление, нанесенное девушке.

Рыцарь поклялся, что выполнит все в точности. Приехав к Артуру, он пересказал все слово в слово, подчеркнув угрозу, высказанную Персивалем в адрес сенешаля, сэра Кая.

В течение недели Персиваль вступил в шестнадцать схваток и из всех вышел победителем. Все побежденные им рыцари приезжали к Артуру и передавали те же слова, что и первый рыцарь. Король Артур сделал сэру Каю строгое внушение за грубость, и сенешаль был сильно огорчен этим обстоятельством.

А Персиваль тем временем подъехал к озеру, на берегу которого стоял красивый замок. У озера на бархатной подушке сидел седовласый старик и смотрел, как его слуги ловят рыбу. Увидев приближающегося Персиваля, старик встал и пошел в замок. Персиваль подъехал к замку. Ворота были открыты, и Персиваль въехал внутрь. Старик радушно принял его и

предложил сесть рядом на бархатную подушку. Когда пришло время, накрыли столы, подали еду, и они приступили к трапезе. Когда с едой было покончено, седовласый старик спросил Персиваля, владеет ли тот мечом.

– Не владею, – ответил юноша, – но если меня научить, то, конечно, смогу биться на мечах.

– Кто хорошо владеет палкой и умеет обращаться со щитом, тот сможет сражаться мечом.

У старика было два сына: один светловолосый, а другой рыжеволосый.

– Вставайте, юноши, и покажите, на что способны, с помощью дубинок и щитов.

Молодые люди выполнили приказ.

– Скажи мне, сын мой, – обратился старик к Персивалю, – кто из них, по-твоему, лучше сражается?

– Думаю, – ответил Персиваль, – светловолосый мог бы пустить кровь, если бы захотел.

– Тогда вставай и возьми дубинку и щит у рыжего юноши и пусти кровь светловолосому, если сможешь.

Персиваль встал, поднял руку с дубинкой и нанес такой мощный удар, что раскроил ему лоб.

– Ну, мой дорогой, – сказал старик, – теперь иди сюда и сядь рядом. Ты станешь лучшим воином на этом острове. Я твой дядя по матери, и зовут меня король Пешер.³⁸ Ты должен остаться со мной, чтобы обучиться хорошим манерам, обычаям разных стран и благородному обращению. При этом запомни следующее: если увидишь что-нибудь, что вызовет у тебя удивление, ни о чем не спрашивай, а если кто-то решит что-то объяснить тебе, то позор падет не на тебя, а на меня, поскольку я буду твоим учителем.

Пока Персиваль с дядей вели беседу, в зал вошли двое юношей и внесли золотую чашу и огромное копье, с острия которого капала кровь. Когда присутствующие увидели это, то стали плакать и причитать. Однако старик не прервал беседу с Персивалем, и, поскольку он не счел нужным что-то объяснить, Персиваль воздержался задавать ему вопросы. Чаша, которую увидел Персиваль, была Святым Граалем, а копье – священным копьем, и впоследствии Король-Рыбак унес эти священные реликвии в далекую страну.

Однажды вечером Персиваль выехал в долину и увидел жилище отшельника. Тот радушно встретил рыцаря и предоставил ночлег. Утром Персиваль проснулся и увидел, что за ночь выпало много снега, а перед входом в жилище отшельника ястреб убил птицу. Конь заржал и спугнул ястреба, и на птицу опустился ворон. Персиваль смотрел на черное оперение ворона, белый снег и красную кровь и вспоминал женщину, которую любил больше всех на свете; ее волосы чернее черного янтаря, ее кожу белее снега, румянец на ее щеках краснее крови на снегу.

В это время Артур со своей свитой разыскивал Персиваля и случайно оказался в том же месте.

– Знаете ли вы рыцаря с длинным копьем, который стоит на той стороне ручья? – спросил Артур.

– Господин, – ответил один из его приближенных, – я съезжу и узнаю, кто он.

Юноша подъехал к Персивалю и спросил, кто он такой и что здесь делает. Но Персиваль был настолько погружен в свои мысли, что ничего не ответил. Тогда юноша ткнул невежду копьем. Персиваль повернулся и сбил юношу на землю. Юноша вернулся к Артуру и рассказал, как грубо с ним обошелся незнакомец.

– Я сам съезжу, – сказал сэр Кай.

Он подъехал к Персивалю, поприветствовал, но не получил ответа. Тогда он заговорил

³⁸ От французского слова *rescheur*, которое переводится и как «рыбак», и как «грешник». (Примеч. пер.)

с ним грубо и со злостью. Персиваль повернулся к Каю и с такой силой ткнул его копьем, что тот свалился на землю, сломав руку и лопатку. Сэр Кай остался лежать на земле, а его конь встал на дыбы и диким галопом понесся назад.

Тогда сэр Гавейн, прозванный Златоустом, поскольку был самым учтивым при дворе короля Артура, сказал:

– Нехорошо так непочтительно отвлекать благородного рыцаря от его мыслей, поскольку он размышляет либо о потере, которую понес, либо о даме, которую любит больше всех на свете. Если не возражаете, господин, то я подъеду и посмотрю, и если рыцарь уже не погружен в свои думы, то вежливо попрошу, чтобы он подъехал и представился вам.

Персиваль, опершись на древко копья, был по-прежнему погружен в мысли, когда сэр Гавейн подъехал к нему и сказал:

– Если вам будет это так же приятно, как и мне, то я хотел бы поговорить с вами. Король Артур просил меня передать вам просьбу подъехать к нему. Те двое, что обращались к вам до меня, тоже были посланы королем Артуром.

– Все это так, – сказал Персиваль, – но они вели себя неучтиво. Они напали на меня, и мне это не понравилось.

А дальше Персиваль рассказал, какие его одолевали мысли.

– Нет ничего удивительного в том, что вам не понравилось, когда вас отвлекли от раздумий, – выслушав его, сказал сэр Гавейн.

Тогда Персиваль спросил:

– Скажите мне, есть ли при дворе короля Артура сэр Кай?

– Есть, – ответил сэр Гавейн. – Это тот рыцарь, который подъезжал к вам передо мной.

– Что ж, – сказал Персиваль, – тогда я ни о чем не жалею, поскольку отомстил за обиду, нанесенную им девушке.

После этого Персиваль назвал свое имя, попросил рыцаря представиться и в ответ услышал:

– Меня зовут сэр Гавейн.

– Очень рад встрече! – радостно воскликнул Персиваль. – Поскольку я повсюду слышал о вашей доблести и честности. Я хочу стать вашим другом.

– Я буду только рад иметь такого друга, – ответил сэр Гавейн.

И они вместе отправились к королю Артуру.

– Вот, господин, – сказал сэр Гавейн, – это тот, кого вы так долго искали.

– Добро пожаловать, вождь, – сказал король Артур.

Вскоре появилась королева со свитой, и Персиваль почтительно приветствовал их. Все выражали радость при виде Персиваля, а Артур отнесся к нему с большим уважением. Все вместе они отправились в Карлеон.

Глава 14 ПОИСКИ СВЯТОГО ГРААЛЯ

*...Та чаша, из которой пил Христос,
На ужине в честь Пасхи иудейской.
Ее ведь из Святой земли принес
Святой Иосиф наш Аримафейский.
В Гластонбери осталась чаша та,
Где расцвели на Рождество колючки,
Напомнив грешным о венце Христа,
С которым Он увенчан и замучен.
Кто видел чашу – чудом удивлен:
Всяк сразу исцелялся в полной мере,
Поскольку тот Граалем исцелен,
Кому Господь воздал по его вере.
Но наступили злые времена —*

*Священной чаше не творить чудес!
На Небо была забрана Она,
Там вскорости и след Ее исчез.
Теннисон*

Святой Грааль – это чаша, из которой наш Спаситель пил в свой последний вечер. Считалось, что Иосиф Аримафейский привез эту чашу вместе с копьем,³⁹ которым солдат пронзил бок Спасителя, в Европу.

Из поколения в поколение один из потомков Иосифа Аримафейского становился хранителем этих бесценных реликвий, но при одном условии: он должен был быть чистым и в помыслах, и в поступках. В течение долгого времени паломники могли лицезреть Святой Грааль, и он приносил благодать той стране, в которой хранился. Но однажды один из священников, которому было поручено хранить реликвии, забыл об обязательствах, связанных с исполнением его святой миссии, и с вожделением посмотрел на юную паломницу, когда она встала перед ним на колени. Священное копье немедленно наказало сластолюбца. Оно неожиданно упало и сильно ранило священника. Рана не поддавалась лечению, и с тех пор этот хранитель Святого Грааля получил прозвище Король-Грешник. Святой Грааль стал невидим для приходивших поклониться ему паломников, и на смену эпохи благоденствия, в которой жили племена Британии благодаря присутствию священных реликвий, пришел железный век.

Мы уже рассказывали о том, как Мерлин, ясновидец и волшебник, послал сообщение королю Артуру через сэра Гавейна, настоятельно советуя немедленно отправиться на поиски Святого Грааля, особо подчеркнув, что рыцарь, который способен справиться с этой задачей, уже родился и находится в подходящем для поисков возрасте. Сэр Гавейн передал сообщение, и король Артур стал думать, как наилучшим образом выполнить эту непростую задачу. И вот в канун Пятидесятницы, когда все рыцари Круглого стола собрались в Камелоте и приступили к трапезе, неожиданно послышался раскат грома, а следом удар молнии. Приглядевшись друг к другу, рыцари увидели, что стали красивее, чем прежде. Зал наполнился приятным ароматом, и перед каждым рыцарем появились еда и напитки, которые он больше всего любил. Затем, покрытый белой парчой, чтобы оставаться невидимым для присутствующих, появился Святой Грааль, пересек зал и исчез. За все это время никто не проронил ни слова, а когда к ним вернулся дар речи, король Артур сказал:

– Мы должны возблагодарить Господа за то, что он пока зал нам сегодня.

После его слов поднялся сэр Гавейн и поклялся, что через двенадцать месяцев и один день он отыщет Святой Грааль и не вернется до тех пор, пока не увидит его. Следом за сэром Гавейном подобную клятву дали почти все рыцари Круглого стола. Король Артур был очень недоволен, поскольку хорошо знал, что рыцари не могут нарушить клятву.

– Вы убиваете меня своей клятвой и данным обещанием, – обращаясь к сэру Гавейну, сказал Артур. – Ведь этим вы лишаете меня самых лучших рыцарей, которые когда-либо собирались вместе в каком бы то ни было королевстве. Я знаю, что стоит вам уйти, и вы никогда уже не встретитесь в этом мире.

Сэр Галахад

И тут в зал вошел почтенный старик, а с ним молодой рыцарь.

– Мир вам, любезные лорды, – сказал старик и, обращаясь к королю Артуру, продолжил: – Сэр, я привел к вам молодого рыцаря королевской крови, из рода Иосифа

³⁹ Копье Лонгина (Копье Судьбы, Копье Христа) – одно из Орудий Страстей, пика, которую римский солдат Лонгин вонзил в подреберье Иисуса Христа, распятого на кресте. Как и все Орудия Страстей, копье считается одной из величайших реликвий христианства. (Примеч. пер.)

Аримафейского. Он сын леди Элейны, дочери короля Пелеса, который правит в заморской стране.

Звали молодого рыцаря сэр Галахад, и был он сыном сэра Ланселота Озерного, но жил с матерью при дворе короля Пелеса, своего деда, пока не достиг возраста, когда смог держать оружие, и мать отправила его в сопровождении святого отшельника ко двору короля Артура. При виде сына сэр Ланселот испытал огромную радость.

– Клянусь жизнью, этот молодой рыцарь сподобится великой чести, – сказал сэр Борс.

Поднявшийся в зале шум достиг покоев королевы, и она сказала:

– Я хочу увидеть этого юношу, поскольку он должен быть таким же благородным, как его отец.

Королева и ее дамы тут же решили, что юноша очень похож на отца. Он был красивым и скромным, а его манеры отличались таким изяществом, что в целом мире вряд ли можно было отыскать более учтивого молодого человека.

– Господи, – сказал король Артур, – сделай из него хорошего человека, поскольку красотой он и так не уступает никому на свете.

Затем отшельник подвел молодого рыцаря к опасному сиденью, снял с него покрывало, на спинке сиденья вспыхнула надпись: «Это место сэра Галахада, достойного рыцаря», и отшельник усадил юношу на это сиденье. Каково же было удивление рыцарей Круглого стола, когда сэр Галахад спокойно сел на опасное место и ничего не произошло.

– Вот рыцарь, который достигнет Святого Грааля, – уверенно сказали рыцари, – ибо прежде никому не удавалось сюда сесть, не навлекши на себя несчастья.

На следующий день король сказал:

– Сегодня все рыцари Круглого стола отправятся на поиски Святого Грааля, и я больше никогда не увижу вас всех вместе, поэтому вы все сейчас соберетесь на лугу под стенами Камелота, и мы проведем последний рыцарский турнир перед вашим отъездом.

На самом деле король просто хотел посмотреть, на что способен сэр Галахад. По просьбе короля и королевы сэр Галахад надел доспехи, но, несмотря на уговоры короля, отказался от щита. Королева и придворные дамы поднялись в башню, чтобы оттуда наблюдать за турниром. Галахад выехал на середину луга и принялся так искусно ломать копьё, что все вокруг только диву давались, поскольку всех своих соперников он выбил из седла. В короткий срок он одержал победу над всеми рыцарями, кроме двоих, сэра Ланселота и сэра Персиваля. Затем король по просьбе королевы попросил юношу спешиться и представил его королеве:

– Ни разу еще не было двух столь похожих людей, как этот юноша и сэр Ланселот, поэтому нет ничего странного, что один не уступает другому в ловкости и силе.

По окончании турнира король и королева вернулись в Камелот и вместе с рыцарями проследовали в церковь. По окончании службы рыцари надели доспехи и шлемы, на прощание поклонились королю и королеве; много было горя и слез при расставании. Рыцари ехали по улицам Камелота, и все – богатые и бедные – плакали, глядя им вслед. Король отвернулся и от слез не мог произнести ни слова. Итак, все рыцари разъехались в разных направлениях, и каждый рыцарь выбрал ту дорогу, которая более всего пришлась ему по душе.

Сэр Галахад уехал без щита, и ехал четыре дня, никого не встречая на своем пути, пока к концу четвертого дня не подъехал к белому аббатству, где его радушно приняли и провели в покои. В аббатстве он встретил двух рыцарей, короля Багдемагуса и сэра Ивейна, которые выразили большую радость при виде сэра Галахада.

– Господа, – спросил сэр Галахад, – что привело вас сюда?

– Сэр, – ответил Багдемагус, – нам сказали, что здесь находится щит, который может поднять только тот рыцарь, который достоин этого щита, а если за него возьмется тот, кто его не достоин, то его незамедлительно постигнет беда. Но я не побоюсь взяться за него, и завтра вы это увидите.

Утром они поднялись, отстояли службу, и король Багдемагус спросил, где находится

этот опасный щит. Монах провел их за алтарь и показал висевший там щит, белый как снег, с красным крестом в центре. Король Багдемагус взял щит и вынес его из церкви.

– Сэр, – обратился он к сэру Галахаду, – не затруднит ли вас оставаться здесь до тех пор, пока не услышите о том, что будет со мною?

– Конечно, я останусь и дождусь известия о вас, – ответил сэр Галахад.

И король Багдемагус уехал, взяв с собой верного оруженосца, чтобы было кому сообщить сэру Галахаду о его приключениях. Они проехали мило или две, когда увидели красивого рыцаря в белых доспехах на белом коне. Он мчался навстречу во весь опор. Король Багдемагус, нацелив копьё на рыцаря, устремился ему навстречу, но копьё короля от удара сломалось, в то время как копьё белого рыцаря пробilo доспех короля, вошло в правое плечо, не прикрытое щитом, и Багдемагус упал с коня. А белый рыцарь развернулся и ускакал.

Оруженосец подъехал к королю Багдемагусу и спросил, насколько тяжело он ранен.

– Я серьезно ранен, – ответил Багдемагус, – и вряд ли мне удастся избежать смерти.

Оруженосец усадил его на коня и привез в аббатство, где короля бережно сняли с коня, освободили от доспехов, уложили в постель и осмотрели рану. Он долго оставался в аббатстве, и его с трудом вернули к жизни. Оруженосец короля Багдемагуса повесил щит на прежнее место.

На следующий день сэр Галахад взял щит, сел на коня и через какое-то время подъехал к обители отшельника, где его поджидал белый рыцарь. Они вежливо приветствовали друг друга.

– Сэр, – обратился к рыцарю сэр Галахад, – не могли бы вы рассказать мне об этом удивительном щите?

– Этот щит принадлежал славному рыцарю Иосифу Аримафейскому, который перед смертью сказал: «Кто бы ни навесил этот щит себе на шею, неизбежно о том пожалеет, и так будет до тех пор, пока не достанется он доброму рыцарю Галахаду. Этот щит будет носить последний из моего рода, и он свершит немало великих подвигов».

На этих словах белый рыцарь развернул коня и ускакал.

Сэр Гавейн

Выехав из Камелота, сэр Гавейн изъездил много земель вдоль и поперек, пока наконец не приехал в аббатство, где сэр Галахад взял белый щит. В аббатстве ему рассказали об удивительном приключении сэра Галахада.

– Как жаль, – посетовал сэр Гавейн, – что я сразу не отправился этим путем. Но если только я встречусь с сэром Галахадом, то ни за что не отстану, какие бы ему ни встретились небывалые приключения.

– Сэр, – сказал один из монахов, – он не согласится, чтобы вы его сопровождали.

– Почему? – удивленно спросил сэр Гавейн.

– Потому что вы порочны и грешны, а он блажен, – ответил монах. – Вам нужно искупить грехи, сэр Гавейн.

– И что я должен сделать? – спросил сэр Гавейн.

– Исполнить, что я вам назначу, – ответил монах.

– Нет, – сказал сэр Гавейн, – я не согласен, поскольку мы, странствующие рыцари, и без того слишком часто испытываем тяготы и мучения.

– Ну что ж... – молвил монах и больше не произнес ни слова.

И сэр Гавейн уехал.

Случилось так, что вскоре после этого сэр Гавейн встретил сэра Эктора. Они поехали вместе и приехали в замок, где проводился большой рыцарский турнир. Сэр Гавейн и сэр Эктор присоединились к отряду, который показался им слабее, и стали теснить отряд противника. Но тут неожиданно появился рыцарь с белым щитом, в центре которого был красный крест. Он вступил в схватку с сэром Гавейном и нанес такой сильный удар мечом,

что расколол шлем сэра Гавейна и рассек ему голову. От удара сэр Гавейн упал с коня. Догадавшись, что рыцарь с белым щитом сэр Галахад, сэр Эктор понял, что бессмысленно вступать с ним в схватку, и, кроме того, он любил Галахада, которому приходился дядей. Тем временем сэр Галахад незаметно удалился, и никто даже не заметил, куда он поехал. Сэр Эктор поднял сэра Гавейна и сказал:

– Сэр, мне кажется, что на этом ваши приключения закончились.

– Все правильно, – сказал сэр Гавейн, – я прекращаю поиски.

Сэра Гавейна отнесли в замок, сняли с него доспехи, положили на роскошное ложе и пригласили лекаря, чтобы тот осмотрел его раны. Сэр Эктор оставался с сэром Гавейном до тех пор, пока раненый рыцарь не пошел на поправку.

А сэр Галахад, после того как незаметно для всех покинул турнир, долго ехал, пока не очутился в лесу, где повстречал сэра Ланселота и сэра Персиваля. Но рыцари не узнали сэра Галахада, поскольку был он в новом обличье. Его отец, сэр Ланселот, ударил его копьем, но оно сломалось, не причинив вреда сэру Галахаду, который нанес ответный удар такой силы, что наземь рухнули и всадник, и конь. Затем сэр Галахад обнажил меч, выехал против сэра Персиваля и одним ударом рассек ему шлем, так что, не подвернись меч в его руке, быть бы сэру Персивалю убитым. От этого удара сэр Персиваль вывалился из седла. Бой происходил перед уединенным жилищем затворницы, и, когда он закончился, женщина, глядя вслед сэру Галахаду, сказала:

– Бог да пребудет с тобой, лучший из рыцарей мира! Воистину, – воскликнула она громко, чтобы слышали сэр Ланселот и сэр Персиваль, – если бы эти два рыцаря узнали тебя, как узнала я, они бы с тобой не бились!

Услышав ее слова, сэр Галахад испугался, что его узнают, поэтому прищипил коня и поскакал прочь во весь опор. Сэр Ланселот и сэр Персиваль, поняв, что это был сэр Галахад, вскочили на коней и бросились за ним вдогонку. Но вскоре он скрылся из вида, и они, весьма опечаленные, повернули назад.

– Может, нам стоит расспросить эту затворницу? – сказал сэр Персиваль.

– Поступай как знаешь, – ответил сэр Ланселот.

Сэр Персиваль поехал к затворнице, которая достаточно хорошо знала и его самого, и сэра Ланселота. А сэр Ланселот поскакал дальше по темному лесу, не разбирая дороги и положась на волю случая. Наконец он оказался на распутье двух дорог, где на безлюдной равнине стоял большой каменный крест. Подле креста лежала мраморная плита, но она так потемнела, что сэр Ланселот не мог ничего на ней разобрать. Тогда он огляделся и увидел старую часовню, куда и направил коня в надежде найти там людей. Подъехав к часовне, сэр Ланселот привязал к дереву коня, повесил на сук щит и подошел к входу в часовню. Двери были сломаны, и внутри он увидел алтарь, богато украшенный шелковой тканью, а на нем красивый серебряный подсвечник с шестью большими свечами. Увидев эту красоту, сэр Ланселот захотел войти в часовню, но, как ни старался, так и не нашел вход в нее. Невероятно огорченный, он вернулся туда, где привязал коня, снял с него седло и сбрую и отпустил пастись, а сам, сняв шлем и меч, лег у подножия креста, подложив под голову щит, и уснул.

Дремлет сэр Ланселот и, то ли во сне, то ли наяву, видит, что скачут к нему две красивые белые лошади, а между ними укреплены носилки, на которых лежит больной рыцарь. У креста лошади остановились, и сэр Ланселот услышал, как рыцарь сказал:

– О Господи милосердный! Когда же закончатся мои мучения и появится рядом священный сосуд, который пошлет мне исцеление?

Долго еще жаловался рыцарь, а сэр Ланселот слышал все, что он говорил. И вдруг сэр Ланселот увидел перед каменным крестом подсвечник с горящими свечами, но он не заметил, кто и когда его принес. Еще там очутился серебряный поднос, а на нем священный сосуд Святой Грааль. Тут больной рыцарь сел, воздел кверху руки и сказал:

– Милостивый Боже, пребывающий в этом священном сосуде, внимли мольбе моей и избавь от тяжкого недуга!

Рыцарь на коленях, помогая себе руками, подполз к священному сосуду, коснулся его и поцеловал. И тут же исцелился. А священный сосуд вместе с подсвечником и свечами вернулся в часовню, и опять сэр Ланселот не увидел, как это произошло.

Исцеленный рыцарь поднялся и поцеловал крест. Оруженосец принес ему доспехи и поинтересовался, как чувствует себя господин.

– Благодарение Господу, я совсем здоров. Мне удалось исцелиться с помощью священного сосуда. Но мне странно видеть этого спящего рыцаря, которому не хватило ни вежливости, ни сил проснуться, когда здесь был священный сосуд.

– Я думаю, – сказал оруженосец, – на нем какой-то смертный грех, и он до сих пор не раскаялся и не получил отпущение.

И они уехали.

Вскоре сэр Ланселот проснулся, сел и задумался над тем, было ли то, что он видел, наяву или ему все просто приснилось. Он стал расхаживать взад-вперед, не зная, что делать, и, наконец, сказал:

– Мои грехи и пороки довели меня до большого позора, поскольку когда я брался за мирские подвиги ради мирских нужд, то всегда достигал цели, всюду одерживал верх и ни в одном бою не испытал поражения, прав я был или виноват. Теперь я выехал на подвиг ради того, что свято, но чувствую и вижу, как старые грехи мешают мне, поскольку у меня даже не хватило сил ни шевельнуться, ни вымолвить слово, когда святая кровь явилась предо мной.

Так он убивался, пока не наступил день. Только услышав пение птиц, сэр Ланселот слегка успокоился и пошел в лес, где нашел хижину отшельника. Святой человек как раз готовился к молитве. Когда тот совершил молитву, сэр Ланселот попросил отшельника милостиво выслушать его признание.

– С большой охотой, – ответил добрый человек.

И сэр Ланселот рассказал святому человеку всю свою жизнь и о том, как долгие годы безмерно любил королеву.

– И все свои подвиги я почти всегда совершал во имя королевы, и ради нее всегда был готов вступить в поединок, будь то правое или неправое дело. Я никогда не бился просто во имя Господа, но всегда желал завоевать славу и тем заслужить еще больше любви, и редко когда благодарил Господа за свою славу. Умоляю, дайте совет, что мне делать.

– Я дам вам совет, – ответил отшельник, – если вы пообещаете мне, что воздержитесь от общения с королевой настолько, насколько возможно.

Сэр Ланселот поклялся отшельнику никогда больше не видеться с королевой.

– Смотрите, чтобы ваше сердце и язык были в согласии, – сказал святой человек, – и я ручаюсь, что вы добьетесь большей славы, чем имеете.

Назначил святой человек сэру Ланселоту такое покаяние, какое только ему было под силу исполнить, отпустил ему грехи и оставил у себя на весь день. И сэр Ланселот от души раскаялся во всех своих прегрешениях.

Сэр Персиваль

Расставшись со всеми, сэр Персиваль скакал до тех пор, пока в полдень не встретил в долине двадцать вооруженных всадников. Они стали расспрашивать его, кто он, откуда, и, когда слышали в ответ:

– Я рыцарь короля Артура, – разом вскричали:

– Убить его!

Сэр Персиваль сшиб ближайшего рыцаря вместе с конем, и тогда семь рыцарей одновременно ударили в его щит своими копьями, а остальные убили под ним коня, и Персиваль оказался на земле. Они бы убили его или захватили в плен, если бы не подоспел славный рыцарь сэр Галахад, который по воле случая оказался в тех краях. Когда сэр Галахад увидел, сколько рыцарей нападают на одного, он крикнул:

– Жизнь этого рыцаря должна быть спасена!

Он выехал против двадцати всадников, пустив коня во весь опор, и повалил на землю первого рыцаря вместе с конем. Когда же у него сломалось копьё, он выхватил меч и стал рубить направо и налево с такой силой, что любо-дорого смотреть. С каждым ударом на одного нападающего становилось меньше, они либо падали, либо обращались в бегство, так что скоро ему уже не с кем было сражаться, поскольку сбежавшие укрылись в густом лесу. Сэр Галахад устремился за ними в погоню. Сэр Персиваль, увидев, что сэр Галахад пустился в погоню, очень пожалел, что его конь убит. Он догадался, что это был сэр Галахад, и громко крикнул вслед:

– Любезный рыцарь, постой! Позволь мне поблагодарить тебя за все, что ты сделал для меня!

Но сэр Галахад так гнал коня, что скоро скрылся из вида. Когда сэр Персиваль понял, что сэр Галахад не вернется, он сказал:

– Я посрамлен, и нет сегодня несчастней рыцаря, чем я.

В печали он провел весь день, а когда стемнело, совсем без сил лег на землю, уснул и проспал до полуночи, а когда проснулся, увидел стоявшую перед ним женщину, которая спросила его:

– Сэр Персиваль, что ты тут делаешь?

– Ничего не делаю: ни добра, ни большого зла.

– Если пообещаешь исполнить мое желание, когда я тебя позову, – сказала женщина, – то я одолжу тебе своего коня, который отвезет тебя туда, куда ты пожелаешь.

Сэр Персиваль обрадовался этому предложению и пообещал выполнить все, что она пожелает.

– В таком случае подожди меня здесь, и я приведу тебе коня.

Скоро она вернулась, ведя в поводу черного как смоль коня, увидев которого сэр Персиваль подивился его стати, красоте и богатой сбруе. Сэр Персиваль вскочил на коня, прищипорил его и понесся во весь опор. За час с небольшим чудо-конь проскакал столько, сколько другой конь одолел бы за четыре дня. Вскоре перед ним возник бурный поток, и конь устремился прямо в него. Но, приблизившись к краю, сэр Персиваль, видя, что вода словно кипит, замешкался, не решаясь ехать вброд, и осенил себя крестным знаменем. Тут стряхнул конь сэра Персиваля и, крича и плача, бросился в воду. Сэру Персивалю показалось, что в этот момент вода загорелась. Тогда понял он, что вез его нечистый и едва не привел к гибели. Тогда он обратился с молитвой к Господу, чтобы тот уберег его от соблазна. Он провел в молитве всю ночь, пока не наступило утро, и тут он увидел, что находится в безлюдном месте, со всех сторон окруженном морем. Сэр Персиваль стал вглядываться в море и увидел плывущий к берегу корабль, который в скором времени причалил к берегу под скалой. Увидев это, сэр Персиваль поспешил к кораблю. Подойдя ближе, сэр Персиваль обратил внимание, что корабль обтянут шелком, а на борту необычайно красивая дама в таком роскошном наряде, что роскошнее и не бывает.

Увидев сэра Персиваля, она приветствовала его. В свою очередь сэр Персиваль приветствовал даму и спросил, откуда она и к какому принадлежит роду.

– Я знатная дама, лишенная наследства, но когда-то я была самой богатой женщиной в мире.

– Милая дама, – спросил сэр Персиваль, – скажите, кто лишил вас наследства, поскольку мне очень жалко вас.

– Сэр, – ответила женщина, – мой враг – могущественный лорд, и раньше он хорошо ко мне относился, но, возгордившись его расположением и своей красотой, я обидела его. За это он лишил меня своего общества и моего наследства. Я не знаю ни одного достойного рыцаря, ни одного мужчины, который бы мог постоять за меня. Поскольку я думаю, что вы достойный рыцарь, умоляю вас помочь мне.

Сэр Персиваль пообещал ей любую посильную помощь, и дама от души поблагодарила его.

Погода стояла жаркая, и она позвала одну из служанок и попросила поставить шатер, который установили на прибрежной гальке.

– Сэр, – сказала дама, – здесь вы можете отдохнуть и укрыться от зноя.

Сэр Персиваль поблагодарил. Дама взяла у него шлем и щит, и он уснул и проспал много часов подряд. Проснувшись, он спросил, нет ли какой-нибудь еды, на что получил утвердительный ответ. Вскоре уже был накрыт стол, на котором стояли яства, о которых он даже не мог мечтать. Кроме того, он отведал такого крепкого вина, какого ему не приходилось пить прежде, и сильно захмелел. Взглянув на даму, он подумал, что никогда еще не видел такой красавицы. И тогда сэр Персиваль начал умолять ее стать его возлюбленной. Но она отказала ему, заявив, что его страсть недостаточно пылкая, но он все равно продолжал молить ее о любви. Когда дама увидела, что от ее слов он распалился еще больше, она сказала:

– Сэр Персиваль, я не удовлетворю вашего желания, пока вы не поклянетесь быть мне отныне верным слугой и делать только то, что я вам прикажу. Можете ли, как верный рыцарь, пообещать мне это?

– Да, моя прекрасная дама, – ответил сэр Персиваль, – клянусь телом и душой!

Едва он произнес клятву, как увидел, что его меч лежит обнаженный с красной рукоятью в виде креста с распятием. Он осенил себя крестным знаменiem, и в тот же миг обрушился шатер, задымился и превратился в черное облако. Громко крикнув, дама поспешила на корабль, который уплыл, подгоняемый ревущим ветром, оставляя на воде, как показалось сэру Персивалью, огненный след. Вне себя от горя, сэр Персиваль обозвал себя несчастным из несчастных и, воскликнув «Ведь я едва не погиб!», облачился в доспехи и отправился восвояси.

Глава 15

КОНЕЦ ПОИСКОВ. СЭР БОРС

Когда сэр Борс покинул Камелот, ему повстречался священник верхом на осле. Сэр Борс приветствовал его.

– Кто ты? – спросил священник.

– Я – рыцарь, – ответил сэр Борс. – Еду на поиски Святого Грааля, а потому очень нуждаюсь в наставлении.

Дальше они поехали вместе, пока не подъехали к жилищу отшельника. Священник уговорил сэра Борса заночевать здесь. Сэр Борс спешился, снял доспехи и попросил священника, чтобы тот его исповедовал. Они вошли в часовню, и там сэр Борс получил отпущение грехов. Потом они вместе поели хлеба и выпили воды.

– Теперь, – сказал священник, – прошу тебя не есть ничего иного, пока не сядешь за стол, на котором окажется Святой Грааль.

– Но как вы можете знать, что я буду сидеть за тем столом? – спросил сэр Борс.

– Мне известно это, как и то, что рядом с тобой будет сидеть всего несколько твоих друзей.

– Я с радостью приму все, – ответил сэр Борс, – что ни пошлет мне Бог.

Выслушав исповедь рыцаря, священник удивился тому, какой чистой была жизнь этого человека.

На рассвете следующего дня сэр Борс отправился в путь и до полудня ехал по густому лесу. И тут произошла с ним удивительная история. На развилке двух дорог он увидел двух рыцарей, которые вели его брата, сэра Лионеля, нагого, со связанными впереди руками и привязанного веревками к коню. Рыцари хлестали сэра Лионеля колючими ветками так сильно, что его грудь и спина были залиты кровью. При этом сэр Лионель шел не произнося ни единого слова, как подобает настоящему мужчине, словно и не чувствовал боли. Только сэр Борс изготовился кинуться на помощь брату, как увидел, что еще один рыцарь тащит за собой прекрасную даму.

– Святая Мария, помоги слуге своей! – крикнула женщина и, увидев сэра Борса, взмолилась: – Ради верности рыцарскому долгу, помогите мне, не допустите моего позора!

Услышав эти слова, сэр Борс растерялся, не зная, как поступить. «Если я брошу в беде брата, он погибнет, и на это я не пошел бы за все блага мира, но если я не помогу этой девушке, то буду навсегда опозорен», – подумал сэр Борс.

И, устремив взгляд на небо, сказал, заплакав, сэр Борс:

– Милосердный Господь, сохрани жизнь моего брата, сэра Лионеля, не дай этим рыцарям убить его, а я должен спасти девушку.

Приготовившись к бою, сэр Борс крикнул рыцарю:

– Сэр рыцарь, уберите руки от девушки, или же считайте себя мертвым.

При этих словах рыцарь положил девушку на землю, обнажил меч и загородился щитом. Сэр Борс нанес ему удар такой силы, что копье, пробив щит и доспехи, вошло ему в правое плечо, и от этого удара рыцарь свалился на землю. Тогда сэр Борс подъехал к девушке и сказал:

– На сей раз ты избавлена от этого рыцаря.

– А теперь, сэр, – сказала девушка, – прошу вас, отвезите меня туда, откуда похитил меня этот рыцарь.

– С удовольствием, – ответил сэр Борс.

Он посадил девушку на лошадь поверженного рыцаря и отвез туда, куда она просила. Там ее уже разыскивали двенадцать рыцарей, и, когда она рассказала им, как ее спас сэр Борс, они стали упрашивать его поехать к отцу этой девушки, могущественному лорду, у которого его ждал сердечный прием.

– К сожалению, это невозможно, – ответил сэр Борс, – поскольку меня ждут великие дела.

Сэр Борс поскакал догонять своего брата сэра Лионеля, надеясь найти его по следам конских копыт. Ехал он довольно долго, пока не нагнал человека в монашеском одеянии, который спросил:

– Сэр рыцарь, кого вы ищете?

– Сэр, – ответил сэр Борс, – я ищу своего брата, которого не так давно избивали два рыцаря.

– Ах, сэр Борс, не беспокойтесь понапрасну и не утруждайте себя поисками, поскольку он уже мертв.

Он показал на тело недавно убитого человека, лежащее в кустах, и сэру Борсу показалось, что это и вправду его брат Лионель. От свалившегося на него горя сэр Борс потерял сознание, а придя в себя, сказал:

– Дорогой брат, судьба разлучила нас навсегда, и не ведать больше радости моему сердцу. Теперь лишь Он, кого избрал я господином, будет мне поддержкой.

Он поднял тело, положил его поперек седла и спросил своего случайного спутника:

– Не подскажете, есть ли здесь поблизости церковь, где я мог бы его похоронить?

– Следуйте за мной, – ответил незнакомец, – здесь неподалеку есть часовня.

Вскоре они подъехали к высокой башне, у подножия которой стояла часовня. Они спешились и положили тело в мраморную гробницу.

Сэр Борс поблагодарил за все своего случайного спутника и уехал. Он скакал целый день, а на ночлег остановился у одной старой женщины. Утром снова пустился в путь и вскоре увидел стоявший в долине замок.

– Скажи, – обратился сэр Борс к идущему навстречу крестьянину, – не проводится ли где-нибудь поблизости турнир?

– Сэр, – ответил крестьянин, – под стенами этого замка должен состояться большой турнир.

Сэр Борс подумал, что на турнире он вполне может встретить кого-нибудь из тех, кто отправился на поиски Святого Грааля, и повернул к хижине отшельника, стоявшей на опушке леса. Там он нашел своего брата сэра Лионеля, сидевшего в доспехах на пороге

часовни. При виде брата сэр Борс испытал огромную радость и, соскочив с коня, спросил:

– Милый брат, как ты здесь очутился?

– Не приближайся ко мне, сэр Борс! По твоей милости я чуть не погиб. Ты оставил меня в минуту опасности, а сам кинулся спасать какую-то девицу. За эту несправедливость я не могу ничего пожелать тебе, кроме смерти, которую ты заслужил.

Сэр Борс опустил перед братом колени и, воздев кверху руки, просил его смилостивиться и простить обиду.

– Нет! – отрезал сэр Лионель. – Если я тебя одолею, то, клянусь, тебя ждет смерть; поэтому садись на коня и защищайся, а не станешь, так я не посмотрю на то, что ты пеший, и на еду на тебя, так что тебе же будет хуже. И пусть на мне будет позор, зато тебе несдобровать, а остальное мне не важно.

Когда сэр Борс понял, что ему придется сразиться с братом или погибнуть, он растерялся. Сердце ничего ему не подсказывало, кроме того, что сэр Лионель старший брат, а значит, относиться к нему следует с почтением. И сэр Борс снова опустил на колени у копыт коня Лионеля и сказал:

– Милый брат, сжался надо мной и не убивай.

Но сэр Лионель ничего не хотел слушать, поскольку дьявол, овладевший им, так распалил его ярость, что он во что бы то ни стало желал убить своего брата. Когда он понял, что сэр Борс не поднимется и не вступит в бой, сэр Лионель направил на него коня, и от удара копытом сэр Борс потерял сознание. Тогда сэр Лионель спешился, чтобы отрубить ему голову. Он так бы и убил брата, если бы не сэр Колгреванс, рыцарь Круглого стола, оказавшийся здесь по воле Господа. Он подъехал и увидел, как сэр Лионель собирается отрубить голову своему брату, а сэр Колгреванс не только хорошо знал, но и любил сэра Борса.

– Сэр Лионель, – крикнул сэр Колгреванс, – неужели вы хотите убить своего брата?

– А вам-то что за дело, – ответил сэр Лионель. – Неужели вы решили остановить меня? Если будете мешать, то я сначала убью вас, а потом его.

И он опять бросился к сэру Борсу и занес меч над его головой, но сэр Колгреванс встал между ними.

– Если вы сделаете еще хоть один шаг, то будете иметь дело со мной.

Вместо ответа сэр Лионель нанес сэру Колгревансу сильный удар мечом по шлему. Тогда сэр Колгреванс обнажил меч, а он был искусным бойцом, и стал мужественно защищаться. Поединок между ними продолжался так долго, что сэр Борс успел прийти в себя, с трудом сел и увидел, что сэр Колгреванс сражается за него с его братом. Он глубоко опечалился, понимая, что, если сэр Колгреванс убьет его брата, то не будет ему больше радости в жизни, а если брат убьет сэра Колгреванса, то весь позор ляжет на него.

Сэр Борс хотел встать, чтобы разнять их, но ноги его не держали. Он увидел, что сэр Колгреванс терпит поражение, поскольку сэр Лионель был искуснейший боец и умело теснил противника. И тут сэр Колгреванс вскричал:

– О сэр Борс, почему вы не спешите мне на помощь и не спасаете от грозящей мне смертельной опасности, ведь, если бы я не бросился вам на подмогу, вы бы уже погибли.

В этот момент сэр Лионель сбил с него шлем и нанес удар такой силы, что тот замертво свалился на землю. Убив сэра Колгреванса, сэр Лионель подбежал к брату и словно одержимый нанес ему удар, от которого сэр Борс согнулся.

– Милый брат, – взмолился сэр Борс, – во имя Господа Бога давай прекратим этот бой, поскольку если я убью тебя или ты убьешь меня, то не будет победителю жизни после этого греха.

– Не взывай к моему милосердию, – ответил сэр Лионель.

Тогда сэр Борс, рыдая, вытащил меч и сказал:

– Смилуйся, Господи, надо мной, хоть я и защищаю свою жизнь от собственного брата. Занес сэр Борс руку и уже хотел поразить брата, как вдруг услышал голос:

– Беги, сэр Борс, и не смей касаться его!

В тот же миг братьев разделило спустившееся на землю огненное облако; братья упали на землю и долгое время пролежали без чувств. Придя в себя, сэр Борс увидел, что его брат цел и невредим, и возрадовался, поскольку боялся, что Бог может покарать брата.

– Прости меня, ради бога, брат, – сказал сэр Лионель, – за все, что я совершил против тебя.

– Бог простит, и я прощу, – ответил сэр Борс.

И опять сэр Борс услышал голос:

– Сэр Борс, не мешкая отправляйся на берег моря, там тебя ждет сэр Персиваль.

Сэр Борс поехал к морю по самой короткой дороге. Вскоре он приехал в аббатство, находившееся неподалеку от моря, и остановился там на ночлег. Во сне он опять услышал голос, который приказал ему отправиться на берег. Он встал, перекрестился, надел доспехи, оседлал коня, вскочил на него и через пролом в стене выехал из аббатства. Приехав на берег моря, сэр Борс увидел корабль, обтянутый белой парчой. Он взошел на корабль, и в тот же миг корабль отчалил от берега. Быстро стемнело. Сэр Борс, никого не встретив, лег спать и проспал до утра. Проснувшись, он увидел перед собой рыцаря в доспехах, но без шлема. Это был сэр Персиваль Галльский. Оба обрадовались встрече, и сэр Персиваль сказал:

– Единственный, кого нам сейчас не хватает, – это славный рыцарь сэр Галахад.

Продолжение приключений сэра Ланселота

Однажды ночью сэр Ланселот подъехал к богатому и красивому замку. Вход в него был со стороны моря и никем не охранялся, не считая стоявших по бокам двух львов, хорошо видных в ярком лунном свете. И тут раздался голос:

– Ланселот, войди в замок и увидишь исполненными многие свои желания.

Сэр Ланселот вошел в ворота и, увидев львов, выхватил меч из ножен. В тот же миг руку его пронзила такая боль, что меч выпал из руки, и вновь раздался голос:

– О слабый духом и верой, почему ты больше полагаешься на силу меча, чем на своего Создателя?

– Милостивый Боже, благодарю тебя за великое милосердие, за то, что покарал меня за мое прегрешение. Теперь я вижу, что ты признаешь меня своим слугой.

Сэр Ланселот перекрестился и направился к львам, готовым, казалось, напасть на него, но он благополучно миновал их и вошел в замок, все ворота и двери которого были открыты. Наконец он нашел одну закрытую дверь. Сэр Ланселот попытался ее открыть, но не смог. Прислонившись к двери, он прислушался, и до него донесся голос, который пел так сладостно, что казался неземным. И опять он услышал голос:

– Славься и радуйся, Отец небесный!

Сэр Ланселот преклонил колени перед закрытой дверью, решив, что именно за ней находится Святой Грааль.

– Милостивый и милосердный Господь, если я хоть раз совершил что-то, чем заслужил твою милость, то покажи мне хоть краешек того, что я ищу, – взмолился сэр Ланселот.

Тут он увидел, что дверь в покой отворилась и оттуда исходит такой свет, словно за этой дверью горели все факелы мира. Сэр Ланселот подошел к порогу и уже хотел войти в дверь, но тут прозвучал голос:

– Стой, сэр Ланселот!

Очень расстроенный, он отступил назад. Глядя через порог, Ланселот увидел в центре комнаты серебряный престол, на нем священную чашу, покрытую красной парчой, и множество ангелов вокруг. Один держал горящую восковую свечу, а другой крест и алтарные принадлежности. Тогда, забыв обо всем от удивления и благодарности, сэр Ланселот шагнул за порог, но тут же почувствовал огненное дыхание, которое с такой силой ударило его в лицо, что он упал на пол, не имея сил подняться. Он ощутил, как множество рук подхватили его, вынесли из покоя и положили на пол. Наутро, когда встали обитатели замка, они нашли сэра Ланселота лежащим перед закрытой дверью. Его осмотрели,

пощупали пульс, и оказалось, что он жив, но не в силах ни встать, ни двинуть рукой или ногой. Тогда его подняли, отнесли в самый дальний покой и положили в постель; там, вдали от людей, он провел много дней. Одни говорили, что он жив, другие – что умер. А один старец сказал:

– Он так же полон жизни, как самый здоровый из нас, поэтому советую вам заботиться о нем, пока Господь не вернет его.

Через двадцать четыре дня сэр Ланселот открыл глаза и, увидев вокруг людей, сильно опечалился и сказал:

– Зачем вы разбудили меня? Во сне мне было лучше, чем сейчас.

– А что же вы видели? – спросили окружившие его люди.

– Я видел великие чудеса, какие не передать словами, и столько их, что даже нельзя представить.

– Сэр, для вас закончились поиски Святого Грааля, и никогда вам уже не увидеть больше того, что вы увидели.

– Что ж, – сказал сэр Ланселот, – я благодарю Господа за великую милость, поскольку я видел столько, сколько хотел.

Затем он встал и оделся, и когда вышел из покоя, то обитатели замка с удивлением признали в нем славного рыцаря сэра Ланселота. Через четыре дня он попрощался с владельцем замка и остальными обитателями, поблагодарив их за труды и заботу, и отправился в Камелот, где встретился с королем Артуром и королевой Гиневрой. К тому времени многих рыцарей Круглого стола уже не было в живых. Весь двор обрадовался возвращению сэра Ланселота, и он рассказал королю обо всех приключениях, которые случились с ним после отъезда из Камелота.

Продолжение приключений сэра Галахада

После того как сэр Галахад спас Персиваля от двадцати рыцарей, он много дней ехал через огромный лес. Затем отправился к морю, и так случилось, что пришлось ему заночевать в жилище отшельника. Тот был рад появлению странствующего рыцаря. Когда они уже улеглись спать, в дверь постучала девушка. Старец подошел к двери, чтобы узнать, что ей нужно.

– Я хочу поговорить с рыцарем, – сказала девушка, – который остановился здесь.

Сэр Галахад вышел и спросил, что она хочет.

– Сэр Галахад, – сказала девушка, – я хочу, чтобы вы надели доспехи, сели на коня и последовали за мной, поскольку я покажу вам то, что не удавалось увидеть ни одному рыцарю.

Сэр Галахад, вручив свою судьбу Господу, отправился за девушкой. Он сказал, чтобы она ехала впереди и указывала путь, а он поедет следом.

Она скакала так быстро, как позволяла ее лошадь, и вскоре они выехали на берег моря. Здесь они нашли корабль, на котором находились сэр Борс и сэр Персиваль. Увидев сэра Галахада, они закричали:

– Добро пожаловать, сэр Галахад! Мы давно уже вас ждем.

– Сэр, – сказала девушка, – оставьте здесь своего коня, а я оставлю своего, и поднимайтесь на корабль.

Они поднялись на корабль, где были встречены с большой радостью. Оказалось, что приехавшая за сэром Галахадом девушка сестра сэра Персиваля. Тем временем поднялся ветер и понес корабль в море. Они плыли два дня, пока не оказались между двух скал, чудом избежав столкновения. Из-за водоворота им не удалось высадиться на берег, но рядом оказался другой корабль, и они смогли перейти на него.

– Перейдем на этот корабль, – сказала сестра сэра Персиваля, – и впереди нас будут ждать чудесные приключения, поскольку такова воля Божья.

Сэр Галахад перекрестился и проследовал на корабль, а за ним девушка, сэр Борс и

последним сэр Персиваль. Оказавшись на корабле, они увидели серебряный престол, а на нем Святой Грааль, покрытый красной парчой. Они выказали почтение к увиденному, а сэр Галахад долго молился, чтобы Господь позволил ему покинуть этот мир, когда он этого захочет, и в ответ услышал голос:

– Галахад, твое желание исполнится, и, когда попросишь о смерти своего тела, ты получишь ее, и тогда начнется жизнь твоей души.

Ветер гнал их корабль по морю, пока они не доплыли до города Саррас. Тогда они взяли серебряный престол и вынесли его с корабля; сэр Персиваль и сэр Борс взялись спереди, а сэр Галахад сзади, и так пошли в город. У городских ворот они увидели согбенного старца. Сэр Галахад окликнул его и попросил помочь донести «тяжелую вещь».

– Воистину, – ответил старец, – вот уже десять лет, как я не могу и шагу ступить без костылей.

– Забудь об этом, – сказал сэр Галахад, – вставай и преисполнись желания.

Старик разогнулся, шагнул и обнаружил, что стал здоров и крепок, как в былые годы. Тогда он подошел к сэру Галахаду и взялся за престол с его стороны. Между тем по городу прошел слух, что появившиеся в городе рыцари исцелили калеку у городских ворот. И когда услышал об этих троих рыцарях король страны, Эсторанс, он позвал их и стал расспрашивать, откуда они прибыли и что за предмет принесли в город на серебряном престоле. Рыцари рассказали ему правду о Святом Граале и про силу, какую Бог придал священной чаше. А король этот был тиран, родом из язычников; рыцарей схватили и бросили в глубокую яму.

Но как только они там очутились, Господь перенес к ним Святой Грааль и питал их своей благодатью все то время, что они находились в темнице. К концу года король Эсторанс заболел и понял, что умирает. Он послал за тремя рыцарями и, когда они пришли, стал просить у них прощения за то, что так подло поступил с ними. Они простили его по доброте душевной. Вскоре король умер. После его смерти в городе поднялась смута; люди не знали, кто займет место умершего короля. И как раз когда жители города обсуждали этот вопрос, раздался голос, приказавший им избрать королем младшего из троих рыцарей, «ибо он будет надежной опорой для всех вас». По единодушному согласию всего города сэра Галахада провозгласили королем, угрожая убить его, если он не согласится. Вступив во владение королевством, сэр Галахад приказал сделать корабль из золота и драгоценных камней, чтобы накрыть священный сосуд. Каждый день рано утром трое рыцарей приходили и читали молитвы перед престолом. Ровно через год после того, как сэр Галахад надел корону, он встал рано утром и вместе с друзьями пошел к священному сосуду. Там они увидели коленопреклоненного человека в обличье епископа, над которым кружился сонм ангелов, словно он был самим Иисусом Христом. Закончив службу, он позвал к себе сэра Галахада и сказал:

– Подойди сюда, слуга Господа нашего Иисуса Христа, и увидишь то, что страстно желал увидеть.

Сильно задрожал сэр Галахад, когда открылось ему божественное видение, воздел руки к небесам и произнес:

– Господи, благодарю Тебя, поскольку я вижу то, что стремился увидеть много дней. Теперь, Господи, я не хотел бы более ни дня оставаться в этом жалком мире, если будет на то воля Твоя, Господи.

Тут святой старец взял в ладони Тело Господне, протянул сэру Галахаду, и тот вкусил смиренно и радостно.

– Теперь ты понял, кто я? – спросил старец.

– Нет, – ответил сэр Галахад.

– Я – Иосиф Аримафейский, которого Господь прислал тебе в спутники. А знаешь ли ты, почему Господь прислал к тебе именно меня? Да потому, что тебе тоже удалось увидеть чудо Святого Грааля, и ты такой же целомудренный, как и я.

После этих слов сэр Галахад подошел к сэру Персивалю, поцеловал его и поручил

попечению Господню. Затем подошел к сэру Борсу, тоже поцеловал, поручил попечению Господню и сказал:

– Любезный лорд, передайте привет моему господину сэру Ланселоту, моему отцу, и напомните ему о непрочности этого мира.

Сэр Галахад опустился на колени перед престолом и стал молиться. Внезапно душа его отлетела к Иисусу Христу, и ангелы вознесли ее к небесам прямо на глазах его товарищей. Увидели сэр Борс и сэр Персиваль, как с небес протянулась рука, взяла священный сосуд и копье и унесла на небо. С тех пор на земле больше не было человека, который мог бы сказать, что видел Святой Грааль.

Смерть сэра Галахада потрясла его товарищей, и если бы они не были настоящими мужчинами, то легко впали бы в отчаяние. Все жители города тоже погрузились в уныние. Как только сэра Галахада похоронили, сэр Персиваль отправился за город к отшельникам и облачился в монашеское одеяние. Сэр Борс неотступно следовал за ним, но оставался в мирской одежде, поскольку собирался когда-нибудь вернуться в Лозэгрию. Сэр Персиваль прожил один год и два месяца святой отшельнической жизнью, а затем покинул этот мир. Сэр Борс похоронил его рядом с его сестрой и сэром Галахадом.

Понял сэр Борс, что он в таком же далеком краю, как земля Вавилонская, поэтому облачился в доспехи, покинул Саррас, отправился на берег моря и сел на корабль, отплывавший в Лозэгрию. Вскоре он уже был в Камелоте. Возвращение сэра Борса вызвало бурную радость при дворе, поскольку он так долго отсутствовал, что все считали его погибшим. Король призвал лучших писцов, чтобы они увековечили подвиги благородных рыцарей. Сэр Борс рассказал о приключениях, связанных со Святым Граалем, которые выпали на долю троих его товарищей: сэра Ланселота, сэра Персиваля и сэра Галахада. Затем сэр Ланселот поведал о своих поисках Святого Грааля.

Все рассказы были записаны в большие книги, которые положили в хранилище Солсбери.

После этого сэр Борс подошел к сэру Ланселоту и сказал:

– Сэр Галахад, ваш родной сын, передал вам привет. И сэр Персиваль тоже. Я сам похоронил их в городе Саррасе. Кроме того, сэр Галахад просил напомнить вам о непрочности этого мира.

Сэр Ланселот заключил сэра Борса в объятия и сказал:

– Любезный кузен, я от души рад видеть вас и всегда готов сделать все, что будет в моих силах, для вас и для ваших родных, все, что будет под силу моему брэнному телу, пока его не покинула душа. Клянусь вам в этом. И знайте, сэр Борс, мы никогда не расстанемся, куда живы.

– Сэр, – ответил сэр Борс, – я полностью согласен с вами.

На этом заканчивается повествование о Святом Граале.

Глава 16

ПРЕДАТЕЛЬСТВО СЭРА АГРАВЕЙНА

Когда закончились поиски Святого Грааля и все оставшиеся в живых рыцари вернулись в Камелот, двор охватила огромная радость. Король Артур и королева Гинебра радовались возвращению всех, но особенно сэра Ланселота и сэра Борса, поскольку они дольше других путешествовали по чужим землям в поисках Святого Грааля.

Сэр Ланселот, забыв об обещании, данном во время поисков Святого Грааля, опять стал появляться в обществе королевы Гинебры, и среди придворных поползли слухи об их отношениях, особенно в этом усердствовал сэр Агравейн, брат сэра Гавейна, поскольку совершенно не умел держать язык за зубами. Случилось так, что сэр Гавейн с братьями оказался в королевских покоях, и сэр Агравейн открыто заявил:

– Я удивляюсь, почему мы не испытываем стыд, зная и понимая, что такого благородного рыцаря, как король Артур, унижает поведение сэра Ланселота и королевы.

– Брат мой, сэр Агравейн, – ответил сэр Гавейн, – молю тебя и заклинаю, не говори об этом в моем присутствии и знай, что я никогда не буду на твоей стороне.

– Мы тоже, – поддержали сэр Гарет и сэр Гахерис.

– А я согласен с сэром Агравейном, – заявил сэр Модред. – Я бы удивился, если бы вы не поддержали брата, поскольку питаете страсть к интригам. Но я предупреждаю, что лучше прекратить эти разговоры, поскольку знаю, к чему это может привести.

– Будь что будет, но я обо всем расскажу королю, – сказал сэр Агравейн.

И тут появился король Артур.

– Братья, прошу вас успокоиться, – предупредил сэр Гавейн.

– Ну уж нет! – заупрямился сэр Агравейн.

– Я не хочу слушать твои выдумки и поддерживать твои гнусные планы, – объявил сэр Гавейн.

– Мы тоже, – присоединились к нему сэр Гарет и сэр Гахерис и опечаленные вышли из покоев.

А сэр Агравейн поведал королю все, что говорилось при дворе об отношениях сэра Ланселота и королевы. Король огорчился, однако не захотел поверить в бездоказательные слухи. Тогда сэр Агравейн решил подстроить ловушку сэру Ланселоту и королеве, чтобы застать их врасплох. Для осуществления своих коварных планов сэр Агравейн и сэр Модред нашли нескольких человек, но сэр Ланселот, убив сэра Агравейна и ранив сэра Модреда, сумел сбежать. Он обратился к своим друзьям, рассказал, что случилось, и вместе они спрятались в лесу, оставив при дворе верных людей, которые должны были сообщить им обо всем, что там происходит.

Сэр Ланселот скрылся, а королева осталась с королем, который больше не сомневался в ее виновности. В те времена закон был суров к женщинам, совершившим подобное преступление, и их, независимо от занимаемого положения, сжигали на костре. Эта участь ждала и королеву Гиневру.

– Прошу вас, – обратился король Артур к сэру Гавейну, – подготовьтесь, облачитесь в лучшие доспехи и вместе с братьями, сэром Гаретом и сэром Гахерисом, доставьте королеву к костру, на котором она примет смерть.

– Нет, мой благороднейший господин, – ответил сэр Гавейн, – я никогда этого не сделаю. Я знаю, что мое сердце не выдержит при виде умирающей королевы, и я не хочу, чтобы меня винили в ее смерти.

Тогда король отдал приказ сэру Гарету и сэру Гахерису, на что они ответили:

– Мы придем, поскольку вы приказываете нам быть там, но без доспехов.

Итак, королеву привели и пригласили к ней духовника, чтобы она смогла исповедаться; многие лорды и их жены стонали и плакали. Кто-то сообщил сэру Ланселоту, что королеве грозит смерть. Тогда он со своими рыцарями напал на стражу, охранявшую королеву; те, кто оказал сопротивление, были убиты, а остальные разбежались. В общей суматохе погибли сэр Гарет и сэр Гахерис, поскольку они были без доспехов и без оружия. Сэр Ланселот увез королеву в свой замок «Веселая стража».

Сэру Гавейну сообщили, что сэр Ланселот убил рыцарей и увез королеву.

– Боже, – вскричал сэр Гавейн, – защити моих братьев!

– Сэр, ваши братья, сэр Гарет и сэр Гахерис, убиты.

– Не будет теперь мне радости в жизни, – печально сказал сэр Гавейн, потерял сознание, упал и долго не приходил в чувство.

Когда, наконец, сэр Гавейн пришел в себя, он с криком бросился к королю:

– О мой король, дядя, моих братьев убили.

Король заплакал, и сэр Гавейн вместе с ним.

– Мой король, мой господин, мой дядя, – успокоившись, сказал сэр Гавейн, – призываю вас в свидетели и даю клятву рыцаря, что с этого дня буду преследовать сэра Ланселота до тех пор, пока один из нас не будет убит. Я буду искать сэра Ланселота по семи королевствам, чтобы убить его, или он убьет меня.

– Тебе не придется его искать, – ответил король, – поскольку я слышал, что сэр Ланселот ждет меня и тебя в своем замке, где, как говорят, он собрал много людей.

– Я охотно этому верю, мой господин, – ответил сэр Гавейн, – поэтому соберите своих людей, а я позову своих.

– Так и сделаем! – сказал король.

Король Артур разослал письма и предписания по всей Англии, созывая всех своих рыцарей. К Артуру съехалось много рыцарей, герцогов и графов, так что ему удалось собрать большое войско. Узнав об этом, сэр Ланселот собрал всех, кого мог, и, как оказалось, много достойных рыцарей поддерживали его и были готовы защитить королеву. Однако войско короля Артура было слишком большим, чтобы сэр Ланселот мог встретиться с ним в открытом поле, и, кроме того, сэр Ланселот не хотел воевать с королем. Поэтому он засел в своем укрепленном замке, имея необходимый запас продовольствия. Прибывшие во главе войска король Артур и сэр Гавейн осадили не только замок «Веселая стража», но и город. Сэр Ланселот запретил рыцарям выезжать из замка и сам не покидал его. В осаде прошло несколько недель.

Но в один прекрасный день сэр Ланселот поднялся на стену и громко обратился к королю Артуру и сэру Гавейну:

– Господа, все ваши усилия тщетны. Осаждая город, вы не добудете славы, а только покроете себя позором, поскольку если я и мои доблестные рыцари выйдем из замка, то я быстро положу конец войне.

– Выходите, если осмелитесь, – ответил король Артур, – и я обещаю, что встречу вас посреди поля.

– Господь не позволит мне вступить в бой с благороднейшим из королей, который посвятил меня в рыцари, – сказал сэр Ланселот.

– Я не желаю слушать ваши красивые речи, – заявил Артур, – поскольку теперь я ваш смертельный враг и останусь им до конца своих дней.

Тут в разговор вступил сэр Гавейн:

– За что вы убили моего брата, сэра Гахериса, у которого не было оружия, и сэра Гарета, которого сами посвятили в рыцари и который любил вас сильнее, чем своих родных? А потому знайте, что теперь я ваш заклятый враг.

Когда сэр Борс, сэр Эктор Окраинный и сэр Лионель услышали их разговор, они позвали сэра Паломиду, его брата сэра Сафира, сэра Лавейна и многих других рыцарей, все вместе пошли к сэру Ланселоту и сказали ему:

– Сэр Ланселот, мы просим и даже требуем, если вы дорожите нашей службой, не удерживайте нас больше в этих стенах, поскольку вам не помогут ни ваше красноречие, ни ваше терпение.

– Но мне бы не хотелось выезжать из замка и завязывать бой, – ответил им сэр Ланселот и вновь обратился к королю и сэру Гавейну, уговаривая их отказаться от боя.

Но они продолжали стоять на своем. Тогда войско сэра Ланселота в полном боевом порядке выехало из замка, причем сэр Ланселот приказал своим рыцарям сохранить жизнь королю Артуру и сэру Гавейну.

Сэр Гавейн выехал вперед и вызвал любого, кто желает с ним сразиться, на поединок. Вызов принял сэр Лионель. Они съехались, и сэр Гавейн нанес сэру Лионелю удар такой силы, что тот замертво рухнул с коня. Тут разгорелось великое сражение, и много полегло в нем людей, но при этом сэр Ланселот делал все возможное, чтобы королевское войско несло как можно меньше потерь. В то время как король Артур старался настичь и убить сэра Ланселота, тот сдерживался и не отвечал ударом на удар. И тогда сэр Борс напал на короля, выбил его из седла, спешился, обнажил меч и спросил сэра Ланселота:

– Сэр, не положить ли мне конец этой войне? – подразумевая, что хочет лишить жизни короля Артура.

– Нет, – ответил сэр Ланселот, – не трогайте его. Я не допущу, чтобы благороднейший король, который произвел меня в рыцари, был убит или посрамлен.

Сэр Ланселот спешился, помог королю подняться с земли, посадил на коня и сказал:

– Повелитель мой, ради Иисуса Христа, прекратите эту войну.

Король посмотрел на сэра Ланселота, и при мысли о несравненном благородстве этого рыцаря из его глаз брызнули слезы. Не промолвив ни слова, король ускакал. Враждующие стороны разошлись, чтобы осмотреть раненых и похоронить убитых.

Но война продолжилась, и слухи о ней обошли весь христианский мир и, наконец, дошли до папы римского. Папа, зная о великодушии короля Артура и сэра Ланселота, призвал к себе благородного служителя веры, а именно епископа Рочестерского, который в то время находился в Риме, и отправил его к королю Артуру с папскими буллами, которые обязывали короля вернуть королеву Гиневру и помириться с сэром Ланселотом.

С помощью епископа установился мир, но всего на один год. Король Артур принял назад королеву Гиневру, а сэр Ланселот вместе со своими рыцарями отправился на родину. В Кардиффе они сели на корабль и отплыли в Бенвик, некоторые называют его Байонна. Приезд сэра Ланселота был встречен с большой радостью. Он сразу занялся укреплением и оснащением городов и замков. Короновал своих благородных рыцарей, сэра Лионеля, сэра Борса, сэра Эктора Окраинного, сделал герцогом сэра Бламора и графом сэра Лавейна, а также многих других, и щедро раздавал им земли и замки, пока у него самого не осталось владений меньше, чем у любого из них.

Через год король Артур и сэр Гавейн с большим войском высадились на землях сэра Ланселота, сжигая и опустошая все на своем пути. Узнав об этом, сэр Борс сказал сэру Ланселоту:

– Милорд, позвольте нам встретить их на поле боя, и мы заставим их пожалеть о том дне, когда они решились ступить на эту землю.

На это сэр Ланселот ответил:

– Мне бы не хотелось выезжать им навстречу, чтобы не проливать христианскую кровь. Мы пока останемся за этими стенами, а я отправлю посольство к моему повелителю королю Артуру с предложением заключить соглашение, поскольку лучше мир, чем постоянные войны.

Послал сэр Ланселот красивую девушку с карликом, чтобы она уговорила короля прекратить войну на его землях. Девушка пустилась в путь на лошади, а карлик бежал рядом. Подъехав к шатру короля Артура, она спешила, и к ней подошел благородный рыцарь, сэр Лукан.

– Милая девушка, вы прибыли от сэра Ланселота Озерного? – спросил он.

– Да, сэр, я приехала, чтобы поговорить с королем.

– Увы, – сказал сэр Лукан, – мой господин, король Артур, рад бы помириться с сэром Ланселотом, но сэр Гавейн никогда этого не допустит.

Сэр Лукан проводил девушку к королю, который сидел с сэром Гавейном в ожидании услышать, что скажет приехавшая девушка. Когда она пересказала все, что ей было поручено передать, из глаз короля полились слезы. Все лорды стали советовать Артуру помириться с сэром Ланселотом, все, кроме сэра Гавейна.

– Мой господин, дядя, – обратился сэр Гавейн к королю, – неужели вы это сделаете? Неужели повернете назад, когда зашли так далеко? Если вы это сделаете, то весь мир будет говорить о вас со смехом и презрением.

– Нет, – ответил король Артур, – я сделаю так, как вы решите, но о своем решении девушке сообщи ты, поскольку я не в силах говорить с ней.

И тогда сэр Гавейн так сказал девушке:

– Передайте сэру Ланселоту, что отправлять посольства к моему дяде напрасный труд. Скажите ему, что теперь уже поздно склонять его к миру. Кроме того, скажите ему, что я, сэр Гавейн, просил передать, что буду преследовать его до тех пор, пока один из нас не будет убит.

Когда девушка вернулась и передала ответ, по щекам сэра Ланселота полились слезы.

А на следующий день к главным воротам подъехал сэр Гавейн в полном вооружении и

крикнул:

– Где ты, подлый предатель, сэра Ланселот? Почему как трус прячешься по норам и за стенами? Выходи предатель-рыцарь, и я отомщу тебе за смерть троих моих братьев.

Выслушали его рыцари, стоявшие рядом с сэром Ланселотом, и сказали:

– Сэр Ланселот, теперь вы должны защитить себя, иначе позор падет на вашу голову, поскольку вы слишком долго без действовали и терпели.

Тогда сэр Ланселот громко крикнул, чтобы его услышал король Артур:

– Господин мой Артур, благородный король, я слишком долго терпел и сносил все от вас и сэра Гавейна, и теперь я должен защищаться, поскольку сэр Гавейн обвинил меня в измене.

Сэр Ланселот облачился в доспехи, сел на коня и в сопровождении благородных рыцарей выехал из города. Оба войска встали в стороне, и был заключен договор, что никто не должен приближаться и ввязываться в бой, пока в ходе поединка между сэром Ланселотом и сэром Гавейном один из них не будет убит или не сдастся на милость победителя.

Сэр Ланселот и сэр Гавейн разъехались на большое расстояние, затем развернулись, понесли во весь опор навстречу друг другу и ударили один другого в середину щита. И так могучи были рыцари и столь тяжелы их копья, что кони не выдержали этих ударов и рухнули на землю. Тогда рыцари вскочили, обнажили мечи и стали рубиться, нанося друг другу сильные удары, так что вскоре оба истекали кровью. Когда-то в дар от одного святого старца сэр Гавейн получил ладанку, благодаря которой с утра и до полудня его сила утраивалась, что помогло сэру Гавейну снискать себе немало славы. Из-за него и издал сэр Артур указ, согласно которому все поединки, связанные с любыми раздорами, назначались на это время; и все это из любви к сэру Гавейну, чтобы если случится ему участвовать в поединке, то он бы успел победить, пока его сила не начнет убывать. В то время мало кто из рыцарей знал об этом преимуществе сэра Гавейна. Продолжал сэр Ланселот биться с сэром Гавейном и чувствовал, как все возрастает его сила. Тогда испугался сэр Ланселот, что может потерпеть поражение, и показалось ему, что бьется с ним не смертный человек, а сам дьявол. Стал тогда сэр Ланселот уклоняться и прикрываться щитом, стараясь сберечь силы и восстановить дыхание. За это время сэр Гавейн нанес ему много ударов, так что все рыцари только диву давались, откуда у сэра Ланселота берутся силы; им было невдомек, как трудно приходится сэру Ланселоту. Но когда миновал полдень, исчезла волшебная мощь сэра Гавейна и осталась у него только собственная сила. Почувствовал сэр Ланселот, что сэра Гавейна покидают силы, выпрямился во весь рост, подошел к сэру Гавейну и сказал:

– Чувствую, сэр Гавейн, что вы уже сделали все, что могли, и теперь наступил мой черед. Я много натерпелся от вас за сегодняшний день и принял бесчисленное количество ваших сильных ударов.

И сэр Ланселот, собрав все силы, стал в два раза чаще наносить удары и с такой силой обрушил меч на шлем сэра Гавейна, что тот рухнул на землю, при этом сэр Ланселот отступил в сторону.

– Зачем ты отступаешь от меня? – спросил сэр Гавейн. – Вернись, коварный рыцарь-предатель, и добей меня. Знай, что стоит мне поправиться, и я снова буду биться с тобой.

– Сэр, – ответил сэр Ланселот, – как-нибудь с Божьей помощью я выстою против вас. Вы хорошо знаете, сэр Гавейн, что я не стану убивать поверженного рыцаря.

С этими словами сэр Ланселот уехал в город, а сэра Гавейна перенесли в королевский шатер, где лучшие лекари осмотрели его, промыли и смазали снадобьями его раны.

А сэр Ланселот так сказал королю:

– Господин мой, благородный король, знайте, что у этих стен вам не завоевать себе славы, а потому, господин мой Артур, не забывайте о прежних добрых отношениях между нами, и пусть вам способствует удача во всех делах.

Осада продолжалась. Сэр Гавейн почти месяц пролежал в постели, и, когда он уже

почти выздоровел и был готов снова вступить в бой с сэром Ланселотом, пришли к королю Артуру вести из Англии, которые заставили его со всем войском двинуться в обратный путь.

Глава 17 СМЕРТЬ АРТУРА

Но ныне уничтожен
Круглый стол —
Зерцало чести, доблести оплот;
А я, последний, обречен блуждать
Затерянным во тьме годов и дней,
Средь чуждых мне людей, умов и лиц.⁴⁰

Теннисон

Сэр Модред, оставшийся править всей Англией, приказал написать письма, якобы пришедшие из-за моря, о том, что король Артур погиб в бою. Потом он созвал парламент и заставил баронов провозгласить его королем. Затем захватил королеву Гиневру и объявил, что намерен на ней жениться, но королева Гиневра сбежала от него и нашла убежище в лондонском Тауэре. Сэр Модред осадил Тауэр, но, несмотря на неоднократные штурмы, не смог захватить крепость. Тут до сэра Модреда дошло известие, что король Артур снял осаду с замка Ланселота и возвращается домой. Он созвал баронов, и много стеклось к нему людей, которые поклялись повиноваться ему, что бы ни случилось. С большим войском сэр Модред направился в Дувр, поскольку слышал, что там должен высадиться король Артур.

Сэр Модред со своим войском был в Дувре, когда туда прибыл флот короля Артура, так что сэр Модред поджидал его на берегу, чтобы помешать высадке. Началось сражение, которое унесло жизни многих славных рыцарей с обеих сторон. Но король Артур сражался с такой отвагой, что никто из рыцарей противной стороны не смог помешать ему высадиться на берег, а шедшие за ним рыцари рубились с такой яростью, что сэр Модред не выдержал и отступил, а за ним и его войско. По окончании битвы король Артур приказал похоронить убитых. В одной из лодок нашли еле живого сэра Гавейна.

— Дядя, — обратился сэр Гавейн к королю Артуру, — пришел мой смертный час, а все из-за моей собственной поспешности и несговорчивости. Сегодня мне нанесли удар в то же место, куда меня ранил сэр Ланселот, и я чувствую, что скоро умру.

Если бы сэр Ланселот был с вами, то эта злосчастная война никогда бы не началась, а ведь я всему виной.

И сэр Гавейн попросил короля послать за сэром Ланселотом и относиться к нему с особой любовью и вниманием, как ни к одному другому рыцарю. В полдень сэр Гавейн испустил дух. Король приказал похоронить его в часовне дуврского замка. Там до сих пор можно увидеть его череп со следом от удара, который ему нанес сэр Ланселот во время их поединка.

Вскоре королю Артуру сообщили, что сэр Модред разбил лагерь и готовится к новому сражению. Во главе войска король Артур отправился туда, и разгорелась жестокая битва, из которой король Артур вышел победителем. Модред со своими сторонниками бежал в Кентербери.

Тогда был назначен день битвы между королем Артуром и сэром Модредом, которая должна была произойти в долине неподалеку от Солсбери. А в ночь на Троицу приснился королю Артуру дивный сон, якобы пришел к нему сэр Гавейн с прекрасными дамами.

⁴⁰ Перевод С. Лихачевой.

Увидев его, король сказал:

– Добро пожаловать, сын сестры моей. Я думал, что ты умер, а теперь вижу, что ты жив, и это для меня большая радость. Но скажи мне, племянник, кто эти прекрасные дамы, которые сопровождают тебя?

– Сэр, – ответил сэр Гавейн, – это те дамы, за которых я сражался, когда был жив. И поскольку я действовал по справедливости, они в благодарность привели меня к тебе, чтобы я мог предупредить тебя, что, если ты будешь завтра сражаться с сэром Модредом, то непременно погибнешь. Поэтому заключи перемирие и сделай все возможное, чтобы отложить сражение на месяц. Через месяц прибудет сэр Ланселот со своими благородными рыцарями, спасет тебя, убьет сэра Модреда и тех, кто стоит за него.

И тут сэр Гавейн и сопровождавшие его дамы исчезли. Король приказал созвать всех благородных баронов и мудрых епископов, пересказал им свой сон и все, что говорил ему сэр Гавейн. Затем он послал сэра Лукана, сэра Бедивера и двух епископов заключить перемирие с сэром Модредом сроком на месяц и один день. Они поехали к сэру Модреду и долго уговаривали и убеждали его. Наконец сэр Модред согласился, пока жив Артур, владеть только Корнуоллом и Кентом, а после смерти Артура всей Англией.

Они сговорились, что король Артур и сэр Модред встретятся в присутствии войск обеих сторон, причем каждый приведет с собой по четырнадцать человек, и подпишут соглашение. Перед тем как отправиться на переговоры, король Артур обратился к своему войску с такими словами:

– Если кто-нибудь из вас увидит обнаженный меч, то, не мешкая, нападайте и убивайте любого, кто окажет сопротивление, поскольку я не доверяю этому предателю Модреду.

Сэр Модред обратился к своим рыцарям с подобной же речью. Парламентеры встретились и все тщательно оговорили. Затем принесли вино, чтобы отметить заключенное соглашение. Тут из вереска выползла гадюка и ужалила одного из рыцарей в ногу. Рыцарь почувствовал боль, посмотрел вниз, увидел гадюку и, без всяких задних мыслей, выхватил меч и убил змею. Воины увидели вынутый из ножен меч, затрубили в трубы и роги; поднялся страшный шум. Король Артур вскочил на коня и поскакал к своему войску, обронив на ходу:

– Какой несчастливый день!

Сэр Модред поступил так же. Никогда не было на христианской земле битвы ужаснее этой. Король Артур появлялся в разных местах и бился, как подобает благородному королю. В этот день сэр Модред не уронил чести и подвергал себя большой опасности. Так они бились весь день, пока большинство благородных рыцарей не были убиты. Тогда король Артур огляделся и увидел, что из его войска остались в живых всего два рыцаря, сэр Лукан и его брат сэр Бедивер, но и они были тяжело ранены.

Король Артур еще раз огляделся и увидел сэра Модреда, который стоял, опираясь на меч, среди груды мертвых тел.

– Подайте мне копьё, – приказал Артур сэру Лукану, – поскольку там я вижу предателя, который навлек на нас эту беду.

– Сэр, оставьте его, – сказал Лукан. – Если вы переживете этот злосчастный день, вы будете отомщены. Помните, что вам сказал дух сэра Гавейна. Уезжайте, все равно сегодня вы одержали победу. Если вы уедете, то на этом черный день закончится.

– Суждено мне жить или умереть, – ответил король Артур, – но сегодня ему не ускользнуть от меня.

Король двумя руками схватил копьё и побежал к сэру Модреду, выкрикивая на ходу:

– Изменник, наступает твой смертный час!

Ударом копья Артур пронзил сэра Модреда. Почувствовав, что получил смертельную рану, сэр Модред из последних сил рванулся вперед и, держа меч двумя руками, ударил Артура сбоку по голове; меч рассек шлем и череп короля. После этого сэр Модред рухнул замертво. А благородный король Артур, потеряв сознание, упал на землю. Сэр Лукан и сэр Бедивер подняли короля и понесли его к часовне, стоявшей неподалеку от берега моря. Там

ему стало легче. Вдруг они услышали крики, доносившиеся с поля. Сэр Лукан пошел посмотреть, в чем там дело, и в лунном свете увидел грабителей, обирающих мертвых. Он вернулся и сказал королю:

– Я думаю, что нам лучше отвезти вас в какой-нибудь город.

– Я согласен, – ответил король.

Он попробовал идти, но потерял сознание. Сэр Лукан подхватил короля с одной стороны, а сэр Бедивер с другой, но, когда сэр Лукан стал поднимать Артура, он сам потерял сознание, поскольку был тяжело ранен. Сердце благородного рыцаря не выдержало, и, когда король очнулся, он увидел лежащего рядом с ним сэра Лукана с кровавой пеной на губах.

– Какое горе! – воскликнул король Артур. – Мой благородный герцог умер, спасая меня. Он помогал мне, когда сам нуждался в помощи больше, чем я, и ни разу не пожаловался. Вот его сердце и не выдержало.

Сэр Бедивер стал оплакивать смерть брата.

– Оставь слезы и стенания, – сказал король, – ведь ты прекрасно знаешь, что, будь я жив, никогда не переставал бы оплакивать смерть сэра Лукана. Но силы мои на исходе, поэтому возьми Экскалибур и отправляйся с ним на берег моря. Там выброси его в воду, а когда вернешься, расскажешь, что увидел.

– Да, мой господин, – ответил сэр Бедивер, – я выполню все, что вы велели.

По дороге к берегу сэр Бедивер внимательно рассмотрел меч, увидел, что рукоять украшена драгоценными камнями, и сказал себе: «Если я выброшу такой дорогой меч в воду, то от этого не будет никакой пользы, а один лишь убыток». Сэр Бедивер спрятал Экскалибур под корнями дерева и поспешил вернуться к королю.

– Что ты видел? – спросил король.

– Сэр, – ответил сэр Бедивер, – я ничего не видел.

– Жаль, что ты обманул меня, – сказал Артур. – Быстро отправляйся обратно и, если любишь меня, брось меч в воду.

Сэр Бедивер вернулся туда, где спрятал меч, взял его в руки и уже был готов бросить в воду, но опять подумал, что стыдно и грешно выбрасывать такой меч, и снова спрятал его. Он вернулся к королю и сказал, что выполнил его просьбу.

– Что ты видел? – задал король тот же вопрос.

– Сэр, я видел только глубокое море и волны.

– Ах ты, лживый предатель! – воскликнул король Артур. – Ты дважды обманул меня, но ты благородный рыцарь и дорог мне. Так что отправляйся обратно и выполни мою просьбу, чем дольше ты медлишь, тем ближе моя смерть.

В третий раз отправился сэр Бедивер на берег, взял меч и забросил его как можно дальше в море. Тут из воды показалась рука, на лету поймала меч, трижды потрясла, взмахнула им, а затем исчезла в волнах.

Вернулся сэр Бедивер к королю и рассказал о том, что увидел.

– Теперь помоги мне, – сказал король, – боюсь, что я слишком здесь задержался.

Сэр Бедивер поднял короля на спину и понес к морю. Подойдя к берегу, они увидели, что к ним быстро приближается лодка с прекрасными женщинами, на голове у которых черные капюшоны. Увидев короля Артура, они стали плакать и стенать.

– Теперь отнеси меня в лодку, – попросил король.

Сэр Бедивер выполнил его просьбу. Три дамы приняли короля из рук сэра Бедивера, удобно уложили, а голову Артур положил на колени одной из дам.

– Милый мой брат, – проговорила одна из женщин, – что же ты так медлил? Рана на твоей голове слишком остыла.

Тут увидел сэр Бедивер, что лодка стала отходить от берега, и закричал:

– О мой король, неужели вы оставите меня одного среди врагов?

– Успокойся, – ответил Артур, – я уже ничем не могу тебе помочь. Я отправляюсь на остров Аваллон, чтобы залечить свою страшную рану.

Как только лодка скрылась из вида, сэр Бедивер зарыдал. Затем он пошел в лес и шел

всю ночь, пока не оказался перед жилищем отшельника с часовней.

Сэр Бедивер вошел в часовню и увидел отшельника, лежащего на полу рядом со свежей могилой.

– Сэр, – обратился к нему Бедивер, – кто здесь похоронен и о ком твои молитвы?

– Сын мой, – сказал отшельник, – я точно не знаю. Этой ночью пришли женщины, принесли покойника и попросили меня похоронить его.

– О боже! – воскликнул сэр Бедивер. – Это мой господин, король Артур.

После этих слов сэр Бедивер лишился сознания.

Когда же он пришел в себя, стал просить отшельника позволить ему остаться здесь и проводить время в постах и молитвах.

– Сэр, я буду рад принять вас, – ответил отшельник.

Сэр Бедивер облачился в простые одежды и смиренно прислуживал отшельнику во время постов и молитв.

Что касается Артура, то больше я ничего не нашел о нем в книгах и не обнаружил точных сведений о его смерти. Известно лишь то, что на лодке, которая увезла Артура, были три королевы: сестра короля Артура, фея Моргана, Вивиана, Озерная Леди, и королева Северного Уэльса. Это записано со слов сэра Бедивера, рыцаря Круглого стола.

Однако кое-кто считает, что король Артур не умер, а где-то скрывается, и говорят, что он еще вернется и будет править Англией. Многие рассказывают, что на его могиле высечены следующие слова: «*Hic jacet Arthurus, Rex quondam, Rexque futurus*».⁴¹

Когда королева Гинебра узнала, что король Артур убит и погибли все его благородные рыцари, она вместе с пятью дамами тайно бежала в Олмсбери. Там она постриглась в монахини, надела белые с черным одежды, наложила на себя строгую епитимью, как подобает грешнице, проводила время в постах и молитвах и занималась благими делами. Со временем она стала настоятельницей монастыря.

А теперь мы оставим королеву и поговорим о сэре Ланселоте Озерном.

Когда до сэра Ланселота дошли вести о том, что сэр Модред сделали королем Англии и тот начал войну против собственного дяди, короля Артура, он пришел в ярость и сказал своим родичам:

– Этот сэр Модред дважды предатель! Я раскаиваюсь, что в свое время он ускользнул от меня.

Сэр Ланселот с соратниками спешно снарядили корабли, загрузились и отплыли в Англию. В Дувре сэр Ланселот высадился с большим войском. Там он узнал, что король Артур убит.

– Никогда еще я не получал более горестных известий, – сказал сэр Ланселот.

Затем он созвал королей, герцогов, баронов и рыцарей и обратился к ним с такими словами:

– Благодарю всех вас за то, что вы приехали в эту страну, но – увы! – мы прибыли слишком поздно, и я никогда себе этого не прощу. Но раз уж так случилось, я один отправлюсь на поиски своей дамы, королевы Гинебры, поскольку слышал, что она бежала на запад. Ждите меня здесь пятнадцать дней, и, если я не появлюсь в указанный срок, садитесь на корабли и возвращайтесь со своими воинами домой.

Итак, сэр Ланселот отправился на запад. Он провел в поисках много дней и, наконец, выехал к женскому монастырю. Когда он шел по монастырскому двору, его увидела королева Гинебра и упала в обморок. Придя в себя и обретя дар речи, она попросила, чтобы к ней привели сэра Ланселота.

– Сэр Ланселот, – сказала королева, – умоляю вас во имя любви, которая когда-то была между нами, чтобы вы больше никогда не искали встречи со мной. Возвращайтесь в свое королевство, найдите себе жену и живите с ней в любви и радости. Молитесь за меня

⁴¹ Здесь лежит Артур, король в прошлом и король в грядущем (лат.).

Господу Богу, чтобы простилась мне прежняя несправедная жизнь.

– Нет, моя повелительница, – возразил сэр Ланселот, – я никогда этого не сделаю. Если вы по собственному желанию выбрали свою судьбу, то и я выбираю такую же, чтобы радовать Господа и служить ему.

На этом они со слезами и стенаниями расстались.

Через какое-то время сэр Ланселот подъехал к жилищу отшельника с маленькой часовней, колокол которой звонил к службе. Он спешился, привязал к воротам коня, вошел в часовню и отстоял службу. Служил обедню тот самый отшельник, у которого остался сэр Бедивер. Он сразу узнал сэра Ланселота, и после службы они разговорились. Когда сэр Бедивер рассказал свою историю, сердце сэра Ланселота чуть не разорвалось от горя. Он преклонил колени и попросил отшельника исповедовать его и стать его братом. Отшельник «с большим удовольствием» согласился, надел на сэра Ланселота рясу, и тот стал служить Господу «дневно и ночью в постах и молитвах».

Войско оставалось в Дувре пятнадцать дней, как постановил сэр Ланселот, а затем сэр Борс приказал всем возвращаться домой. Сам сэр Борс, сэр Эктор Окраинный, сэр Блмур и многие другие отправились на поиски сэра Ланселота. Судьбе было угодно, чтобы сэр Борс подъехал к той самой часовне, где находился сэр Ланселот. Когда сэр Борс увидел сэра Ланселота в монашеской рясе, он стал просить отшельника разрешить и ему остаться. Отшельник надел на него рясу, и они стали жить все вместе, проводя время в постах и молитвах. Через полгода к ним присоединились и другие рыцари. Так прожили они в покаянии шесть лет.

Но вот однажды ночью сэру Ланселоту было божественное видение, приказавшее поспешить в Олмсбери, но было сказано ему, «к тому времени, как ты туда прибудешь, ты найдешь мертвой королеву Гиневру». Сэр Ланселот встал рано и обо всем рассказал отшельнику.

– Сделай так, как приказано, – сказал отшельник.

Сэр Ланселот взял с собой семерых друзей, и они пешком отправились из Гластонбери в Олмсбери; им предстояло пройти более тридцати миль. Прибыв в Олмсбери, они узнали, что королева Гиневра умерла всего полчаса назад. Сэр Ланселот всматривался в ее лицо, но не плакал, а только тяжело вздыхал. Он сам отслужил заупокойную службу. Обратный путь из Олмсбери сэр Ланселот с друзьями опять проделали пешком, но теперь они следовали за катафалком, запряженным лошадью. По прибытии в Гластонбери тело королевы завернули в вошеное покрывало и положили в мраморный гроб. Когда ее предали земле, сэр Ланселот потерял сознание и долго не приходил в себя.

С этого дня сэр Ланселот почти не ел и не пил и только оплакивал смерть возлюбленной. Через шесть недель он занемог, слег в постель и послал за отшельником и своими верными товарищами.

Он обратился к отшельнику с просьбой совершить над ним последние обряды, как надлежит христианину.

– В этом нет необходимости, – сказал священник, – у тебя просто сгущение крови, и к завтрашнему утру ты поправишься.

– Любезные друзья, – взмолился сэр Ланселот, – мое отягощенное печалью тело стремится в землю. Я знаю больше, чем могу сказать, и потому соборуйте меня.

Когда были совершены все обряды, полагающиеся христианину, сэр Ланселот попросил отнести его в замок «Веселая стража» (некоторые считают, что это был Алнвик, а кое-кто – что Бамборо).

– Хоть мне и самому это горько, – сказал сэр Ланселот, – но когда-то я дал клятву, что меня похоронят в «Веселой страже».

Тут его товарищи не сдержали слез. Ночью сэр Ланселот скончался. Когда утром сэр Борс и остальные подошли к его ложу, они нашли его мертвым. Он лежал с улыбкой на лице, и вокруг него распространялось благоухание, которого им никогда не доводилось вдыхать.

Друзья положили сэра Ланселота в ту же повозку, на которой везли к месту погребения

королеву Гиневру, и отправились в замок «Веселая стража». Прибыв в замок, положили сэра Ланселота в алтаре; его отпевал хор, над ними читали молитвы и псалмы. Лицо его оставалось открытым, чтобы люди могли его видеть. Во время службы появился сэр Эктор Окраинный, семь лет искавший по всей Англии, Шотландии и Уэльсу своего брата сэра Ланселота. Услышав пение в часовне, сэр Эктор спешил и вошел внутрь. Присутствующие сразу узнали сэра Эктора, и сэр Борс подошел к нему и сказал, что сэр Ланселот умер. Сэр Эктор отбросил щит, меч и шлем и подошел к алтарю. Увидев лицо брата, он зарыдал, и нет слов, чтобы описать его горе.

– Ах, сэр Ланселот, – сказал он, – ты лежишь здесь. Теперь я смело могу сказать, что не было на земле рыцаря, который мог сравниться с тобой. Ты был благороднейшим из рыцарей, когда-либо сидевших верхом на коне; самым верным возлюбленным из всех грешных мужей, когда-либо любивших женщину, и самым добрым человеком, когда-либо державшим меч. Ты был самым лучшим из всех, кто назывался рыцарем. Ты был самым учтивым и нежным из всех, кто когда-либо сидел за одним столом с дамами. А для смертельного врага ты был самым суровым противником.

После его слов раздались громкие рыдания и стоны. Тело сэра Ланселота пролежало на возвышении пятнадцать дней, после чего его похоронили с большими почестями.

Друзья сэра Ланселота вернулись в жилище отшельника. Сэр Бедивер оставался там до конца дней. Сэр Борс, сэр Эктор, сэр Бламур и сэр Блеобер отправились в Святую землю и многократно сражались против неверных турок. Они умерли в Страстную пятницу, как на то была Божья воля.

Так заканчивается прекрасная книга под названием «Смерть Артура», в которой рассказывается о рождении, жизни и деяниях короля Артура, о его благородных рыцарях Круглого стола, об их удивительных приключениях, о поисках Святого Грааля и, наконец, о смерти Артура, а также о смерти и уходе из этого мира его рыцарей. Эта книга была написана на английском языке сэром Томасом Мэлори, рыцарем, разбита на главы и напечатана в Вестминстерском аббатстве в последний день июля 1485 года от Рождества Христова.

Часть вторая МАБИНОГИОН

Глава 18 БРИТТЫ

Считается, что древнейшими жителями Британии была одна из ветвей огромного племени, известного в истории как кельты. Своим названием Камбрия, как часто называют Уэльс, обязана кимрам,⁴² которые, согласно уэльским преданиям, переселились на остров с Европейского континента.

Кимров связывают с киммерийцами и кимбрами, как называли древнегреческие и римские историки варварские племена, которые распространились от Понта Эвксинского по всей Северо-Западной Европе.

Происхождение названия «Уэльс» вызывает многочисленные споры. Некоторые историки связывают это название с «гэллами», или «гаэллами», обитавшими в лесах; другие отмечают, что слово «вэлш» на скандинавских языках означает «чужестранец» и что коренными бриттами были те, кто позднее вторгся на остров и подчинил большую его часть, то есть саксы и англй.

⁴² Кимры (в переводе с валлийского – соотечественники) – древнее название валлийцев, кельтский народ, населяющий провинцию Великобритании Уэльс. (Примеч. пер.)

Британия принадлежала римлянам начиная с вторжения Юлия Цезаря до их добровольного ухода с острова в 420 году, то есть около пяти столетий. За этот период должно было произойти смешение культуры и институтов римлян и коренного населения острова. Сохранившиеся дороги, руины древних городов и оборонительных укреплений свидетельствуют о том, что римляне сделали много для развития страны, а старинные усадьбы и замки являются доказательством, что многие поселенцы обладали значительными средствами и разбирались в декоративном искусстве. Однако римляне насаждали свое влияние по большей части с помощью силы, но оно никогда не распространялось на весь остров. Северная часть, современная Шотландия, оставалась независимой, а западная часть, включающая Уэльс и Корнуолл, подчинялась Риму только номинально.

Никто из завоевателей так никогда и не смог подчинить отдаленные части острова. На протяжении веков после вторжения саксов под предводительством Хенгиста и Хорса в 449 году западное побережье Британии принадлежало коренному населению, которое вело непрерывающиеся войны с захватчиками.

Вот почему жители Уэльса и Корнуолла испытывают чувство гордости за то, что только они могут похвалиться истинно британским происхождением. Мы можем найти подтверждение этому в поэтических произведениях. К примеру, Томас Грей⁴³ в оде «Бард», называя валлийской королеву Елизавету из династии Тюдоров, пишет: «взгляд выдает в ней принадлежность к бриттам», а сравнивая принцев династии Тюдоров с нормандскими принцами, восклицает: «Приветствую вас, истинные короли, дети Британии, приветствую вас!»

Валлийский язык и литература

Валлийский язык один из древнейших европейских языков. Валлийскую поэзию с большой долей вероятности можно датировать VI столетием. Язык некоторых поэтических произведений настолько архаичен, что ученые расходятся в интерпретации многих отрывков, однако валлийская поэзия в целом, начиная с X века, доступна для понимания тех, кто владеет современным языком.

До недавнего времени эти произведения, хранившиеся в университетских и частных библиотеках, были преданы забвению и доступ к ним был настолько затруднен, что нечего было и пытаться обнародовать их. Ситуация изменилась, когда Оуэн Джонс, скорняк из Лондона, за свой счет собрал и опубликовал основные произведения валлийской литературы под названием «*Myvyrian Archeology of Wales*». В этом ему помогли доктор В. Оуэн и другие валлийские ученые.

Стоило Джонсу прекратить деятельность в этом направлении, как интерес угас, и так продолжалось несколько лет. Доктор Оуэн приложил усилия, чтобы найти поддержку и опубликовать «Мабиногион», прозаические валлийские сказания, но, не успев достигнуть поставленной цели, умер. Эту задачу удалось решить только леди Шарлотте Гест. Легенды, изложенные в этой части книги, взяты из ее работы, о которой мы более подробно говорили во вступительной главе к первой части книги.

Валлийские барды

Авторство самых ранних валлийских поэм приписывается Анейрину, жившему, предположительно, в первой половине VI века, Талиесину, Лливарху Хену и Мирддину, или Мерлину. Подлинность приписываемых им поэм вызывает горячие споры, и до сих пор остается открытым вопрос, сколько и какие поэмы являются подлинными. Поэма Анейрина

⁴³ Грей Томас (1716–1771) – английский поэт и филолог, автор «Элегии, написанной на сельском кладбище», возможно самого знаменитого стихотворения на английском языке. (Примеч. пер.)

«Гододин» относится к тем произведениям, подлинность которых не вызывает сомнений. Анейрин принадлежал к северным бриттам из Страт-Клайда. Территория, на которой они проживали, называлась Камберленд, то есть земля кимров. В своей поэме Анейрин оплакивает поражение, которое его соплеменники потерпели от саксов в битве при Катрайте (ныне город Каттерик в графстве Йоркшир) из-за того, что перед боем выпили слишком много меда. После этого сражения в живых остались только сам бард и два его товарища. Часть поэмы была переведена Греем. Ниже мы приводим отрывок из поэмы.

Четыреста воинов – грозный отряд —
Спустились рядами в долину Катрайт.
На шее у каждого цепь золотая,
Награда, из тысячи нитей свитая.
Из чаш золотых они пьют на пирах,
Пчелиный нектар и меда на устах,
В вине дорогом их усы и одежды,
В них плещется радость, вселяя надежды.
Кто видел прекрасную эту картину —
Никто не вернулся в Катрайта долину.
Лишь Конан-силач да храбрец Аэрон
Прорвались в бою сквозь кровавый кордон.
И я уцелел, хоть ничтожен, но ради
Того, чтоб оплакать достойных в балладе.

Подлинность произведений Талиесина не столь очевидна. Они содержат такое количество мифологических элементов, что это вызывает сомнение относительно их подлинности. Позже мы еще поговорим об этом.

Триады⁴⁴

Триады являются специфической формой поэтического произведения, которая была весьма популярна среди валлийских бардов. Триада строилась по принципу тройки: три героя, или три события, или три утверждения, объединенные в одно короткое предложение. Эта форма, первоначально созданная, по всей видимости, чтобы облегчить запоминание, была доведена валлийцами до такого совершенства, что заслуживает особого рассмотрения. Триады – самая ранняя форма валлийской поэзии, некоторые из них считаются не менее старыми, чем сам язык. Хотя эта поэтическая форма отличается краткостью, в «*Mynyddian Archeology of Wales*» О. Джонса они занимают более ста семидесяти страниц, по две колонки в каждой. Мы приведем несколько примеров именных триад.

Героев в бою этом трое,
Запомните их, как урок:
Мел Длинный, Лир с войском – герои
И гордость Уэльса – Кардок.

Три главных британских поэта —
Это Амброзий Мерлин,
Мерлин Дикий, сын Морфин это,
И главный из бардов – Талиесин.

⁴⁴ Триада – мнемоническая формула для запоминания национальных преданий и правил народной мудрости, восходящая к первому тысячелетию. (Примеч. пер.)

За Круглым столом Артура
Три златоуста – рыцари высшего чина:
Гавейн, сын Гвиара, Дривас, сын Трифина,
И Эливлода причислим, Мадага сына.

Три пира великих британских забуду ли я:
Пир Кассивелауна после изгнания Цезаря Юлия;
Пир победителя саксов, Амброзия Аврелия,
И пир короля Артура в Карлеоне на Уске прибавить осмелюсь

я.

Гиневра, дочь Лаодегана-Рослого,
Порочна в детстве, но еще хуже взрослая.

А вот несколько примеров нравоучительных триад.

Слышали, что вещал Драмхидит,
Старый дед, на замковых стенах отчаянно?
Лучше ответить соблазнительям – нет,
Чем не выполнить обещание.

Слыхали, что пел Лленлеавг в суете,
В золотых браслетах, при силе:
«Лучше, поверьте, чем жить в нищете —
Мирно лежать в могиле».

Вас удивит, что поет Гарселит,
Ирландец. В своем стихе он говорит
Идущим за ним: «Плохо, если долго живешь в грехе».

Слышали, что пел Аваон,
Сын барда Талиесина, наш друг?
Грубость, как утверждает он,
Не скроет сердечных мук.

Глава 19 ХОЗЯЙКА ФОНТАНА. ПРИКЛЮЧЕНИЕ КИНОНА

Король Артур находился в Карлеоне на Уске, и однажды в его покоях собрались Оуэн, сын Уриена, Кинон, сын Клидно, Кай, сын Кинера, и Гиневра со своими служанками, которые, сидя у окна, занимались рукоделием. Король Артур сидел в центре комнаты в кресле из зеленого камыша,⁴⁵ покрытом золотистого цвета атласом, а его локоть опирался на красную атласную подушку.

– Если это вас не обидит, – сказал король Артур, – то я посплю, пока готовится ужин. Вы развлекайте друг друга рассказами, и если хотите, то Кай принесет вам мед и

⁴⁵ Использование зеленого камыша при дворе в Карлеоне на Уске не было чем-то необычным. Зеленый камыш – излюбленный материал наших предков; из него изготавливали не только предметы первой необходимости, но и предметы роскоши. В Средние века в Англии и Франции каменные полы в покоях покрывали свежесрезанным тростником. (Примеч. авт.)

какую-нибудь закуску.

Король заснул, а Кинон, сын Клидно, напомнил Каю об обещании короля.

– Да, но он обещал, что я услышу занимательную историю, – сказал Кай.

– Сначала принеси то, что обещал нам Артур, – возразил Кинон, – а потом мы расскажем тебе самую занимательную историю из всех, что ты когда-либо слышал.

Кай сходил на кухню, спустился в подвал, где хранился мед, и вернулся с кувшином меда и золотым блюдом, на котором лежали куски жареного мяса. Они съели мясо, запили его медом, и Кай произнес:

– Теперь самое время послушать интересную историю.

– Кинон, – сказал Оуэн, – расскажи Каю обещанную историю. Он ее заслужил.

– Ну что ж, слушайте, – начал Кинон свой рассказ. – Я был единственным сыном у своих родителей, и вырос гордым и своенравным, считая, что никто в мире не справится со мной. Когда я понял, что в своей стране меня уже не ждут приключения, отправился странствовать по безлюдным землям. Так я оказался в прекраснейшей долине, красивее которой не найдешь в целом мире. В ней росли деревья одной высоты, по долине бежала река, вдоль которой шла тропинка. Я поехал по этой тропинке и к полудню выехал на огромное поле. Вдали виднелся большой, красивый замок. Я направился к замку и, подъехав, увидел двух белокурых юношей с золотыми налобными повязками, в одеждах из желтого шелка и в сапогах с золотыми пряжками. В руках каждый из них держал лук из слоновой кости с тетивой из оленьих сухожилий и стрелы из моржовой кости с оперением из павлиньих перьев и с золотыми наконечниками. Еще у юношей были ножи с золотыми лезвиями и рукоятками из моржового клыка, и они забавлялись тем, что метали ножи в мишень.

Неподалеку от них стоял мужчина в самом расцвете сил, с аккуратно подстриженной бородой, в плаще из желтого шелка, украшенного золотым шитьем, и в сапогах из кордовской кожи⁴⁶ с золотыми пряжками.

Я подошел и поприветствовал его. Он был настолько любезен, что тут же ответил на мое приветствие. Мы вместе отправились в замок, все обитатели которого собрались в одном зале. У окна сидели двадцать четыре девушки, вышивавшие по шелку. Должен сказать, Кай, что самая невзрачная из них была красивее любой самой красивой девушки, которую ты когда-либо встречал на острове Британия, а самая красивая из них была прекраснее даже Гиневры, жены Артура, когда она идет на пасхальную службу, а ведь всем известно, что в этот день Гиневра особенно красива.

При моем появлении они встали, чтобы приветствовать меня. Шестеро взяли моего коня и помогли снять доспехи. Еще шестеро начистили мое оружие и доспехи так, что они заблестели как новые. Шестеро других накрыли столы скатертями и занялись приготовлением еды. Оставшиеся шестеро сняли с меня запыленные в дороге одежды, а взамен дали штаны из тонкого батиста, рубаху, плащ из желтого шелка с широкой каймой. Меня усадили на красные шелковые подушки, подложив такие же подушки мне под спину и вокруг меня. Те шестеро, что взяли моего коня, распрягли его так сноровисто, словно лучшие конюхи острова Британия.

Затем девушки принесли серебряные чаши с водой и полотенца, белые и зеленые, чтобы я мог умыться. Я умылся. Мужчина, который привел меня в замок, сел за стол, я сел рядом с ним, а затем сели все девушки, кроме тех, что прислуживали за столом. Стол был из серебра, застеленный льняной скатертью.

Абсолютно все предметы на столе были сделаны из золота или серебра. Затем подали еду. Клянусь, Кай, на столе были все напитки и все кушанья, которые я когда-либо пил и ел, но еще никогда я не ел ничего лучше приготовленного. За все время трапезы ни мужчина, ни

⁴⁶ Кордовская кожа получила свое название от города Кордова, где ее изготавливали. От названия этого города происходит английское слово cordwainer. (Примеч. авт.)

девушки не произнесли ни единого слова. Когда мужчина заметил, что мне легче заговорить, чем съесть еще хотя бы кусочек, он спросил, кто я такой и куда держу путь. Я рассказал о себе и о цели своего путешествия, добавив, что хочу узнать, есть ли на свете кто-нибудь, кто мог бы одолеть меня. Мужчина посмотрел на меня и, улыбнувшись, сказал:

– Не в обиду будь сказано, но я знаю того, кто может тебя одолеть.

Я захотел, чтобы он подробно мне обо всем рассказал.

– Переночуй здесь, – ответил он, – а завтра встань рано утром и иди по дороге через долину до тех пор, пока не дойдешь до леса. Войди в лес, и очень скоро окажешься на поляне, посреди которой возвышается курган. На вершине кургана увидишь черного человека огромного роста. Он одноногий с одним глазом посреди лба. Этот человек служит лесничим в этом лесу, и вокруг него пасется множество диких зверей. Спроси у него дорогу, и хотя он будет груб с тобой, но скажет, куда тебе идти, чтобы найти того, кто тебя одолеет.

Ночь показалась мне бесконечно долгой. Утром я встал, собрался, сел на коня, проехал по долине к лесу и выехал на поляну. Черный человек сидел на вершине кургана, и вокруг него бродило в три раза больше диких зверей, чем я представлял себе по рассказу мужчины. Я попросил указать мне дорогу, и он довольно грубо поинтересовался, куда это я собрался. Когда я объяснил, кто такой и кого ищу, он сказал:

– Иди по этой тропе, и она выведет тебя к опушке. Оттуда ты увидишь широкую долину, в центре которой растет высокое дерево. Под деревом увидишь фонтан, а у фонтана мраморную плиту, на которой стоит серебряная чаша, прикованная к плите серебряной цепочкой, чтобы ее не могли унести. Возьми чашу и плесни из нее воду на мраморную плиту. Если после этого с тобой ничего не случится, то до конца жизни ты напрасно будешь искать приключения.

Я поехал по тропинке, поднялся на вершину холма и оттуда увидел все, о чем говорил черный человек. Я подъехал к дереву и под ним увидел фонтан, мраморную плиту и серебряную чашу, прикованную к плите цепочкой. Я взял чашу, набрал воды и плеснул ее на плиту. Раздался такой раскат грома, что от него задрожали небо и земля. Следом хлынул ливень, и уверяю тебя, Кай, что в этих условиях не смогли бы остаться в живых ни человек, ни зверь. Я пригнулся к шее коня и заслонил свою и его голову щитом. Так мне удалось переждать бурю, хотя я едва не расстался с жизнью. Вскоре небо прояснилось, прилетели птицы, расселись на ветках и запели. Клянусь тебе, Кай, что ни до, ни после этого я не слышал столь дивного пения. Позабыв обо всем, я внимал их пению и вдруг услышал ворчливый голос:

– О рыцарь, что привело тебя сюда? Какое зло я причинил тебе, что ты обошелся со мной так жестоко? Знаешь ли ты, что вызванный тобою дождь не оставил в живых ни человека, ни зверя в моих владениях?

Тут я увидел скачущего ко мне рыцаря на вороном коне, одетого в черный бархат и черный шелковый плащ, с черным вымпелом на копье. Мы бросились друг на друга, но, как отчаянно я ни бился, он вскоре сбросил меня на землю. После этого рыцарь подцепил копьем уздечку моего коня и ускакал вместе с ним, оставив меня лежать на земле. Он даже не удосужился взять меня в плен или забрать мое оружие и доспехи.

Я побрел назад по той же дороге, по которой пришел. На поляне меня встретил черный человек, и клянусь тебе, Кай, что я едва не сгорел от стыда из-за насмешек, которым подверг меня черный человек. Ночью я вернулся в замок, в котором провел прошлую ночь, и в этот раз его обитатели были со мной еще любезнее. Мы пировали и вели беседы с мужчиной и девушками. Никто из них не расспрашивал меня о том, что случилось у фонтана, а я не стал рассказывать. Эту ночь я тоже провел в замке. Утром меня уже дожидался оседланный гнедой конь с ярко-красными ноздрями. Облачившись в доспехи, я поблагодарил обитателей замка и отправился домой. Этот конь все еще у меня и стоит сейчас в моей конюшне. Ответственно заявляю, что не променяю его на самого лучшего коня острова Британия.

Поверь, Кай, что до этого ни один человек не рассказывал о приключениях, которые так его позорят. Но что удивительно, я никогда не слышал о человеке, который знал бы об

этом месте, хотя я уверен, что герой этой истории живет во владениях короля Артура, однако с ним никто еще не сталкивался.

Глава 20

ХОЗЯЙКА ФОНТАНА. ПРОДОЛЖЕНИЕ. ПРИКЛЮЧЕНИЕ ОУЭНА⁴⁷

– А не отправиться ли нам на поиски этого места? – сказал Оуэн.
– Твои слова, Оуэн, зачастую расходятся с делами, – заметил Кай.
– Кай, как можно так нелестно отзываться, – возмутилась королева Гиневра, – о таком достойном человека, как Оуэн.

– Клянусь, прекрасная госпожа, – сказал Кай, – я люблю Оуэна не меньше, чем все вы.

Тут проснулся Артур и спросил, долго ли он спал.

– О мой король, – ответил Оуэн, – ты проспал совсем немного.

– Не пора ли садиться за стол? – спросил Артур.

– Конечно пора, – ответил Оуэн.

Проиграл рожок. Король и остальные омыли руки и сели за стол. Выйдя из-за стола, Оуэн ушел к себе и приготовил доспехи, оружие и коня для путешествия.

Как только рассвело, он облачился в доспехи, сел на коня и отправился в отдаленные земли. Наконец он оказался в долине, о которой рассказывал Кинон, и понял, что на верном пути. Он поехал вдоль берега реки и ехал до тех пор, пока не увидел равнину и стоящий на ней замок. Подъехав к замку, Оуэн увидел двух юношей, стрелявших из лука, на том же месте, где их видел Кинон, а неподалеку стоял мужчина, владелец замка. Подъехав к мужчине, Оуэн поздоровался и услышал ответное приветствие.

Оуэн отправился в замок и, когда вошел в него, увидел зал, в котором сидели девушки, вышивавшие золотом по шелку. Они были еще красивее, чем Оуэн представлял себе по рассказу Кинона, приняли его не менее радушно, чем Кинона, а яства, напитки и посуда понравились ему даже больше, чем Кинону.

В разгар застолья мужчина в желтом спросил у Оуэна о цели его путешествия.

Оуэн сказал:

– Я хочу одолеть рыцаря, который сторожит фонтан.

Мужчина улыбнулся и сказал, что не хотел бы, чтобы его приключение закончилось так же, как у Кинона. Тем не менее он рассказал Оуэну все, что знал, и они пошли спать.

На следующее утро Оуэн увидел, что девушки уже оседлали его коня. Он вскочил на него и поехал на поляну, где находился черный человек. Его внешность произвела на Оуэна еще большее впечатление, чем на Кинона. Оуэн попросил указать ему нужную дорогу, и черный человек объяснил, куда ему ехать. Оуэн поехал по той же дороге, что и Кинон, пока не оказался у высокого дерева. Под деревом он увидел фонтан, мраморную плиту и серебряную чашу. Оуэн взял чашу, набрал воды и плеснул ее на плиту. Грянул гром и хлынул ливень, который показался Оуэну более страшным, чем его описывал Кинон. После ливня небо прояснилось, прилетели птицы и, усевшись на ветвях, запели. И тут очарованный пением Оуэн увидел, что к нему по долине скачет рыцарь. Он подготовился к встрече и вступил с рыцарем в бой. Сломав копья, они схватились за мечи и стали наносить друг другу удары. Наконец Оуэн нанес рыцарю такой удар, что расколол шлем, подшлемник, рассек

⁴⁷ Из всех персонажей, встречающихся в ранней британской истории, ни один не занимает более заметного места, чем герой этого рассказа. Его отец Уриен был принцем Регеда, куда входили земли современного Камберленда и часть прилегающей территории. Благодаря отваге и рассудительности он часто оказывался героем сочинений бардов. Он вдохновил Талиесина на сочинение нескольких од. О нем говорится в одной из триад, которую можно перевести так: «При дворе короля Артура были три боевых рыцаря: Кадор, граф Корнуолла, Ланселот Озерный и Оуэн, сын Уриена. Они отличались тем, что никогда не отступали в битвах ни на копьях, ни на мечях, ни на стрелах. Артур никогда не терпел поражения, если сражались эти рыцари. Вот поэтому их называют рыцарями поединка». (Примеч. авт.)

кожу, и, разрубив кость, лезвие меча проникло в мозг. Черный рыцарь понял, что получил смертельную рану, развернул коня и ускакал. Оуэн бросился преследовать его, но, как ни старался, не мог настигнуть рыцаря и ударить его мечом. Вскоре Оуэн увидел большой и красивый замок, в ворота которого уже въехал рыцарь. Но когда Оуэн хотел последовать за ним, сверху упала решетка, которая разрубила его коня надвое. Одна половина коня осталась снаружи, а вторая, на которой сидел Оуэн, оказалась зажата между воротами и решеткой. Внутренние ворота были заперты; Оуэн очутился в ловушке. Через щель в воротах он разглядел улицу, по обеим сторонам которой стояли дома. Еще он увидел белокурую девушку с золотой налобной повязкой, в платье из желтого шелка и туфлях кордовской кожи. Она подошла к воротам и попросила открыть их.

– Видит бог, госпожа, – сказал Оуэн, – мне так же затруднительно открыть ворота, чтобы выпустить вас, как и вам, чтобы освободить меня.

Затем он назвал девушке свое имя и объяснил, кто он.

– Поистине жаль, – сказала девушка, – что я не могу выпустить тебя, и любая девушка была бы готова помочь тебе, поскольку никогда еще я не видела мужчину более приятного моему сердцу. Поэтому я сделаю все, что в моих силах, чтобы освободить тебя. Возьми это кольцо и надень его на палец камнем вниз, а затем сожми ладонь так, чтобы камня не было видно. Пока ты будешь сжимать руку, ты останешься невидимым. Когда придут те, кто собирается убить тебя, они будут крайне разочарованы, не обнаружив твоего присутствия. Я буду ждать тебя вон там, у коновязи. Ты меня увидишь, но для меня ты тоже будешь невидим. Подойди и положи руку мне на плечо, чтобы я знала, что ты рядом. Когда я пойду, следуй за мной.

Девушка ушла, а Оуэн сделал все так, как она сказала. Потом пришли люди из замка, чтобы убить Оуэна, но, обнаружив только половину его коня, были крайне раздосадованы.

А Оуэн подошел к девушке и положил руку ей на плечо. Девушка тут же пошла, и Оуэн последовал за ней. Они подошли к двери большого, красивого дома, девушка открыла дверь, они вошли, и Оуэн огляделся. Это были роскошные покои, украшенные резьбой, разноцветной росписью и золотом.

Девушка разожгла очаг, взяла серебряную чашу с водой и подала ее Оуэну, чтобы он умылся. Затем поставила перед ним серебряный столик, инкрустированный золотом, застелила его желтой шелковой скатертью и поставила еду. И Оуэну показалось, что он никогда не ел ничего вкуснее и нигде не видел такого обилия яств и напитков; причем вся посуда и приборы были только из золота или серебра. Оуэн ел и пил, пока не стемнело, и вдруг в замке поднялся страшный шум. Оуэн спросил у девушки, что происходит, и она объяснила, что так люди выражают свои чувства по отношению к умирающему владельцу замка. Девушка приготовила Оуэну ложе, которое было достойно самого короля Артура. Оуэн лег и заснул.

Рано утром Оуэн проснулся от громких криков, рыданий и стенаний и спросил девушку, что случилось.

– Владелец замка умер, и его несут отпевать в церковь, – ответила она.

Тогда Оуэн встал, оделся и открыл окно, чтобы посмотреть на замок. Он увидел толпы людей, заполнивших улицу. Там были вооруженные мужчины, верховые и пешие, женщины, священники, и Оуэну показалось, что небо раскололось от стенаний, плача и церковного пения. Посреди толпы он увидел гроб, покрытый белым льняным покрывалом, вокруг гроба горели восковые свечи, и несли гроб только знатные люди, не ниже барона.

Никогда раньше Оуэн не видел такого количества людей, одетых в шелк⁴⁸ и парчу.

⁴⁸ До VI века шелк в Европу привозили серы, предки современных бухарцев, отсюда и латинское название *serica*. В 551 году два монаха привезли в Константинополь личинки тутового шелкопряда, но до 1130 года шелк производился только в Греции. В 1130 году король Сицилии Роджер, возвращаясь из Крестового похода, привез несколько мануфактурщиков из Афин и Коринфа для организации шелковой мануфактуры в Палермо, откуда производство шелка распространилось по всей Италии. В то время были известны такие виды шелковой ткани, как бархат, парча и тафта. Иногда эти ткани расшивались золотом или серебром. (Примеч. авт.)

За гробом шла дама с золотистыми волосами, распущенными по плечам и забрызганными кровью. На ней было изодранное шелковое желтое платье, а на ногах туфли из кордовской кожи. Она так заламывала руки, что было удивительно, как она их еще не сломала. Оуэн подумал, что она бы была самой красивой из женщин, которых он когда-либо видел, если бы не ее теперешнее состояние. Ее рыдания заглушали мужские крики и звуки труб. Едва увидев эту даму, Оуэн вспыхнул к ней любовью и спросил девушку, кто она.

– Всем известно, – ответила девушка, – что это прекраснейшая из женщин, самая благородная, самая знатная и самая мудрая – моя госпожа, графиня, ее называют Хозяйкой фонтана, и она жена того, кого ты вчера убил.

– Воистину, я люблю эту женщину! – вскричал Оуэн.

– Она будет любить тебя не меньше, – ответила девушка.

Девушка приготовила и подала ему обед, и Оуэн признался себе, что никогда не ел ничего вкуснее и никогда его так красиво не обслуживали. После обеда девушка отправилась в замок. Там она нашла только печаль и уныние. Госпожа, не желая никого видеть, не выходила из покоев. Лунед (Линет), так звали девушку, вошла и поздоровалась с графиней, но та даже не ответила. Склонившись к госпоже, девушка спросила:

– Что случилось? Почему вы сегодня ни с кем не разговариваете?

– Лунед, – сказала графиня, – что случилось с тобой, почему ты не пришла разделить со мной мое горе? Ты сильно меня огорчила.

– Я думала, что вы более здравомыслящая, – сказала Лунед. – Стоит ли так убиваться даже по очень хорошему человеку, если его уже не вернешь?

– Клянусь Небесами, – ответила графиня, – в мире нет человека, равного ему.

– Ничего подобного, – возразила Лунед, – даже некрасивый мужчина может быть таким же, как он, а то и лучше его.

– Клянусь Небесами, что если бы мне не была отвратительна сама мысль предать смерти того, кого я воспитала, то я отправила бы тебя на казнь за такое сравнение. Уходи, не вынуждай меня прогнать тебя.

– Я рада, что у вас нет другой причины прогнать меня, кроме нежелания выслушать разумный совет. Только знайте, что первая из нас, кто захочет примирения, – начну ли я добиваться, – заметила Лунед, – приглашения от вас, или вы по собственному желанию пошлете за мной – назовет на себя беду.

После этих слов Лунед направилась к выходу. Графиня встала, двинулась за ней и вдруг закашлялась. Лунед обернулась и, увидев, что графиня подзывает ее к себе, вернулась.

– Видит бог, – сказала графиня, – ты поступаешь жестоко, но если ты знаешь, что лучше будет для меня, то скажи это сейчас.

– Хорошо, – согласилась девушка. – Вы знаете, что только с помощью силы и доблести можно сохранить вашу собственность, поэтому вам нужно не мешкая найти того, кто способен защитить вас.

– И что мне надо сделать для этого? – спросила графиня.

– Я объясню. Ваши владения можно сохранить только в том случае, если вы сумеете защитить фонтан. Для этого нужен кто-то из рыцарей короля Артура. Я отправлюсь к королю Артуру, и горе мне, если не приведу рыцаря, способного охранять фонтан не хуже, чем прежний страж, или даже лучше.

– Это будет не просто, – сказала графиня, – но отправляйся ко двору короля и докажи, что тебе по силам выполнить эту задачу.

Лунед сделала вид, что отправляется ко двору Артура, а сама вернулась в дом, где оставила Оуэна, и скрывалась там столько времени, сколько понадобилось бы для того, чтобы добраться до короля Артура и вернуться обратно. Она отправилась к графине, когда решила, что уже можно появиться. Увидев Лунед, графиня очень обрадовалась и спросила, какие новости она может сообщить после поездки ко двору короля Артура.

– Вас ждет лучшая из новостей, – ответила Лунед, – поскольку я выполнила то, что обещала. Когда вы хотите, чтобы я представила вам рыцаря, прибывшего со мной?

– Приведи его завтра, – сказала графиня, – а я прикажу, чтобы к этому времени собрались все жители города.

На следующий день ровно в полдень Оуэн надел парчовые одежды желтого цвета, шелковый желтый плащ с золотой каймой и сапоги из кордовской кожи с золотыми пряжками в виде львов и вместе с Лунед отправился к графине.

Графиня обрадовалась их приходу. Не сводя глаз с Оуэна, она сказала:

– Лунед, не похоже, чтобы этот рыцарь преодолел большое расстояние.

– Что в этом плохого, госпожа? – спросила Лунед.

– Я уверена, – ответила графиня, – что не кто иной, как он, лишил жизни моего господина.

– Тем лучше для вас, госпожа, – поскольку если бы он не был сильнее вашего господина, вряд ли мог бы убить его. Забудьте о прошлом, думайте о будущем.

– Отправляйтесь домой, – велела графиня, – а я соберу совет.

На следующий день графиня собрала всех своих подданных и сообщила, что графство осталось без защиты и спасти его можно только с помощью оружия, доблести и военного мастерства.

– Поэтому, – сказала она, – предлагаю вам выбор: либо кто-то из вас станет моим мужем, либо дайте согласие на то, что я сама найду себе в мужья за пределами графства такого мужчину, который сможет защитить мои владения.

Подданные решили, что будет лучше, если графиня выйдет замуж за чужестранца. После этого она послала за епископами и архиепископом, чтобы ее обвенчали с Оуэном. Все мужчины принесли Оуэну клятву верности.

Оуэн защищал фонтан с помощью копья и меча, и делал это следующим образом. Когда появлялся рыцарь, он побеждал его и брал с него выкуп. Все полученные таким путем средства он делил между своими баронами и рыцарями, и ни одного владыку в мире не любили так, как любили Оуэна его подданные. Так продолжалось три года.⁴⁹

Глава 21

ХОЗЯЙКА ФОНТАНА. ПРОДОЛЖЕНИЕ. ПРИКЛЮЧЕНИЕ ГАВЕЙНА

Как-то сэр Гавейн прогуливался с королем Артуром и заметил, что тот очень печален. Гавейна огорчило состояние Артура, и он решил выяснить, в чем причина грусти.

– О мой господин, что случилось с тобой?

– Честно признаться, – ответил Артур, – я огорчен отсутствием Оуэна, которого не видел уже три года. Я не вынесу, если через год он не объявится. Я уверен, что всему виной рассказ Кинона, сына Клидно, – из-за него с нами нет Оуэна.

– Тебе нет нужды созывать свои войска, поскольку ты сам и рыцари твоего двора в состоянии отомстить за Оуэна, если он убит, или освободить его, если он томится в плену, и если он жив, то вернется вместе с вами.

Артур решил последовать совету Гавейна.

Артур и его рыцари отправились на поиски Оуэна, а Кинон, сын Клидно, вызвался быть проводником. Они подъехали к замку, где побывал Кинон, и увидели на том же месте двух

⁴⁹ Есть древняя поэма, опубликованная среди поэм Талиесина, под названием «Элегия на смерть Оуэна, сына Уриена». В ней есть несколько прекрасных мест, а начинается она с таких слов:

Душа Оуэна, сына Уриена,
Пусть Господь позаботится о ней!
Владыку Регеда зеленый дерн покрыл. (Примеч. авт.)

юношей, стрелявших из лука, а неподалеку мужчину в желтом. Заметив Артура, мужчина приветствовал его и пригласил в замок. Артур принял приглашение, и они все вместе проследовали туда. Хотя короля сопровождала многочисленная свита, замок был настолько большим, что они спокойно разместились в нем. При их появлении девушки встали, чтобы прислуживать гостям, и так старались, что король и его свита были вынуждены признать, что никогда и никто так хорошо им не прислуживал.

На следующее утро Артур в сопровождении рыцарей и Кинона в качестве проводника отправился в путь, и вскоре они въехали на поляну, где сидел черный человек. Его вид произвел на Артура большее впечатление, чем рассказ о нем. Артур с Киноном поднялись на поросший лесом склон, пересекли долину и подъехали к дереву, под которым увидели фонтан, плиту и чашу. Тут к королю подошел Кай и сказал:

– Мой господин, мне известно назначение этих предметов. Позволь я плесну воду из чаши на плиту и приму на себя первый удар.

Артур дал согласие.

Кай плеснул на плиту воду. Тут же загремел гром и хлынул ливень. Никто из них никогда не попадал в такую бурю. Когда дождь прекратился и небо прояснилось, они увидели, что на дереве не осталось ни листочка. Затем прилетели птицы, расселись на ветвях и запели. Им показалось, что никогда они не слышали более сладкого пения. Вдруг они увидели, что к ним мчится рыцарь в черных доспехах на вороном коне. Ему навстречу выехал Кай. Завязалась битва, и вскоре Кай уже лежал на земле. Черный рыцарь ускорил, а Артур с рыцарями разбили на ночь лагерь.

Утром они проснулись и увидели того же рыцаря с копьем, к которому был прикреплен вымпел, означавший вызов на поединок. Все рыцари, кроме Артура и Гавейна, по очереди выезжали помериться силой с черным рыцарем, и все потерпели поражение. Артур стал готовиться к поединку, но тут к нему обратился Гавейн:

– Мой господин, позволь сначала мне сразиться с этим рыцарем.

Артур дал согласие. Гавейн выехал на поединок в шелковом одеянии, подаренном ему дочерью графа Анжу, в котором его не узнали даже рыцари короля Артура. Гавейн и черный рыцарь съехались и бились до вечера, но ни один из них так и не смог выбить другого из седла. На следующий день они сломали копья, но опять не смогли одолеть друг друга.

На третий день они выехали на поединок, вооружившись особо прочными копьями. Охваченные яростью, они ожесточенно бились до полудня. Они наносили друг другу столь сильные удары, что у обоих их коней лопнула подпруга, и рыцари скатились на землю. Однако оба мгновенно вскочили на ноги, выхватили мечи и продолжили схватку. Всем, кто наблюдал за поединком, стало ясно, что никогда еще им не доводилось видеть столь отважных и сильных воинов. Если бы наступила ночь, то вокруг все равно было бы светло от искр, высекаемых их мечами. Наконец сильным ударом черный рыцарь, а это был Оуэн, сбил шлем с Гавейна и узнал его.

– О Гавейн, твоя одежда ввела меня в заблуждение, и я только сейчас узнал тебя. Возьми мой меч и доспехи.

– Нет, Оуэн, – возразил Гавейн, – ты победил, поэтому возьми мой меч.

Увидев, что противники мирно разговаривают, Артур подъехал к ним.

– Милорд Артур, – сказал Гавейн, – Оуэн победил меня и не хочет брать мой меч.

– Милорд, – возразил Оуэн, – это он победил меня и не берет мой меч.

– Дайте мне ваши мечи, – сказал Артур, – поскольку ни один из вас не одержал победы.

Тогда Оуэн с Артуром обнялись, а следом к Оуэну бросились все рыцари, торопясь заключить его в объятия, и в этой давке многие едва не лишились жизни.

Эту ночь они провели в лагере, а наутро Артур стал собираться в обратный путь.

– Мой господин, – сказал Оуэн, – так не годится. Мы не виделись три года, и все это время я готовился к встрече с тобой, поскольку знал, что когда-нибудь ты отправишься меня искать, и мы встретимся. Пойдем ко мне, чтобы ты и твои рыцари могли отдохнуть и сходить на службу.

Вместе они отправились в замок Хозяйки фонтана, и пир, который готовился на протяжении трех лет, продолжался три месяца. Никому из гостей до этого не доводилось присутствовать на таком веселом пиру. Через три месяца Артур стал готовиться к отъезду. Он направил к графине послов с поручением уговорить графиню отпустить Оуэна на три месяца, чтобы он мог повидаться с друзьями, родными и прекрасными дамами острова Британия. Графиня дала согласие, хотя и с тяжелым сердцем. Оуэн отправился с Артуром и, вновь оказавшись среди родных и друзей, оставался в Британии три года вместо обещанных трех месяцев.

Приключение Оуэна. Продолжение. История со львом

Однажды, когда Оуэн пировал при дворе короля Артура в Карлеоне на Уске, в зал верхом на гнедом коне⁵⁰ с завитой кольцами гривой, спускающейся до земли, въехала девушка.

Одета девушка была в платье из желтого шелка, а уздечка и седло коня были из чистого золота. Девушка подошла к Оуэну и сняла с его пальца кольцо.

– Будь проклят лжец и предатель! – гневно выкрикнула она, развернула коня и ускакала.

Тут Оуэн вспомнил о своей жене, загрустил и, когда закончился пир, удалился в свои покои. Всю ночь он не сомкнул глаз. Утром Оуэн встал, но не поехал ни ко двору Артура, ни к Хозяйке фонтана, а отправился в далекие страны. Он скитался до тех пор, пока не износилась его одежда, а сам он не исхудал и не оброс длинными волосами. Он жил среди диких зверей, ел с ними, и они в конце концов привыкли к нему. Наконец он так ослабел, что уже не мог оставаться с ними. Тогда он спустился с гор в долину и вошел в прекраснейший в мире сад, принадлежавший сердобольной даме.

Однажды эта дама со своими служанками вышла прогуляться к пруду, расположенному в центре парка, и увидела неподвижно лежащее существо, отдаленно напоминающее человека. В первый момент женщин охватил испуг, но они все-таки подошли, дотронулись до него, чтобы понять, жив он или умер. Убедившись, что он еще жив, дама вернулась в замок, взяла сосуд с целебной мазью и отдала одной из своих служанок с такими словами:

– Возьми коня и одежду и оставь рядом с человеком, которого мы только что видели. Натри ему этой мазью грудь, и если в нем еще теплится жизнь, то он поправится, благодаря чудодейственному свойству снадобья. А затем посмотри, что он будет делать.

Девушка пошла в сад, натерла Оуэна мазью, оставила рядом с ним лошадь и одежду, отошла в сторонку и спряталась, чтобы наблюдать за ним. Вскоре она увидела, что мужчина пошевелился, поднялся, оглядел себя и, похоже, устыдился своего неприглядного вида.

⁵⁰ Обычай въезжать на коне в зал, где хозяин и гости пировали за столом, можно проиллюстрировать многочисленными примерами, взятыми из древних рыцарских романов и историй. Достаточно вспомнить прекрасный незаконченный рассказ Чосера о Камбускане. (Примеч. авт.)

Так вот, когда уж третье блюдо съели
И Камбускан игрою менестрелей
Пленительною слух свой услаждал,
Какой-то рыцарь у преддверья в зал
На медном скакуне вдруг появился.
На пальце перстень золотой светился,
В руке держал он зеркало высоко,
И обнаженный меч висел у бока.
К столу подъехал этот рыцарь вдруг,
И воцарилась тишина вокруг.
Все, кто присутствовал, – и стар и млад,
В него вперили изумленный взгляд.

(Перевод О. Румера.)

Увидев коня и одежду, он оделся и с трудом взгромоздился на коня. Девушка вышла из укрытия, поздоровалась, и они вместе отправились в замок. Девушка провела его в покои, разожгла огонь и оставила одного.

Оуэн провел в замке три месяца, пока полностью не восстановил силы, и стал даже еще красивее, чем прежде. Он оказал огромную услугу даме в ее споре с могущественным соседом, тем самым полностью расплатившись за оказанное гостеприимство, и, попрощавшись, уехал.

Проезжая по лесу, Оуэн слышал пронзительный крик, который повторился еще и еще раз. Оуэн двинулся на звук и выехал к высокому скалистому холму. Черный лев провалился в расщелину, а рядом его караулила змея. Каждый раз, когда лев пытался выбраться из расщелины, змея атаковала его. Оуэн обнажил меч, подошел ближе и, когда она в очередной раз поднялась, приготовившись напасть на льва, взмахнул мечом и разрубил ее надвое. Оуэн вытер лезвие меча, сел на коня и только двинулся дальше, как обратил внимание, что лев последовал за ним и бежит вокруг него, словно воспитанная им борзая.⁵¹

Так они путешествовали целый день, а когда стемнело, Оуэн решил, что пора отдохнуть. Он спешился, пустил коня пастись на поросший редкими деревьями луг, а сам занялся костром. Пока он разводил огонь, лев натаскал ему столько хвороста, что его хватило бы на три ночи. Оуэн занимался костром, а лев куда-то пропал и вдруг появился и притащил косулю, которую бросил у ног Оуэна. Подтащив косулю к костру, Оуэн освежевал ее, насадил куски мяса на палочки, которые воткнул вокруг костра, а остальную часть туши отдал льву. Вдруг Оуэн слышал стон, затем еще один и еще. Он пошел на звук, отыскал пещеру в скале, откуда доносились стоны, и заинтересовался, кто так жалобно стонет.

– Это я, Лунед. Служанка Хозяйки фонтана.

– Что ты тут делаешь? – спросил Оуэн.

– Меня здесь заточили из-за рыцаря, которого я привела со двора короля Артура. Он женился на графине, недолго прожил с ней, потом уехал ко двору короля Артура и с тех пор не возвращался. Двое пажей графини злословили и называли его предателем, а я сказала, что уверена в том, что он скоро вернется и накажет их за злословие. Тогда они заточили меня в эту пещеру и сказали, что мне не выйти отсюда живой, если этот рыцарь не вернется к определенному дню. И этот день наступает завтра, а у меня нет никого, чтобы послать за ним. Рыцаря зовут Оуэн, он сын Уриена.

– И ты уверена, что если бы рыцарь узнал обо всем, то приехал бы спасать тебя?

– Я абсолютно уверена в этом, – ответила девушка.

Когда мясо было готово, Оуэн разделил его поровну с девушкой, а потом лег и уснул. Ни один страж никогда не охранял сон своего господина, как в ту ночь лев охранял спящего Оуэна.

На следующий день появились двое пажей с множеством слуг, чтобы вывести Лунед из пещеры и предать смерти. Оуэн спросил, в чем они обвиняют девушку, услышал в ответ все, о чем вечером ему поведала Лунед.

– Оуэн подвел девушку, – заявили они, – поэтому мы сожжем ее на костре.

– Должен сказать, что Оуэн благородный рыцарь, и если бы он знал, что девушка в такой опасности, то обязательно приехал к ней на помощь. Но если вы не против, то я готов сразиться с вами, – сказал Оуэн.

– Мы согласны, – ответили юноши.

Они бросились к Оуэну и стали его теснить. Но тут на помощь подоспел лев, и вдвоем они одолели пажей.

– Мы договаривались, что будем сражаться только с тобой, а не с твоим зверем. Без него мы бы легко справились с тобой.

⁵¹ Приключение со львом описывается и в поэме Кретьена де Труа; благодаря этому Оуэн получил прозвище Рыцарь Льва. В «Смерти Артура» Томаса Мэлори эта история случилась с Персивалем. (Примеч. пер.)

Тогда Оуэн отвел льва в пещеру, где находилась Лунед, заложил вход камнями и опять вступил в бой с юношами. Но силы его были уже на исходе, и юноши стали одерживать верх. Увидев это, лев зарычал, раскидал камни, вырвался из пещеры, набросился на пажей и убил обоих. Так Лунед была спасена от неминуемой смерти. Затем Лунед и Оуэн отправились в замок Хозяйки фонтана, и Оуэн увез графиню ко двору короля Артура, где они прожили вместе до его смерти.

Глава 22 ГЕРАЙНТ, СЫН ЭРБИНА

В течение семи пасхальных и пяти рождественских праздников двор короля Артура обычно находился в Карлеоне на Уске. Там Артур пребывал и на Троицу, поскольку до Карлеона было легко добираться как по суше, так и по воде. При дворе собирались девять королей, плативших Артуру дань, графы и бароны. Они всегда были зваными гостями на всех праздниках, если в то время у них не находилось важных дел. Когда Артур был в Карлеоне, то праздничная служба проходила в тринадцати церквах. Одна церковь предназначалась для Артура, девяти королей и гостей; вторая для Гиневры с ее дамами; третья для дворцового с челядью; четвертая для франков и прочих военачальников; остальные девять для девяти рыцарей, первый из которых, сэр Гавейн, известный своими воинскими подвигами и высоким происхождением, удостоивался наибольших почестей. В каждой из тринадцати церквей могли молиться только вышеупомянутые личности.

Во вторник после Духова дня в дворцовый зал, где пировал король, вошел высокий красивый юноша в шелковых одеждах и в коротких кожаных сапожках; на поясе у него был меч с золотой рукоятью. Подойдя к Артуру, юноша сказал:

– Приветствую тебя, господин.

– Храни тебя Господь, – ответил Артур, – и да пребудет с тобой его милость. Что привело тебя ко мне?

– Узнаешь ли ты меня, господин? – спросил юноша.

– Нет, не узнаю, – ответил Артур.

– Я твой лесник из Динского леса.⁵² Меня зовут Мадок, сын Тургадарна. В лесу я встретил оленя, подобного которому никогда не видел.

– Чем же он так отличается от других оленей? – спросил Артур.

– Он полностью белый, у него царственный вид, и из-за своей гордыни он не пасется рядом ни с одним животным. Я пришел, чтобы узнать у тебя, что мне делать с этим оленем.

– Лучшее, что можно предложить, – сказал Артур, – это отправиться завтра на охоту в эти места. Пусть об этом до вечера оповестят всех во дворце.

Арриферис, старший королевский егерь, Ареливри, его помощник, и остальные стали готовиться к охоте. Тогда Гиневра обратилась к Артуру:

– О господин, позволь мне завтра поехать на охоту, чтобы посмотреть на оленя, о котором рассказал этот юноша.

– Хорошо, я с радостью возьму тебя с собой, – согласился Артур.

– Государь, – сказал Гавейн, – если ты не против, позволь завтра тому, будь он конный или пеший, кто сразит оленя, отрезать ему голову и поднести ее в дар своей даме сердца или даме своего друга.

– С удовольствием даю согласие, – сказал Артур. – Да, и пусть дворецкий знает, что будет наказан, если не приготовится к завтрашней охоте.

Они провели вечер, пируя, слушая бардов, беседуя, а когда пришло время, отправились спать. Утром Артур призвал к себе четырех охранявших его опочивальню пажей:

⁵² Динский лес, местонахождение которого неизвестно, часто упоминается в валлийском фольклоре. Лес в кельтской мифологии вообще считался местом обитания потусторонних сил. (Примеч. пер.)

Кадирнерта, сына Гандви, Амбрю, сына Бедвора, Амхара, сына Артура, и Гореу, сына Кустеннина. Они вошли, приветствовали Артура и помогли ему одеться. Артур удивился, что Гинебра еще не встала, но, когда слуги предложили разбудить ее, сказал:

– Не тревожьте королеву, пусть отдыхает, если ей больше нравится спать, чем ехать с нами на охоту.

Выехав из дворца, Артур услышал два сигнала рога: один донесся оттуда, где жил старший егерь, а второй – где жил помощник егеря. После этого все охотники во главе с Артуром направились к лесу.

Когда Артур уехал, Гинебра встала и позвала служанок, чтобы они помогли ей одеться.

– Вчера я собиралась поехать на охоту, – обратилась к ним королева. – Пусть одна из вас сходит на конюшню и подберет лошадей, подходящих для дам.

Одна из девушек пошла на конюшню, но нашла там только двух подходящих лошадей. Гинебра со служанкой сели на этих лошадей и поехали по дороге, на которой были видны свежие следы всадников и пешех. Так они ехали, пока не услышали настигающий их топот копыт. Оглянувшись, они увидели всадника на громадном коне. Это был юноша благородного происхождения, на боку у него висел меч с золотой рукоятью, поверх доспехов на нем была шелковая накидка, голубой шарф с золотыми яблоками на концах и короткие сапоги из кордовской кожи. Его конь скакал величаво, легко и горделиво вскинув голову. Юноша, подскакав к Гинебре, приветствовал ее.

– Храни тебя Господь, Герайнт,⁵³ – ответила королева. – Почему ты не поехал на охоту с королем?

– Я не знал, когда он поедет.

– Я тоже удивляюсь, – сказал Гинебра, – как он мог уехать, ничего не сказав мне. Но для меня, юноша, ты самый приятный спутник во всем королевстве, и я получу не меньше удовольствия от охоты, ведь мы услышим и звуки рога, и лай собак.

Они доехали до опушки леса и остановились.

– Отсюда мы услышим, когда собак пустят по следу, – сказала Гинебра.

Тут они услышали топот копыт и, повернувшись, увидели карлика с хлыстом в руке на коне, крупном, раздувающим ноздри, время от времени встающем на дыбы. Следом за карликом ехала дама на красивом белом коне, скакавшем спокойно и грациозно. На даме было платье из золотистого шелка. Рядом с дамой на боевом коне скакал рыцарь; всадник и конь были закованы в сверкающие тяжелые доспехи. Никогда прежде они не видели такого высокого рыцаря, такого крупного коня и таких огромных доспехов.

– Герайнт, – обратилась королева к юноше, – ты знаешь этого рыцаря?

– Нет, госпожа, – ответил юноша. – Эти заморские доспехи не позволяют разглядеть его лицо.

– Пойди и спроси у карлика, кто этот рыцарь, – приказала Гинебра служанке.

Девушка подъехала к карлику и задала интересующий Гинебру вопрос.

– Я не скажу, кто он, – ответил карлик.

– Раз ты столь невежлив, что не хочешь мне ответить, – сказала девушка, – то я спрошу у него самого.

– Клянусь, ты не сделаешь этого! – воскликнул карлик.

– Почему же? – удивилась девушка.

– Да потому, что ты не достойна того, чтобы говорить с моим господином.

И когда девушка, не обращая внимания на его слова, направила коня к рыцарю, карлик

⁵³ Герайнт, сын Эрбина – известный персонаж легенд. Он был правителем Корнуолла и погиб в битве с саксами при Ллонгборте, о чем упоминают знаменитые барды Лливарх Хен и Анейрин. В триадах он также называется среди верных влюбленных и среди трех мореплавателей острова Британия. Его имя встречается и в списке валлийских святых вместе с именами четырех его сыновей. Еще один его сын, Гарви, именуется в триадах одним из самых любезных рыцарей Артура. Около 530 года некий Герайнт, или Геренниус, упоминается в житии святого Телиау в качестве правителя Корнуолла. (Примеч. пер.)

ударил ее хлыстом по лицу, да так, что хлынула кровь. Девушка вернулась к Гиневре и рассказала, как грубо с ней обошелся карлик.

– Он жестоко и несправедливо обошелся с тобой, – заключил Герайнт.

Его рука сама собой потянулась к мечу, но, поразмыслив, он решил, что убийство карлика не станет актом возмездия, поскольку потом он сам подвергнется нападению хорошо вооруженного рыцаря, и воздержался от поспешных действий.

– Госпожа, – обратился Герайнт к Гиневре, – если позволишь, я последую за этим рыцарем до того места, где смогу приобрести или взять под залог доспехи и оружие, и тогда брошу ему вызов.

– Хорошо, поезжай, но не вступай с ним в бой раньше, чем достанешь доспехи и оружие. Я буду волноваться, пока не дождусь от тебя вестей, – сказала Гиневра.

– Если я останусь в живых, то до завтрашнего вечера дам о себе знать, – ответил Герайнт и уехал.

Рыцарь, дама и карлик, а за ними Герайнт проехали мимо дворца Артура в Карлеоне, переправились вброд через Уск, проехали по высокому горному хребту, пока не достигли города, на окраине которого возвышалась крепость. Когда рыцарь проезжал по городу, все жители вышли приветствовать его. Герайнт, въехав в город, стал заглядывать в каждый дом, надеясь встретить знакомых, но никого не узнал, и его тоже не узнавали, и никто не захотел дать ему оружие и доспехи ни за деньги, ни под залог. Однако в каждом дворе были и оружие, и доспехи, и кони.

Мужчины точили мечи, чистили щиты и доспехи, подковывали коней. Рыцарь, дама и карлик въехали в замок, чем вызвали неописуемую радость всех обитателей замка. Люди, стоявшие на стенах и у ворот, готовы были сломать шеи только ради того, чтобы поприветствовать их и выказать свою радость.

Герайнт остановился, чтобы убедиться, что рыцарь остался в замке, а удостоверившись в этом, решил оглядеться. Неподалеку от города он обнаружил развалины старинного дворца. В городе у него не нашлось знакомых, поэтому он отправился к этому дворцу. Подъехав ближе, Герайнт увидел седого старика в ветхой одежде и стал пристально его разглядывать.

– Юноша, о чем задумался?

– Я задумался, поскольку не знаю, где провести ночь, – ответил Герайнт.

– Тогда входи, – сказал старик, – и получишь лучшее из того, что здесь есть.

Герайнт въехал и проследовал за стариком в зал. Здесь он спешился, привязал коня и пошел за стариком наверх. В покоях Герайнт увидел сидящую на подушке старуху в ветхом шелковом платье и подумал, что в расцвете лет, наверное, не было женщины красивее ее. Рядом со старухой сидела девушка в таком поношенном платье, что оно едва держалось на ней. И Герайнт решил, что, несмотря на лохмотья, еще не встречал более красивой и благородной девушки. Обратившись к девушке, старик сказал:

– Кроме тебя, у нас нет никого, кто мог бы позаботиться о коне этого юноши.

– Я сделаю все, что в моих силах, – ответила девушка, – и для юноши, и для его коня.

Она помогла Герайнту раздеться, насыпала овса его коню и вернулась в покои.

– А теперь сходи в город и принеси все лучшие яства и напитки, которые там найдешь, – сказал старик.

– С удовольствием, мой господин, – ответила девушка.

Пока Герайнт беседовал со стариком, девушка сходила в город и вернулась в сопровождении юноши, который принес кувшин с медом и четверть телячьей туши, а сама девушка принесла ковригу хлеба и сладкие булочки. Все это они внесли в верхние покои.

– Мне не удалось достать ничего лучше, – посетовала она. – Никто уже не дает нам в долг.

– Но этого вполне достаточно, – сказал Герайнт.

Когда мясо было готово, они сели за стол. Герайнт занял место между стариком и его женой, а девушка прислуживала за столом.

После ужина Герайнт спросил старика, кому принадлежит дворец, в котором они находятся.

– Я выстроил этот дворец, – ответил старик. – Когда-то мне принадлежал весь этот город и замок, который ты видел.

– О, – вскричал Герайнт, – как же ты потерял все это?

– Я потерял еще и целое графство, и вот как это случилось. У меня был племянник, сын моего брата, собственностью которого я управлял. Но племяннику так не терпелось вступить во владение, что он пошел на меня войной и отнял не только свое, но и мои владения, оставив лишь этот замок.

– Скажи мне еще, – спросил Герайнт, – зачем приехал в город рыцарь с дамой и карликом? К чему все готовятся? Почему чистят оружие?

– Все готовятся к завтрашнему турниру, в котором примет участие молодой граф. На лугу вкопают два столба, на них положат серебряную перекладину, на которую посадят сокола. Вот этот сокол и станет призом победителю. Все, что ты видел в городе, связано с подготовкой к турниру, поэтому никто и не захотел продать тебе оружие и доспехи. У каждого рыцаря должна быть дама сердца, которая обязательно будет присутствовать на турнире, в противном случае рыцарь не может претендовать на сокола. Рыцарь, о котором ты спрашивал, выигрывал турнир два года подряд и получал сокола. Если он выиграт в третий раз, то станет зваться Рыцарь Сокола.

– Господин, – спросил Герайнт, – как мне поступить с рыцарем, карлик которого оскорбил служанку Гиневры? Что ты посоветуешь?

И он рассказал старику о безобразной сцене, разыгравшейся на его глазах.

– Даже не знаю, что тебе посоветовать, поскольку у тебя нет ни дамы, ни девушки, за которую ты мог бы сражаться. Но я готов дать тебе доспехи и своего коня, если ты решишь, что он лучше твоего.

– Да благословит тебя Господь! – воскликнул Герайнт. – Я привык к своему коню, а вот доспехи у тебя возьму. Что касается дамы сердца, то разреши, чтобы ею стала твоя дочь. И если завтра я останусь в живых, то буду любить ее всю жизнь.

– С удовольствием принимаю твое предложение, – ответил старик. – Раз ты так решил, то нужно подготовить коня и доспехи к завтрашнему утру. Ты должен быть на поле, когда Рыцарь Сокола отдаст своей даме сердца сокола и скажет ей, что сумеет защитить ее, если кто-то пожелает отобрать у нее эту гордую птицу. Вот почему тебе обязательно нужно в это время быть там, а мы трое отправимся с тобой.

Все обговорив, они легли спать.

Еще не рассвело, а они уже были на ногах и стали собираться. С рассветом все четверо были на лугу и наблюдали, как выехал Рыцарь Сокола и попросил свою даму сердца взять птицу.

– Не трогай птицу, – вмешался Герайнт, – поскольку здесь находится девушка, которая прекраснее и благороднее тебя, и у нее больше прав на сокола.

– Что ж, – сказал рыцарь, – если ты хочешь, чтобы сокол достался ей, выходи и сразись со мной.

Герайнт выехал на поле в тяжелых, ржавых доспехах, которые дал ему старик. Они съехались и сломали копья, и еще, и еще раз; сломались все копья, что им подавали. Когда удача была на стороне Рыцаря Сокола, громко радовались граф и его приближенные, а старик с женой и дочерью не скрывали печали. Когда ломались копья, то Герайнту их подавал старик, а Рыцарю Сокола карлик. Наконец старик, протягивая Герайнту копье, сказал:

– Это копье было при мне, когда меня посвящали в рыцари, и с тех пор оно не ломалось, и у него не затупилось острие.

Герайнт, поблагодарив старика, взял копье. В это время карлик поднес копье своему господину со словами:

– Это копье не хуже, чем у твоего противника, но не забывай, что еще ни один рыцарь

не оказывал тебе такого сопротивления, как этот. Перед тобой достойный противник.

– Клянусь Богом, – воскликнул Герайнт, – теперь ему ничто не поможет, если только я сейчас не погибну.

Он пришпорил коня и, издав победный клич, с яростью кинулся на рыцаря. Герайнт с такой силой нанес удар в середину щита, что щит развалился, броня оказалась пробита, лопнула подпруга, и рыцарь свалился с коня вместе с седлом. Герайнт тут же спешился, обнажил меч и бросился на рыцаря, который уже успел встать и тоже обнажил меч. От их яростных ударов дождем сыпались искры, и вот уже кровь и пот стали застилать им глаза. И тут Герайнт, собрав последние силы, с такой яростью ударил противника по шлему, что шлем треснул, и меч рассек кожу, плоть и даже дошел до кости.

Рыцарь упал на колени, выронил меч и стал молить Герайнта о пощаде.

– Я искренне корю себя за излишнюю дерзость и гордыню и умоляю пощадить меня, чтобы у меня было время поговорить со священником и вверить себя Господу за мои грехи.

– Я пощажу тебя, но при одном условии, – сказал Герайнт. – Ты немедленно отправишься к Гиневре, жене Артура, и попросишь у нее прощения за оскорбление, которое твой карлик нанес ее служанке. Поклянись, что ты не спешишься, пока не явишься к Гиневре и не извинишься перед ней так, как это принято при дворе короля Артура.

– Я сделаю это с огромным удовольствием, но скажи мне, кто ты?

– Я Герайнт, сын Эрбина, а кто ты?

– Я Эдирн, сын Нудда.⁵⁴

Эдирн сел на коня и отправился ко двору Артура. Вместе с ним, плача и причитая, поехали дама, которую он любил больше всех на свете, и карлик.

Как только они уехали, к Герайнту подошел молодой граф с рыцарями, поприветствовал его и пригласил в замок.

– Я не могу пойти с вами, – сказал Герайнт, – поскольку отправлюсь туда, где провел прошлую ночь.

– Раз уж ты не можешь принять мое приглашение, то я прикажу, чтобы у тебя было всего в изобилии там, где ты будешь. Кроме того, я пришлю тебе бальзам, который залечит твои раны и снимет накопившуюся усталость.

– Благодарю тебя, – ответил Герайнт, – а теперь мне пора идти.

И Герайнт ушел вместе со старым графом Иниолом, его женой и дочерью. Когда они пришли во дворец, там уже были слуги молодого графа, которые успели застелить покои соломой и развести огонь. В скором времени все было приготовлено, и слуги молодого графа помогли Герайнту помыться. Затем прибыл молодой граф в сопровождении сорока благородных рыцарей из числа своих приближенных и участников турнира. Он пригласил Герайнта в зал отобедать.

– А где граф Иниол, его жена и дочь? – спросил Герайнт.

– Они в верхних покоях, переодеваются в платья, присланные графом, – ответил камергер графа.

– Попросите девушку остаться в старом платье, пока она не появится при дворе короля Артура, чтобы королева Гиневра сама выбрала ей наряд.

И девушка осталась в старом платье.

Затем они вошли в зал, омыли руки и сели за стол. По одну сторону от Герайнта расположился молодой граф, рядом с ним граф Иниол, а по другую сторону от Герайнта девушка и ее мать. Остальные расселись согласно занимаемому положению. Они ели и пили, и им подносили самые изысканные блюда. Завязалась беседа, и молодой граф пригласил Герайнта завтра посетить его замок.

– Клянусь Богом, я не могу, – сказал Герайнт, – поскольку завтра мы с девушкой

⁵⁴ В артуровском эпосе Эдирн упоминается как один из рыцарей Артура, участник похода на Рим. Его имя есть в списке валлийских святых, где его называют еще и бардом. (Примеч. пер.)

отправляемся ко двору короля Артура. Я не вернусь сюда до тех пор, пока граф Иниол будет страдать от унижения и бедности, и уезжаю только для того, чтобы восстановить его права.

– Ах, господин, – воскликнул молодой граф, – не по моей вине граф Иниол лишился собственности.

– Клянусь, – сказал Герайнт, – что, если буду жив, он вернет утраченное.

– Господин, что касается разногласий между мной и Иниолом, то я готов выслушать ваше решение и верну все, что, по вашему мнению, должен ему вернуть, – сказал молодой граф.

– Я прошу вернуть ему только то, чем он раньше владел, а также возмещение за годы, проведенные в бедности.

– Я сделаю это с превеликим удовольствием, – отозвался молодой граф.

– Тогда прикажи всем людям, что некогда служили Иниолу, – предложил Герайнт, – принести ему клятву верности.

Все было выполнено в точности. Подданные поклялись в верности. Молодой граф возвратил Иниолу замок, город, земли. И Иниол получил обратно все, что утратил, вплоть до последнего драгоценного камня.

После этого Иниол сказал Герайнту:

– Господин, я отдаю тебе девушку, за которую ты бился на турнире.

– Она последует за мной ко двору, и Артур с Гиневрой сами решат ее судьбу.

На следующий день они отправились ко двору Артура.

Глава 23 **ГЕРАЙНТ, СЫН ЭРБИНА. ПРОДОЛЖЕНИЕ**

А теперь мы расскажем о том, как Артур охотился на оленя. Когда охотников расставили по местам, стали спускать собак, и последней спустили любимую собаку Артура по кличке Кафалл. Пес оставил позади всех собак и погнал оленя к тому месту, где стоял Артур. Король Артур первым настиг оленя и отрубил ему голову. Рог протрубил об окончании охоты, и все собрались вокруг оленя.

К Артуру подошел Кадириэйт.

– Господин, – обратился он к королю, – посмотри, вон там Гиневра всего лишь с одной служанкой.

– Пусть Гильдас, сын Кая, и все придворные ученые сопровождают Гиневру во дворец.

Его приказание было выполнено.

На обратном пути ко двору все перессорились из-за того, кому достанется голова оленя. Каждый считал, что только его дама сердца достойна охотничьего трофея. Когда Артур и Гиневра узнали о возникшем между участниками охоты споре, Гиневра сказала Артуру:

– Мой господин, прислушайся к моему совету – не отдавай никому голову оленя до возвращения Герайнта, сына Эрбина.

И королева рассказала Артуру, куда и с какой целью отправился Герайнт.

– Так тому и быть, – постановил Артур.

Гиневра приказала, чтобы дозорные поднялись на башни и сообщили о появлении Герайнта. После полудня дозорные увидели некрасивого маленького человека верхом на лошади. За ним следовала дама, или девушка, тоже верхом, а последним ехал высокий рыцарь с поникшей головой, в разбитых доспехах.

Они еще не успели приблизиться к воротам, когда один из дозорных пришел к Гиневре и сообщил, кого они увидели и как выглядят эти люди.

– Я не знаю, кто это такие, – сказал он.

– Зато я знаю, – ответила Гиневра. – Это тот рыцарь, которого преследовал Герайнт, и думаю, что он приехал сюда не по доброй воле. Вероятно, Герайнт настиг его и в полной мере отомстил за оскорбление, нанесенное моей служанке.

Тут явился привратник и, обратившись к Гиневре, сказал:

– Госпожа, к воротам подъехал рыцарь, и я никогда еще не видел человека в столь плачевном состоянии. Его доспехи разбиты и так залиты кровью, что не поймешь, какого они цвета.

– Он назвал свое имя? – спросила Гиневра.

– Да, – ответил привратник. – Он сказал, что его зовут Эдирн, сын Нудда.

– Мне ничего не говорит его имя, – сказала Гиневра.

Королева вышла к воротам, чтобы встретить рыцаря. Гиневра испытала жалость к рыцарю, увидев, в каком он состоянии, даже несмотря на присутствие карлика, который оскорбил ее служанку. Эдирн приветствовал Гиневру.

– Храни тебя Господь! – ответила королева.

– Госпожа, – сказал Эдирн, – Герайнт, сын Эрбина, лучший и достойнейший из рыцарей, передает тебе привет.

– Он встретился с тобой? – спросила Гиневра рыцаря.

– Да, – ответил рыцарь, – и это кончилось для меня весьма плачено, но не по его вине, а по моей. Герайнт послал меня к тебе, чтобы я попросил прощения за оскорбление, которое мой карлик нанес твоей служанке.

– Где же он победил тебя, рыцарь? – спросила Гиневра.

– Там, где мы сражались за сокола, в городе, который теперь называется Кардифф. Он вызвал меня на поединок, чтобы завоевать любовь девушки, дочери графа Иниола. Мы сошлись с ним в поединке, и ты, госпожа, видишь, чем он закончился.

– Сэр, – спросила рыцаря Гиневра, – как ты думаешь, когда Герайнт будет здесь?

– Думаю, что завтра он появится здесь вместе с девушкой.

Тут подошел Артур, и Эдирн приветствовал короля. Артур пристально разглядывал рыцаря и был поражен его видом. Королю показалось, что рыцарь ему знаком.

– Ты Эдирн, сын Нудда? – наконец спросил Артур.

– Да, господин, это я, только побежденный и получивший тяжелые ранения.

И он рассказал Артуру о приключившейся с ним истории.

– Ладно, – сказал Артур, – если верить тому, что ты рассказал, то Гиневре следует простить тебя.

– Государь, – откликнулась Гиневра, – я, конечно, могу простить его, но оскорбление, нанесенное мне, в такой же мере относится и к тебе.

– Тогда поступим следующим образом, – сказал Артур. – Поручим этого рыцаря заботам лекарей, чтобы они решили, выживет он или нет. И если выживет, то рассудим его дело в соответствии с обычаями нашего двора. Если же он умрет, то его смерть будет достаточной карой за оскорбление, нанесенное служанке.

– Я согласна, – ответила Гиневра.

Артур распорядился, чтобы позвали Моргана Туда, главного придворного врача.

– Возьми Эдирна, сына Нудда, отведи его в покои и лечи его так, как лечил бы меня, будь я ранен, а чтобы ему не досаждали, никого, кроме своих помощников, не впускай в покои.

– С радостью все исполню, государь, – ответил Морган Туд.

В разговор вступил дворецкий:

– А куда поместить даму?

– К Гиневре и ее служанкам, – приказал король.

Все так и было исполнено.

На следующий день приехал Герайнт. Его увидел один из дозорных, поставленных Гиневрой на башне, чтобы приезд Герайнта не прошел незамеченным. Дозорный пошел к Гиневре и сказал:

– Госпожа, мне кажется, я видел Герайнта с девушкой. Он на коне в походной одежде, а девушка в белом. Кажется, на ней льняное платье.

– Девушки, собирайтесь, – распорядилась королева, – выходите встречать Герайнта и

пожелайте ему счастья.

Королева вышла встретить Герайнта с девушкой, и, подъехав к Гиневре, Герайнт приветствовал ее.

– Храни тебя Господь, – сказала Гиневра. – Добро пожаловать!

– Госпожа, – ответил Герайнт, – я искренне хотел отомстить за тебя, а вот девушка, благодаря которой мне это удалось сделать.

– Пусть будет с ней милость Божья! Я рада видеть ее.

После этого Герайнт и девушка спешили и вошли внутрь.

Герайнт пошел в покои Артура и приветствовал его.

– Храни тебя Господь, – сказал Артур, – я рад тебя видеть. Твоя поездка была удачной, но пострадал Эдирн, сына Нудда.

– В этом виноват не я, а его собственная гордыня. Я не знал, кто он, пока не победил в честном бою, – ответил Герайнт.

– А где девушка, за которую, как я слышал, ты сражался? – спросил Артур.

– Она удалилась с Гиневрой в покои.

Артур тут же пошел в покои Гиневры, чтобы посмотреть на девушку. И Артуру, и его рыцарям, и всем при дворе показалось, что никогда они не видели девушки более прекрасной, чем эта. Артур выдал девушку замуж за Герайнта, и между ними был заключен союз. По этому случаю Гиневра отдала девушке одно из самых красивых платьев, и всем, кто видел ее в этом наряде, казалось, что нет девушки красивей и изящней. Весь свадебный день прошел в пирах, пении, играх, а когда пришло время, все отправились спать. Постель для Герайнта и Энид приготовили в покоях, где спали Артур и Гиневра, и с этого момента они стали мужем и женой. На следующий день Артур щедро одарил всех, кому Герайнт был должен, подарками. Девушка стала жить во дворце, и у нее появилось много друзей среди мужчин и женщин, и не было более уважаемой, чем она, женщины на острове Британия.

– Я правильно посоветовала никому не отдавать голову оленя до возвращения Герайнта, – сказала Гиневра. – Теперь ясно, кому ее надо отдать, – прекраснейшей из девушек, Энид, дочери Иниола. Не думаю, что кто-то будет оспаривать это, поскольку все испытывают к ней только чувство любви и дружбы.

Все приветствовали это решение, в том числе и король Артур. Голову оленя вручили Энид. После этого слава ее умножилась, и она обрела еще больше друзей. С того времени Герайнт полюбил охоту, турниры и поединки, из которых всегда выходил победителем. Так прошел год, другой, третий, пока слава о нем не облетела все королевство.

И вот однажды, когда двор Артура находился в Карлеоне на Уске, прибыли к королю почтенные, мудрые посланцы, знающие и красноречивые. После приветствий король спросил:

– Откуда вы пришли?

– Мы прибыли, государь, – ответили послы, – из Корнуолла, а прислал нас Эрбин, сын Кустеннина, твой дядя. У нас к тебе дело. Эрбин приветствует тебя, как дядя племянника и как слуга господина. Он сообщает тебе, что, достигнув преклонных лет, стал слаб и немощен, и соседи, узнав об этом, стали вторгаться в его владения и хотят завладеть его землями. Эрбин просит тебя, государь, отпустить к нему Герайнта, его сына, чтобы он защищал владения и восстановил прежние границы. Он говорит, что будет лучше, если Герайнт займется охраной своих владений, чем будет тратить время на бесполезные турниры, хотя и добивается побед.

– Хорошо, – сказал Артур, – смойте дорожную пыль, отдохните, поешьте, и, прежде чем вы отправитесь обратно, я дам вам ответ.

Послы ушли, а Артур подумал, как трудно будет ему и всему двору расстаться с Герайнтом, но несправедливо отказать ему в праве защищать свои земли и границы, которые уже не в силах защитить его отец. Не меньше опечалилась и Гиневра со своими дамами и служанками, которым предстояло лишиться общества Энид. Они пировали весь день и всю ночь, и Артур рассказал Герайнту, с какой целью прибыли послы из Корнуолла.

– Что ж, – сказал Герайнт, – решишь ты, государь, отослать меня или оставить, я подчинюсь любому твоему решению.

– Тогда выслушай мой совет, – сказал Артур. – Как ни грустно мне расставаться с тобой, но ты должен вернуться в свои владения и охранять границы. Возьми с собой всех, кого пожелаешь, всех тех рыцарей, к кому испытываешь самые дружеские чувства.

– Да вознаградит тебя Господь! – воскликнул Герайнт. – Я последую твоему совету.

– О чем вы беседуете? – вмешалась в их разговор Гиневера. – Уж не о сопровождающих ли Герайнта идет речь?

– Да, – ответил Артур.

– Тогда мне следует позаботиться о сопровождении моей любимой дамы, – сказала королева.

– Совершенно верно, – ответил Артур.

Когда наступила ночь, все отправились спать. На следующий день посланцам было разрешено возвращаться в Корнуолл, и им сказали, что Герайнт поедет следом за ними. На третий день Герайнт собрался в путь. Вместе с ним отправились Гавейн, сын Гвиара, Риогонед, сын короля Ирландии, Ондьяв, сын герцога Бургундии, Гвилем, сын правителя Франции, Хоуэл, сын графа из Бретани, Персиваль, сын Эброка, Гвир, судья при дворе Артура, Бедвир, сын Бедрауда, Кай, сын Кинира, Одьяр Франк и Эдирн, сын Нудда.

– Думаю, – сказал Герайнт, – этих рыцарей будет достаточно.

И они отправились в путь. Никогда еще берега Северна не видели более достойных рыцарей. На другом берегу Северна прибывших приветствовали люди Эрбина, сына Кустеннина, а стоявший впереди Эрбин приветствовал Герайнта. Все дамы во главе с матерью Герайнта приветствовали Энид, дочь Иниола. Не только при дворе, но и по всей стране радовались возвращению Герайнта, поскольку питали к нему любовь, гордились славой, которую он снискал с тех пор, как покинул свою страну, а еще и потому, что теперь вернулся, чтобы охранять и защищать свои владения. Герайнт с рыцарями в сопровождении хозяев отправились ко двору. Там их ждало веселье, множество подарков, изобилие напитков и яств. И они по достоинству оценили оказанную им встречу. В тот вечер Герайнта пришли приветствовать самые известные люди со всей страны, и не было конца радости и веселью. На рассвете Эрбин призвал к себе Герайнта и всех, кто приехал вместе с ним.

– Я уже немощен и стар, – обращаясь к Герайнту, сказал Эрбин, – и пока мог, сохранял владения для тебя и себя. Ты молод, бодр и полон сил. Теперь сам защищай свои владения.

– Но я думаю, что тебе еще рано передавать мне власть над твоими владениями и отзывать от двора Артура.

– Нет, я все отдаю в твои руки, – возразил Эрбин. – Сегодня все подданные присягнут тебе на верность.

Тут в разговор вмешался сэр Гавейн:

– Лучше выслушай сегодня просьбы и жалобы, а клятву на верность примешь завтра.

Всех просителей собрали в одном месте. Кадириэйт⁵⁵ выслушал их просьбы.

Каждый объяснял, с чем пришел, и получал желаемое. Люди Артура стали дарить подарки, и, увидев это, люди Эрбина последовали их примеру; все не задумываясь делали подарки, настолько велико было их желание одаривать. Этот день и ночь опять прошли в радости и веселье.

На следующее утро Эрбин посоветовал Герайнту отправить посланцев к людям, чтобы узнать, не имеет ли кто-нибудь обиды на него и готовы ли они присягнуть ему на верность. И Герайнт отправил посланцев к жителям Корнуолла, и все заявили, что будут счастливы присягнуть ему на верность. На третий день Герайнт принял присягу от тех, кто был в то время при дворе. На следующий день рыцари Артура собрались уезжать, но Герайнт сказал им:

⁵⁵ Кадириэйт отмечается в триадах как один из самых справедливых рыцарей короля Артура. (Примеч. пер.)

– Не торопитесь уезжать, друзья. Оставайтесь, пока все мои люди не принесут мне присягу.

И, только выполнив его просьбу, рыцари отправились в обратный путь. Герайнт вместе с Энид проводили их до Диганви,⁵⁶ и там они расстались.

На прощание Ондьяв, сын герцога Бургундии, сказал Герайнту:

– Сначала съезди в отдаленные части своих владений и внимательно осмотри границы, а потом дай нам знать, если там что-нибудь неладно.

– Спасибо за совет, – ответил Герайнт, – так я и сделаю.

Он поехал на границы своих владений в сопровождении знатных мужей страны, и они показали ему все владения до самых дальних окраин.

В сопровождении опытных проводников и знатных людей страны Герайнт объехал свои владения вдоль всех границ.

Глава 24 ГЕРАЙНТ, СЫН ЭРБИНА. ПРОДОЛЖЕНИЕ

Герайнт, как и в свою бытность при дворе Артура, часто принимал участие в турнирах, побеждая сильнейших и храбрейших рыцарей. Благодаря этому он теперь завоевал широкую известность и в своей стране. При нем и двор, и его приближенные, и знать обзавелись лучшими конями, лучшим оружием, ценнейшими украшениями, и он не успокаивался до тех пор, пока слава о нем не облетела все королевство. Добившись этого и поняв, что никто не осмеливается противостоять ему, он полюбил всякого рода развлечения. Герайнт очень любил жену и проводил вместе с ней много времени в пирах и увеселениях, часто уединялся с ней в покоях. Вскоре он забросил все дела, охоту и развлечения, забыл о своих друзьях и приближенных. Они тайком возмущались, что он презрел мужскую дружбу, отдав предпочтение любви к женщине. Когда Эрбин узнал, что говорят при дворе, он позвал Энид и спросил, правда ли, что по ее вине Герайнт забросил все дела и забыл о своих подданных и друзьях.

– Клянусь Богом, это неправда, – ответила Энид, – и мне ненавистна сама мысль об этом.

Энид не знала, как поступить. Ей было трудно поговорить об этом с Герайнтом, но нельзя было и промолчать, зная, о чем шепчутся за его спиной. Эти тяжелые размышления привели к тому, что Энид погрузилась в печаль.

Однажды утром они лежали в постели. Через застекленное⁵⁷ окно летнее солнце освещало постель.

Солнце разбудило Энид. Она посмотрела на спящего Герайнта, до половины укрытого одеялом, что позволяло рассмотреть его грудь и руки. Он был прекрасен, и Энид промолвила:

– Неужели из-за меня он лишился доблести и воинской славы, которыми отличался в былые времена? – И слезы Энид закатали на грудь мужа.

Герайнт проснулся и, услышав ее слова, не понял, что жена говорит о нем, а решил, что она плачет от любви к другому, с которым мечтает быть вместе. Герайнт почувствовал, что его охватывает гнев, и позвал оруженосца.

– Прикажи скорее приготовить мне коня и доспехи, – сказал Герайнт оруженосцу. – А

⁵⁶ Замок Диганви (Теганви) – современный Конвей на севере Уэльса. (Примеч. пер.)

⁵⁷ Восхищение, с каким древние авторы упоминали о застекленных окнах, является доказательством того, что наши предки относились к стеклу как к предмету роскоши. Впервые стекло стали использовать в церковных постройках, и так продолжалось довольно долго. Считается, что в жилых домах стекло стали использовать примерно с XIV века. (Примеч. авт.)

ты вставай, – обращаясь к Энид, продолжил он, – одевайся и распорядись приготовить коня. Да, и надень худшее из своих платьев для верховой езды. Будь я проклят, если ты вернешься сюда прежде, чем узнаешь, лишился ли я доблести и славы, о которых ты говорила. Но если действительно дело обстоит так, как ты думаешь, то ты легко освободишься от моего общества и будешь с тем, о ком мечтаешь.

Энид встала, надела самое скромное из своих платьев и сказала:

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, мой господин.

– Скоро поймешь, – пообещал Герайнт и пошел к Эрбину.

– Отец, – сказал он, – я отправляюсь странствовать и не знаю, когда вернусь. Сможешь ты присмотреть за своими владениями до моего возвращения?

– Смогу, – ответил Эрбин, – но меня удивляет, что ты уезжаешь так внезапно. А кто поедет с тобой? Ведь ты не из тех людей, что могут странствовать по Лозгрии в одиночку.⁵⁸

– Никто, отец, кроме еще одного человека, – ответил Герайнт.

– Ну что ж, храни тебя Господь, сын мой, – сказал Эрбин, – и, надеюсь, ты недолго будешь пребывать в одиночестве и вскоре многие присоединятся к тебе во время странствий по Лозгрии.

Герайнт пошел к своему коню, закованному в чужеземную броню, тяжелую и блестящую. Он велел Энид сесть на коня и ехать впереди на большом расстоянии от него.

– Что бы ты ни увидела и ни услышала, – сказал он ей, – не подъезжай ко мне и не говори ни слова, пока я сам не заговорю с тобой.

Они двинулись в путь, и Герайнт выбрал не легкую, проторенную дорогу, а самую глухую тропу, по которой ходили воры, разбойники и дикие звери.

Тропа вывела их на дорогу, и вскоре они подъехали к большому лесу. Углубившись в лес, они встретили четырех вооруженных всадников. Когда всадники увидели их, один из них сказал:

– Удачный случай завладеть двумя конями, оружием и девицей в придачу. Нам ничего не стоит одолеть этого рыцаря, к тому же погруженного в тяжелые думы.

Энид услышала эти слова, но вспомнила о предупреждении Герайнта вести себя тихо и не разговаривать с ним. «Пусть уж лучше я погибну от руки своего мужа, – подумала Энид, – чем гнев Божий падет на меня, если не скажу ему то, что услышала, и дам так бесславно умереть». Она подождала, пока подъедет Герайнт, и сказала:

– Господин, ты слышал, что говорили эти люди о тебе?

Герайнт окинул жену гневным взглядом:

– Я приказал тебе молчать! Мне ни к чему твои предупреждения и притворный страх за мою жизнь. И хотя ты жаждешь увидеть мое поражение и смерть от рук этих негодяев, я не испытываю перед ними страха.

Тут один из них кинулся с копьем на Герайнта. Но Герайнт был готов к нападению и, уклонившись от удара, направил копьё в центр щита противника. Щит раскололся, броня была пробита, копьё на локоть вошло рыцарю в грудь, и он уже мертвым свалился с коня на землю. Тогда второй всадник, увидев, что его товарищ мертв, в гневе набросился на Герайнта, но Герайнт одним ударом поверг его на землю и убил. Точно так же он убил третьего и четвертого всадников. При виде этой картины Энид охватили одновременно страх и печаль. Герайнт спешился, снял с убитых доспехи, привязал их к седлам, связал вместе коней убитых всадников и опять вскочил в седло.

– Возьми этих коней, – сказал он Энид, – и гони их перед собой. Сама поезжай, как и раньше. Не говори мне ни слова, пока я сам не заговорю с тобой. Клянусь Богом, если ты сделаешь что-то не так, то пожалеешь об этом.

– Я выполню все, что в моих силах, мой господин, – тихо ответила Энид.

Энид, следуя приказу Герайнта, поехала впереди, и ему, несмотря на гнев, было жалко

⁵⁸ Имеется в виду, что многие, кого Герайнт в свое время победил, затаили на него злобу. (Примеч. пер.)

эту прекрасную женщину, которой пришлось управлять таким количеством лошадей. Они выехали из леса, проехали по широкому полю и опять въехали в густой лес, в котором их настигла ночь.

– Пожалуй, Энид, – сказал Герайнт, – нам не стоит ехать дальше.

– Хорошо, мой господин, – согласилась она, – поступим так, как ты хочешь.

– Мы лучше останемся здесь и отдохнем, а утром отправимся дальше.

– С радостью соглашаюсь, – откликнулась Энид.

Герайнт спешил и помог Энид слезть с коня.

– Я валюсь с ног от усталости, – сказал он. – Мне нужно выспаться, а ты покарауль коней, но только не засыпай.

– Хорошо, мой господин.

Герайнт лег, не снимая доспехов, и проспал всю ночь; правда, в это время года ночи были короткими. Когда рассвело, Энид подошла посмотреть, спит ли Герайнт, и в этот момент он проснулся. Поднявшись, он сказал:

– Бери лошадей, поезжай вперед и делай только то, о чем я тебе говорил вчера.

Через какое-то время они выехали из леса на широкий луг, на котором косари косили траву. Они спустились к бежавшей по лугу реке, и кони стали жадно пить воду. Когда они опять поднялись на крутой берег, то увидели стройного юношу с котомкой на плече, в которой явно что-то лежало, но вот что, они понять не могли. В руках у юноши был синий кувшин, а на нем чаша. Юноша приветствовал Герайнта.

– Храни тебя Господь! – сказал Герайнт. – Откуда ты будешь?

– Я из города, который стоит перед тобой, господин, – ответил юноша. – Ты не рассердишься, если я спрошу, откуда ты прибыл?

– Конечно не рассержусь, – сказал Герайнт, – я приехал из-за того леса.

– Но ты не мог за сегодняшний день проехать через этот лес.

– Конечно нет, – сказал Герайнт, – мы провели в лесу ночь.

– Уверен, что это была не самая приятная ночь в вашей жизни, тем более без еды и питья. Не отказывайтесь и угоститесь тем, что у меня есть.

– А что у тебя есть? – спросил Герайнт.

– Завтрак для косарей: хлеб, мясо и вино, и если хочешь, господин, то все это достанется тебе, а не косарям.

– Конечно хочу, – ответил Герайнт. – Да возблагодарит тебя Господь!

Герайнт спешил, а юноша помог слезть с лошади Энид. Они умылись и сели завтракать. Юноша разрезал хлеб и мясо, налил им вина. Когда Герайнт и Энид поели, юноша встал и сказал Герайнту:

– Господин, с твоего позволения я отнесу остальное косарям.

– Сначала иди в город, – сказал Герайнт, – и найди для меня лучшее жилье и лучшую конюшню для лошадей. А в уплату за услуги выбери себе коня и доспехи, какие пожелаешь.

– Господь вознаградит тебя, господин, – воскликнул юноша. – Этого хватило бы и за большую услугу, чем я окажу тебе.

Юноша отправился в город и нашел для Герайнта самое лучшее и удобное жилье, а потом вместе с подаренным конем и доспехами пришел во дворец к графу, у которого служил, и рассказал о том, что с ним приключилось.

– Сейчас я схожу за этим рыцарем и отведу его в жилище, которое нашел для него, – сказал юноша.

– Иди, – сказал граф, – и пусть ему там окажут хороший прием.

Юноша пошел к Герайнту и сказал, что граф приглашает его к себе, но Герайнт пошел в дом, который подыскал для него юноша. В доме были просторные покои с обитыми тканью стенами и полом, устланным соломой. Коней юноша отвел в конюшню и задал корм. Осмотревшись, Герайнт сказал Энид:

– Отойди как можно дальше и не приближайся ко мне. Если хочешь, можешь найти хозяйку и поговорить с ней.

– Хорошо, господин, – ответила Энид, – я сделаю так, как ты хочешь.

Следом пришел хозяин дома, чтобы приветствовать гостя, и пригласил его к столу. После того как они поели и выпили, Герайнт пошел спать. Энид тоже поела и заснула.

Вечером пришел граф с двенадцатью благородными рыцарями. Герайнт встал и приветствовал их. Все расселись согласно занимаемому положению, и граф спросил Герайнта о цели его путешествия.

– У меня нет никакой цели. Я просто выехал на поиски приключений и еду куда глаза глядят.

Тут граф повернулся к Энид и пристально посмотрел на нее. Ему показалось, что он никогда не видел девушки прекрасней, чем она. Все мысли графа сосредоточились только на ней, и он спросил Герайнта:

– Ты позволишь мне поговорить с девушкой, поскольку я вижу, что она скучает в одиночестве?

– С радостью, – ответил Герайнт. Граф встал и подошел к Энид.

– Я вижу, что путешествие с этим человеком не радует тебя.

– Вовсе нет, мне нравится путешествовать, – ответила Энид.

– Но ведь у тебя нет ни пажей, ни служанок, – возразил граф.

– Мне намного приятнее путешествовать с этим человеком, чем жить в окружении пажей и служанок.

– У меня к тебе предложение, – сказал граф. – Я отдам тебе все свое графство, если ты останешься со мной.

– Нет, – ответила Энид. – Он был первым, кому я поклялась оставаться верной, так могу ли я нарушить данное слово?

– Я думаю, что ты совершаешь ошибку, – сказал граф. – Если я убью его, то заберу тебя и сделаю с тобой все, что захочу, а когда ты мне надоешь, я просто выгоню тебя. Но если ты останешься со мной по доброй воле, мы будем жить в мире и согласии.

Энид, обдумав его слова, решила, что лучше сделать вид, будто она заинтересовалась его предложением.

– Господин, на меня не должна упасть даже тень подозрения, поэтому приходи завтра и, словно я ничего не знаю, заведи меня отсюда.

– Так я и сделаю. – Граф попрощался и вышел со своими людьми.

Энид, не желая расстраивать Герайнта и опасаясь его гнева, не стала рассказывать ему об этом разговоре.

Когда пришло время, они отправились спать. Энид ненадолго вздремнула, а в полночь встала, положила доспехи и оружие рядом с Герайнтом. Несмотря на предупреждение, она подошла к постели, на которой спал Герайнт, и тихо сказала:

– Мой господин, вставай и одевайся. Граф говорил со мной, и вот что он задумал.

Энид рассказала все о намерениях графа. Герайнт хоть и сердился на жену, но внял ее совету, встал и оделся. Энид зажгла свечу, чтобы ему было лучше видно.

– Погаси свечу, – сказал Герайнт, – и позови сюда хозяина дома.

Энид привела хозяина, и Герайнт спросил его:

– Сколько я тебе должен?

– Думаю, что немного, господин.

– Не важно, возьми трех коней и три пары доспехов.

– Господь вознаградит тебя за твою щедрость, – сказал хозяин, – но мои услуги стоят меньше одного доспеха.

– Значит, станешь значительно богаче. А теперь помоги мне выбраться из города, – приказал Герайнт.

– С удовольствием, – согласился хозяин, – но в какую сторону ты хочешь пойти?

– Только не в ту, откуда пришел.

Хозяин провожал их ровно столько, сколько пожелал Герайнт. Когда они остались одни, Герайнт сказал Энид, чтобы она, как прежде, ехала впереди, и они тронулись в путь.

Герайнт и Энид ехали по широкой дороге и вдруг услышали плач, становившийся все громче по мере приближения к месту, откуда он доносился.

– Останься здесь, – сказал Герайнт, – а я посмотрю, кто это так горько плачет.

– Хорошо, – ответила Энид.

Герайнт поехал на звук и выехал на поляну, на которой стояли две лошади, одна с мужским, а другая с женским седлом. На земле лежал рыцарь в доспехах, а над ним, обливаясь слезами, склонилась девушка в платье для верховой езды.

– О госпожа, что с тобой случилось? – спросил Герайнт.

– Я ехала с любимым мужем, и вдруг на нас напали три великана и убили мужа, просто так, без всякой причины.

– Куда они направились? – спросил Герайнт.

– Вон туда, по дороге.

Герайнт вернулся к Энид.

– Поезжай к той даме и жди моего возвращения, – сказал он Энид.

Его приказание расстроило Энид, однако она пошла на поляну к даме. Энид чувствовала, что никогда больше не увидит Герайнта.

Тем временем Герайнт поехал за великанами и догнал их. Каждый из великанов был втрое выше обычного человека и держал на плече огромную дубину. Герайнт напал на одного, пронзил его копьем, и великан замертво свалился на землю. Герайнт успел расправиться со вторым великаном, но третий великан ударил его дубиной. От удара щит Герайнта раскололся, и дубина великана сильно повредила плечо рыцаря. Тут Герайнт обнажил меч и мощным ударом разрубил голову великану. Расправившись с великанами, Герайнт из последних сил добрался до поляны, где его ждала Энид, и упал на землю без чувств. Энид испустила крик горя и отчаяния и бросилась к своему возлюбленному мужу. Мимо проезжал граф Лимура со свитой и, услышав крики и плач, свернул с дороги и въехал на поляну. Обратившись к Энид, граф спросил:

– Госпожа, что с тобой случилось?

– О сэр, – заливаясь слезами, сказала Энид, – погиб человек, которого я любила больше всех на свете.

С тем же вопросом граф обратился к даме.

– Они убили и моего любимого мужа, – ответила она.

– Так кто же убил этих рыцарей? – поинтересовался граф.

– Какие-то великаны, – ответила дама, – убили моего мужа, а этот рыцарь пустился за ними вдогонку, и сам видишь, в каком он вернулся состоянии.

Граф приказал похоронить мужа дамы, а Герайнта, в котором еще теплилась жизнь, доставить на носилках в замок. Обе дамы тоже поехали в замок. Когда они приехали туда, Герайнта уже внесли в зал и положили на кушетку. Граф предложил дамам снять дорожные платья, переодеться, поесть и выпить, но Энид наотрез отказалась.

– Клянусь Богом, я не стану переодеваться, – заявила она.

– Ах, госпожа, – огорченно сказал граф, – не стоит так убиваться.

– Тебе не удастся уговорить меня, – ответила Энид.

– Но я сделаю все, чтобы ты перестала грустить, независимо от того, будет жить этот рыцарь или умрет. Только подумай: я предлагаю тебе графство и в придачу себя. Так что радуйся и веселись.

– Клянусь Богом, – воскликнул Энид, – что, пока жива, я уже никогда не буду радоваться и веселиться.

– Тогда пойдем к столу и поедим, – предложил граф.

– Клянусь Богом, я не буду есть.

– А я говорю, ты пойдешь! – вскричал граф.

Он насильно усадил Энид за стол и попытался заставить есть.

– Я не стану есть, пока не сможет есть этот человек, лежащий на кушетке, – заявила Энид.

– Он уже никогда не будет есть, – ответил граф. – Этот человек мертв.

– Нет, он жив, и я докажу тебе это.

Граф протянул Энид кубок с вином.

– Выпей, – предложил он, – и сразу изменишь свое решение.

– Будь я проклята, – сказала Энид, – если выпью раньше этого рыцаря.

– Что ж, я вижу, что ты не понимаешь вежливого обращения.

С этими словами он дал ей пощечину. Энид громко вскрикнула от боли и обиды и подумала, что если Герайнт жив, то очнется и защитит ее честь. И – о, чудо! Герайнт пришел в себя, поднялся с ложа и, схватив свой меч, лежавший рядом, набросился на графа Лимура и с такой силой ударил его по голове, что разрубил пополам до пояса. При этом его меч вонзился в край стола, за которым сидел граф. Все слуги графа и его рыцари разбежались в страхе, решив, что мертвец восстал к жизни, чтобы отомстить за жену. Посмотрев на Энид, измученную, бледную, потерявшую привлекательность, Герайнт понял, что был не прав.

– Госпожа, где наши кони? – спросил Герайнт.

– Я знаю, где твой конь, а где мой – не знаю. Твой конь вон в той конюшне, – ответила она.

Герайнт пошел в конюшню, вывел коня, вскочил в седло, поднял Энид, посадил перед собой, и они поехали по дороге, по обе стороны которой стояла живая изгородь. Так они ехали, пока на смену дню не пришла ночь. И вдруг за собой они увидели лес копий и услышали громкий топот копыт.

– За нами кто-то гонится, – заметил Герайнт.

Он спустил Энид на землю и спрятал за живой оградой.

Только он успел это сделать, как увидел скачущего к нему рыцаря. Герайнт поднял копье. Энид не выдержала и крикнула:

– Кто бы ты ни был, но ты не добудешь славы, убив мертвеца!

– Мой бог, неужели это Герайнт?! – воскликнул всадник.

– Да, это Герайнт, – согласился Энид, – а ты кто?

– Я Гвифферт Маленький (Маленький король), союзник твоего мужа. Поспешил на помощь, узнав, что вы попали в беду. Поехали в замок зятя моей сестры, это совсем рядом, и там тебе окажут лучшую помощь, которую ты можешь получить в королевстве.

– С удовольствием принимаю приглашение, – ответил Герайнт.

Энид села на лошадь одного из оруженосцев Гвифферта, и они отправились в замок барона, где им оказали радушный прием. Утром пришли врачи, осмотрели Герайнта, назначили лечение и наблюдали за ним, пока он не выздоровел. Пока Герайнт находился под наблюдением врачей, Гвифферт распорядился привести в порядок доспехи и оружие Герайнта. Через полтора месяца Герайнт и Энид попрощались с радушными хозяевами и отправились в свои владения. С тех пор Герайнт успешно правил в своих владениях, и, благодаря его воинской славе и блеску двора, Герайнт и Энид⁵⁹ пользовались всеобщим уважением.

Глава 25 ПУЙЛЛ, КОРОЛЬ ДИВЕДА

Однажды, когда Пуйлл был в Нарберте,⁶⁰ для него и множества его гостей устроили

⁵⁹ Трудно найти в рыцарских романах персонаж, описанный более незатейливо и убедительно, чем Энид, дочь графа Иниола. Отдавая должное ее красоте и благородству, мы не знаем, чем восхищаться больше – терпением, с которым она переносила выпавшие на ее долю трудности, или верностью и любовью, которые помогли ей преодолеть все невзгоды и в конце концов подарили заслуженное счастье. Образ Энид, тщательно выписанный и отличающийся естественностью, намного трогательнее образа Гризельды, которую Чосер наделил очарованием, заставляющим нас забыть о неправдоподобности ее истории. (Примеч. авт.)

⁶⁰ Нарберт, или Арберт, – одна из частей Диведа, где часто из-за удобного расположения находился

пир. После первой перемены блюд Пуйлл встал из-за стола и, чтобы размять ноги, решил отправиться на вершину кургана, который возвышался над его дворцом.

Курган носил название Горседд-Арберт.⁶¹

– Господин, – обратился к Пуйллу один из придворных, – этот курган отличается странным свойством. Любой, кто поднимется на него, не сможет спуститься, не испытав удара или не увидев нечто удивительное.

– Я не боюсь получить удар, – ответил Пуйлл, – а что касается чудес, то с удовольствием посмотрю, что это за чудеса. Так что не отговаривайте меня. Я прямо сейчас поднимусь и сяду на вершине кургана.

Пуйлл поднялся на вершину холма, сел и тут же увидел даму в золотом одеянии на большой белой лошади. Она медленно ехала по дороге, спускающейся с кургана.

– Знает ли кто-нибудь из вас эту даму? – спросил Пуйлл придворных.

– Нет, господин, – ответили они.

– Пусть кто-нибудь пойдет ей навстречу и спросит, как ее зовут, – сказал Пуйлл.

Один из придворных поднялся и вышел на дорогу, чтобы встретить даму, но она проехала мимо, и он побежал за ней, но как ни старался, не мог догнать ее. Расстояние между ними постепенно увеличивалось. Когда он понял, что все его усилия напрасны, он вернулся к Пуйллу и сказал:

– Господин, эту даму может догнать только всадник.

– Ты прав, – согласился Пуйлл, – сходи во дворец, возьми самую быструю лошадь и догони даму.

Человек пошел во дворец, выбрал коня и поскакал за дамой. Вскоре он выехал в долину и, увидев впереди всадницу, прищипорил коня, но чем быстрее скакал его конь, тем больше становилось расстояние между ним и дамой. Он опять вернулся к Пуйллу и сказал:

– Господин, бессмысленно преследовать эту даму. Я не знаю ни одного коня быстрее этого, однако он не смог догнать белого коня, на котором скачет дама.

– Думаю, что здесь не обошлось без волшебства, – сказал Пуйлл. – Давайте вернемся во дворец.

Весь следующий день они развлекались как могли, пока не пришло время садиться за стол. По окончании трапезы Пуйлл спросил:

– Где все те, кто вчера поднимался на курган?

– Мы здесь, господин.

– Давайте опять поднимемся на вершину и сядем там. А ты, – обратился он к пажу, – оседлай моего коня и выводи его на дорогу. Да, и не забудь шпоры.

Юноша бросился выполнять приказание, а Пуйлл с придворными поднялись на курган и сели на вершине. Прошло совсем немного времени, и они увидели даму в том же одеянии, на том же коне, ехавшую по той же дороге.

– Юноша, – сказал Пуйлл, – дама подъезжает. Скорее подводи моего коня.

Не успел Пуйлл вскочить в седло, как дама проехала мимо. Пуйлл последовал за ней. Он не прищипорил коня, считая, что и так быстро догонит даму. Однако дистанция между ними не сокращалась. Тогда он прищипорил коня, заставляя нестись во весь опор, но и это ничего не дало. Тогда Пуйлл взмолился:

– О дева, ради того, кого ты любишь больше всех, остановись и подожди меня.

– С удовольствием, – ответила она, – хотя бы для того, чтобы дать отдохнуть твоему коню.

Она остановилась, подождала Пуйлла и, когда он подъехал, откинула часть нарядного головного убора, закрывавшего ее лицо. Глядя на нее, Пуйлл подумал, что никогда еще он не

королевский двор. (Примеч. пер.)

⁶¹ Слов «Горседд» обозначает насыпной курган. На таких курганах обычно устраивались народные собрания. Их часто связывали с магией и волшебством подобно ирландским «сидам». (Примеч. пер.)

видел такой ослепительной красавицы.

– Госпожа, – сказал Пуйлл, – не скажешь ли мне, куда ты едешь?

– Конечно скажу, – ответила она. – Я ехала, чтобы увидеть тебя.

– Клянусь, мне было приятно услышать эти слова. В таком случае ты, может, назовешь свое имя?

– Я – Рианнон, дочь Хевейда, и меня хотят выдать замуж против моей воли. Но я не выйду замуж, поскольку люблю тебя, и у меня будет другой муж только в том случае, если ты ответишь мне отказом. Вот поэтому я приехала, чтобы услышать твой ответ.

– Вот мой ответ, – воскликнул Пуйлл. – Клянусь Богом, если бы мне пришлось выбирать из всех женщин и девушек мира, я бы выбрал тебя.

– Если такова твоя воля, то женись на мне, пока меня не выдали замуж за другого.

– Чем скорее я это сделаю, тем мне же будет лучше, – ответил Пуйлл. – Я женюсь на тебе, когда ты пожелаешь.

– Я хочу, – сказала Рианнон, – чтобы мы встретились в этот же день через двенадцать месяцев во дворце Хевейда.

– Я с радостью встречусь там с тобой, – ответил Пуйлл.

На этом они расстались, и Пуйлл вернулся к тем, кто дожидался его на вершине кургана. И всякий раз, когда родственники, друзья и подданные пытались расспросить его о девушке, он упорно переводил разговор на другую тему.

Когда прошел год с момента встречи, Пуйлл снарядил сотню рыцарей и отправился с ними во дворец Хевейда. Его появление во дворце было встречено с большой радостью. Чувствовалось, что здесь его ждали. Собралось много народу. Всех пригласили в зал, где уже были накрыты столы. С одной стороны от Пуйлла сел Хевейд, а с другой Рианнон; остальные расселись согласно занимаемому положению. Они ели, пили, веселились, беседовали, и тут в зал вошел высокий юноша с рыжеватыми волосами в шелковых одеждах; бросалась в глаза его царственная осанка. Он приветствовал Пуйлла и его спутников.

– Да пребудет с тобой Господь! – ответил Пуйлл. – Садись за стол.

– Нет, – ответил юноша, – я всего лишь проситель и должен выполнить свою миссию.

– Говори, что тебе надо, – сказал Пуйлл.

– Господин, я хочу обратиться к тебе с просьбой.

– Какой бы ни была твоя просьба, я выполню ее, если это в моих силах, – ответил Пуйлл.

– Ах! – воскликнула Рианнон. – Зачем ты дал такое обещание?

– Госпожа, он дал это обещание в присутствии этих благородных людей, – сказал юноша.

– Друг мой, так в чем же состоит твоя просьба? – обращаясь к юноше, спросил Пуйлл.

– Девушка, которую я люблю, сегодня ночью должна стать твоей женой. Я приехал, чтобы попросить тебя отдать ее мне и устроить для нас свадебный пир.⁶²

Пуйлл лишился дара речи; теперь он понял, как опрометчиво дал обещание.

– Теперь тебе ничего не остается, как молчать, – сказала Рианнон, – поскольку никто еще так глупо не распоряжался своим умом, как ты.

– Госпожа, – наконец заговорил Пуйлл, – я же не знал, кто он.

– Так знай: это тот самый человек, за которого меня хотели выдать замуж против моей воли. Его зовут Гваул, сын Клуда, человека могущественного и богатого. Теперь тебе ничего не остается, как отдать меня ему, иначе позор падет на твою голову.

– Госпожа, я не понимаю, что ты говоришь. Я никогда не соглашусь на это.

– Отдай меня ему, – сказала Рианнон, – но я сделаю так, что он никогда меня не получит.

⁶² Валлийская свадьба сводилась к свадебному пиру, устраиваемому для членов родов жениха и невесты. После этого они считались мужем и женой. (Примеч. пер.)

– Как же ты это сделаешь? – спросил Пуйлл.

И Рианнон рассказала Пуйллу, что задумала. Их разговор затянулся, и Гваул, не выдержав, сказал:

– Господин, мне бы хотелось наконец услышать твой ответ на мою просьбу.

– Забирай ее, раз я обещал выполнить все, что в моей власти, – ответил Пуйлл.

– Друг мой, – обратилась Рианнон к Гваулу, – этот пир я устроила для гостей из Диведа, приближенных и наших воинов. И я уже ничего не могу изменить. Ровно через год в этом дворце будет устроен пир в твою честь, и на нем я стану твоей женой.

Гваул отправился в свои владения, а Пуйлл вернулся в Дивед. Оба с нетерпением ждали назначенный день, когда во дворце Хевейда должен был состояться пир. И вот этот день настал. Гваул, сын Клуда, приехал на праздник, устраиваемый в его честь, и вошел во дворец, где ему был оказан радушный прием. Пуйлл, правитель Диведа, следуя указаниям Рианнон, вместе с сотней рыцарей спрятался в саду. Пуйлл оделся в поношенные одежды, а на ногах у него были огромные старые башмаки. В разгар пира Пуйлл вошел в зал и приветствовал Гваула и мужчин и женщин из его свиты.

– Да поможет тебе Бог! – сказал Гваул. – Приветствую тебя, странник!

– Господин, – обратился к нему Пуйлл, – у меня к тебе просьба.

– Что ж, – ответил Гваул, – если это разумная просьба, то я с удовольствием исполню ее.

– Конечно разумная, господин, – ответил Пуйлл. – Я прошу, чтобы ты разрешил мне наполнить едой этот маленький мешок.

– Просьба действительно разумная, – сказал Гваул, – и я с радостью исполню ее. Наполните его мешок едой.

Тут же подскочили слуги и стали класть еду в мешок, однако, как они ни старались, мешок не заполнялся.

– Друг мой, – поинтересовался Гваул, – твой мешок когда-нибудь наполнится?

– Клянусь Богом, – ответил Пуйлл, – этот мешок не наполнится до тех пор, пока тот, кто владеет землями и другими богатствами, не влезет в мешок и начнет уминать еду обеими ногами, приговаривая: «Здесь уже достаточно еды».

– Скорее полезай в мешок, – сказала Рианнон Гваулу, сыну Клуда.

– Уже иду, – ответил Гваул.

Он встал из-за стола и залез обеими ногами в мешок. Пуйлл быстро поднял края мешка так, что накрыл Гваула с головой, стянул мешок ремнем и протрубил в рог. Тут же в зал вбежали рыцари Пуйлла. Они схватили тех, кто приехали с Гваулом, и бросили их в темницу. Пуйлл избавился от старой, изодранной одежды и дырявых башмаков. Каждый из его рыцарей подходил к мешку и, ударив по нему, спрашивал:

– Что там?

– Барсук, – отвечали остальные. Вот такую они устроили игру с мешком – били по мешку ногой или палкой и задавали вопрос, на который тут же звучал ответ. Так возникла игра под названием «барсук в мешке».

– Господин, – раздался голос из мешка, – послушай, я не хочу, чтобы меня убили в мешке.

– Он прав, – вмешался Хевейд. – Это недостойная смерть. Гваул заслуживает другой участи.

– Хорошо, – сказал Пуйлл, – посоветуйте, что мне с ним сделать.

– Вот тебе мой совет, – сказала Рианнон. – Ты оказался в положении, когда должен быть милостив к просителям и одарить их и менестрелей. Пусть он заплатит вместо тебя и даст обещание, что никогда не будет мстить тебе за то, что ты с ним сделал. И для него это будет достаточным наказанием.

– Я исполню все, что вы захотите, – раздался голос из мешка.

– С радостью принимаю эти советы, – произнес Пуйлл, – тем более что они исходят от

Хевейда и Рианнон, – и, обращаясь к человеку в мешке, добавил: – Ищи поручителей.⁶³

– Пока его люди в темнице, мы будем его поручителями, – предложил Хевейд, – а когда их отпустят, они поручатся за него.

Гваула выпустили из мешка, а его людей из темницы.

– Господин, от ударов у меня болит все тело. С твоего позволения, я отправлюсь к себе, а вместо себя оставлю своих людей, которые во всем смогут заменить меня, когда тебе потребуется.

– Хорошо, – сказал Пуйлл, – можешь уезжать.

И Гваул отправился в свои владения.

Зал привели в порядок, накрыли столы, и, как год назад, хозяева и гости расселись за столами. Они ели, пили, веселились, а когда пришло время, все отправились спать. Пуйлл и Рианнон пошли в приготовленные для них покои.

На рассвете следующего дня Рианнон сказала Пуйллу:

– Мой господин, вставай. Сегодня ты должен принять менестрелей. Не отказывай никому, кто будет взывать к твоей милости.

– Я займусь этим с радостью, – согласился Пуйлл, – и сегодня, и завтра, и во все последующие дни, пока будет продолжаться пир.

Когда все собрались, Пуйлл встал, попросил тишины и объявил, что все просители и менестрели могут сами сказать, какие они хотели бы получить подарки. Когда пир подошел к концу, Пуйлл сказал Хевейду:

– Мой господин, с твоего позволения я завтра отправлюсь в Дивед.

– Конечно, – кивнул Хевейд. – Да благословит тебя Господь! Да, и назначь день, когда Рианнон должна отправиться в Дивед.⁶⁴

– Мы поедем вместе.

– Такова твоя воля?

– Да, – ответил Пуйлл.

На следующий день они отправились в путь и, когда приехали в Нарберт, их уже ждали самые знатные мужчины и самые благородные женщины королевства, и не было ни одного мужчины, ни одной женщины, которые не получили бы от Рианнон богатого подарка – браслета, кольца, драгоценного камня. В течение двух лет Пуйлл и Рианнон благополучно правили страной.

Глава 26

БРАНВЕН, ДОЧЬ ЛЛИРА

Бендигейд Вран, сын Ллира, коронованный в Лондоне, стал королем всего острова. Его двор находился в Харлехе, в Ардудве.⁶⁵

Сидя на утесе, он любовался морем. С ним был его брат Манавидан, сын Ллира, его сводные братья по матери, Ниссиэн и Эвнисиен, и много знатных людей, обязательное окружение короля. Сводные братья были сыновьями Эуровидда⁶⁶ и матери Бендигейда

⁶³ В Уэльсе поручительство было обязательным при заключении любых договоров. (Примеч. пер.)

⁶⁴ В Уэльсе невеста после свадьбы некоторое время оставалась в родительском доме, после чего торжественно, со свадебным эскортом, переезжала в дом к мужу. (Примеч. пер.)

⁶⁵ Харлех – порт на северо-западе Уэльса, в древности называемый также Tower Bronwen, или «крепость Бранвен»; Ардудва – область в графстве Мерионет, Северо-Западный Уэльс. (Примеч. пер.)

⁶⁶ Эуровидд заключил в темницу Ллира, отца Бендигейда Врана и Манавидана, и силой отнял у него жену Пенарддин. Некоторые ученые отождествляют его с римским военачальником Осторием. (Примеч. пер.)

Врана.

Ниссиэн был добрым и миролюбивым юношей; он умело налаживал отношения между родственниками и умудрялся помирить их даже в том случае, когда отношения накалялись до предела. В отличие от Ниссиэна второй брат, Эвниссиен, сеял раздоры и старался поссорить родственников, когда они и не помышляли об этом. Итак, они сидели на утесе, смотрели на море и увидели, что со стороны Ирландии к ним приближаются тринадцать кораблей и, благодаря попутному ветру, легко и быстро скользят по волнам.

– Я вижу плывущие к нам корабли, – сказал король, – которые скоро пристанут к берегу. Прикажите моим людям вооружиться, выйти на берег и выяснить, с какой целью они приплыли сюда.

Люди короля вышли на берег и, рассмотрев корабли вблизи, сошлись во мнении, что никогда раньше не видели таких больших и хорошо оснащенных кораблей. Над ними развевались красивые шелковые флаги. Тут они заметили, как над бортом идущего впереди корабля поднялся перевернутый щит как свидетельство мирных намерений. Корабль подошел уже настолько близко, что можно были вести разговор. Затем с корабля спустили лодки, и прибывшие высадились на берег. Они приветствовали короля.

– Благослови вас Господь! Добро пожаловать! – произнес в ответ стоящий на скале король. – Кому принадлежат эти корабли и кто у вас главный?

– Повелитель, эти корабли принадлежат Матолху, королю Ирландии, и он сам на этом корабле, – сообщили они.

– Зачем он прибыл и сойдет ли на берег? – спросил Бендигейд Вран.

– У него к тебе просьба, и он не ступит на землю, пока не получит твоего ответа.

– И что же это за просьба? – спросил король.

– Он хочет породниться с тобой и приехал, чтобы просить руки Бранвен, дочери Ллира, и в случае твоего согласия остров Могушества⁶⁷ и Ирландия объединятся и станут еще сильнее.

– Пусть Матолх сойдет на берег, – пригласил король, – и мы будем держать совет.

Ответ передали Матолху.

– Я охотно сойду на берег, – сказал он.

Матолх сошел на берег и был радушно встречен собравшимися. Вечером во дворце был устроен пир в честь приезда Матолха и его людей, а на следующий день короли держали совет, и было принято решение отдать Бранвен в жены Матолху. Бранвен была одной из трех самых знатных дам острова, и не было в мире девушки прекраснее, чем она.

По заключенному между королями соглашению свадьба Матолха и Бранвен должна была состояться в Аберффрау. Матолх со своими людьми поплыл туда на кораблях, а Бендигейд Вран со своими людьми пошел по суше. В Аберффрау устроили пир, и расселись за столом следующим образом. Король острова Могушества и Манавидан, сын Ллира, с одной стороны, Матолх с другой стороны, и Бранвен, дочь Ллира, рядом с ним. Пировали они не в доме, а в шатре. Они ели, пили, веселились, вели беседы, а когда устали пировать, отправились спать, и этой ночью Бранвен стала женой Матолха. На следующий день хозяева занялись размещением гостей и их лошадей.

И тут Эвниссиен, любитель сеять смуту, о чем мы уже говорили, случайно оказался в том месте, где стояли кони Матолха, и поинтересовался, чьи они.

– Это кони Матолха, короля Ирландии, который женился на твоей сестре Бранвен.

– Как они посмели выдать замуж такую достойную девушку, как Бранвен, не спросив

⁶⁷ Остров Могушества, или остров Могушественного – одно из многих названий, данных валлийцами Британии. (Примеч. авт.)

Известна триада «Имена острова Британия», где говорится, что сначала остров именовался Предел Мерлина, потом Медовый и, наконец, остров Британия в честь мифического предка бриттов Придейна, сына Аэда Великого. Название остров Могушественного происходит, возможно, от имени другого предка бриттов, Ху Кадарна (Могучий Пес). (Примеч. пер.)

на то моего согласия, ведь я ее брат?! Они не могли нанести мне большего оскорбления! – воскликнул он.

Он кинулся к лошадям и изуродовал их, отрезав им губы, уши и хвосты.

Конюхи пошли к Матолху и рассказали, что его коней так изуродовали, что теперь они ни на что не годны.

– Господин, – сказал один из людей Матолха, – тебе нанесено оскорбление, иначе и не скажешь.

– Мне непонятно только одно: если они хотели оскорбить меня, то зачем выдали за меня такую знатную и любимую всеми родственниками девушку?

– Господин, – сказал другой человек из его свиты, – что сделано, то сделано, и тебе не остается ничего иного, как сесть на корабль.

И Матолх последовал его совету.

До Бендигейда Врана дошел слух, что Матолх, не попрощавшись, покинул двор, и он отправил к нему посланцев, Иддика, сына Анарауда, и Хевейда Хира, узнать, в чем дело. Они пришли к Матолху и спросили, по какой причине он решил покинуть двор.

– По правде говоря, – ответил Матолх, – если бы я знал, что все так получится, то не приехал бы сюда. Меня здесь оскорбили так, как никто никогда не оскорблял.

– Поверь, повелитель, никто из членов королевского двора даже не помышлял о том, чтобы нанести тебе оскорбление, и если ты чувствуешь себя оскорбленным, то Бендигейд Вран оскорблен и разгневан ничуть не менее тебя.

– Я верю, что так и есть на самом деле, но это не поможет мне забыть нанесенного оскорбления.

Посланцы вернулись к Бендигейду Врану и передали слова Матолха.

– Нельзя допустить, – сказал король, – чтобы он уехал от нас, затаив обиду. Я этого не допущу.

– Повелитель, надо еще раз послать к нему людей.

– Я так и сделаю, – ответил король. – Манавидан, сын Ллира, и Хевейд Хир, идите к Матолху и скажите, что за каждого искалеченного коня он получит здорового. А кроме того, скажите, что за нанесенное оскорбление он получит серебряный жезл, равный его росту, и золотую пластину шириной с его лицо. И объясните ему, кто это сделал и что я к этому не причастен. И еще объясните, что виновником является мой брат, поэтому мне трудно предать его смерти. Попросите Матолха прийти, чтобы мы могли все обсудить и заключить мир на условиях, которые он предложит.⁶⁸

Послы отправились к Матолху и в самом дружеском тоне передали слова своего короля. Выслушав их, Матолх сказал:

– Я должен созвать совет.

В процессе обсуждения они пришли к выводу, что если откажутся от предложения Бендигейда Врана, то навлекут на себя еще больший позор и, кроме того, лишатся возможности получить возмещение за нанесенное оскорбление. Поэтому они решили принять предложение и вернулись во дворец.

В шатре навели порядок, все расселись по своим местам, как в первый день праздника, и приступили к трапезе. Бендигейд Вран завел беседу с Матолхом и, заметив, что Матолх мрачен и немногословен, хотя прежде казался человеком веселым и общительным, решил, что тот недоволен размером возмещения за нанесенное оскорбление.

– Друг мой, – сказал Бендигейд Вран, – что-то ты сегодня не так разговорчив, как прошлым вечером. Если это связано с величиной возмещения, то я увеличу его настолько, насколько ты пожелаешь.

– О господин, – ответил Матолх, – Господь вознаградит тебя!

⁶⁸ По валлийским законам Хоуэла Доброго (X век), королю в возмещение за оскорбление полагалось отдать по сотне коров на каждую область его королевства, полосу серебра длиной от земли до лица сидящего короля и полосу золота шириной с его лицо. (Примеч. пер.)

– Кроме уже перечисленного, я дам тебе котел, – сказал Бендигейд Вран, – который обладает удивительным свойством: если в него поместить только что убитого человека, то на следующий день он оживет, только не сможет говорить.

Матолх рассыпался в благодарностях, и к нему вернулось хорошее настроение.

Всю ночь Бендигейд Вран и Матолх провели в беседах, слушали менестрелей и пировали, а когда поняли, что сон много сладостнее, чем безудержное веселье, пошли спать. По окончании праздников Матолх отправился в Ирландию вместе с Бранвен. Они отплыли на тридцати кораблях и, когда прибыли в Ирландию, были встречены с огромной радостью. Все знатные мужи и дамы нанесли визит Бранвен, и каждому она дарила браслет, кольцо или королевские драгоценности, все, на что падал их взгляд. Она счастливо прожила год в почете и уважении. В положенное время у нее родился сын, которому дали имя Гверн, сын Матолха. Мальчика отдали на воспитание лучшим людям Ирландии.

Но вдруг на второй год в Ирландии пошли разговоры об оскорблении, нанесенном Матолху в Уэльсе, и о возмещении, которое он получил за изувеченных лошадей. Его сводные братья и люди из ближайшего окружения открыто высказывали свое недовольство и заявляли, что не успокоятся до тех пор, пока не отомстят за нанесенное ему оскорбление. В качестве мести они выгнали Бранвен из покоев, которые она занимала вместе с мужем, и сделали из нее кухарку, которая готовила для всего двора. Они заставили мясника каждый день, после того как он заканчивал разделку мяса, подходить к Бранвен и давать ей пощечину. Вот такое они придумали наказание для Бранвен.

– Повелитель, – сказали Матолху его люди, – запрети кораблям, паромам и рыбацким лодкам ходить в Уэльс, а всех, кто приплывет из Уэльса, бросай в темницу, чтобы они не могли вернуться назад и рассказать об этом.

Матолх внял советам, и такое положение сохранялось на протяжении трех лет.

За это время Бранвен вырастила скворца, научила его говорить и объяснила птице, как выглядит ее брат. Затем она написала письмо, в котором говорилось об унижениях, которым ее подвергают, привязала письмо под крыло скворца и выпустила птицу в сторону Уэльса. Скворец прилетел на остров и отыскал Бендигейда Врана в замке Каэр-Сейнт на Арфоне, где он проводил совет. Птица села ему на плечо и подняла крыло. Бендигейд Вран увидел письмо и понял, что это ручной скворец.

Он взял письмо и стал читать. Бендигейд Вран очень огорчился, узнав об унижениях, которым подвергается Бранвен, тут же разослал по всему острову гонцов, и к нему прибыли сто сорок представителей знатных родов. Он рассказал им, какие страдания выпали на долю его сестры. Они посоветовались и приняли решение всем отправиться в Ирландию, оставив дома только семь рыцарей во главе с Карадоком, сыном Брана.

Бендигейд Вран с войском отправился в Ирландию, но неожиданно посреди моря его корабли сели на мель. Оказавшиеся в это время на берегу свинопасы Матолха увидели это и поспешили к своему повелителю.

– Приветствуем тебя, повелитель, – придя к Матолху, сказали они.

– Храни вас Господь! – ответил Матолх. – Какие новости вы пришли сообщить?

– Удивительные новости, господин, – ответили свинопасы. – Мы видели в море лес, а раньше там не было ни одного дерева.

– Поистине удивительные новости, – согласился Матолх. – А что еще вы видели?

– Мы видели, – ответили свинопасы, – гору рядом с этим лесом, а на вершине горы большую гряду, и с каждой стороны этой гряды по озеру. И лес, и гора, и все остальное двигалось.

– Думаю, – сказал Матолх, – никто не в состоянии объяснить эти чудеса, кроме Бранвен.

И он отправил людей к Бранвен.

– Госпожа, – спросили они, – как ты думаешь, что это такое?

– Это люди с острова Могущества, которые пришли, узнав о дурном обращении со мной.

– А что это за лес виден в море?
– Это реи и мачты их кораблей, – ответила Бранвен.
– Пусть так, – сказали они. – Но что за гора рядом с кораблями?
– Это мой брат Бендигейд Вран переходит море вброд.
– А что за гряда с озерами по обе стороны?
– Глядя на ваш остров, он разгневался, и его глаза по обе стороны носа засверкали, как озера по сторонам горного хребта.

Воины и вожди Ирландии спешно собрались и стали держать совет.

– Господин, – сказали самые близкие Матолху люди, – существует единственное решение этого вопроса. Ты должен передать королевство Гверну, сыну Бранвен, которая приходится сестрой Бендигейду Врану, в качестве компенсации за несправедливое обращение с Бранвен. Тогда он помирится с тобой.

Совет, посоветовавшись, постановил направить послов с сообщением о принятом решении к Бендигейду Врану, чтобы избавить страну от разорения. Мир был заключен. Матолх приказал построить огромный дом для Бендигейда Врана и его войска. Когда он был построен, ирландцы вошли в дом с одной стороны, а люди с острова Могущества с другой. Они сели за стол и сразу пришли к согласию: заключили мир и передали бразды правления королевством в руки мальчика. После заключения мира Бендигейд Вран подозвал к себе мальчика, а от него мальчик перешел к Манавидану; все, кто видели ребенка, сразу проникались к нему любовью. Затем мальчика подозвал Ниссиэн, и к нему ребенок тоже подошел охотно.

– Почему мой племянник, сын моей сестры, не подошел ко мне? – спросил Эвнисиэн. – Даже если бы он не был королем Ирландии, я бы с удовольствием приласкал его.

– Подойди к нему, – сказал Бендигейд Вран ребенку, и мальчик с радостью подошел к Эвнисиэну.

– Клянусь Богом, – воскликнул Эвнисиэн, – вы даже не можете вообразить, какое я сейчас совершу злодеяние!

Он вскочил, схватил Гверна и, прежде чем кто-либо успел остановить его, швырнул мальчика в пылающую печь.⁶⁹

Когда Бранвен увидела, что сделали с ее сыном, она попыталась кинуться за ним в печь, но Бендигейд Вран удержал ее одной рукой и прикрыл щитом, который держал в другой руке. Поднялся страшный шум, все вскочили с мест и схватились за оружие. Завязался бой.

Ирландцы разожгли огонь под котлом оживления и до тех пор бросали в котел мертвые тела, пока он не наполнился. На следующий день из котла вышли здоровые воины, но ни один из них не мог произнести ни слова. Когда Эвнисиэн понял, что нет возможности оживить погибших воинов острова Могущества, он в сердцах воскликнул:

– Господи, это я послужил причиной гибели людей острова Могущества. Горе мне, если я не исправлю собственной ошибки.

Он спрятался между мертвыми ирландскими воинами, и два ирландца, приняв за своего, бросили его в котел. Оказавшись в котле, он уперся руками и ногами в стенки котла, изо всех сил напрягся, котел раскололся на четыре части. Но при этом, не выдержав, разорвалось сердце Эвнисиэна.

Благодаря этому люди острова Могущества вышли из битвы победителями, но праздновать победу было практически некому, поскольку уцелело всего семь человек. А сам Бендигейд Вран был ранен в ногу отравленным дротиком. Среди оставшихся в живых были Придери, Манавидан, Талиесин и еще четверо.

⁶⁹ У.Дж. Гриффид считает, что эпизод бросания мальчика в огонь предполагает доказательство его непринадлежности к нечистой силе, в чем обвиняли ирландцы его мать. (Примеч. пер.)

Бендигейд Вран приказал, чтобы они отрезали ему голову.

– Возьмите мою голову, отнесите ее в Лондон на Белый холм, где похороните лицом к Франции. И пока она будет лежать там, никакой враг не ступит на землю нашего острова.

Семеро оставшихся в живых отрезали голову Бендигейду Врану и отправились в путь. Восьмой с ними пошла Бранвен. Они добрались до Абер-Алау и решили отдохнуть. Бранвен посмотрела в сторону Ирландии, потом в сторону острова Могущества, словно стараясь разглядеть их, и воскликнула:

– Лучше бы мне не родиться! Горе мне, горе, из-за меня погибли люди двух островов.

Она испустила тихий стон, и ее сердце перестало биться. Спутники Бранвен вырыли могилу, похоронили ее на берегу Алау и отправились дальше. По дороге они встретили множество мужчин и женщин.

– Что случилось? – спросил Манавидан.

– Касваллаун,⁷⁰ сын Бели, завоевал остров Могущества и коронован в Лондоне.

– А что случилось с Карадоком, сыном Брана, и семью оставшимися с ним на острове рыцарями?

– Касваллаун сразился с ними и убил шестерых, и сердце Карадока разбилось от горя.

Семеро мужчин продолжили путь в Лондон, где по приказу Бендигейда Врана и погребли его голову на Белом холме.⁷¹

Глава 27 МАНАВИДАН

У Пуйлла и Рианнон был сын, которого они называли Придери. Когда он вырос, его отец Пуйлл умер. Придери женился на Кикве, дочери Гвинна Глоя.

К тому времени Манавидан вернулся с войны в Ирландии и обнаружил, что его кузен присвоил себе его владения. Манавидан впал в отчаяние.

– Горе мне! – воскликнул он. – Нет у меня ни дома, ни места, где бы я мог отдохнуть.

– Господин, не стоит впадать в отчаяние, – сказал Придери. – Твой кузен – король острова Могущества, и, хотя он поступил с тобой несправедливо, у тебя никогда не было прав на эти земли и владения.

– Ты прав, – согласился Манавидан, – но хотя этот человек приходится мне кузеном, меня не радует, что он занял место моего брата, Бендигейда Врана, и я никогда не буду счастлив, живя с ним под одной крышей.

– Нужен ли тебе мой совет? – спросил Придери.

– Да, сейчас я нуждаюсь в совете, – ответил Манавидан. – Что ты хочешь мне посоветовать?

– Мне принадлежат семь частей Диведа, сейчас там живет Рианнон, моя мать. Я выдам ее замуж за тебя, и вместе с ней ты получишь эти семь наделов. Хотя у тебя не будет других владений, кроме этих наделов, это все-таки лучше, чем ничего. Владейте ими с Рианнон в свое удовольствие; и если тебе нужны владения, то земли Диведа не худшие из них.

– Да воздастся тебе добром за твою дружбу! – воскликнул Манавидан. – Я готов отправиться с тобой, чтобы познакомиться с Рианнон и увидеть твои владения.

– Ты правильно решил, – сказал Придери. – Я уверен, что ты никогда не встречал дамы, которая так преуспела бы в искусстве вести беседу, как Рианнон. К тому же в расцвете лет не было женщины красивей ее, и даже сейчас она тебя не разочарует.

⁷⁰ Сначала его называли Кассивеллаун.

⁷¹ Есть триада, рассказывающая о погребении головы под Белой башней в Лондоне в качестве оберега против вторжения. Артур, похоже из гордыни, выкопал голову из могилы, предпочитая защищать остров силой собственного оружия. (Примеч. авт.)

Они немедленно отправились в долгий путь и, наконец, прибыли в Дивед. Рианнон и Киква к их приезду уже накрыли столы. Манавидан и Рианнон завели разговор, и Манавидан почувствовал невероятное обаяние этой женщины, оценил ее ум и рассудительность и про себя подумал, что никогда еще ему не приходилось видеть столь утонченной и красивой дамы.

– Придери, – сказал Манавидан, – я последую твоему совету.

– О каком совете он говорит? – спросила Рианнон.

– Госпожа, я посоветовал взять тебя в жены Манавидану, сыну Ллира, – объяснил Придери.

– С радостью соглашаюсь, – сказала Рианнон.

– Я тоже очень рад, – отозвался Манавидан, – и благодарю Господа за то, что у меня есть такой замечательный друг, как Придери.

Еще не закончился пир, а Рианнон уже стала женой Манавидана.

– Продолжайте пировать, – сказал Придери, – а я должен отправиться в Англию, чтобы принести клятву верности Касваллауну, сыну Бели.

– Господин, Касваллаун сейчас в Кенте, поэтому ты можешь еще какое-то время оставаться с нами, – предложила Рианнон.

– Хорошо, я согласен, – ответил Придери.

Закончив пировать, они стали объезжать Дивед, охотились и развлекались в свое удовольствие. Объехав весь Дивед, они поняли, что нет земли, где было бы приятнее жить, в которой были бы лучше охотничьи угодья, столь богатой рыбой и диким медом. За это время Манавидан, Придери, Рианнон и Киква так сдружились, что готовы были не расставаться круглые сутки.

Когда Касваллаун приехал в Оксфорд, Придери отправился туда, чтобы присягнуть ему на верность. Там ему оказали радушный прием, и его поступок был оценен по достоинству.

После возвращения Придери из Оксфорда они опять стали устраивать пиры и развлекаться. Однажды утром после завтрака Придери, Манавидан и их жены в сопровождении свиты отправились погулять и поднялись на курган Горседд-Арберт. Внезапно раздался удар грома, поднялась буря и опустился такой густой туман, что не было видно даже рядом стоящего человека. Когда туман рассеялся, они огляделись, но там, где стояли дома и пасся скот, теперь было пусто: не было ни животных, ни дыма, ни огней, ни людей, ни жилищ, а только опустевший дворец, стоявший посреди безлюдной пустыни. Исчезла свита, сопровождавшая Придери, Манавидан, Рианнон и Кикву. Они остались вчетвером среди безлюдной пустыни.

– Что происходит? – воскликнул Манавидан. – Куда подевалась вся свита? Давайте пойдем и поищем их.

Они пошли в замок, осмотрели зал, обошли покои, но не встретили ни единого человека; в кухне и в погребе тоже никого не было. Тогда они стали объезжать свои владения, осматривать жилища, но не встретили никого, кроме диких зверей. Когда у них закончилась приготовленная для пира еда и все припасы, они стали питаться тем, что давала им охота, рыбалка, и медом диких пчел.

Однажды утром Придери и Манавидан отправились на охоту. Спустив собак, они пошли за ними. Несколько собак, подбежавших к кусту, росшему у обочины дороги, вдруг отскочили, шерсть у них поднялась дыбом, и они подбежали к Придери и Манавидану.

– Давай подойдем к кусту, – предложил Придери, – и посмотрим, что их так напугало.

Стоило им приблизиться, как из кустов поднялся огромный белоснежный вепрь. Собаки кинулись на него, но он немного отбежал от охотников и остановился, не обращая внимания на лающих собак и словно поджидая людей. Когда Придери и Манавидан подошли ближе, он опять отступил, а затем бросился бежать. Они погнались за вепрем и вскоре увидели большой и высокий замок, который стоял там, где раньше они не видели не то что стен, а даже камня. Вепрь забежал в замок, и собаки бросились за ним. Когда животные скрылись в замке, Придери и Манавидан стали думать, как мог на этом месте, где совсем

недавно ничего не было, оказаться этот величественный замок. С вершины кургана они стали осматривать окрестности, пытаясь увидеть собак или хотя бы услышать собачий лай, но, сколько они там ни стояли, до них не донеслось ни единого звука.

– Господин, – сказал Придери, – я пойду в замок, чтобы узнать, что случилось с собаками.

– Крайне неблагоприятно идти в замок, который ты до этого никогда не видел, – сказал Манавидан. – Надеюсь, ты прислушаешься к моему совету и не пойдешь туда. Тот, кто заколдовал эту землю, тот создал на ней и этот замок.

– Но я не могу просто так взять и бросить своих собак, – ответил Придери и, вопреки совету Манавидана, пошел в замок.

Войдя в ворота, он не заметил никаких признаков жизни; не было ни людей, ни животных, ни вепря, ни собак. В центре двора был мраморный фонтан, а на краю фонтана стояла золотая чаша, от которой в небо тянулись золотые цепи, и не было видно, где они заканчиваются.

Придери был поражен красотой и изяществом золотой чаши. Он подошел, взял чашу в руки и в тот же момент почувствовал, что руки прилипли к чаше, а ноги к мраморной плите. Весь его восторг по поводу чаши разом улетучился, и он потерял дар речи. Вот так он и остался стоять, молча и неподвижно.

Манавидан прождал друга до вечера и, поняв, что уже не дожидается известий о Придери, вернулся домой. Когда он вошел, Рианнон спросила:

– Где твой спутник и собаки?

– Послушай, что со мной случилось. – И Манавидан поведал обо всем жене.

– Что ж, ты оказался плохим товарищем, – выслушав его, сказала Рианнон, – и потерял хорошего друга.

С этими словами она вышла и отправилась к замку по указанному Манавиданом пути. Ворота были открыты, и, не испытывая страха, Рианнон вошла во двор, увидела Придери, державшего чашу, и подошла к нему.

– Мой господин, что с тобой? – спросила Рианнон.

Она протянула руку к чаше, и только коснувшись ее, как рука прилипла к чаше, а ноги приросли к плите, и Рианнон, как и Придери, лишилась дара речи. Вскоре стемнело. Грянул гром, следом опустился туман и замок исчез, а с ним исчезли Рианнон и Придери.

Киква, дочь Гвинна Глоя, поняла, что во дворце остались только она и Манавидан, и ее охватила такая печаль, что стало все равно, будет ли она жить, или умрет. Манавидан, увидев, что Киква потеряла всякий интерес к жизни, сказал:

– Ты не права, если боишься довериться мне. Призываю Небеса в свидетели, что нет дружбы более чистой, чем та, которая связывает меня и тебя, и она останется такой, пока этого хотят Небеса. Я поклялся в дружбе Придери, а теперь клянусь и тебе, поэтому тебе не следует меня бояться.

– Благослови тебя Господь! – сказала Киква. – Я не сомневаюсь в твоих дружеских чувствах ко мне.

Она испытала облегчение, и из ее сердца исчез страх.

– Я думаю, госпожа, нам не стоит оставаться здесь. Мы потеряли собак, а значит, теперь мы не сможем охотиться. Давай отправимся в Англию, там нам будет легче прокормиться.

– Хорошо, господин, – ответила Киква, – так мы и сделаем.

И они отправились в Англию.

– Господин, – спросила Киква, – каким ремеслом ты хочешь заняться? Выбери то, которое тебе больше по душе.

– Больше всего мне хотелось бы шить обувь, – ответил Манавидан.

– Господин, такому благородному человеку, как ты, не пристало заниматься подобным ремеслом, – возразила Киква.

– Тем не менее я займусь им, несмотря на высокое происхождение, – твердо сказал

Манавидан.

– Но я не умею шить обувь, – сказала Киква.

– Ничего, я научу тебя сапожному ремеслу. Мы не станем заниматься выделкой кожи. Будем покупать готовую и шить из нее обувь.

Они отправились в Англию и, обосновавшись в городе Херефорд, занялись пошивом обуви. Манавидан купил кордовскую кожу, лучше которой не было в городе. Договорился с лучшим в городе золотых дел мастером, который стал делать пряжки для его обуви и золотить их, а Манавидан наблюдал, как он это делает, и освоил это искусство. Вскоре он стал одним из трех мастеров в городе, которые делали золоченую обувь, причем его туфли и сапоги покупали охотнее (Манавидан кроил обувь, а Киква ее сшивала).⁷²

Когда сапожники поняли, что их доходы резко упали, они собрались, посоветовались и решили убить невесту откуда взявшихся конкурентов. Но Манавидана предупредили и даже рассказали, как сапожники собираются его убить.

– Господин, – сказала Киква, – неужели мы будем дожидаться, когда эти невежи расправятся с нами?

– Нет, – ответил Манавидан, – мы вернемся в Дивед.

Они отправились в обратный путь, и Манавидан захватил из Херефорда пшеничный колос.

Манавидан и Киква обосновались в Нарберте. Манавидан испытал ни с чем не сравнимое счастье при виде Нарберта и его окрестностей, где жил и охотился вместе с Придери и Рианнон. Он ловил рыбу и охотился на оленей, а затем распахал участок земли и на треть засеял его пшеницей, а потом засеял и оставшиеся две трети земли. Нигде в мире пшеница не всходила лучше, чем на его земле. Она быстро росла, день ото дня наливались колосья.

Одно время года сменило другое, и наступила пора сбора урожая. Манавидан пошел на первый из засеянных участков и увидел, что пшеница созрела. И он решил, что приступит к жатве пшеницы на следующий день. Вечером он вернулся в Нарберт, а на следующий день на рассвете отправился в поле. Какого же было его удивление, когда он увидел только голые стебли. Все колосья были аккуратно срезаны и куда-то унесены.

Он пошел на второе поле и увидел, что там тоже созрел урожай. Он опять решил убрать его на следующий день. Придя утром на поле, он также нашел только голые стебли.

– О святые Небеса! – воскликнул Манавидан. – Кто же готовит мне голодную смерть? Не тот ли, кто уже опустошил мой край?

Он пошел на третье поле и увидел, что пшеница поспела, причем урожай оказался еще богаче, чем на первых двух. «Будь я проклят, если этой ночью не увижу, кто хозяйничает на моих полях. Тот, кто унес урожай с тех полей, придет и на это, и я хотя бы узнаю, кто этот вор», – подумал Манавидан. Он рассказал обо всем Кикве.

– Что ты собираешься делать? – спросила она.

– Стану всю ночь караулить поле, – ответил Манавидан.

В полночь он услышал какие-то звуки, исходящие из пшеницы. Он встал и увидел на поле бесчисленное множество мышей, и не было этому полчищу ни конца ни края. Каждая мышь влезала на стебель, перегрызала его и уносила колос с поля, причем число колосьев соответствовало числу мышей, то есть на каждую мышь приходился один колос. Манавидан не успел опомниться, как на поле остались только голые стебли, а все мыши бросились наутек, унося колоски.

Вне себя от гнева Манавидан кинулся за мышами, но поймать их было не легче, чем комара или птицу. И только одна мышь оказалась менее проворной, и он погнался за ней, поймал и посадил в перчатку, которую обвязал бечевой, чтобы мышь не сбежала.

⁷² В одной из триад Манавидан упоминается как один из трех золотильщиков обуви вместе с Касваллауном, сыном Бели, и Ллеу Ллау Гифсом. (Примеч. пер.)

Вернувшись во дворец, Манавидан вошел в зал, где сидела Киква, разжег огонь, а перчатку с мышью повесил на крючок.

– Господин, что там в перчатке? – спросила Киква.

– Вор, – ответил Манавидан, – которого я застиг на месте преступления.

– Что же это за вор, господин, если он помещается в перчатке?

И Манавидан рассказал Кикве о нашествии мышей на последнее из их полей.

– Одна мышь оказалась менее проворной, чем остальные, и теперь сидит в перчатке.

Завтра я ее повешу.⁷³

– Мой господин, – сказала Киква, – не к лицу столь достойному человеку, как ты, вешать такую ничтожную тварь, как эта мышь.

– Будь я проклят, – воскликнул Манавидан, – если не перевешаю всех, кого смогу изловить, а эту, которую поймал, обязательно повешу.

– Господин, у меня нет причин жалеть эту мышь, я всего лишь беспокоюсь, что о тебе пойдет дурная слава. Впрочем, поступай, как считаешь нужным.

После разговора с Киквой Манавидан взял перчатку с мышью и пошел на курган. На вершине кургана он стал сооружать виселицу из палочек, и тут к нему подошел ученый человек в старой, поношенной одежде. Прошло семь лет с тех пор, как Манавидан видел здесь человека или зверя, кроме тех, что жили с ним вместе, пока не пропали.

– Мой господин, – сказал ученый, – доброго тебе дня!

– Да ниспошлет тебе Господь свою благодать, – ответил Манавидан. – Откуда идешь, ученый муж?

– Я пришел из Англии, господин. А почему ты спрашиваешь?

– Потому что в течение семи лет я не видел здесь ни одного человека, не считая четверых, живших здесь, и я один из них.

– По правде говоря, господин, – сказал ученый, – я иду через эту землю в свою страну. А что ты тут делаешь?

– Я собираюсь повесить вора, который меня ограбил.

– И кто этот вор? – спросил ученый. – Я вижу у тебя в руке существо, удивительно напоминающее мышь, и думаю, что человеку твоего положения не пристало заниматься таким делом. Лучше отпусти эту мышь на свободу.

– Клянусь Богом, я поймал ее в тот момент, когда она обворовывала меня, поэтому поступлю с ней, как и надлежит поступать с вором, – повешу ее.

– Господин, не стоит позорить себя, занимаясь таким недостойным делом. Я дам тебе фунт, который скопил, собирая милостыню, чтобы ты отпустил эту мышь.

– Я не отпущу ее на свободу ни за какие деньги, – отрезал Манавидан.

– Делай как знаешь, – сказал ученый муж и продолжил свой путь.

Когда Манавидан укладывал поперечную палочку между двумя рогатинами, к нему подъехал на лошади священник.

– Добрый день тебе, господин, – сказал священник.

– Да ниспошлет тебе Господь свою благодать! – отозвался Манавидан. – Будь благословен!

– Будь благословен и ты, господин, – ответил священник. – Объясни, что ты делаешь?

– Вешаю вора, которого поймал, когда он меня грабил, – ответил Манавидан.

– И что это за вор?

– Существо, больше всего похожее на мышь. Она обворовала меня, поэтому я поступлю с ней так, как поступают с вором, пойманным на месте преступления.

– Господин, я выкуплю у тебя эту мышь, чтобы только не видеть, как ты ее повесишь, – предложил священник.

⁷³ По валлийскому закону, если вора ловили с чужим имуществом, его могли повесить; если же кража считалась доказанной, но в момент поимки вор не держал в руках чужого имущества, он должен был заплатить выкуп. (Примеч. пер.)

– Клянусь Небесами, я не собираюсь ни продавать ее, ни отпускать на свободу, – ответил Манавидан.

– Я дам тебе три фунта только за то, чтобы ты не осквернял свои руки, прикасаясь к этой мышь, и ты отпустишь ее.

– Клянусь Небесами, я не отпущу ее ни за какие деньги. Ее следует повесить, и она будет повешена, – заявил Манавидан.

Священнику не оставалось ничего иного, как продолжить свой путь.

Манавидан уже затягивал петлю на шее у мышь, собираясь ее повесить, когда увидел, что к нему приближается епископ с многочисленной свитой, выючными лошадьми и слугами. Епископ подъехал к нему, и Манавидан приостановил свое занятие.

– Благословите меня, господин епископ, – обратился Манавидан к епископу.

– Господь благословит тебя, сын мой, – ответил епископ. – Что ты здесь делаешь?

– Вешаю вора, которого поймал, когда он меня обворовывал, – объяснил Манавидан.

– Но ведь у тебя в руке мышь, не так ли?

– Да, вот она и обворовала меня.

– Раз уж я оказался здесь в тот момент, когда ей грозила смерть, я выкуплю ее у тебя. Я дам тебе семь фунтов, чтобы только не видеть, как такой достойный человек убивает это жалкое существо. Отпусти мышь – и получишь деньги.

– Клянусь Богом, я не отпущу ее.

– Если ты не хочешь отпускать ее за семь фунтов, я дам тебе за нее двадцать четыре фунта.

– Я не отпущу ее даже за такие деньги, – упорствовал Манавидан.

– Если тебе не нужны деньги, – сказал епископ, – возьми всех коней, которых видишь на этой равнине, семь тюков разного добра и семь лошадей, на которых нагружены эти тюки.

– Нет, – ответил Манавидан, – я не согласен.

– Так назови свою цену, за которую согласен отпустить эту несчастную мышь.

– Я хочу, чтобы освободили Рианнон и Придери.

– Считай, что они уже освобождены.

– Клянусь, этого мало за то, чтобы я выпустил мышь на свободу.

– Чего же ты еще хочешь? – спросил епископ.

– Хочу, чтобы были сняты чары с семи частей Диведа.

– Я сделаю это, а теперь отпусти мышь.

– Я не отпущу ее, пока не узнаю, что это за мышь.

– Это моя жена, – сказал епископ.

– Но зачем она пришла ко мне? – удивился Манавидан.

– Чтобы ограбить тебя, – ответил епископ. – Я Ллойд, сын Килведа, и это я заколдовал семь наделов Диведа, чтобы отомстить за Гваула, сына Клуда, с которым меня связывает дружба. И Придери заколдовал тоже я. За игру «барсук в мешке», которую Пуйлл, сын Аувина, сыграл с Гваулом, сыном Клуда. Когда стало известно, что ты приехал и решил обосноваться здесь, мои родичи попросили меня превратить их в мышей, чтобы они могли лишиться тебя урожаем. В первую ночь они унесли зерно с одного твоего поля, во вторую с другого, а на третью ночь ко мне пришла моя жена со своими дамами и тоже попросила превратить их в мышей. Я выполнил ее просьбу. Но моя жена была нездорова, поэтому ты и смог ее поймать. Но раз уж так случилось, и ты поймал ее, я верну тебе Рианнон и Придери и сниму чары с Диведа. Только освободи мою жену.

– Нет, я все-таки не отпущу ее, – внимательно выслушав епископа, ответил Манавидан.

– Чего же ты еще хочешь?

– Я хочу, чтобы с Диведа навсегда были сняты чары. Кроме того, чтобы никто и никогда не мстил ни Придери, ни Рианнон, ни мне.

– Все будет так, как ты хочешь. Ты поступил мудро, выставив эти условия, иначе я обрушил бы на твою голову все бедствия мира.

– Я потребовал это, поскольку опасался коварства с твоей стороны, – ответил

Манавидан.

– А теперь отпусти мою жену, – попросил епископ.

– Нет, – ответил Манавидан. – Я отпущу ее только тогда, когда увижу рядом с собой Придери и Рианнон.

– Смотри, вот они идут!

Тут действительно подошли Придери и Рианнон. Манавидан приветствовал их.

– Господин, – взмолился епископ, – теперь-то ты уже можешь отпустить мою жену, ведь ты получил все, о чем просил.

– Да, теперь я охотно отпущу ее, – сказал Манавидан и отпустил мышь на свободу.

Епископ прикоснулся к мыши волшебной палочкой, и она превратилась в молодую женщину, красивее которой никто из них еще не видел.

– Оглянись, – обращаясь к Манавидану, сказал епископ, – и ты увидишь все дома и людей на прежнем месте.

Манавидан огляделся и увидел обработанные поля, стада, пасущиеся на лугах, людей и жилища.

На этом заканчивается эта часть Мабиногиона.

Несомненный интерес представляет отрывок из письма поэта Саути Джону Рикману, датированного 6 июня 1802 года, имеющий отношение к рассказанной выше истории.

«Ты потом прочтешь Мабиногион, относительно которого я хочу поговорить с тобой. В последнем, самом необычном и напоминающем арабскую сказку рассказе о мыши упоминается нищий ученый, что позволяет датировать это произведение. Но где кимры могли набраться фантазий, которые породили эту историю? Волшебный фонтан с цепями, уходящими в небо, просто в духе историй из „Тысячи и одной ночи“. Я поражен тем, что в Уэльсе существовала подобная литература. Но это не проливает свет на происхождение рыцарского романа, в нем все происходит совсем не так, как в произведениях, которые мы относим к этому жанру. На самом деле эти романы открывают новый литературный мир, и если исследование языка показало, что этот роман относится к двенадцатому или тринадцатому веку, то мне представляется, что в его основе лежит значительно более древняя мифология, вполне возможно принесенная с Востока первыми поселенцами или завоевателями».

Глава 28 КИЛОХ И ОЛВЕН

Килид, сын принца Келидона, решил жениться и выбрал в жены Голеудид, дочь принца Анлауда. Когда они поженились, их подданные стали молиться о рождении наследника. Вскоре, благодаря молитвам, у них родился сын, которого назвали Килох.

Вскоре мать мальчика Голеудид, дочь принца Анлауда, заболела. Она позвала к себе мужа и сказала:

– Я скоро умру, и ты приведешь новую жену. Тебя будут домогаться многие женщины, но они могут навредить твоему сыну, поэтому умоляю, не женись, пока на моей могиле не вырастет куст шиповника с двумя цветками.⁷⁴

Килид обещал жене выполнить ее просьбу. Она попросила ухаживать за могилой, чтобы та не заросла сорняками. Королева умерла, и каждое утро король посылал слугу к могиле посмотреть, не появились ли на ней какие-нибудь ростки. К концу седьмого года

⁷⁴ Голеудид боялась, что дети новой жены могут лишить ее сына законных прав на земли и имущество (по кельтским обычаям старший сын при наследовании не имел особых преимуществ перед другими детьми). (Примеч. пер.)

обещания, данные королеве, забылись.

Однажды король отправился на охоту и решил подъехать к могиле жены, чтобы посмотреть, не пора ли ему жениться, и увидел, что на могиле вырос шиповник. Король созвал совет, чтобы решить, где ему искать жену.

– Я знаю подходящую для тебя женщину, – сказал один из советников. – Это жена короля Догеда.⁷⁵

Они решили заполучить эту женщину любой ценой. Забрали королеву, убили короля и захватили его земли. Килид женился на вдове короля Догеда, которая была сестрой Испадadena Пенкаура.

Однажды мачеха сказала Килоху:

– Хорошо бы тебе жениться.

– Но я еще не достиг возраста женитьбы.

– Я предскажу твою судьбу: ты женишься на Олвен, дочери Испадadena Пенкаура, и ни на какой другой женщине.

При этих словах юноша покраснел, и любовь к этой девушке охватила его, хотя он никогда ее не видел.

– Что с тобой, мой сын? – спросил его отец. – Что тебя гнетет?

– Мачеха предсказала мне, что я смогу жениться только на Олвен, дочери Испадadena Пенкаура.

– Это довольно просто, – ответил отец, – ведь Артур твой кузен, и он поможет тебе. Поезжай к нему и преподнеси в качестве дара прядь своих волос.⁷⁶

Юноша сел на коня и отправился к Артуру. Его четырехлетний конь был светло-серой масти, с сильными ногами, хорошо подкованный, с золотой уздечкой, сделанной в виде цепочки, и позолоченным седлом. В руке юноша держал два серебряных копья, острые, с наконечниками из стали, три эля⁷⁷ длиной.

Эти копья разили стремительней, чем капля росы падает с ветки на землю в июне, в ту пору, когда роса самая обильная. На боку у юноши висел меч с позолоченной рукоятью и лезвием с позолоченным изображением креста. Его боевой рог был сделан из слоновой кости. Впереди него бежали две серые борзые в широких ошейниках из красного золота. Борзая, бежавшая справа, была привязана с левой стороны, а та, что бежала слева, с правой; собаки, словно морские ласточки, резвились рядом с конем. При каждом скачке копыта коня выбивали четыре комка земли, которые, словно птички, взлетали то выше, но ниже головы всадника. На юноше был пурпурный плащ, на каждом конце которого висело по золотому яблоку ценой в сто коров, и дорожке трехсот коров были его сапоги кроваво-красного цвета, достигающие до колен.⁷⁸

Бег коня был настолько легкий и стремителен, что ни одна травинка не успевала согнуться под его копытами.

Наконец юноша подъехал к закрытым воротам замка Артура и крикнул:

– Привратник, ты где?

⁷⁵ Этот король упоминается в списке валлийских святых. (Примеч. пер.)

⁷⁶ В древнем Уэльсе родители посылали остриженные волосы своего сына тому человеку, которому хотели отдать его под покровительство. Однако здесь этот обычай смешивается с оммажем, особой символической церемонией, оформлявшей заключение вассального договора, при которой иногда у вассала выстригалась прядь волос. (Примеч. пер.)

⁷⁷ Эль – старинная мера длины. 1 эль = 45 дюймам = 114 см. Таким образом, три эля = 3,42 м. (Примеч. пер.)

⁷⁸ У валлийцев, как и у ирландцев, коровы были основной единицей платежа еще долгое время после появления денег. По законам Хоуэла Доброго, все выплаты исчислялись в коровах, и в них же переводились другие единицы обмена, например «семь коней стоимостью в четырнадцать коров». (Примеч. пер.)

– Здесь, – раздался голос, – и если ты пришел не с миром, то не жди теплого приема. Я служу привратником Артура каждый первый день января.

– Открывай ворота!

– Нет, не открою.

– Почему? – удивился юноша.

– Потому что нож уже воткнут в мясо, вино налито в рог и в зале давно пируют. Сегодня никто не войдет в замок, кроме разве что сына короля какой-нибудь страны или барда, пришедшего показать свое искусство. Но твои собаки и конь получают корм, а для тебя найдутся куски жареного мяса с перцем, вино и веселые песни. Еду для пятидесяти человек подадут в зал для гостей, где уже ждут те, кто не успел попасть во дворец Артура. Ты проведешь там время ничуть не хуже, чем при дворе Артура. Дама постелит тебе постель и убаюкает сладкими песнями. А завтра рано утром, когда откроются ворота для гостей, которые собрались сегодня, ты войдешь первым и сможешь занять любое место, какое понравится, за столом, где пирует Артур.

– Меня это не устраивает, – заявил юноша. – Будет лучше, если ты сейчас откроешь ворота. Но если ты непустишь меня, то навлечешь беду на себя и бесчестье на своего господина. Я три раза прокричу у этих ворот, и, поверь, еще никто и никогда не слышал более страшного крика.

– Никакие крики не помогут тебе обойти законы двора Артура, – ответил привратник Глеулвид. – Я все равно не впущу тебя до тех пор, пока не переговорю с Артуром.

Увидев входящего в зал Глеулвида, Артур спросил:

– Что нового у ворот?

– Половину своей жизни я провел рядом с тобой. Я был с тобой в Каэрге и Ассе, в Сахе и Салахе, в Лоторе и Фоторе, в Большой и Малой Индии, в Европе и Африке и на острове Корсика. Я был с тобой, когда ты завоевывал Грецию. Я видел там девять верховных правителей, доблестных мужей, но никогда прежде не встречал я человека, который держался бы с таким достоинством, как тот, что стоит сейчас у ворот.

– Если ты пришел только ради этого, – сказал Артур, – то возвращайся скорее назад. Не подобает оставлять под ветром и дождем такого достойного человека.

– Если хочешь знать мое мнение, – вмешался сенешаль Кай, – то мы не должны нарушать обычаи двора ради этого человека.

– Дорогой Кай, – возразил Артур, – мы же благородные люди, и чем будем гостеприимнее, тем больше нас станут уважать, восхвалять и прославлять.

Глеулвид пошел и открыл ворота. Килох, хотя перед воротами полагалось спешиться, въехал в ворота на коне.

– Приветствую тебя, полновластный правитель этого острова! – обратился Килох к Артуру. – Приветствую тех, кто ниже всех, и тех, кто выше всех. Приветствую твоих гостей, воинов и вождей, и пусть их благополучие будет не меньшим, чем твое.

Пусть на этом острове будут непревзойденными твое милосердие, мощь и слава.

– Храни тебя Господь, – ответил ему Артур. – Садись между двумя моими воинами, пируй, и пусть тебя развлекает менестрель. Пока ты остаешься с нами, тебе будут воздаваться королевские почести. Когда я стану одаривать своих гостей, ты тоже не будешь обделен.

– Я приехал не для того, чтобы есть и пить, а для того, чтобы ты исполнил мою просьбу. Если ты исполнишь ее, то я отблагодарю тебя и стану повсюду восхвалять. Но если ты не исполнишь мою просьбу, то я ославлю тебя на весь мир.

– Раз уж ты не собираешься оставаться с нами, – сказал Артур, – я исполню любое твое желание, что бы ты ни попросил, пока дует ветер, пока льют дожди, пока светит солнце, пока море не вышло из берегов, пока земля тверда под ногами. Не проси только мой корабль «Придвен», мою мантию, мой меч Калибурн, мое копьё Ронгомиант и мою жену Гиневру. Клянусь Богом, я с радостью выполню твое желание. Говори, чего хочешь.

– Я хочу, чтобы ты отрезал прядь моих волос, – сказал Килох.

– Я выполню твою просьбу, – ответил Артур.
Он взял серебряные ножницы, золотой гребень и расчесал Килоху волосы.
– Ты пришелся мне по сердцу, – сказал Артур, – и я уверен, что ты моей крови. Скажи мне, кто ты?
– Я Килох, сын Килида, сына принца Келидона, и Голеудид, дочери принца Анлауда.
– Так и есть, – ответил Артур, – ты мой кузен. Говори, чего ты хочешь, и ты получишь все, что сможет выговорить твой язык.
– Поклянись Богом и своим королевством.
– Охотно клянусь в этом.
– Тогда прошу тебя, добудь мне Олвен, дочь Испададена Пенкаура, чтобы она стала моей женой. Об этом я прошу и твоих воинов. Я прошу об этом Кая и Бедвира, Гвинна, сына Нудда, Гадви, сына Герайнта, принца Флеуддура Флама, Иону, короля Франции, Села, сына Селги, Талиесина, главного барда, Герайнта, сына Эрбина, Гаранвина, сына Кая, Амрена, сына Бедвира, Ола, сына Олвида, епископа Бедвида, первую леди Гиневру, ее сестру Гвенхвивер, Морвид, дочь Уриена, Гвенлиан Прекрасную, Крейдилад,⁷⁹ дочь Ллуда, вечную девственницу, и Эваэдан, дочь Кинвелина-получеловека.⁸⁰
Ко всем обратился Килох с просьбой исполнить его желание.
Тогда Артур сказал:
– Я никогда не слышал ни о девушке, о которой ты говоришь, ни о ее родне, но с радостью отправлю гонцов на ее поиски. Дай только время, чтобы ее найти.
– Я охотно предоставлю на поиски целый год, начиная с этого вечера, – согласился юноша.
Артур разослал гонцов по своим владениям, и в конце года они вернулись, узнав о девушке не больше, чем было известно в первый день.
Тогда Килох сказал:
– Каждый получил все, что пожелал, кроме меня. Я уезжаю и увожу с собой твое честное имя, Артур.
– Не спеши, – остановил его Кай. – Зачем ты обижаешь Артура? Поедем вместе на поиски, и мы будем с тобой до тех пор, пока ты не убедишься, что такой девушки нет на свете, или пока мы не найдем ее.
Сказав это, Кай встал. Артур позвал Бедвира, который никогда не отказывался от приключений, если в них принимал участие Кай. В быстроте ему не было равных на острове, кроме Артура. И хотя у него была только одна рука, в бою он проливал больше вражеской крови, чем трое здоровых воинов.
Артур позвал Кинделига, следопыта, поскольку в чужих землях им мог понадобиться проводник, знающий чужие земли, как свою родную, и сказал:
– Отправишься вместе с юношей.
Затем Артур позвал Гурира Гвалстата, поскольку тот знал все языки, и Гавейна, сына Гвиара, который никогда не возвращался, не достигнув цели путешествия.

⁷⁹ Крейдилад – не кто иная, как Корделия из трагедии Шекспира «Король Лир», отец которой в валлийских источниках называется то Ллиром, то Ллудом. Во всех старых хрониках говорится о ее преданности престарелому отцу, но нигде не упоминается о том, что она обречена оставаться с ним до дня Страшного суда, а Гвинн, сын Нудда, короля фей, и Гвитир, сын Грейдиола, бьются за нее каждый год в первый день мая, и тот, кто выйдет победителем, получает ее в жены. (Примеч. авт.)

⁸⁰ В Уэльсе существует легенда о получеловеке, которую используют в качестве примера силы привычки. В ней рассказывается о том, как Артур встречается с эльфом, который сначала появляется в виде маленького, непонятного существа, но по мере приближения начинает расти, пока не превращается в некоего получеловека, и вызывает короля на поединок. Считая, что перед ним слабое существо, и рассудив, что поединок с таким соперником не делает ему чести, Артур отказывается вступать в бой и откладывает его до тех пор, пока получеловек (привычка) не становится таким сильным, что Артуру требуются огромные усилия, чтобы одолеть его. (Примеч. авт.)

Позвал Артур и Мену, сына Тейргведа, на случай, если они попадут в страну дикарей, и он с помощью колдовства сделает так, что их никто не будет видеть, а они будут видеть всех.

Итак, они отправились в путь и доехали до равнины, на которой возвышался огромный замок, красивее которого не было в целом мире. Подъехав к замку, они увидели огромное стадо овец, а на пригорке пастуха, стерегущего стадо. На пастухе была накидка из овечьих шкур. Рядом с пастухом сидел мохнатый пес, огромный, как девятилетний конь.

– Гурир Гвалстат, – сказал Кай, – пойди и поговори с этим человеком.

– Кай, – ответил Гурир Гвалстат, – я не пойду один.

– Хорошо, давай пойдем вместе. Тут вмешался Мену:

– Не бойтесь, я наложил на пса заклятие, и он не учует вас. Они поднялись на пригорок, где сидел пастух.

– Как поживаешь, пастух? – спросил Мену.

– Живу и вам того желаю, – ответил пастух.

– Чьих овец ты стережешь и кому принадлежит этот замок?

– Поистине, вы глупцы, если не знаете, что этот замок принадлежит Испададену Пенкауру. А сами-то вы кто?

– Мы посланцы Артура и разыскиваем Олвен, дочь Испададена Пенкаура.

– Боже правый! – воскликнул пастух. – Ради всего святого, откажитесь от этой затеи, поскольку еще ни один из тех, кто приходил сюда за Олвен, не вернулся живым.

Пастух встал, и, когда собрался уходить, Килох дал ему золотое кольцо. Вернувшись домой, пастух отдал кольцо жене. Она взяла кольцо и спросила:

– Откуда у тебя это кольцо? Только не говори, что получил его в наследство.

– Человека, которому принадлежало это кольцо, ты увидишь сегодня вечером, – объяснил пастух.

– И кто он такой? – не унималась женщина.

– Килох, сын Килида и Голеудид, дочери принца Анлауда. Он пришел, чтобы просить руки Олвен.

Женщину одновременно охватили два чувства: она обрадовалась, узнав, что к ней придет племянник, сын ее сестры, и в то же время опечалилась, поскольку никто еще не возвращался живым, придя с такой просьбой к Испададену Пенкауру.

Килох и его спутники подъехали к жилищу пастуха. Заслышав шум приближающихся шагов, женщина выбежала из дома, чтобы поприветствовать гостей. Она раскрыла объятия, чтобы прижать к сердцу дорогих гостей, но Кай успел вставить полено, взятое им тут же во дворе, между ее готовыми сомкнуться руками, и она так сжала полено, что оно согнулось в кольцо.

– О женщина, – воскликнул Кай, – если бы ты обняла меня с такой силой, то твои объятия лишили бы меня жизни.

Вот уж действительно, любовь зла.

Все вошли в дом, гостей пригласили за стол, а потом стали всячески развлекать. Затем жена пастуха открыла каменный сундук, стоявший напротив очага, и из него вылез кудрявый светловолосый юноша.

– Зачем ты прячешь его в сундуке? – спросил Гурир. – Неужели кто-то желает его смерти?

– Это мой последний сын, – ответила женщина. – Всех остальных моих детей, а их было двадцать три, убил Испададен Пенкаур, и я боюсь, что и этого сына постигнет та же участь.

– Отдай его нам. Пусть он пойдет с нами, и, пока я жив, его никто не убьет.

– А зачем вы приехали сюда? – поинтересовалась женщина.

– Мы пришли просить, чтобы Олвен отдала в жены этому юноше.

– Заклинаю Небесами, возвращайтесь туда, откуда пришли, пока никто из замка вас не видел.

– Бог свидетель, что мы не уйдем, пока не увидим эту девушку, – стоял на своем Кай. –

Не приходит ли она сюда, чтобы мы могли с ней встретиться?

– Она приходит сюда каждую субботу мыть голову и всегда оставляет в тазу, в котором моет голову, все свои кольца, но она никогда еще не присылала никого за своими украшениями.

– Она придет, если за ней послать?

– Я не оскверню душу и не предам тех, кто доверяет мне, – ответила женщина. – Я пошлю за ней, если вы поклянетесь мне всеми святыми, что не причините ей вреда.

– Мы клянемся.

Женщина послала за Олвен, и она пришла, одетая в платье из огненно-красного шелка, а на ее шее было ожерелье из красного золота с изумрудами и рубинами. Ее волосы отливали золотом и были ярче золотисто-желтого цветка раkitника,⁸¹ ее кожа была белее морской пены, а ее руки и пальцы были нежнее цветов анемоны, обрызганных водой лугового родника.

Ее глаза блестели ярче, чем глаза завидевшего добычу ястреба. Ее грудь была белее, чем грудь белоснежного лебедя, а румянец на щеках был ярче алых роз. Каждый, кто видел ее, тут же проникался к ней любовью. Там, где она ступала, тотчас распускались четыре белых трилистника, поэтому и дали ей имя Олвен.⁸²

Олвен вошла в дом и села рядом с Килохом на переднюю скамью. Юноша узнал ее, как только увидел, и обратился к ней:

– О дева, ты та, которую я люблю. Пойдем со мной, что бы ни говорили о тебе и обо мне. Я давно уже люблю тебя.

– Я не могу этого сделать, поскольку поклялась отцу, что не уйду, не посоветовавшись с ним; его жизнь зависит от меня. Как только я уйду с мужем, он умрет. Но чему быть, того не миновать. Я дам тебе совет, если ты готов к нему прислушаться. Иди к моему отцу и проси у него моей руки. Сделай все, что он попросит, и ты получишь меня. Но если ты в чем-нибудь откажешь ему, тебе меня не видать, и будет хорошо, если тебе удастся уйти живым.

– Я пообещаю выполнить все, что он попросит, – заверил девушку Килох.

Олвен отправилась домой, и Килох с рыцарями отправились следом за ней в замок. Они убили девять привратников, стоявших в девяти воротах, так, что никто из них не успел крикнуть, и девять сторожевых псов, которые не успели залаять, и вошли в зал.

– Приветствуем тебя, Испадарден Пенкауэр, – сказали они.

– Зачем явились? Что вам нужно?

– Мы пришли просить отдать твою дочь Олвен в жены Килоху, сыну Килида, сына принца Келидона.

– Где мои пажи и слуги? Поднимите мне веки, чтобы я мог рассмотреть своего зятя.

Слуги мгновенно выполнили приказ. Испадарден Пенкауэр осмотрел неожиданных гостей и сказал:

– Приходите завтра, и я дам вам ответ.

Они двинулись к выходу, и тут Испадарден Пенкауэр схватил один из трех отравленных дротиков, лежавших рядом с ним, и бросил им вслед. Бедвир поймал дротик, метнул обратно и попал Испадардену Пенкауэру в колено.

– Проклятый зять! Теперь мне будет трудно ходить, и никогда не удастся залечить рану. Это отравленное железо жалит как овод. Будь проклят кузнец, который его выковал, и

⁸¹ Авторы рыцарских романов любили подчеркивать аристократическую бледность своих обязательно светловолосых героинь. В течение долгого времени упоминание о светлых волосах героини или героя свидетельствовало об образованности автора. Даже когда в моду вошли парики, они были соломенного цвета. Такого цвета волосы были у галлов и их германских завоевателей. Им потребовалось несколько столетий, чтобы привыкнуть к смуглой красоте испанских и итальянских соседей. (Примеч. авт.)

⁸² Олвен в переводе с валлийского «белый след». (Примеч. пер.)

наковальня, на которой его сделали. Он такой острый!

Ночь они опять провели в доме пастуха. На следующий день встали с рассветом, поехали в замок, вошли в зал и сказали:

– Испададен Пенкауур, отдай нам свою дочь, а мы заплатим за нее выкуп.

– Еще живы ее четыре прабабки и четыре прапрадеда. Я должен посоветоваться с ними, – ответил Испададен Пенкауур.

– Что ж, посоветуйся, а мы пока пообедаем.

Они пошли к выходу, а Испададен Пенкауур взял второй дротик и бросил им вслед. Мену, сын Тейргведа, поймал, бросил обратно и попал великану в грудь.

– Проклятый зять! – прорычал Испададен Пенкауур. – Это железо причиняет мне такую же боль, как пиявка лошади. Будь проклят горн, в котором разводили огонь, чтобы закалить это железо, и кузнец, который его ковал! До чего же оно острое! Каждый раз, когда я буду взбираться на гору, я буду страдать от одышки и боли в груди. И еда будет вызывать отвращение.

Под его выкрики рыцари вышли из зала.

На третий день они опять пришли во дворец.

– Не бросайте в меня дротики, если не хотите умереть, – предостерег Испададен Пенкауур. – Где мои слуги? Поднимите мне веки. Я хочу посмотреть, что собой представляет мой зять.

Слуги подбежали, подняли ему веки, и Испададен Пенкауур взял третий отравленный дротик и бросил его в гостей. Килох поймал его, с силой бросил обратно и попал великану в глаз.

– Проклятый зять! Теперь до конца жизни я буду видеть только одним глазом. Когда я буду идти против ветра, у меня будут слезиться глаза, начнутся головные боли, а в каждое новолуние меня будут мучить кошмары. Моя рана от этого отравленного железа болит, как от укуса бешеной собаки. Будь проклят огонь и наковальня, на которой ковали этот дротик.

Рыцари ушли.

На следующий день они опять пришли во дворец и сказали:

– Не бросай в нас больше дротики, если не хочешь испытывать такие муки, а то и больше, какие испытываешь сейчас.

– Отдай мне свою дочь! – приказал Килох. – А если не отдашь, то погибнешь.

– Где тот, кто добивается моей дочери? Подойди ближе, чтобы я мог рассмотреть тебя.

Слуги поставили кресло для Килоха так, чтобы он сидел лицом к лицу с великаном.

– Это ты добиваешься моей дочери? – спросил Испададен Пенкауур.

– Да, я, – ответил Килох.

– Поклянись, что исполнишь все, что я попрошу, и, когда исполнишь это, получишь мою дочь.

– С радостью обещаю, – ответил Килох. – Говори, чего же ты хочешь.

– Сейчас узнаешь, – сказал великан. – Видишь красную вспаханную землю?

– Вижу.

– Когда я впервые увидел мать этой девушки, там было посеяно девять мер льна, но до сих пор не взошло ни одного побега. Я хочу, чтобы ты засеял льном эту землю, и, когда он вырастет, из него можно было бы соткать белый головной убор, который моя дочь наденет в день свадьбы.

– С легкостью справлюсь с этим заданием, хотя ты, возможно, думаешь, что оно будет трудным для меня.

– Если ты справишься с этим, то получишь еще одно, которое тебе будет не по силам выполнить. Хочу, чтобы в свадебную ночь для нас играла арфа Тейрту. Эта арфа играет и замолкает по желанию человека. Ее владелец не отдаст ее по доброй воле, а тебе не удастся заставить его отдать арфу.

– Я легко справлюсь с этим, хотя ты думаешь, что мне не удастся этого сделать, – ответил Килох.

– Если ты сделаешь это, то у меня есть еще одно, с которым ты не справишься. Я хочу, чтобы моим егерем стал Мабон, сын Модрона. Его отобрали у матери, когда ему было три дня от роду, и никто не знает, где он сейчас, жив или мертв.

– Я легко справлюсь с этим заданием, хотя ты думаешь, что оно невыполнимо.

– Если ты справишься с этим заданием, то найдется другое, с которым тебе не справиться. Принеси мне двух щенков волчицы Гаст Римхи. Удержать их может только поводок, сплетенный из волос, выдернутых из бороды разбойника Диллуса Варваука. Но у живого Диллуса тебе не удастся вырвать волосы, а выдирать у мертвого бессмысленно, поскольку в этом случае поводок порвется.

– Я легко справлюсь с этим заданием, хотя ты думаешь, что оно окажется трудным для меня.

– Если ты справишься с ним, то тебя ждет следующее задание. Ты должен принести мне меч великана Гвернаха, но он не отдаст его тебе по доброй воле, а заставить его тебе не удастся.

– Я легко выполню это задание, хотя ты думаешь, что мне это не по силам.

– Если ты выполнишь его, то следующее тебе не удастся выполнить. Тебе придется преодолеть все трудности, провести в поисках много бессонных ночей, и если ты не выполнишь все мои задания, то не видать тебе моей дочери.

– У меня будут кони и рыцари, и мой повелитель и родич Артур поможет мне выполнить все эти задания. Я получу твою дочь, а ты расстанешься с жизнью.

– Отправляйся и знай, что никто не потребует с тебя платы за еду и наряды моей дочери, пока ты выполняешь мои задания. Когда выполнишь все, что я сказал, ты получишь мою дочь в жены.

Глава 29 КИЛОХ И ОЛВЕН. ПРОДОЛЖЕНИЕ

Они ехали весь день и, когда стемнело, увидели огромный замок, наверное самый большой замок в мире. И вдруг из замка вышел черный человек ростом втрое превышающим рост обычного человека.

– Скажи, чей это замок? – обратились к нему путники.

– Поистине вы глупцы, если не знаете того, что знает весь мир. Этой крепостью владеет великан Гвернах, – ответил черный человек.

– А как обращаются в этом замке с гостями и чужестранцами?

– Храни вас Бог, господа! Никто не возвращался оттуда живым, и никто не может войти туда, кроме тех, кто проникает обманным путем.

Выслушав черного человека, они направились к воротам.

– Есть здесь привратник? – крикнул Гурир Гвалстат.

– Я здесь. Что тебе надо?

– Открывай ворота!

– Нет, не открою!

– Почему ты не хочешь открыть ворота?

– Потому что нож уже воткнут в мясо, вино налито в рог, и в замке великана Гвернаха пир в полном разгаре. Сегодня никто не войдет в замок, кроме мастера, известного своим мастерством.

– Послушай, привратник, – сказал Кай, – я как раз такой мастер.

– И в чем же твое мастерство?

– Я лучший в мире полировщик мечей.

– Я пойду и скажу об этом великану Гвернаху, а потом вернусь к вам с его ответом.

Привратник вошел в зал, и великан Гвернах спросил его:

– Что нового у ворот?

– Там стоят люди, – ответил привратник, – которые хотят войти в замок.

– Ты спросил, что они умеют делать?
– Конечно спросил, и один из них ответил, что он лучший полировщик мечей в мире.
– Тогда он мне нужен. Я долго искал того, кто отполировал бы мой меч, и не мог найти. Пусть он войдет, поскольку владеет интересующим меня мастерством.

Привратник открыл ворота и впустил Кая. Он вошел в зал и приветствовал великана Гвернаха. Для него принесли стул и поставили напротив великана, так что они оказались лицом к лицу.

– Это правда, что ты умеешь полировать мечи? – спросил Гвернах.

– Да, я делаю это лучше всех в мире, – ответил Кай.

После этих слов ему принесли меч великана. Кай достал из-за пазухи синий точильный камень и спросил, как великан хочет, чтобы меч был с белым или с голубым отливом.

– Делай по собственному усмотрению, так, как если бы это был твой меч, – ответил великан Гвернах.

Кай отполировал половину лезвия и показал великану.

– Нравится тебе моя работа? – спросил он Гвернаха.

– Я отдам все за то, чтобы вторая половина была отполирована так же. Однако странно, что такой человек, как ты, путешествует без спутников.

– О благородный господин, у меня есть спутник, но он не владеет этим искусством.

– А кто он такой и что умеет?

– Пусть привратник откроет ворота и впустит его, а я объясню, как узнать моего спутника. Острие его копья слетает с древка, ввинчиваясь, выпускает кровь и снова опускается на древко.

Привратник открыл ворота и впустил Бедвира.

– Бедвир доблестный рыцарь, хотя и не владеет искусством полировки мечей, – сказал Кай.

Между теми, кто остался за воротами, после того как в замок вошли Кай и Бедвир, возник спор. И юноша, единственный оставшийся в живых из детей пастуха, предложил проникнуть в замок. Он умудрился не только войти сам, но и провел остальных, и они на время затаились.

Отполировав меч, Кай показал его великану, чтобы узнать, доволен ли Гвернах его работой.

– Я доволен, ты хорошо отполировал меч, – сказал великан.

– Твой меч ржавеет от ножен, в которые вложен, – заметил Кай. – Отдай мне ножны, и я заменю старые деревянные вкладыши на новые.

В одной руке у Кая был меч, а в другую он взял ножны. Стоя перед великаном, Кай сделал вид, что собирается вставить меч в ножны, но вместо этого взмахнул мечом, ударил им великана по шее и одним ударом отрубил ему голову. Затем они разграбили замок, взяв все, что хотели, и вернулись ко двору короля Артура, прихватив с собой меч великана Гвернаха.

Когда они рассказали Артуру о том, что с ними приключилось, король сказал:

– Хорошее начало. Какую же из этих трудных задач мы должны решить первой?

– Лучше всего, – предложил один из них, – отправиться на поиски Мабона, сына Модрона, но его не найти, если мы сначала не отыщем его родича Эйдоэла, сына Аэра.

И Артур со всем воинством острова Британия отправился на поиски Эйдоэла. Они ехали, пока не оказались у крепости Гливи, где был заточен Эйдоэл. Гливи поднялся на башню и оттуда спросил Артура:

– Чего ты хочешь от меня? У меня ничего не осталось в этой крепости – ни радости, ни развлечений, ни пшеницы, ни овса, поэтому тебе незачем причинять мне зло.

– Я приехал не для того, чтобы причинить тебе вред, а только затем, чтобы забрать твоего пленника.

– Я отдам его тебе, хотя не хотел никому отдавать, а вместе с ним ты получишь мою помощь и поддержку, – ответил Гливи.

После этого спутники сказали Артуру:

– Господин, возвращайся домой, незачем тебе с твоими воинами ради столь незначительного дела участвовать в дальнейших поисках.

– Хорошо, тогда отправляйся на поиски ты, Гурир Гвалстат, поскольку знаешь все языки и изучил повадки птиц и зверей. Ты, Эйдоэл, тоже должен отправиться на поиски своего кузена, а что касается Кая и Бедвира, то я надеюсь, что вы, как всегда, добьетесь поставленной цели, какой бы трудной она ни была. Идите и сделайте это для меня.

И они отправились напрямик к дрозду из Килгори.⁸³

– Скажи мне, – обратился к дрозду Гурир, – знаешь ли ты что-нибудь о Мабоне, сыне Модрона, которому было всего три дня от роду, когда его забрали у матери?

– Когда я впервые прилетел сюда, – ответил дрозд, – на этом месте стояла наковальня, на ней никто не работал, и только я каждый день точил на ней клюв. Теперь то, что от нее осталось, размером с орех, но за все это время я ни разу не слышал о человеке, про которого вы меня спрашиваете. Однако я сделаю все, что смогу, для посланцев Артура. Здесь есть животные, которых Господь создал задолго до меня, и я отведу вас к ним.

И дрозд отвел их туда, где жил олень из Рединвре.

– Послушай, олень из Рединвре, мы, посланцы Артура, пришли к тебе, поскольку не знаем животного старше тебя. Скажи, не слышал ли ты о Мабоне, сыне Модрона, которого украли у матери, когда ему было три дня от роду?

– Когда я впервые пришел сюда, – ответил олень, – здесь была равнина без единого дерева, кроме молодого дуба, который с тех пор успел превратиться в дерево с сотней ветвей и умереть, так что от него остался только трухлявый пенек. Все это время я был здесь, но никогда не слышал о человеке, про которого вы спрашиваете. Но раз вы посланцы Артура, то я провожу вас туда, где живет тот, кто появился на свет намного раньше меня, и старше его нет никого в мире. К тому же никто не странствует столько, сколько он. Это орел из Гверн-Абуи.

Они отправились к орлу из Гверн-Абуи.

– О орел из Гверн-Абуи, – сказал Гурир, – мы, посланцы Артура, пришли к тебе, чтобы спросить, не знаешь ли ты что-нибудь о Мабоне, сыне Модрона, которого забрали у матери, когда ему было три дня от роду?

– Я давно обитаю здесь, и, когда впервые попал сюда, тут был большой камень, о который я каждый вечер точил когти. Теперь камень сточен до основания, и за все это время я не слышал о том, кого вы ищете. Но однажды в поисках добычи я летал в Ллин-Ллиу. Там я схватил лосося, решив, что надолго утолю голод, но он утащил меня под воду, и мне едва удалось вырваться и взлететь. После этого я заключил с ним мир, вытащил из его спины пятьдесят острог, избавив его от страданий. Если он ничего не знает о том, кого вы ищете, то этого не знает никто на свете. Я же могу только отвести вас туда, где он живет.

Орел отвел их к лосою.

– О, лосось из Ллин-Ллиу, – сказал орел, – я пришел к тебе с посланцами Артура, чтобы спросить, слышал ли ты что-нибудь о Мабоне, сыне Модрона, которого забрали у матери, когда ему было три дня от роду.

– Я скажу все, что мне известно. С каждым разливом я поднимаюсь по реке до стен Глостера, и в этом месте я вижу столько зла и страданий, сколько не встречал ни в одном другом месте. Если двое из вас сядут мне на спину, я смогу доставить вас туда, чтобы вы сами смогли увидеть, что там происходит.

Кай и Гурир Гвалстат сели на спину лосося и доплыли до стен темницы, откуда доносились плач и стоны.

⁸³ Обращение за помощью к «старейшим животным» – распространенный сюжет фольклора. В одной из триад среди старейших животных острова Британия упоминаются дрозд из Келли-Гадарн, сова из Кум-Каулойд и орел из Гверн-Абуи. Их упоминает и знаменитый бард Давид-ап-Гвиллим в одном из своих стихотворений. (Примеч. пер.)

– Кто стонет за этими каменными стенами? – спросил Гурир.

– Это я, Мабон, сын Модрона, которого держат в темнице. Никто в заключении не страдал больше, чем я.

– Есть ли надежда освободить тебя за выкуп, за золото, или серебро, или за какие-нибудь богатые дары, или силой оружия?

– Я могу надеяться только на силу оружия.

Наши путешественники вернулись к Артуру и рассказали ему, где заточен Мабон, сын Модрона. Артур собрал войско и отправился в Глостер, туда, где томился в тюрьме Мабон. Кай и Бедвир поплыли туда на спине лосося. Когда воины Артура ворвались в крепость и завязался бой, Кай сумел проникнуть в темницу и вынес оттуда пленника. Артур вернулся домой, а вместе с ним и освобожденный из темницы Мабон, сын Модрона.

В один из дней, гуляя по лесу, Гурир Гвалстат услышал жалобные стоны. Он бросился туда, откуда доносились стоны, и увидел горящий торфяник и муравейник, почти окруженный огнем. Он выхватил меч и срезал муравейник под самое основание. Спасенные муравьи сказали Гуриру:

– Да будет с тобой милость Божья! Мы сделаем для тебя то, что не сможет сделать ни один человек.

Они собрали с поля, которое указал Килоху Испадден Пенкауэр, девять мер семян льна, кроме одного семени, которое до наступления темноты все-таки успел принести хромой муравей.

– Какую из этих трудных задач мы должны решить теперь? – спросил Артур.

– Лучше всего было бы отправиться на поиски щенков волчицы Гаст Римхи.

– А вы знаете, где эта волчица? – поинтересовался Артур.

– Она в Абер-Кледдифе.

Тогда Артур пришел в Абер-Кледдиф в дом Трингада и спросил:

– Что тебе известно о волчице?

– Она часто режет мой скот, – ответил Трингад, – а живет неподалеку отсюда в пещере.

Артур на своем корабле отправился с частью людей по морю, а остальные рыцари двинулись по суше, чтобы изловить волчицу. Они обложили волчье логово, взяли волчат и унесли с собой.

Как-то, когда Кай и Бедвир сидели на сигнальной пирамиде из камней, установленной на вершине холма Плинлиммон, подул сильный ветер, который принес запах гари. Они стали оглядывать окрестности и заметили вдали густой дым.

– Даю руку на отсечение, это дым от костра разбойников.

Они поспешили туда и сумели подойти так близко, что разглядели Диллуса Варваука, жарившего на огне дикого кабана.

– Смотри, – сказал Бедвир Каю, – вот он, самый главный разбойник, которому удалось уйти от Артура. Знаешь, кто это?

– Конечно знаю, – ответил Кай. – Это Диллус Варваук.

Ни один поводок в мире не удержит щенят волчицы Гаст Римхи, кроме поводка, сделанного из волос, вырванных из бороды этого разбойника. Волосы нужно выдернуть из бороды деревянными щипцами, пока он жив, иначе они потеряют всю свою силу, и тогда поводок порвется.

– Как же нам это сделать? – спросил Бедвир.

– Надо дожидаться, когда он наестся до отвала и уснет.

Не теряя даром времени, они смастерили деревянные щипцы. Когда Кай убедился, что разбойник заснул, он вырыл рядом с ним яму, нанес Диллусу сильный удар и столкнул его в яму. Они быстро выщипали всю бороду, после чего убили Диллуса. С поводком, свитым из бороды разбойника, они пришли к Артуру.

Итак, все задания, которые Испадден Пенкауэр дал Килоху, были выполнены, и они отправились к его двору.

– Теперь ты отдашь мне свою дочь? – спросил Килох Испаддена Пенкауэра.

– Она твоя, но за это тебе нужно благодарить не меня, а Артура, который сделал это для тебя.

После этого пастух Гореу, сын Кустеннина, схватил Испададена Пенкаура за волосы, вытащил во двор, отрубил ему голову и насадил ее на кол. В ту же ночь Олвен стала женой Килоха и прожила с ним до конца жизни.

Глава 30 ПЕРЕДУР, СЫН ЭВРАУКА

Однажды, находясь в Карлеоне на Уске, Артур отправился на охоту, и Передур⁸⁴ поехал вместе с ним.

Передур, преследуя оленя, заехал в лесную чащу. Место казалось безлюдным, но вскоре он заметил признаки жилья и выехал к дому. Он спешил и вошел во дворец. В зале он увидел трех смуглых бритоголовых юношей, играющих в шахматы, и сидящих на скамье трех девушек, чьи богатые одежды указывали на благородное происхождение. Передур подошел к скамье и сел рядом с девушками. Одна из них, взглянув на Передура, заплакала.

– Что заставило плакать такую прекрасную девушку? – уточнил Передур.

– Мне жаль, что такой юноша, как ты, обречен на гибель, – объяснила девушка.

– Кто же меня убьет? – спросил Передур.

– Если тебе хватит смелости остаться здесь на ночь, то я скажу тебе.

– И какая же мне грозит здесь опасность? – спросил Передур.

– Этот дворец принадлежит моему отцу, – ответила девушка, – и он убивает всех, кто приходит сюда без его разрешения.

– Что же за человек твой отец, если он всех убивает? – удивился Передур.

– Он из тех, кто ежедневно творит зло и ни к кому не испытывает жалости, – ответила девушка.

Тут Передур увидел, что юноши встали и убрали шахматные фигуры. Послышался шум, и в зал ввалился огромный черный человек с одним глазом. Девушки встали, приветствуя его, подошли к нему и сняли с него сапоги. Несколько минут черный человек внимательно рассматривал Передура, а затем спросил:

– Кто этот рыцарь?

– Господин, – ответила одна из девушек, – это самый благородный и прекрасный юноша из всех, кого нам довелось увидеть. Ради всего святого, мы умоляем сохранить ему жизнь.

– Что ж, ради вас я сжалюсь над ним. Пусть живет до утра.

Передур сел у огня, ел, пил и беседовал с девушками, а когда опьянел, спросил у черного человека:

– Объясни мне, кто смог лишить глаза такого сильного человека, как ты?

– У меня вошло в привычку, – ответил черный человек, – убивать каждого, кто задает вопрос, который ты сейчас задал мне.

– Господин, – сказала одна из девушек, – он опьянел и потому стал дерзок. Сдержи слово, которое ты нам дал.

– Ради вас я сдержу слово, – ответил черный человек, – и убью его на рассвете.

Прошла ночь, и наступило утро. Черный человек встал, облачился в доспехи и приказал Передуру:

– Вставай и готовься к смерти!

– Выбирай, – сказал Передур, – или ты сражаешься со мной без оружия, или позволь мне тоже вооружиться.

⁸⁴ В легендах артуровского цикла Передур, сын Эвраука, из мифологии валлийских кельтов, послужил прототипом для создания образа сэра Персиваля. (Примеч. авт.)

– Ха-ха, – рассмеялся черный человек. – Думаешь, что сможешь одолеть меня, если вооружишься? Бери любое оружие.

Одна из девушек принесла Передуру оружие, какое он пожелал. Передур вступил в поединок с черным человеком и бился до тех пор, пока тот не попросил пощады.

– Ладно, я готов пощадить тебя, но только в том случае, если ты скажешь, кто лишил тебя глаза, – сказал Передур.

– Я все тебе расскажу. Я лишился глаза в битве с Черным змеем. Есть курган, который называют курганом Скорби. В этом кургане есть пещера, в которой живет змей. На хвосте у этого змея камень, и этот камень обладает таким свойством: тот, кто возьмет в одну руку этот камень, получит столько золота, сколько уместится в другой руке. В битве с этим змеем, пытаясь завладеть камнем, я и потерял глаз. Меня зовут Черным Деспотом, поскольку нет человека в округе, который не пострадал бы от меня, и я ни к кому не испытываю жалости.

– Скажи, как далеко отсюда пещера, о которой ты рассказал? – спросил Передур.

– Через день пути ты доедешь до дворца Горемычных Королевичей.

– Почему их так называют? – спросил Передур.

– Живущий в озере Адданк⁸⁵ однажды убьет их всех. Оттуда ты попадешь во владения графини, Хозяйки Подвигов.

– Что же это за подвиги? – спросил Передур.

– У нее триста рыцарей, и каждому, кто попадает к ней, приходится выслушивать истории об их подвигах, с помощью которых они стараются заслужить расположение своей госпожи. Когда уедешь из ее владений, вскоре увидишь курган Скорби, вокруг которого раскидано триста шатров, в которых живут рыцари, стерегущие змея.

– Ну что ж, мне все понятно, – сказал Передур, – а теперь я сделаю так, что ты больше никому и никогда не причинишь зла.

И он убил черного человека. Тут к нему подошла первая из девушек, заговорившая с ним, когда он вошел во дворец черного человека, и сказала:

– Если, придя сюда, ты был беден, то теперь ты богат, поскольку можешь забрать все, что принадлежало Черному Деспоту. Кроме того, при дворе много прекрасных девушек, и ты можешь выбрать любую.

– Я приехал сюда не за этим, – ответил Передур. – Мне не нужно его богатство, а вы уж сами ищите себе мужей, тем более что я видел здесь много молодых мужчин.

Следуя указаниям черного человека, Передур доехал до дворца Горемычных Королевичей. Когда он вошел во дворец, то увидел только женщин. Они встали и радостно приветствовали его. Передур разговорился с женщинами, и вдруг во двор прискакал конь с мертвым телом, перекинутым через седло. Одна из женщин встала, подошла к коню, сняла мертвое тело, обмыла его теплой водой и смазала бальзамом. Мужчина ожил, подошел к Передуру, поздоровался и сказал, что рад видеть его. Затем прискакали еще два коня с мертвыми телами. Женщина повторила все те действия, которые проделала с первым всадником. Передур спросил, что все это значит, и ему объяснили, что живущий в озере Адданк ежедневно убивает сыновей короля. Наступила ночь, и все легли спать.

На следующее утро, когда все проснулись, королевичи стали куда-то собираться, и Передур попросил их взять его с собой. Они отказались.

– Если тебя убьют, – сказал один из них, – то тебя некому будет оживить.

Королевичи уехали, а Передур поехал следом и, когда они уже скрылись из вида, увидел на дороге самую красивую девушку из всех, которых ему довелось прежде видеть.

– Я знаю, куда ты идешь, – сказала девушка. – Ты хочешь сразиться с Адданком, но он одолеет тебя не силой, а хитростью. Он живет в пещере, у входа в которую стоит столб из гладкого камня, и он видит в нем всех, входящих в пещеру, а его никто не видит. Всех

⁸⁵ Адданк – мифическое водное чудовище, вызывающее наводнения. Его внешний облик неясен. В одной из триад описывается, как прародитель бриттов с помощью быка победил Адданка. (Примеч. авт.)

входящих в пещеру он убивает отравленным копьем. Но если ты поклянешься любить меня сильнее всех остальных женщин, я дам тебе камень, благодаря которому ты сможешь видеть Адданка, а он тебя видеть не будет.

– Клянусь, – сказал Передур, – что я полюбил тебя сразу, как только увидел. Но где я смогу найти тебя?

– Ты отыщешь меня, когда доберешься до Индии,⁸⁶ – сказала девушка, вручила Передуру камень и исчезла.

А Передур поехал по долине, через которую протекала река. На одном берегу реки он увидел стадо белых овец, а на другом стадо черных овец. Стоило одной белой овце начать блять, как одна из черных овец переплывала реку и становилась белой, а когда бляла черная овца, то белая переплывала реку и становилась черной. На берегу реки росло высокое дерево, половина которого от корней до кроны пылала в огне, а другая зеленела листьями.⁸⁷

Чуть дальше Передур увидел сидящего на холме юношу, рядом с которым лежали две борзые, белая и пестрая. Передур был уверен, что никогда еще не встречал юношу с такой царственной осанкой. Они приветствовали друг друга. С холма спускались три дороги, две широкие и одна узкая. Передур спросил у юноши, куда ведет каждая из дорог.

– Одна ведет к моему дворцу, – ответил юноша, – и ты можешь пойти по ней, и придешь в мой дворец, где тебя встретит моя жена, а можешь остаться здесь, и я покажу тебе своих собак, которые сейчас преследуют в лесу оленя. Ты увидишь, что это лучшие собаки в мире. Когда наступит время обеда, мы пойдем во дворец и устроим пир.

– Господь вознаградит тебя за твою доброту, но я не могу остаться с тобой, – ответил Передур, – поскольку спешу.

– Другая дорога ведет в ближайший город, – продолжил юноша, – там ты сможешь купить еду и напитки. А третья, узкая дорога ведет к пещере Адданка.

– С твоего позволения, господин, – сказал Передур, – я поеду по узкой дороге.

Передур подъехал к пещере, взял в левую руку камень, который дала ему девушка, а в правую меч. Войдя в пещеру, он увидел Адданка, взмахнул мечом и отрубил ему голову. Выйдя из пещеры, Передур встретил трех королевичей, поджидавших его у входа. Они поздравили Передура с победой и сообщили, что было предсказано, будто именно он, Передур, должен убить чудовище.

Передур отдал королевичам голову Адданка, а они предложили ему взять в жены любую из трех своих сестер и половину королевства в придачу.

– Я приехал сюда не за этим, – ответил им Передур, – но если бы собирался жениться, то непременно взял бы в жены одну из ваших сестер.

Передур поехал дальше и вдруг услышал за спиной топот. Обернувшись, он увидел всадника на красном коне в красных доспехах. Когда всадник поравнялся с Передуром, они обменялись приветствиями.

– Господин, – сказал юноша, – у меня к тебе просьба.

– Чего же ты хочешь? – спросил Передур.

– Возьми меня в оруженосцы, – попросил юноша.

– Если я соглашусь, то должен хотя бы знать, кого беру в оруженосцы.

– Я не собираюсь скрывать от тебя своего имени. Я Этлим Гледдив Кок, граф из Восточной страны.

⁸⁶ В данном случае Индия – условная область чародейства и чудес. Незнакомка оказывается императрицей Константинополя, который был для валлийцев XII века не менее далеким и чудесным, чем Индия. (Примеч. пер.)

⁸⁷ Эта картина типична для кельтской «волшебной страны». Аналогичная сцена с овцами описывается в ирландской повести «Плавание Майль-Дуйна». Что касается пылающего дерева, то Т. Эллис и Дж. Ллойд выдвинули остроумную догадку, что это дерево, у которого на ветру листья пожелтели только с одной стороны. Однако скорее это образ вечно умирающей и возрождающейся природы. (Примеч. пер.)

– Мне кажется странным, что ты хочешь стать оруженосцем у человека, который имеет не больше, чем ты. Но раз уж ты этого хочешь, то я с удовольствием возьму тебя с собой.

Они отправились во владения графини, Хозяйки Подвигов. Там очень обрадовались их приезду и сообщили, что, согласно обычаю, тот, кто победит триста придворных рыцарей, сядет за стол рядом с хозяйкой, и она будет с ним любезнее, чем с остальными. Передур одолел всех рыцарей графини, сел за стол рядом с ней, и графиня сказала:

– Я благодарю Бога, что встретила такого доблестного и прекрасного рыцаря, как ты, но я никак не могу увидеть того, которого люблю больше всего на свете.

– Кто же этот человек? – спросил Передур.

– Это Этлим Гледдив Кок, – ответила графиня. – Я люблю его, хотя никогда не видела.

– По правде говоря, – сказал Передур, – Этлим сейчас здесь, поскольку сопровождает меня. Если он захочет, я с радостью оставлю его у тебя.

– Да благословит тебя Господь, отважный рыцарь, за то, что привел ко мне человека, которого я люблю.

В ту же ночь Этлим с графиней стали мужем и женой. На следующий день Передур собрался ехать к кургану Скорби.

– Господин, я поеду с тобой, – сказал Этлим.

Они ехали до тех пор, пока не увидели курган и окружавшие его шатры.

– Подойди во-о-н к тем рыцарям, – сказал Передур Этлиму, – и скажи, чтобы они подошли ко мне и засвидетельствовали почтение.

Этлим подошел к рыцарям и сказал:

– Подойдите и засвидетельствуйте почтение моему господину.

– А кто он такой, твой господин? – спросили рыцари.

– Мой господин Передур Длинное Копье, – ответил Этлим.

– Если бы ты не был обычным посланцем, то мы не оставили бы тебя в живых после столь дерзких слов. С какой стати мы, короли, графы и бароны, должны подчиняться какому-то Передуру?

Этлим вернулся к Передуру, и тот велел ему идти обратно и предложить рыцарям на выбор: либо сразиться с ним, либо покориться ему. Они предпочли сразиться, и в тот же день Передур победил рыцарей из сотни шатров. На следующий день он одолел еще сотню рыцарей, а на третий день оставшиеся сто рыцарей, посоветовавшись, решили покориться ему. Передур спросил, что они тут делают, и они объяснили, что ждут, когда змей умрет, и тогда начнется сражение и камень достанется сильнейшему.

– Ждите меня здесь, – сказал Передур, – а я пойду, чтобы вступить в схватку со змеем.

– Нет, господин, мы пойдем с тобой.

– Ну уж нет, – сказал Передур. – Я этого не позволю. Если змей будет убит, то каждый из вас припишет победу над ним себе.

Он пошел к змеиному логову, убил змея, взял камень и, вернувшись, сказал:

– Оцените ваши расходы за то время, что вы провели здесь, и я возмещу вам их в полной мере.

Он заплатил каждому больше, чем следовало, но потребовал, чтобы они поклялись ему в верности. А Этлиму он сказал:

– Возвращайся к той, которую любишь, а я поеду дальше, но прежде хочу вознаградить тебя за то, что ты был моим оруженосцем.

И Передур отдал камень Этлиму.

– Храни тебя Господь, господин, – сказал Этлим. – Счастливого пути!

Передур ехал до тех пор, пока не выехал в речную долину, прекраснее которой ему не доводилось видеть. Там он увидел множество разноцветных шатров. Но еще больше он удивился, когда увидел огромное количество мельниц, ветряных и водяных. Навстречу ему попался высокий рыжеволосый человек в рабочей одежде, и Передур спросил, кто он такой.

– Я главный мельник над всеми этими мельницами.

– Могу ли я остановиться в твоём доме? – спросил его Передур.

– Я с радостью приму тебя, господин, – ответил мельник.

Передур очень понравилось у мельника. Он пообещал, что заплатит за еду и кров перед отъездом, а потом спросил, зачем здесь столько мельниц.

– Ты или чужестранец, или глупец. Всем известно, что императрица Константинополя Великого собирает здесь войско для своих походов, и мельницы построены для того, чтобы прокормить ее многотысячное войско.

Наступила ночь, и они легли спать.

Утром Передур встал и снарядился для турнира. Среди разноцветных шатров он заметил самый красивый и признался себе, что никогда еще не видел более красивого шатра. Из его окошка выглядывала девушка в шелковых одеждах, и это была самая прекрасная девушка из всех, которых он видел раньше. Одного взгляда на нее хватило, чтобы он полюбил ее всем сердцем. Он стоял и смотрел на девушку с утра до полудня и с полудня до вечера. Тем временем турнир закончился. Передур вернулся в дом мельника, снял доспехи и попросил мельника ссудить его деньгами. Жена мельника рассердилась, но мельник дал ему деньги. Следующий день Передур провел точно так же, а вернувшись вечером, опять попросил у мельника денег. На третий день, когда он стоял и смотрел на девушку, кто-то сильно ударил его палкой по шее. Передур оглянулся и увидел мельника.

– Перестань глазеть и ступай на турнир, – сказал мельник.

Передур улыбнулся мельнику и пошел на турнир. В этот день он победил всех, с кем вступил в поединки. Все свои победы он посвятил императрице, а коней и оружие отдал мельнику и его жене в уплату за жилье и еду и в счет взятых займа денег. Он принимал участие в турнире, пока не победил всех, посвящая все победы императрице и отдавая оружие и лошадей мельнику. Императрица послала за рыцарем, приглашая посетить ее. Передур отказал и первому, и второму посланцу императрицы. В третий раз она послала сотню рыцарей, чтобы Передура силой привели к ней. Передур шутя справился с ними, а затем, связав им руки и ноги, словно пойманным на охоте оленям, сбросил с мельничной дамбы. Тогда императрица решила посоветоваться с придворным мудрецом.

– Я сам пойду к нему, – сказал мудрец.

Он пришел в дом мельника и попросил Передура посетить императрицу. К императрице Передур пошел вместе с мельником. Войдя в шатер, Передур сел рядом с императрицей, и между ними завязалась беседа. Затем Передур попрощался и вернулся в дом мельника.

На следующий день Передур опять пошел к императрице, сел рядом и завел разговор. В это время в шатер вошел высокий черный человек с золотой чашей, наполненной вином. Он преклонил колени перед императрицей и попросил отдать эту чашу тому, кто примет его вызов. Императрица посмотрела на Передура.

– Госпожа, – сказал Передур, – отдай эту чашу мне.

Он выпил вино, а чашу отдал жене мельника. Они продолжили разговор, и тут вошел другой черный человек, намного выше первого, с чашей из лапы дикого зверя, полной вина. Он преклонил колени перед императрицей и попросил отдать эту чашу тому, кто примет его вызов.

– Госпожа, отдай чашу мне, – попросил Передур.

Императрица протянула ему чашу. Он выпил вино, а чашу отдал жене мельника. Передур все еще сидел в шатре императрицы, когда вошел высоченный кудрявый человек, еще выше второго, с хрустальной чашей, полной вина. Он преклонил колени и попросил императрицу отдать чашу тому, кто примет его вызов. Императрица передала чашу Передуру. Он выпил вино, а чашу отдал жене мельника. Вечером Передур вернулся в дом мельника. На следующее утро Передур снарядился, выехал в поле, убил троих, бросивших ему вызов, и пришел в шатер к императрице.

– О прекрасный Передур, помнишь ли клятву, которую дал мне, когда я вручила тебе камень, благодаря которому ты убил Адданка?

– Госпожа, – ответил Передур, – я все прекрасно помню.

Императрица была той девушкой, которую встретил Передур, отправившись на поиски Адданка.

Глава 31 ТАЛИЕСИН

Гвидно Гаранхир правил Гваэлодом, который раскинулся на берегу моря. Ему принадлежала запруда между Диви и Абериствитом, недалеко от его замка. Ежегодно накануне майского праздника запруда приносила улов не менее чем на сто фунтов. У Гвидно был сын по имени Эльфин, самый неудачливый и бесталанный юноша. Это очень огорчало его отца, который считал, что сын родился в недобрый час. По решению совета Гвидно должен был отправить сына на запруду, чтобы понять, может ли хоть раз Эльфину улыбнуться удача, а заодно чтобы он обучился хоть какому-то делу, которое пригодится ему в самостоятельной жизни. Это было двадцать девятого апреля.

На следующий день, когда Эльфин отправился к запруде, чтобы посмотреть, сколько там рыбы, он увидел, что запруда пуста, не считая кожаного мешка, зацепившегося за одну из свай.

– Ты всегда был неудачником, – сказал Эльфину один из работников, – а сегодня из-за тебя и нас покинула удача. Прежде в это время в запруду попадало рыбы не меньше чем на сто фунтов, а сегодня нет ничего, кроме этого мешка.

– Как сказать, – ответил Эльфин, – может, он стоит больше чем сто фунтов.

Итак, они достали мешок, развязали, открыли и увидели внутри младенца; никогда раньше они не видели такого красивого ребенка.

– У него сияющее чело! – воскликнул работник.

– Так пусть же зовется он Талиесин,⁸⁸ – сказал Эльфин.

Проклиная свое невезение, Эльфин взял мешок с ребенком, осторожно сел на коня, бережно усадил ребенка и, заставив коня идти медленным шагом, отправился домой. Пока они ехали, мальчик сочинил утешение, в котором восхвалял Эльфина:

Прекрасный Эльфин, не жалуйтесь и не порочьте
Улов, который не видно.
Удача пришла к вам этою ночью
В тихой запруде Гвидно.
Нет выгод в печали, все жалобы – бред,
Но лучше мы Бога попросим,
Пусть малый и слабый оставит свой след
Во дни испытаний, тревоги и бед,
Что лучше, чем триста лососей.

Это были первые стихи, сочиненные Талиесином, в которых он утешал Эльфина, огорченного отсутствием рыбы в запруде и, самое главное, тем, что все будут думать, будто все это произошло из-за его невезучести.

Эльфин спросил ребенка, кто он – человек или дух, и вот что услышал в ответ:

Был создан красивым, хоть ростом – с вершок.
И очень способным к ученью.
Я в море был брошен, зашитый в мешок,
И вынужден плыть по теченью.
Но Бог никогда не оставит в несчастье,

⁸⁸ «Талиесин» в переводе с валлийского «сияющее чело». (Примеч. авт.)

Дает он богатство тому, кто удачлив.

Наконец Эльфин подъехал к дому Гвидно, своего отца. На вопрос Гвидно, хороший ли был улов, сын ответил, что его улов лучше всякой рыбы.

– Что же ты выловил? – спросил Гвидно.

– Барда! – ответил Эльфин.

– Какая же от него польза? – удивленно спросил Гвидно. Но за Эльфина ответил Талиесин:

– Я стою намного больше, чем весь твой улов.

– Ты такой маленький, а уже умеешь говорить? – еще больше удивился Гвидно.

– Я умею говорить лучше, чем ты умеешь задавать вопросы, – ответил Талиесин.

– Что ж, послушаем, что ты можешь сказать.

И Талиесин спел:

Помыслив, я понял, что трижды рожден,
И ключ от познаний во мне заключен.
Я знаю, что было и будет потом.

Эльфин отдал свой «улов» жене, и она ухаживала за ребенком с любовью и нежностью. С тех пор благосостояние Эльфина росло день ото дня, и он пользовался благосклонностью и любовью короля. Талиесину исполнилось уже тринадцать лет, когда Эльфин, сын Гвидно, отправился на Рождество к своему дяде, Маэлгону Гвинедду,⁸⁹ в замок Диганви, где собирались все знатные люди королевства, духовные и светские, со своими рыцарями и челядью.

Один из гостей встал и спросил:

– Есть ли в целом мире король более могущественный, чем Маэлгон, или такой, которого бы Господь так щедро наделил статью и красотой, скромностью, силой и благородством души?

Все сошлись во мнении, что Господь наградил короля еще одним непревзойденным даром – королевой, которая красотой, благонравием, мудростью и скромностью превосходила всех знатных дам и девиц королевства. А дальше вопросы посыпались один за другим. У кого самые доблестные воины? У кого самые красивые и быстрые кони и борзые? У кого самые мудрые и искусные барды? И каждый раз звучал один и тот же ответ: «У короля Маэлгона».

Когда они закончили восхвалять короля и его многочисленные достоинства, Эльфин неожиданно сказал:

– По правде говоря, только король может тягаться с королем, но хоть я и не король, хочу сказать, что моя жена добродетельнее всех дам королевства, а мой бард искуснее всех королевских бардов.

Королю тут же передали хвастливое заявление Эльфина, и Маэлгон приказал бросить племянника в темницу и держать до тех пор, пока не будут доказаны добродетельность его жены и искусность его барда.

После того как Эльфина заключили в башню замка, сковав ноги цепью (предположительно серебряной, поскольку в узнике текла королевская кровь), король послал своего сына Руна проверить добродетельность жены Эльфина. Рун был самым безнравственным человеком в мире; не было ни одной женщины, с которой бы он вел себя

⁸⁹ Король Маэлгон Гвинедд, сын Касваллауна, правил Гвинеддом (Северный Уэльс) с 517 по 547 год. Он известен как могущественный правитель, защитник независимости бриттов, покровитель бардов и ученых. Замок Диганви (Теганви) в Лланросе был его излюбленной резиденцией. Маэлгон умер от «желтой заразы», опустошившей Уэльс в середине VI века, названной «божеским наказанием», предсказанным Талиесином. (Примеч. пер.)

почтительно. До появления Руна Талиесин успел рассказать жене Эльфина, почему король бросил ее мужа в темницу и что скоро приедет сын короля Рун, который постарается навлечь на нее позор. Он посоветовал своей госпоже переодеть одну из служанок в свое платье и надеть ей на пальцы свои лучшие кольца. Жена Эльфина охотно последовала его совету.

Кроме того, Талиесин посоветовал госпоже во время ужина поменяться местами со служанкой, чтобы служанка вела себя как госпожа, а жена Эльфина прислуживала ей за столом. Так они и сделали. Рун явился в дом Эльфина во время ужина. Слуги провели его в зал, и служанка, переодетая госпожой, встала, чтобы приветствовать его. Рун сел за стол, и они продолжили ужин уже вместе с Руном. Он стал подливать вино служанке, считая, что это жена Эльфина, и отпускал шутки в ее адрес. Вскоре служанка так опьянела, что заснула прямо за столом; говорят, что из-за порошка, который Рун тайком подсыпал ей в вино. Она так крепко заснула, что даже не почувствовала, как Рун отрезал ей мизинец, на котором было кольцо, которое Эльфин незадолго до этого подарил жене в знак любви. Рун вернулся к королю и в качестве доказательства привез кольцо и отрезанный палец. Жена Эльфина была настолько пьяна, сказал он королю, что даже не почувствовала, когда ей отрезали палец.

Рассказ Руна развеселил короля. Он послал за своими советниками и пересказал историю, рассказанную сыном. Затем приказал привести Эльфина и, обвинив его в хвастовстве, сказал:

– Эльфин, тебе, без сомнения, известно, что очень глупо верить в добродетель жены, находясь от нее на расстоянии. Ты можешь убедиться в порочности своей жены. Смотри, вот ее палец с подаренным тобой кольцом. Вчера вечером ей отрезали этот палец, когда она опьянела и заснула прямо за столом.

Выслушав короля, Эльфин ответил:

– С твоего позволения, могущественный король, я не стану отрицать, что это мое кольцо, поскольку оно известно многим, но палец, на который оно надето, отрезан не от руки моей жены. Я могу объяснить, почему я так в этом уверен. Во-первых, моя жена носила это кольцо на большом пальце, а сейчас оно на мизинце, и, как ты видишь, даже на мизинец влезло с трудом. Во-вторых, моя жена, сколько я ее знаю, всегда по субботам стрижет ногти, а ты видишь, что на этом мизинце ноготь не подстригался больше месяца. И в-третьих, рука, от которой отрезан палец, не далее как три дня назад месила тесто, а я ручаюсь, что моя жена за все время замужества ни разу не месила тесто.

Король был так разгневан тем упорством, с каким Эльфин отстаивал добродетельность своей жены, что приказал отвести его обратно в темницу и держать там до тех пор, пока он не докажет, что искусство его барда столь же высоко, как добродетельность его жены.

Талиесин рассказал госпоже, что ее муж опять оказался в темнице, но попросил ее не печалиться, поскольку он отправляется ко двору Маэлгона, чтобы освободить Эльфина. Попрошавшись с госпожой, Талиесин отправился во дворец короля. Он вошел в зал, где король пировал со своими приближенными. Талиесин тихо пробрался в самый дальний угол, рядом с тем местом, где собирались барды и менестрели. И вот, когда барды и менестрели встали, чтобы воспеть достоинства короля, и двинулись мимо угла, в котором сидел Талиесин, он выпятил губы и принялся водить по ним пальцем, извлекая звуки: «Блюм, блюм!» Барды и менестрели, не обратив на Талиесина внимания, приблизились к королю, склонились в почтительном поклоне, но не смогли вымолвить ни слова, а лишь, выпятив губы, играли на них пальцами «блюм, блюм», как это только что делал мальчик, сидевший в углу. Король очень удивился и решил, что они выпили слишком много горячительных напитков. Он велел одному из придворных подойти к ним и напомнить, где они находятся и как себя следует вести в подобном месте. Придворный с готовностью выполнил королевский приказ. Но они не унимались. Король еще и еще отправлял к ним придворных с требованием покинуть зал. Наконец король приказал одному из оруженосцев надавать тумачков главному барду по имени Хайнин Вардд. Оруженосец взял метлу и так ударил барда по голове, что тот свалился на пол. Бард на коленях подполз к королю, умоляя о прощении и пытаясь объяснить, что всему виной не опьянение, а присутствие в зале какого-то духа.

– О благородный король, – сказал Хайнин, – да будет известно твоей милости, что мы онемели не от количества и крепости выпитого, а под воздействием духа, который сидит в том углу в образе ребенка.

Король приказал оруженосцу подвести ребенка к нему. Когда оруженосец подвел Талиесина, король спросил, кто он и откуда. Талиесин ответил стихами:

Я тот, самый главный Эльфина бард,
Я звездам весенним, как родине, рад;
Я с Ноем ковчег долго строил;
Я видел Содома с Гоморрой распыл;
В дни Рима строительства – в Индии был
И прибыл к развалинам Трои.

Когда король и его приближенные услышали песню, они очень удивились, поскольку никогда не слышали ничего подобного от столь юных созданий. Узнав, что это бард Эльфина, король велел Хайнину, своему главному и самому мудрому барду, подойти и вступить в состязание с бардом Эльфина. Хайнин подошел, но смог лишь сыграть на губах «блюм, блюм». Король вызывал своих бардов одного за другим, а их было двадцать четыре, и единственное, что они могли, так это сыграть на губах «блюм, блюм». Тогда король Маэлгон спросил Талиесина, что его привело в королевский дворец, и мальчик ответил стихами:

Эльфин, сын Гвидно, плененный в стране Артро,
Закрыт на тринадцать замков
За похвалу учителю. Поэтому Талиесин,
Главный бард Запада, освободит Эльфина
Из золотых оков.

Затем он спел стихи-загадку:

Скажи, тебе слышать не довелось,
О существе допотопном без кожи,
Без плоти и крови, Без головки и ножек,
Не старше и не моложе,
Не раньше – не позже,
Чем в день, когда родилось.
Видишь, как море в тумане бледно,
Когда, поначалу, приходит Оно
С юга, совершая бросок,
Чтобы упасть на прибрежный песок.
В поле, лесу – Оно скрыто от нас —
Его никогда не увидит наш глаз.
Создано взрывом Оно, напоследок,
И в нужном месте,
Окончательно дать выход мести
На Маэлгона Гвинедда.

Когда он допел эти стихи, поднялся страшный ветер; король и его приближенные решили, что дворец вот-вот обрушится на их головы. Тогда король велел немедленно освободить Эльфина из темницы и привести его к Талиесину. Говорят, Талиесин спел еще одну песню, и с ног Эльфина упали оковы.

Затем Талиесин позвал жену Эльфина и показал, что у нее целы все пальцы. Вот так

Талиесин освободил из темницы своего господина, доказал добродетельность своей госпожи и заставил замолчать бардов. Рад был Эльфин, рад был Талиесин.

Часть третья РЫЦАРИ В АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Глава 32 КОРОЛЬ РИЧАРД И ТРЕТИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Крестовые походы были самыми грандиозными или, скорее, самыми амбициозными предприятиями европейских рыцарей. На протяжении более чем столетия, начиная с 1096 года, рыцари всех стран относились к Святой земле как к месту, где можно было завоевать признание и получить отпущение грехов. Описание подвигов короля Ричарда в Палестине дает наиболее четкое представление об английских рыцарях этого исторического отрезка времени.

В последнее десятилетие XII века Ричард I Английский поднял крест, своего рода наследство отца, и приплыл в Антиохию, осажденную христианами, чтобы принять участие в войне на Святой земле. В Крестовом походе участвовали французский король Филипп II Август и германский император Фридрих I Барбаросса. В Киликии немцев постигло несчастье: при переходе горной реки утонул император Фридрих I Барбаросса, и до Антиохии едва ли дошла десятая часть немецкого войска, выступившего в Крестовый поход. Французский король Филипп II с армией достиг Антиохии и там, позже мы поговорим об этом, сражался с турками и ссорился с христианами, пока, наконец, не отплыл во Францию, так и не осуществив захват Святого города. Что касается короля Ричарда, то он был не более успешен и, хотя его подвиги были столь блистательны, что покрыли его славой, он вынужден был вернуться домой, оставив Иерусалим в руках неверных.

Подвиги короля Ричарда

Итак, лучшая часть английского королевского флота вышла в море. Они плыли уже две недели, когда на море поднялся шторм. Сильные порывы ветра разбросали корабли по волнам, разъединив флот. Три корабля пригнало к острову Крит. Огромные волны швырнули два корабля на прибрежные скалы, а один корабль уцелел и дрейфовал в море недалеко от берега. Почти всем членам команды и пассажирам с потерпевших крушение судов удалось благополучно выбраться на берег, однако многие были убиты враждебно настроенным местным населением; некоторых взяли в плен, а те, кто нашел убежище в церкви, были осаждены. Как бы там ни было, но выброшенные морем корабли представляли собой неплохую добычу. Кроме того, узурпатор Кипра⁹⁰ прибрал к рукам золото и оружие, находившееся на английских кораблях.

Он приказал охранять берег, чтобы не позволить английскому королевскому флоту приблизиться к острову, высадиться на берег и силой отобрать у него то, что ему удалось украсть. Его воинственный народ был приучен жить воровством. Жители острова заложили камнями, бревнами, досками и брусом вход в гавань, укрепили прибрежную линию и крепость, стоявшую на скале над входом в гавань, одним словом, приготовились к войне с англичанами. С дрейфовавшего недалеко от берега третьего корабля, на котором были женщины, наблюдали за происходившим на острове, чтобы сообщить обо всем королю. Ричард должен был отомстить этим подлым людям, а поэтому его нельзя было оставлять в неведении.

⁹⁰ С 1184 по 1192 год императором (самозванным) острова Кипр был Исаак Комнин. (Примеч. пер.)

Наконец подошли остальные корабли королевского флота и бросили якорь рядом с кораблем, на котором были женщины. Выслушав сообщение о безжалостной расправе над потерпевшими кораблекрушение, о грубом обращении с взятыми в плен, король послал двух рыцарей к императору Кипра с требованием принести сатисфакцию за оскорбление, нанесенное английским подданным. Но император повел себя крайне высокомерно с посланниками короля и отказался уладить конфликт. Тогда Ричард приказал экипажам всех кораблей немедленно спустить лодки и галеры на воду и следовать за ним к берегу. Команда была выполнена без промедления. Ричард первым спрыгнул в лодку и нанес первый удар, положивший начало войне. Но прежде чем он нанес второй удар, одновременно вступили в войну три тысячи его воинов. Возведенные в гавани Кипра баррикады из камней, бревен, остовов кораблей тут же были разрушены, и храбрые воины ворвались в город с такой же яростью, с какой обычно львица бросается на тех, кто пытается отнять у нее детенышей. Завязалась жестокая битва; много было раненых и убитых с обеих сторон, и мечи обагрились кровью. Киприоты были разбиты, город взят. Император острова пришел к королю. Он умолял о прощении и был прощен; он поклялся, что впредь будет управлять островом как вассал короля, возместит ущерб за нанесенный урон и, кроме того, преподнесет дары лично от себя. Получив приказ явиться утром для обсуждения условий, он ушел после принесения присяги на верность.

Ночь король мирно провел в замке, а его только что принесший присягу вассал сбежал в другой замок и приказал прибыть к нему всем мужчинам острова, способным держать в руках оружие. Приказ был выполнен. Однако той же ночью на Кипр приехал король Иерусалима,⁹¹ чтобы приветствовать Ричарда, появления которого он желал как никого другого в мире, и оказать необходимую помощь.

На следующее утро стало известно, что император Кипра сбежал. Король счел себя оскорбленным и, выяснив, где находится беглец, отправил туда по суше лучшую армию во главе с королем Иерусалима, а сам во главе другой армии отправился водным путем, чтобы отрезать предателю выход в море. Обе армии подошли и окружили город, в котором нашел убежище император Кипра, и тот вступил в борьбу с англичанами. И опять был жаркий бой. В тот день англичане не потерпели поражение только благодаря королю Ричарду. Победа далась им дорогой ценой. Киприоты бежали. Замок был взят. Опять короли преследовали императора Кипра – один по суше, другой по воде – и осадили его уже в следующем замке. Англичане начали обстрел стен замка из катапульт, заряженных огромными камнями, и император Кипра, оценив свои возможности, обещал сдаться, если его не будут заковывать в железные цепи. Король Ричард пообещал выполнить просьбу и сдержал свое обещание: императора острова заковали в серебряные цепи, сделанные специально для него. Король обошел весь остров, взял все замки, в каждом оставил своего коменданта, назначил судей и администраторов (шерифов), и теперь весь остров, как и Англия, подчинялся его господству. Золото, шелка, драгоценности, найденные в сокровищницах и казне, король оставил себе, а

⁹¹ Король Иерусалима Ги де Лузиньян происходил из аристократической французской фамилии, история которой связана с замком в Пуатье, построенным, согласно легенде, колдуньей Мелузиной. Через несколько поколений, в последней четверти XII века, Аймори де Лузиньян, служивший в то время при дворе иерусалимского короля, познакомил своего красавца брата Ги с вдовствующей наследницей королевства Сибиллой. И на Пасху 1180 года Ги де Лузиньян женился на ней, получив в приданое Яффу и Аскалон. Когда король Иерусалима Балдуин IV, прозванный Прокаженным, из-за тяжелой болезни стал недееспособным, он назначил Ги де Лузиньяна регентом королевства. Балдуин IV умер в марте 1185 года, Сибилла была коронована патриархом Ираклием королевой Иерусалимской и вскоре короновала своего мужа Ги де Лузиньяна. Но мирно править ему не пришлось. В июле 1187 года, в войне против Саладина, новый король Иерусалимский Ги де Лузиньян был окружен близ Хаттина, возле Тивериадского озера, вместе со своей армией, полностью разбит и захвачен в плен. Иерусалим был потерян. Спустя год, после выплаты выкупа, Ги де Лузиньян был отпущен. Однако в результате политических интриг престол достался Изабелле – сестре королевы Сибиллы, умершей в 1190 году. Так король Иерусалима остался без королевства и прибыл в 1191 году на Кипр вместе с некоторыми другими лордами. (Примеч. пер.)

серебро и продовольствие отдал армии. При дележе добычи он не забыл и короля Иерусалима, щедро одарив его.

С Кипра король отправился на осаду Акры. Осаждавшие встретили его с такой радостью, словно это был Христос, вернувшийся на землю, чтобы восстановить королевство Израиль. Первым к Акре подошел французский король; он пользовался большим уважением местных жителей, но с появлением Ричарда Филипп отошел на задний план, так меркнет луна в лучах восходящего солнца.

Английский король на третий день по прибытии приступил к сооружению огромной деревянной осадной башни, которую в разобранном виде доставили на кораблях с Сицилии. На рассвете четвертого дня башня возвышалась над стенами Акры, с высоты взирая на лежащий под ней город. С восходом солнца лучники стали забрасывать стрелами осажденных мусульман.

Осадные машины, метавшие огромные камни, разбивали городские стены.

Был сделан подкоп под городскую стену, что имело если не решающее, то, во всяком случае, большое значение. Прикрывшись щитами, воины взбирались по приставным лестницам на крепостной вал. Король, казалось, был всюду: кого-то направлял, кого-то бранил, кого-то убеждал. Французский король тоже насколько мог яростно атаковал городскую башню, так называемую «Проклятую башню».

Знаменитый Каракуа и Местокус, самые влиятельные люди после Саладина, управляли осажденной Акрой. После многодневной осады через переводчиков они пообещали сдать город и заплатить за себя выкуп. Но английский король стремился подавить оказанное мусульманами сопротивление с помощью силы. Он хотел, чтобы побежденные заплатили собственной головой, однако благодаря вмешательству французского короля им обещали сохранить жизнь, если после сдачи города и уплаты выкупа будет возвращен Святой Крест.

В Акре было девять тысяч воинов-мусульман, и многие из них проглотили золотые монеты, спрятав их словно в кошельках в собственных желудках, поскольку предвидели, что все имевшиеся у них ценности станут добычей победителей. Они вышли без оружия и без денег и тут же были взяты под стражу. Короли триумфально вошли в город, разделили все, что хранилось на складах, между собой и солдатами. Пленных правителей города разделили: Местокус волею судеб достался английскому королю, а Каракуа, как глоток холодной воды, упал в рот томимому жаждой Филиппу, королю Франции.

Английский король, недовольный медлительностью, с которой Саладин выполнял условия капитуляции, приказал казнить всех пленных, взятых в Акре, за исключением Местокуса, исключительно из-за его благородного происхождения, и заявил, открыто, без церемоний, что точно так будет действовать и в отношении самого Саладина.

Английский король послал за французскими командующими и предложил сообща захватить Иерусалим, но ему не удалось уговорить французов. Король, хотя и расстроенный, но не отчаявшийся, отделил свою армию от французов и бросился на штурм крепостей, расположенных вдоль побережья. Он взял все крепости на пути от Тира до Аскалона, хотя и после трудной борьбы, и тяжелораненый.⁹²

«В субботу, в канун праздника Рождества Пресвятой Девы Марии, на рассвете наши воины с особой тщательностью подготовились отразить атаку турок, которые находились впереди и чью дерзость можно было проверить только с помощью боя. Противник, расположившийся в непосредственной близости, постепенно подходил все ближе и ближе, и наши воины предприняли все возможное, чтобы занять более выгодную позицию. Король Ричард, самый опытный в военных делах, разделил армию на двенадцать отрядов, часть из них направил в авангард, а остальную оставил в тылу. Передовой отряд армии Ричарда

⁹² Этот рассказ взят из хроники Ричарда Девиза, а следующий из хроники Джеффри де Винсофа. (Примеч. авт.)

составляли тамплиеры,⁹³ за ними в боевом порядке следовали бретонцы и анжуйцы, затем король пиктов со своим войском, далее норманны и англичане, которые несли королевское знамя, и последними шли госпитальеры.⁹⁴

Они двигались настолько тесным строем, что подброшенное в воздух яблоко не смогло бы упасть на землю, не задев воина или коня. Армия Ричарда протянулась от армии сарацин до побережья. Она состояла из закаленных солдат, полных решимости, хорошо обученных и готовых к участию в войне. Граф Генри де Шампань был прикрыт горой и вел постоянное наблюдение за флангом. Пехотинцы, лучники и арбалетчики двигались с противоположной стороны, а с тыла армию прикрывал обоз – выючные лошади и фургоны с продовольствием и снаряжением.

Ричард отдал приказ двигаться медленно, не допуская разделения армии. Король Ричард и герцог Бургундский в сопровождении группы рыцарей поскакали вперед, внимательно изучая расположение и действия турок, чтобы, в случае необходимости, внести изменения в расстановку и действия своей армии. От них в данный момент требовалась предельная осмоторительность.

Примерно в девять утра появилась десятитысячная армия турок. На нас обрушился град стрел, и их голоса слились в один жуткий крик. За ними следовали люди нечеловеческой расы, черного цвета, – сарацины, жители пустыни, называемые бедуинами. Это племя дикарей, чернее сажи, которые сражаются в пешем строю; в руках у них были луки и круглые щиты. Они храбро атаковали нашу армию. Турки двигались организованными фалангами с прикрепленными к копьям флажками. Они бросились на нас в атаку на лошадях, быстрых как ветер, поднимая такие облака пыли, что вокруг потемнело, словно внезапно опустились сумерки. Впереди неприятельской армии шли солдаты с рожками и трубами, с дудками, бубнами и другими инструментами, создавая ужасающий шум. Земля ходила ходуном от издаваемых ими и их инструментами диких звуков, и в этом адском шуме было бы не расслышать даже раскатов грома. Таким способом они демонстрировали собственную непоколебимую силу духа и воздействовали на психику противника. Неверные угрожали нам и со стороны моря, и со стороны суши, и было невозможно разглядеть даже клочка свободной земли, так она была покрыта надвигающейся на нас яростной армией противника. Легкие конные отряды турецких лучников вели непрерывный обстрел армии, и

⁹³ Тамплиеры, или храмовники, – духовно-рыцарский орден, созданный около 1118 года небольшой группой рыцарей во главе с Гуго Пайенским с целью защиты паломников на пути в Святую землю. Орден, принявший полумонашеский устав, аналогичный уставу бенедиктинского ордена, в скором времени вырос до внушительных размеров и в 1128 году при содействии святого Бернара Клервоского получил благословение папы римского. Первоначально орден именовался «Нищенствующие рыцари Христа», но вскоре его стали называть «рыцари Храма», поскольку первая резиденция ордена в Иерусалиме находилась в крыле королевского дворца, воздвигнутого на месте, где некогда стоял храм Соломона. Орден вскоре превратился во влиятельную политическую силу, а участие в Крестовых походах принесло ему воинскую славу. (Примеч. пер.)

⁹⁴ Госпитальеры, или иоанниты, – члены одного из духовно-рыцарских орденов Палестины. Названы по иерусалимскому госпиталю Святого Иоанна. Орден вырос из религиозно-благотворительного общества, организованного незадолго до Первого крестового похода в Иерусалиме для помощи бедным и больным западным пилигримам. Иоанниты сыграли видную роль в Крестовых походах. Братство особенно развернуло свою деятельность после завоевания Иерусалима крестоносцами в 1099 году, когда усилился приток паломников в Палестину: кроме своего центрального учреждения – госпиталя Святого Иоанна Милостивого в Иерусалиме, оно раскинуло целую сеть приютов и больниц не только на Востоке, но также и в западноевропейских странах, превратившись в настоящую всекатолическую организацию, в которую текли обильные приношения со всего христианского мира. В 1113 году римским папой был утвержден устав иоаннитов. Уже в первой половине XII века братство взяло на себя военные задачи по обороне христианских паломников и христианских владений от «неверных». Образовавшийся таким образом духовно-рыцарский орден госпитальеров представлял собой огромную материальную и военную силу на Востоке и уже во второй половине XII века превратился в настоящее суверенное государство, управляемое собственными выборными магистрами. (Примеч. пер.)

мы понесли значительные потери в лошадях. О, как пригодились нам в этот день арбалетчики и лучники, которые прикрывали армию с флангов; они приложили все усилия, чтобы отразить нападение упрямых турок.

Враг несся в атаку, словно лавина, и многие наши арбалетчики, не в состоянии выдержать этот бешеный натиск, бросали оружие и пытались найти убежище, затесавшись в плотные ряды армии; они отступали из-за страха перед страданиями, которые не смогли бы выдержать. Те, кому не позволил отступить стыд, с отчаянной смелостью упорно продолжали сражаться с турками, которые теснили их, медленно, но верно заставляя отступать.

О, в каком отчаянном положении были они в тот день! Какое им выпало серьезное испытание! В этот день многие из них наверняка подумали о том, что хорошо бы, сейчас все закончилось, и они вернулись бы домой, а не стояли здесь с трепещущими от страха сердцами, испытывая глубокие сомнения в исходе сражения. Наши воины были настолько плотно окружены сарацинами, что не видели пути спасения и, казалось, не обладали достаточной храбростью, чтобы противостоять превосходящему по силе противнику. Они были зажаты, как стадо овец в окружении лязгающих зубами волков; только небо в вышине, а вокруг враги. Боже милостивый! Какие чувства обуревали этих тесно сбившихся слабых детей Христовых! Враг наступал с такой неослабной решимостью, словно хотел пропустить их через решето. Разве когда-либо на какую-нибудь армию обрушивалась столь мощная сила? Наши всадники, потеряв боевых коней, шли вместе с пехотой, стреляли из арбалетов, из луков по врагу и отражали, как могли, его атаки. Турки, искусные лучники, вели непрерывающийся обстрел противника. Дождь стрел! Ливень стрел! Солнце померкло от множества носившихся в воздухе стрел, словно с неба обрушился град или пошел сильный снег. Наши кони падали, сраженные стрелами, и земля была усеяна их трупами.

Турки с такой яростью обрушились на госпитальеров, что почти разгромили их. Госпитальеры отправили сообщение королю Ричарду, что не смогут выдержать ожесточенное наступление врага, если он не позволит рыцарям перейти в наступление. В ответ король посоветовал им держаться вместе и продолжать отражать атаки, что они и делали, хотя уже едва могли дышать, так их зажимали турки. Ко всему прочему, был очень жаркий день, так что им приходилось отражать атаки врага в тяжелых погодных условиях. Эти испытанные мученики Христовы обливались потом, отражая атаки врага, и тот, возможно, видел их запертыми в узком пространстве, терпеливо сносящих жару и атаки, который призывал уничтожать христиан, не мог сомневаться, что мы вряд ли можем надеяться на успех, находясь в столь рискованном положении в окружении столь огромной, необузданной силы. Враг подступил так близко, что их луки оказались бесполезны, и они бились на мечах, орудовали дубинками, кололи копьями, и удары турок отзывались эхом от их доспехов, словно удары молота о наковальню. Они мучились от жары и не могли себе позволить ни минуты отдыха. Госпитальеры приняли на себя основной удар и больше уже не могли оказывать сопротивление, но упорно двигались вперед, израненные, под градом ударов.

Так ли уж удивительно, что никто не мог противостоять непрерывным атакам, не имея возможности отвечать ударом на удар? Сюда стянулись все силы неверных из Дамаска и Персии, от Средиземноморья до Востока, и не осталось на земле ни одного человека, наделенного силой, ни одного храброго воина, ни одного, прославившего себя подвигами, которого бы султан не призвал к себе с помощью просьб, денег или силой своей власти, чтобы сокрушить христианскую армию. Он надеялся, что сможет размазать их по поверхности земли, но его надежды были тщетны, поскольку, с Божьей помощью, христиане, как оказалось, были в состоянии добиться своей цели. Цвет избранной молодежи и солдат христианского мира объединился в одно целое, как зерна в колосе на одном стебле, и, хотя они понесли немыслимые потери, немногие оставшиеся, вне всякого сомнения, оказали сопротивление.

Воздух, казалось, пропитался пылью, вздымаемой сотнями ног и копыт. Ужасающая

жара и непрерывные атаки дерзкого врага, теснившего с тыла, с невероятным упорством, – все это отдавало дьявольским наваждением. Тем не менее христиане, упорно продвигаясь вперед, несмотря на непрекращающиеся атаки турок с тыла, доказали, что они хорошие воины, обладающие несгибаемой волей. Удары турок отскакивали от доспехов, не нанося ощутимого вреда. Это несколько поубавило вражеский пыл, и в гневе они закричали, что „их воины сделаны из железа и не падают под ударами“. Но затем двадцатитысячная турецкая армия перешла в беспорядочное наступление и, словно заразившись их дикой яростью, брат Гарнье де Нап, один из госпитальеров, громко крикнул:

– О святой Георгий! Ты оставил нас в этой неразберихе, позволил прийти в смятение? В этот момент погибает весь христианский мир, потому что боится нанести ответный удар этой нечестивой расе.

Выкрикнув эти слова, магистр госпитальеров галопом поскакал к королю и сказал:

– Государь! Враг яростно атакует нас, и мы рискуем покрыть себя вечным позором, если не ответим на его удары. Мы теряем одного за другим наших коней! Так дальше не может продолжаться!

– Терпение, магистр! – ответил король. – Нельзя быть разом всюду.

Магистр вернулся к госпитальерам, а турки опять предприняли яростную атаку с тыла. Краснея от стыда, госпитальеры говорили друг другу:

– Почему мы не атакуем их на полном скаку? Увы, теперь нас по праву могут назвать трусами. Такого с нами еще никогда не случалось. Никогда еще мы не испытывали такого позора, как сейчас, отступая перед армией неверных. Если мы немедленно не атакуем врага, мы на веки вечные покроем себя позором, мы уже и так слишком долго уклонялись от боя.

О, как изменчива судьба! Как одна ошибка может изменить весь ход событий! Сколько турок могло бы погибнуть, если была бы предпринята соответствующая попытка. Может, Он задумал так наказать нас за наши грехи? И тут они единогласно приняли решение, что сигналом к атаке послужат звуки шести труб, одновременно прозвучавшие в трех частях армии, по две в авангарде, в центре и в тылу; эти звуки отличались от звуков, издаваемых трубами сарацин. Это должно было привести турок в замешательство. План был всем хорош, но из-за излишней поспешности двух рыцарей его не удалось претворить в жизнь.

Одним из этих рыцарей был командующий госпитальерами, а вторым Балдуин де Каррео, искусный и храбрый воин из свиты короля Ричарда. На полном скаку они атаковали турок и, одновременно вонзив копыя, убили двух неверных. Когда госпитальеры увидели этих двоих воинов, мчавшихся на врага, и услышали, как они громко зывают к святому Георгию, прося о помощи, то во весь опор бросились на врага. Госпитальеры, измученные за день пылью, жарой, бесконечными атаками близко подошедшего врага, с бешеной яростью атаковали турок.

Граф де Шампань тоже бросился вперед со своим отрядом, и Жак д’Авен с представителями линьяжа,⁹⁵ и остальные.

Итак, все те, кто были на первой линии с тыла, яростно устремились в атаку. За ними стремительно бросились пикты, бретонцы и анжуйцы, а затем и остальная армия. Все демонстрировали удивительную отвагу. Смело бросались на турок и, пронзая их копиями, сбрасывали на землю. Небо почернело от пыли, поднятой царившей на земле неразберихой. Турки, решившие спешиться, чтобы было удобнее целиться из луков и арбалетов, замертво падали под ударами наших пехотинцев. И когда увидел это король, не дожидаясь больше, он

⁹⁵ Линьяж – многочисленный родственный коллектив, связанный кровными узами, брачными союзами, общим владением и фамильным патримонием (земля, замок и т. п.). Линьяжи чаще всего встречались в аристократической среде. Линьяж состоял из кровных родственников (возводящих свое родство к общему предку и нераздельно владеющих земельной собственностью) и кровных друзей – своего рода побратимов, лиц, включавшихся в родственную группу. Линьяжи возникли в X–XI веках, время их расцвета XII–XIII века. Линьяж имел иерархическую структуру, принцип наследования, предполагавший нераздельность земельного владения, практику брачных альянсов, основой которой являлось недопущение мезальянсов. (Примеч. пер.)

дал шпоры коню и кинулся с какой мог быстротой поддержать первые ряды. Летя быстрее стрелы, он напал на массу врагов с такой силой, что они были совершенно сбиты, и наши всадники выбросили их из седла. Вы увидели бы их притиснутыми к земле, точно сжатые колосья. Храбрый король преследовал их, и вокруг него, спереди и сзади, открывался широкий путь, устланный мертвыми сарацинами.

Земля была устлана мертвыми телами, многие были обезглавлены. Кружили лошади, оставшиеся без всадников. Со всех сторон неслись стоны, плач и проклятия. Воины в прямом смысле слова шагали по трупам друзей и врагов. О, как отличаются размышления о войне в тиши монастыря от реалий войны! Как отличались те, замышлявшие войну, от короля, жестокого, выдающегося короля, который преследовал неверных и, размахивая мечом, косил их, словно жнец серпом, оставляя за собой устланную их телами землю. Словом, летели на землю турки, метались оставшиеся без всадников кони. Пыль стояла столбом, и наши воины наносили без разбора удары направо и налево, не различая, где свои, а где чужие, и зачастую, приняв своего за врага, безжалостно убивали его. Теперь христиане яростно теснили мусульман, которые отступали перед их неистовой яростью. Еще долго было непонятно, кто сможет победить в этом сражении. Каждая из сторон хотела любой ценой добиться победы. Обе стороны несли тяжелые потери.

О, сколько знамен, штандартов и флажков разных форм и цветов усеяло землю. Сколько стальных мечей, копий с железными наконечниками, турецких луков и булав, ошетинившихся острыми зубьями, стрел и дротиков покрывало землю. А метательными снарядами можно было бы загрузить двадцать, а то и больше фургонов! Под натиском наших воинов турки начали отступать в лес. Тех, кто пытался спрятаться, вскарабкавшись на деревья, сбивали стрелами, и они с тихим стоном падали на землю. Некоторые, бросив коней, бежали к морю и, поскользнувшись, падали в волны с крутых утесов, высотой около двадцати пяти метров. Остальная часть армии чудесным образом испарилась, так что на расстоянии двух миль не было видно ни единого человека, хотя совсем недавно мусульмане, такие упорные и жестокие, раздувались от гордости. И хотя наши воины уже прекратили преследование, враги убегали сломя голову, словно от страха у них выросли крылья. Наша армия в строгом порядке атаковала турок, и норманны и англичане, которые отвечали за знамя, медленно приблизились к отрядам, вступившим в бой с турками, и остановились неподалеку. Удиравшие с поля боя турки, заметив это, с непонятно откуда вернувшейся смелостью, вооружившись булавами, напали на тех, кто шел сзади.

О, этот ужас первых минут, когда стали падать сраженные стрелами наши воины. Тучи стрел взвились в воздух, и ошеломленные внезапным нападением мусульман, всадники пригнулись в седлах. Но недолго длилось их замешательство, и вот они уже яростнее, чем лвица, защищающая своих детенышей, бросились на мусульман и прорвались сквозь них. Турки, только что кинувшиеся бежать, вернулись и с невероятной яростью начали теснить наших воинов, которые под градом их стрел упорно продолжали двигаться вперед, пока не слились с основной армией. У турецкого командующего, родственника султана Саладина, был флаг, на котором была изображена весьма необычная эмблема, а именно штаны Магомета, эмблема, хорошо известная его воинам. Он был самым яростным гонителем и наиболее ожесточенным противником христиан. Под его командованием находились семьсот отличавшихся особой храбростью турок, гвардия Саладина. Каждый отряд имел флаг своего цвета. Они с дикими криками бросились в атаку на наших воинов, и от их бешеного напора дрогнули даже наши вожди. Но наши воины устояли, отвечая ударом на удар. Бой становился все жарче. Одна сторона наносила удары, другая отражала их. Они превосходили нас в численности, но наши воины уничтожили огромное количество противников. Уильям Баррис, знаменитый своей храбростью рыцарь, атаковал турок с такой яростью, что при каждом взмахе его меча на землю падал мертвый враг, спасти от его меча могли только быстрые ноги. Король на кипрском гнедом коне, размахивая мечом так, что при каждом ударе вылетали искры, быстро обратил турок в бегство. Он так яростно атаковал, что в этот день нанес много смертельных ударов в сражении с турками. В скором

времени враг бежал, и наша армия продолжила прерванный марш на Арсур, у стен которого разбили лагерь.

Пока они разбивали лагерь, турки с тыла опять атаковали нашу армию. Услышав воинственные крики, король Ричард вскочил на коня и всего с пятнадцатью рыцарями бросился в атаку.

– Господи, помоги нам! Господи, спаси Святой Гроб! – крикнул он в полный голос.

И тогда наши рыцари, не мешкая, последовали за королем. Завязался бой. Рыцари гнали турок до Арсура, откуда они предприняли атаку, убивали и брали в плен. После расправы над турками король вернулся в лагерь. Сломленные усталостью воины забылись тяжелым сном. Ночь прошла спокойно.

Те, кто были одержимы жаждой наживы, вернулись на поле боя и полностью отвели душу, а вернувшись, сообщили, что нашли убитыми тридцать два турецких эмира. Судя по дорогим одеждам и богатой кольчуге, это были очень влиятельные люди. Помимо них, турки потеряли порядка семи тысяч человек, не считая раненых, разбежавшихся в разные стороны. С Божьей помощью нам удалось понести несравнимо меньшие потери. Сколько горя принес этот день! Сколько испытаний выпало на долю воинов! Для многих это была заслуженная кара. Горькое горе! Какими же черными должны были быть наши грехи, чтобы потребовалось такое испытание огнем, чтобы очиститься от них?!

И снова над христианами нависла большая опасность. Во время пребывания христианской армии в Яффе несколько сарацин собрались вместе, чтобы обсудить, как следует действовать в сложившихся обстоятельствах. Они говорили о позоре, который навлекли на себя, поскольку столь малочисленная армия смогла выгнать их из Яффы. Они упрекали себя в трусости и постыдной слабости, а затем самонадеянно решили, что захватят короля Ричарда прямо в его шатре и приведут к Саладину, который щедро вознаградит их за такой подарок.

Они решили идти глубокой ночью, чтобы застать короля врасплох. При свете луны они шли и говорили о том, что король уже практически в их руках. О, ненавистное племя неверных! Они хотели захватить стойкого Христова воина во время сна. Они, вооруженные, хотели захватить безоружного. Они уже приблизились к шатру и готовились поднять на короля руку – и вдруг! Боже Милосердный, который никогда не забывает тех, кто верит в Него, внес разногласие в ряды заговорщиков.

– Ты войдешь, возьмешь короля и его свиту, а мы останемся верхом, чтобы лишить их возможности убежать в замок, – сказал Кордиви.

– Нет, это ты войдешь в шатер, – возразил Менелонес, – поскольку я занимаю более высокое положение, чем ты.

Пока эти двое выясняли, кто из них главнее, прошло довольно много времени. Когда они, наконец, сошлись во мнении, как осуществить их подлый план, занялся рассвет. Начался новый день. И Господь решил, что неверные не должны схватить Его отважного воина, когда тот спит. Некий генуэзец рано утром вышел в поля и крайне встревожился, услышав мужские голоса и топот копыт. Не теряя времени, он бросился в лагерь, громко выкрикивая:

– К оружию! К оружию!

Разбуженный его криком, король вскочил, облачился в кольчугу и призвал на помощь своих рыцарей.

Боже милостивый! Существует ли человек, который не был бы потрясен столь неожиданным призывом к оружию? Враг ворвался внезапно, вооруженный против невооруженных, поскольку у наших воинов не было времени, чтобы вооружиться, да даже чтобы просто одеться. Король и многие рыцари вступили в схватку, не успев толком одеться, но полностью вооруженные. Пока наши воины готовились к бою, подтянулись все турки, и король, вскочив на коня, и с ним всего десять рыцарей отправились ближе к морю, левее церкви Святого Николая, куда был направлен основной удар врага. О, эти ужасные атаки неверных! Турки мчались с душераздирающими криками, метали копья и стреляли из луков.

Наши воины приготовились, чтобы отразить их яростную атаку. Все воины, опустившись на правое колено, согнув левую ногу и взяв в левую руку щит, вытянули правую руку с копьем, их головы в железных шлемах были угрожающе повернуты в сторону врага.

Между каждой парой воинов со щитами король поставил по одному арбалетчику, а за ним воина, который после каждого выстрела подавал ему подготовленный арбалет, чтобы стрелок не терял даром времени. Итак, все, насколько позволяло время, было готово к встрече с врагом. Король объехал весь строй, призывая сохранять мужество.

– Будьте храбрыми, мои доблестные воины. Не дайте врагу испугать себя. Стойко держитесь под ударами судьбы, и тогда вы справитесь с ними. Храбрый воин может выдержать все. Превратности судьбы выявляют человеческие достоинства. Бежать некуда, поскольку враг окружил нас, а попытка сбежать приведет к неминуемой смерти. Поэтому будьте храбрыми, и пусть крайняя необходимость усилит вашу отвагу. Храбрые воины должны или доблестно побеждать, или красиво умирать. Мученичество – благо, которое мы должны с готовностью принять. Но прежде чем мы умрем, давайте, пока живы, сделаем все, что сможем, чтобы отомстить за нашу смерть, возблагодарив Бога, что нам выпала доля умереть мучениками.

Он едва успел произнести эти слова, как вражеская армия, состоявшая из семи отрядов, в каждом по тысяче лошадей, обрушилась на них.

Первая линия турок, заметив, что наши воины настроены очень решительно и не собираются сходить с места, немного отступила, когда на нее обрушился град стрел, сразивших многих всадников и лошадей. Перешла в наступление вторая линия, но, столкнувшись с отпором, тоже отступила. Турки атаковали раз за разом, налетая словно вихрь, наши воины были вынуждены отступить, и тогда они сомкнули ряды и развернули коней в другом направлении. Король с конными рыцарями, увидев это, пришпорили коней и бросились в центр вражеского войска, пронзая копьями, сбрасывая всадников на землю. Поняв, что полностью прорвали вражеские линии, они остановили коней. Теперь появилась возможность осмотреться вокруг, и король увидел, что благородный граф Лестер упал с коня и храбро сражается на земле. Ричард тут же бросился на помощь, выхватил его из рук врага и посадил на своего коня. Каким страшным был этот бой! Огромные массы турок надвигались на нас, стараясь изо всех сил уничтожить нашу маленькую армию. Раздраженные нашим успехом, они рвались к королевскому знамени, поскольку им было гораздо важнее убить короля, чем тысячу воинов. В разгар боя король увидел, как турки пытаются взять в плен графа Ральфа де Молеона. Он пришпорил коня, подлетел и отбил графа у неверных. Король появлялся всюду, где требовалась помощь, где шли особенно горячие схватки с турками. Не было во всем мире воина, равного ему! В тот день он превзошел самого себя, проявляя чудеса храбрости; его меч, сверкая как молния, разил турок налево и направо. Некоторых он разрубил надвое, некоторым одним ударом отрубил головы, руки и другие части тела. Пока король энергично расправлялся с врагами, к нему подскакал турок на взмыленном коне. Его послал Сафадин, брат Саладина, либеральный и щедрый человек. Он прислал Ричарду двух прекрасных коней, искренне прося принять подарок и воспользоваться ими, если он выйдет живым из этого сражения. Король охотно принял этот дар и впоследствии щедро отблагодарил дарителя. Храбрость короля вызывала восхищение у врагов, даже у таких злейших, как турки. В такие тяжелые моменты, как этот, король заявлял, что возьмет коней от любого, пусть даже это будет враг, поскольку они ему крайне необходимы. Страшным был этот бой, ведь огромные полчища сражались с небольшой армией. Землю покрывали стрелы и копья неверных, которыми они забрасывали наших воинов. У нас было много раненых. Гребцы, обеспокоенные своей безопасностью, пожертвовали славой храбрецов ради собственного спасения и ушли на галеры. Турки прилагали все усилия, чтобы первыми занять город, собираясь убить всех христиан, которых там найдут. Король, взяв с собой только двух рыцарей и двух арбалетчиков, столкнулся на одной из главных улиц с тремя турками в дорогих одеяниях, выдававших благородное происхождение, убил их, как это умел делать только он, и в качестве добычи забрал лошадей. Остальные находившиеся в городе

турки обратились в бегство. Король приказал восстановить разрушенные части стен и выставить часовых, чтобы город вновь не подвергся внезапному нападению.

Разобравшись с делами в городе, король спустился на берег, где многие воины нашли убежище на борту лодок и галер. Король привел самые убедительные аргументы, чтобы уговорить их вернуться и разделить со всеми ту участь, которая выпадет на нашу долю. Оставив в каждой галере пятерых воинов в качестве охраны, он вернулся с остальными в город, поскольку в его небольшой армии каждый воин был на счету. Не успели они вернуться, как король кинулся в самую гущу нападающих и заставил их отступить. Никогда еще не было, чтобы один человек смог атаковать армию. Он проник в глубину вражеской армии, и турки сразу сомкнулись вокруг него, пытаясь убить. Тем временем наши воины, потеряв короля из виду, испугались, что его могут убить, и один из рыцарей предложил перейти в наступление, чтобы найти короля. Если бы по чистой случайности был нарушен боевой порядок, турки разгромили бы нашу армию. Разве можно было в этот момент думать о короле, окруженном врагом? Кто из вас когда-либо слышал, чтобы одного человека противопоставляли многим тысячам? Король обладал непревзойденной храбростью, и он не терял присутствия духа ни при каких обстоятельствах. Из всех схваток он выходил невредимым. Мы говорим об отваге Антея, который черпал силы у матери-земли, но он погиб во время битвы, как только был оторван от земли.⁹⁶

Ахиллес, убивший Гектора, был неуязвим, поскольку его выкупали в водах священной реки Стикс, однако он был смертельно ранен именно в ту часть тела, за которую его держали, когда опускали в воду.

Александр Македонский, стремясь завоевать мир, предпринял множество трудных предприятий и с горсткой солдат принимал участие во многих знаменитых сражениях, но его доблесть напрямую зависела от бесспорного преимущества его отборных солдат. Это относится и к храброму Иуде Маккавею,⁹⁷ о котором говорил весь мир. Он совершил много замечательных подвигов и погиб на поле боя.

В отличие от этих героев король Ричард начал воевать с юных лет. Его тело, словно отлитое из бронзы, не могло пробить ни одно оружие. Держа меч в правой руке, он рубил им направо и налево, быстро расчищая себе путь. Ничего не боясь, он врзался в гущу врага и косил турок мечом, словно косарь, который косит луг. Кто в состоянии описать его подвиги? Он одним ударом поражал врага, и ему не требовался второй. Король был счастлив, когда мог лично вмешаться в схватку, пережить „упоение боем“. Его, похоже, радовало, когда представлялась возможность показать себя во всем блеске. В этот день среди прочих подвигов он одним ударом меча сразил эмира, который выделялся среди турок богатым одеянием. Этот человек жестами призывал к себе воинов, показывая, что собирается сделать нечто выдающееся. Пришпорив коня, он поскакал к королю, который, увидев его, взмахнул мечом и одним ударом отрубил ему голову и руку. Объятые ужасом турки бросились врассыпную.

Король, целый и невредимый, подъехал к своим рыцарям. Велика была их радость, когда они увидели своего короля. Они отчетливо понимали, что без него христианскую армию ждет неминуемое поражение. Он вернулся невредимым, хотя и „колочим, точно еж, от стрел, уткнувшихся в его панцирь“. Этот ожесточенный бой длился от восхода до заката, и храбрый солдат вышел из него невредимым. Кажется удивительным и даже невероятным, что небольшая армия так долго противостояла огромному полчищу врагов, но, Боже

⁹⁶ Антей – великан, сын Геи и Посейдона, получавший неодолимую силу от соприкосновения с матерью Геей – землей. (Примеч. пер.)

⁹⁷ Иуда Маккавей восстал против попытки Антиоха искоренить иудейство. Собрав всех ревнителей Бога, он нанес несколько жестоких поражений войску Антиоха и достиг на время установления мира, которым и воспользовался для восстановления истинной религии. Храм, оскверненный языческим идолослужением, был очищен и освящен, в память чего установлен особый праздник обновления Храма – Ханука. (Примеч. пер.)

милостивый, разве у нас есть причины для сомнений. Говорят, что в том бою было убито более тысячи пятисот турецких лошадей и более семисот мусульман. Им так и не удалось привести короля Ричарда к Саладину, зато король проявил такие чудеса храбрости, что одним своим видом наводил ужас на врага.

Наши воины, Божьей милостью, избежали гибели. Турецкая армия вернулась к Саладину, который, говорят, со смехом спросил, где же обещанный ему Ричард.

– Кто из вас первым захватил его и где он? – спросил Саладин. – Почему не привели его ко мне?

– По правде говоря, мой господин, – ответил один из его воинов, – здесь нет Ричарда, о котором вы спрашиваете. Мы никогда не слышали о рыцаре, который был бы столь храбрым и таким искусным в бою, как этот король. Мы приложили все усилия, чтобы захватить его, но, увы, никто не смог скрыться от его меча. Он побеждает всех, кто вступает с ним в схватку. Он нападает первым, а отступает последним. Ему нет равных среди людей».

Глава 33

РОБИН ГУД ИЗ ШЕРВУДСКОГО ЛЕСА

На острове нашем исконном, я мыслю, сочтут не за труд
Припомнить, как с Маленьким Джоном гулял по лесам Робин
Гуд,
О Скарлоке, Джордже Зеленом, про Мача, не знавшего страх,
О Туке, бойце закаленном, смиренном, как всякий монах.
Вино сотворяло с ним чудо, и именем многих святых
Тук славил стрелков Робин Гуда, а также занятия их.

Майкл Дрейтон

Каждому читателю романа «Айвенго» при упоминании Ричарда-крестоносца сразу приходит на память Робин Гуд, благородный разбойник из Шервудского леса, и его шайка веселых лучников. С ними мы встретимся несколько позже, а сейчас пусть читатель простит нас за несколько сухое изложение истории, предшествовавшей более интересному и образному рассказу, начнем с того, что такой педантичный любитель древностей, как Ритсон, считает заслуживающим доверия в истории Робин Гуда.

Робин Гуд родился в Локсли, графство Ноттингем, в царствование короля Генриха II, примерно в 1160 году от Рождества Христова. Он был выходцем из благородной семьи, и его настоящее имя Роберт Фитцут, которое в просторечии легко превратилось в Робин Гуда. Его часто называли, и считается, что так оно и было, графом Хантингтонским, титул, на который он, по крайней мере к концу жизни, претендовал. По рассказам, в молодости он отличался необузданным нравом и сумасбродством, в результате то ли промотал наследство, то ли был его лишен. За долги он был объявлен вне закона и либо по необходимости, либо по собственному выбору скрывался в лесах, которые покрывали большие площади, особенно северной части королевства. Вот из этих лесов он и беспокоил Барнсейл, графство Йоркшир, Шервуд, графство Ноттингем, и, согласно некоторым источникам, Пломптон-Парк, графство Камберленд.

Здесь его разыскали и присоединились к нему люди, попавшие в аналогичные обстоятельства, которые считали его своим предводителем и подчинялись ему во всем. После многих лет, на протяжении которых им удалось сохранять некоторую независимость, когда они не повиновались ни королю, ни судьям, ни городским властям, было опубликовано воззвание, в котором обещали выдать значительное вознаграждение тому, кто доставит живого или мертвого Робин Гуда. Однако эта акция, как и прежние попытки подобного рода,

не увенчалась успехом. Но время шло, Робин Гуд старел и однажды, заболев, решил вылечить кровопусканием. С этой целью он обратился к настоятельнице Кирклейского аббатства в графстве Йоркшир, которая приходилась ему родственницей (в те времена женщины, особенно монахини, лучше разбирались в хирургии, чем сейчас). Она, совершив предательство, позволила ему умереть от потери крови. Это случилось 18 ноября 1247 года, на тридцать первом году правления короля Генриха III, и если дата рождения Робин Гуда указана правильно, то он умер в возрасте восьмидесяти семи лет. Робин Гуд был погребен под деревьями, поблизости от его дома, и на могиле установлен камень с соответствующей надписью.

Некоторые считают, что Робин Гуд не жил во времена царствования Ричарда I, а есть такие, кто полагает, что он предпочитал другие леса Шервудскому лесу. Но истории, которые мы выбрали, повествуют о Робин Гуде из Шервудского леса и короле Ричарде Львиное Сердце.

Маленький Джон

Оруженосца Робин Гуда называли Маленьким Джоном, но вовсе не из-за маленького роста (он был двухметровым детиной), а совсем по другой причине, о которой мы расскажем чуть позже. Вот как Робин Гуд встретился с Маленьким Джоном.

Робин Гуд охотился со своими друзьями, но им почему-то не везло.

– Как-то у нас не ладится с охотой, – сказал Робин Гуд. – Сегодня я пойду один, и, если мне будет грозить опасность и ее не удастся избежать, я протрублю в рог, вы услышите и придете на помощь.

Он попрощался с друзьями, взял лук, колчан со стрелами и ушел. Вскоре он подошел к ручью и, проходя по мосту, перекинутому через ручей, столкнулся с незнакомцем. Ни один из них не захотел уступать дорогу. Рассердившись, Робин Гуд вставил стрелу в лук и приготовился стрелять.

– Ну ты и смельчак, – поддел его незнакомец. – Готов выстрелить из лука в человека, у которого нет ничего, кроме посоха.

– Ты прав, – согласился Робин. – Видишь, я положил свой лук. Сейчас найду палку, чтобы проверить, не расходятся ли твои слова с делом.

Он зашел в чащу, выбрал небольшой дубок и вернулся к незнакомцу.

– Теперь, – сказал Робин, – мы на равных. Давай сразимся на этом мосту, и тот, кто свалится в воду, будет проигравшим, а второй, естественно, победителем.

– С огромным удовольствием позволю тебе упасть в воду, – парировал незнакомец.

И стали они биться на палках. Робин Гуд первым нанес удар, да такой, что кровь вскипела в жилах незнакомца. И разгорелся нешуточный бой; треск палок стоял такой, словно они молотили зерно на току. Наконец незнакомец нанес Робину такой удар по темени, что разбил ему голову; хлынула кровь. Это разозлило Робина, и он напал на незнакомца с такой яростью, словно хотел прикончить его. Но, ослепнув от ярости, он пропустил ответный удар, от которого свалился с моста в воду. Незнакомец громко захохотал.

– Ну и как там тебе, славный малый? – крикнул он.

– Ты настоящий храбрец, – ответил Робин Гуд, – и сегодня я больше не стану драться с тобой. Наш поединок закончился, и я вынужден признать, что ты вышел из него победителем.

Он выбрался на берег, вытащил рог и затрубил в него так, что эхо разнеслось по всей долине. На этот звук из леса вышли пятьдесят лучников, одетых в зеленое платье, и подошли к Робин Гуду.

– Что случилось, атаман? – спросил Уильям Стакли. – Почему ты такой мокрый?

– Ничего серьезного, – ответил Робин, – просто этот парень столкнул меня с моста в воду.

Услышав это, лучники уже готовы были схватить незнакомца и сбросить его с моста, но Робин Гуд остановил их.

– Никто не обидит тебя, друг, – сказал Робин. – Это все мои стрелки, шестьдесят девять парней, и если хочешь присоединиться к нам, то тут же получишь одежду и снаряжение. Что скажешь на это?

– С огромным удовольствием! – воскликнул незнакомец. – Вот моя рука. Меня зовут Джон Литтл, и я буду вашим надежным и верным товарищем.

– Надо поменять ему имя, – вмешался Уильям Стакли. – Мы назовем его Маленьким Джоном, и я буду его крестным отцом.

Они взяли двух жирных оленей, крепкого эля и нарекли Джона Литтла Маленьким Джоном; их малыш был двухметрового роста и более метра в обхвате.

Брат Тук

Робин Гуд ввел день веселья для себя и своих товарищей, и в этот день они бились об заклад, кто победит в каком соревновании. Одни соревновались, кто дальше прыгнет; другие – кто дальше метнет полено; третьи – кто быстрее пробежит пять миль; четвертые – кто натянет самый тугой лук и попадет в цель; эти соревнования особенно нравились Маленькому Джону.

– Посмотрим, – сказал Маленький Джон, – кто из вас сможет убить молодого оленя, кто оленюху, а кто оленя-самца с расстояния в пятьсот футов.

Во главе с Робин Гудом они напрямик направились в лес, в котором водилось много дичи. Уильям Скарлок, у которого был самый тугой лук, убил молодого оленя, а Маленький Джон жирную оленюху, причем его стрела попала ей прямо сердце. Сын мельника Мач попал в оленя-самца с расстояния, превышавшего пятьсот футов. Увидев, что олень упал, Робин Гуд хлопнул Мача по плечу и сказал:

– Дай тебе Бог здоровья. Мне бы пришлось проскакать пятьсот миль, чтобы найти равного тебе по силам соперника.

Услышав эти слова, Уильям Скарлок с улыбкой заметил:

– Предводитель, зачем тебе куда-то скакать? Неподалеку отсюда есть «веревочный» монах,⁹⁸ который за сотню фунтов выстрелит на любое расстояние, какое предложишь ты или Мач. У него большой опыт, и он умеет натягивать тугой лук. Он наверняка захочет посоревноваться и с тобой, и со всеми нами по очереди.

– Это правда, Скарлок? – спросил Робин Гуд. – Клянусь Богом, я не буду ни есть, ни пить, пока не увижу монаха, о котором ты говоришь.

Собравшись в путь, Робин Гуд взял с собой Маленького Джона и пятьдесят лучших стрелков, которых разместил в самом удачном, как ему казалось, месте. Затем спустился в долину, где увидел идущего вдоль берега монаха. Заметив Робин Гуда, монах надел шлем, взял в руки широкий меч и небольшой круглый щит. Он не знал, кто к нему направляется и какие у незнакомца намерения, а поэтому решил на всякий случай приготовиться к схватке. Робин Гуд подъехал к монаху, спешился, привязал коня к колючему кустарнику и, с сожалением оглядев монаха, сказал:

– Перенеси меня на тот берег, или расстанешься с жизнью.

Монах молча посадил Робин Гуда на спину и шагнул в реку.

Он перешел реку и, выйдя на берег, бережно опустил Робин Гуда на землю.

– Теперь твоя очередь, смельчак, – сказал монах. – Перенеси меня на тот берег, или расквасишься в содеянном.

⁹⁸ «Веревочный» монах, или «веревочник», – пишет доктор Стакли, – это кордильер, от французского слова corde – «веревка», которой монахи подпоясывались и использовали для самобичевания. Они относятся к ордену францисканцев. Однако монаха, о котором идет речь в нашем рассказе, называли так из-за его собак, дворняжек (curtal dogs, или curs), как их теперь называют. (Примеч. авт.)

Робин Гуд, отвечая любезностью на любезность, молча посадил монаха на спину, перенес на другой берег, аккуратно опустил на землю и повторил – либо монах еще раз перенесет его на другой берег, либо расстанется с жизнью. Не говоря ни слова, монах, улыбнувшись, опять посадил Робин Гуда на спину, вошел в реку, но, дойдя до середины, на самом глубоком месте, сбросил его со спины и сказал:

– Теперь, смельчак, выбирай: будешь тонуть или поплывешь?

Робин Гуд, основательно вымокший, встал на ноги и поплыл к кусту ракитника, росшему на другом берегу, а монах к иве, стоявшей неподалеку от ракитника. Выйдя на берег, Робин Гуд взял лук и лучшую из своих стрел и выстрелил в монаха, который, заслонившись щитом, сказал:

– Стреляй, смельчак, и, если ты собираешься стрелять весь день, я готов простоять здесь в качестве мишени.

– Именно это я и собираюсь делать, – ответил Робин Гуд и стал выпускать стрелы одну за другой, пока не опустел его колчан.

Тогда он положил лук и взял меч, которым два дня назад убил трех человек. Они сошлись в рукопашной, один с мечом, а другой со щитом. Стальной щит защищал от всех ударов – и по голове, и по ногам, и по туловищу. Противники прибегали к разным уловкам, ложным выпадам, замахам, захватам, и им было стыдно, что они так долго бьются и никак не могут нанести ощутимого удара. Они были в ссадинах и порезах, пот застилал глаза, и, наконец, Робин Гуд попросил монаха остановиться и дать ему возможность протрубить в рог.

– Тебе надо восстановить дыхание, – сказал монах, – поскольку мы бьемся уже пять часов.

Робин Гуд снял с пояса рог и протрубил три раза. Тут же появились пятьдесят крепких парней с луками.

– Чьи это люди? – удивленно спросил монах.

– Это мои люди, – ответил Робин Гуд. – А тебе что за дело?

– Вероломный обманщик! – воскликнул монах и, немного помолчав, попросил, чтобы Робин Гуд оказал ему ответную любезность.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Робин Гуд.

– Ты три раза протрубил в рог, – ответил монах, – так позволь мне свистнуть три раза.

– О, с огромным удовольствием, – ответил Робин Гуд. – Никогда не прощу себе, если откажу тебе в столь малой просьбе.

Монах засунул пальцы в рот и свистнул три раза, да так пронзительно, что его свист отозвался эхом. Оно еще не успело стихнуть, как за спиной Робин Гуда и его приятелей появились пятьдесят три собаки. Шерсть на загривке у них стояла дыбом.

– Здесь по собаке на каждого твоего стрелка, – сказал монах, – и две для тебя.

– Это нечестная игра, – только и успел сказать Робин Гуд, очутившийся между двух собак – одна спереди, другая сзади.

Хотя собаки не смогли его укусить – его меч мог быстро расправиться с ними, – но плащ разорвали пополам.

Люди Робин Гуда начали так отчаянно отбиваться от собак, что у тех ярость поутихла, они отступили и только изредка лаяли. Маленький Джон отбивался особенно энергично, и монах, восхищенный его смелостью и ловкостью, спросил, как его зовут.

– Я скажу тебе правду, не солгу. Я тот, кого называют Маленький Джон, и заодно с Робин Гудом, который сражался сегодня с тобой пять часов, и, если ты не подчинишься ему, эта стрела найдет тебя.

Монах, понимая, что сила не на его стороне и ему не справиться со всеми, решил договориться с Робин Гудом, который выдвинул такие условия: монах должен покинуть долину источника и аббатство у источника, присоединиться к Робин Гуду и жить вместе с ними неподалеку от Ноттингема, где за каждую воскресную службу в течение года монах

будет получать нобль,⁹⁹ а за службу в дни церковных праздников новую одежду.

Монах согласился на эти условия, и договор скрепили печатью.

Так благодаря смелости Робин Гуда и его стрелков монах был вынужден, наконец, подчиниться после семилетнего пребывания в долине источника, где никакая сила не была в состоянии поставить его на колени.

Монах Тук был единственным духовным лицом, с которым Робина связывали дружеские отношения. Обычно он обходился с церковниками так, как с епископом Херефордским, героем баллады, которую мы приводим в качестве примера подлинной истории о Робин Гуде, дошедшей до нас из 1245 года.

ПРИЕМ, ОКАЗАННЫЙ РОБИН ГУДОМ, МАЛЕНЬКИМ ДЖОНОМ И ИХ ПРИЯТЕЛЯМИ ЕПИСКОПУ ХЕРЕФОРДСКОМУ В ВЕСЕЛОМ БАРНСДЕЙЛЕ

Кто славу поет Робин Гуду,
Кто рыцарям, скачущим гордо,
А мы вам расскажем про золота груду
Епископа из Херефорда.

Это случилось в Барнсдейле, друзья,
В зеленом лесу королевском,
Куда наш епископ, наверное, зря
Явился со свитой так дерзко.

«Убью я оленя, – сказал Робин Гуд, —
Изжарим его понемногу,
И будет в охотку нам тягостный труд —
Епископа ждать у дороги».

Вот Робин с друзьями, одет пастухом,
Шестерка друзей – на подбор...
Но поп Херефордский явился верхом
И тычет перстами в костер.

«Как можно, – епископ кричит, – в постный день
Готовить в лесу угощение?!
Злодейски убит королевский олень —
Последуют суд и отмщение».

«Мы – пастухи, – отвечал Робин Гуд, —
Пасем мы овец и телят,
Дабы веселиться – не нужен нам суд,
Сойдет и олень короля».

«Вы храбрые парни, но это – разбой!
Король да узнает о том.
Поэтому вы отправляйтесь за мной —
Предстанете пред королем».

«Прости нас, прости, – стал Робин орать, —

⁹⁹ Нобль – старинная английская золотая монета. (Примеч. пер.)

От ужаса кровь моя стынет.
Разве достойно семь жизней отдать
В помин о рогатой скотине?»

«Нет вам прощенья, клянусь головой,
Душа возмущенно клокочет.
Поэтому поторопитесь за мной
Встать пред королевские очи».

Но Робин и тут удержать себя смог
В смиренье, пристойном рабам,
Достал из одежды охотничий рог
И быстро приставил к губам.

Он в рог этот дунул как можно сильней,
Аж вздулись натруженно жилы.
И Робина семьдесят смелых парней
Компанию всю окружили.

Бойцы, Робин Гуду отвесив поклон,
Нацелили луки в мгновенье.
«Зачем ты гудишь?» – молвил Маленький Джон,
Похоже утратив терпенье.

«Да вот, тут епископ всю возмущен,
Не хочет простить нас никак он,
Отрежь ему голову, Маленький Джон,
И выброси диким собакам».

«Умоляю простить, вы, конечно, правы,
Молю вас простить, ради бога,
Если б я знал, что вы – это вы,
Нашлась бы другая дорога».

«Не будет прощенья, – сказал Робин Гуд,
Но будет суров твой удел.
Поторопись и последуй на суд,
В веселый наш Барнсдейл».

Епископа за руку в лес увели
И там, под пастушью свирель,
В них с Робинсом, словно в бочонки текли,
Вино, потом пиво и эль.

Потребовал счет епископ сквозь сон:
«Мне кажется, он большой».
«Отдай кошелек, – сказал Маленький Джон,
И я попрощаюсь с тобой».

Епископа плащ у Джона в руках —
Лег на траву, как рассвет.
На ткань посыпались из кошелька

Три сотни блестящих монет.

На глаз оценил их Маленький Джон:
«Приятно их видеть сейчас.
Плачу за епископа, хоть шельма он,
Так сильно не любит нас».

А Робин Гуд, продолжая бал,
Сказал, что епископ – гость.
И старый епископ всю ночь танцевал,
Довольный, что тем обошлось.

Глава 34 ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОБИН ГУДА

Говорят, что он уже в Арденнском лесу и с ним веселое общество; живут они там будто бы, как в старину Робин Гуд английский... и время они проводят беззаботно, как бывало в золотом веке.¹⁰⁰

У. Шекспир. Как вам это понравится

Как уже говорилось, некоторые сочинители баллад так далеко уходили от истины, что представляли Робин Гуда разбойником, которого Генрих VIII объявил вне закона, и есть несколько историй о том, как королева Екатерина заступилась перед своим мужем за храброго разбойника.¹⁰¹

Как бы там ни было, однако известно, что однажды Робин Гуд, выступая на стороне королевы, победил в состязании королевских лучников. Вот эта история.

Как-то раз Робин Гуд отправил подарок королеве Екатерине, который ей так понравился, что она поклялась до конца своих дней оставаться другом благородному разбойнику. Однажды королева уединилась в своих покоях, позвала пажа, приказала ему отправиться в Ноттингемшир и найти в Шервудском лесу Робин Гуда. Дело в том, что лучники королевы должны были состязаться с лучниками короля, и королева хотела попросить Робин Гуда и его стрелков выступить на ее стороне против лучников короля.

¹⁰⁰ Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

¹⁰¹ Похоже, такого же мнения придерживается автор, у которого мы позаимствовали следующее описание жизни нашего героя, чтобы показать, как расходятся мнения исследователей в отношении Робин Гуда: «Робин Гуд происходил из знатной семьи графа Хантингтонского. Объявленный королем Генрихом VIII вне закона за множество проступков и нарушений, собрал вокруг себя таких же, как и он, смелых и непокорных людей. Они жили главным образом за счет грабежей, которые совершали в Шервудском лесу графства Ноттингемшир. Эти люди подчинялись ему, и в случае необходимости по сигналу рога ему на помощь могли прийти не менее пятидесяти человек. Робин Гуд был особо привязан к Маленькому Джону, поскольку тот, хотя и происходил из низов, превосходил всех в физической силе и крепости духа. Робин Гуд никого не брал к себе, предварительно не вызвав на поединок, чтобы проверить отвагу, сноровку, умение обращаться с оружием, поэтому зачастую приходил домой израненным и избитым. При этом он не только не держал зла на человека, с которым вступил в схватку, а, наоборот, испытывал к нему уважение. Многие писали прошения королю с просьбами помиловать Робин Гуда, но король, памятуя о множестве преступлений, совершенных Робин Гудом и его приятелями, оставлял их без внимания. Он даже сам в сопровождении внушительной охраны пытался поймать Робин Гуда, считая, что тот должен понести заслуженное наказание. Наконец при содействии и посредничестве королевы Екатерины король сменил гнев на милость, и последние дни своей жизни Робин Гуд провел в собственном доме неподалеку от Ноттингема, окруженный всеобщей любовью и уважением». (Примеч. авт.)

Паж отправился в Ноттингем и по дороге у всех спрашивал о Робин Гуде, где его можно найти, но никто не смог дать ему точного ответа. Паж зашел в одну из таверн в Ноттингеме, попросил, чтобы ему принесли бутылку рейнского вина, и выпил за здоровье королевы. Тут он заметил йомена¹⁰² в зеленой одежде с большим луком в руке.

Йомен подошел к пажу и спросил:

– Что привело тебя, мой юный друг, в эти северные края, как мне кажется, из Лондона?

Паж ответил, что ему нужно найти разбойника Робин Гуда, о котором он расспрашивал каждого встречного, и спросил йомена, не может ли тот помочь ему.

– Могу, конечно, – ответил йомен. – Если ты завтра рано утром сядешь верхом и поедешь со мной, то я покажу тебе Робин Гуда и всех его веселых стрелков.

На следующее утро они оседлали коней, поскакали в лес, и йомен действительно привез юношу в то место, где был Робин Гуд и его вольные стрелки. Паж опустил на колено перед Робин Гудом и сказал:

– Королева Екатерина приветствует тебя в моем лице и в знак расположения прислала тебе это кольцо. Она просит тебя приехать в Лондон, где должно состояться состязание, в котором, по ее мнению, ты должен принять участие.

Робин Гуд, выслушав пажа, снял с себя зеленый плащ, отдал пажу, чтобы он передал его королеве Екатерине в знак согласия, и добавил, что он и его стрелки немедленно отправляются в Лондон.

Все его люди надели ярко-зеленые плащи и черные шляпы с белым пером, а сам Робин Гуд облачился в алый плащ и черную шляпу с белым пером. Вот в таком виде Робин Гуд и его стрелки прибыли в Лондон. Робин Гуд встал на колени перед королевой, и она приветствовала его и его людей. Соревнование между лучниками королевы и короля должно было состояться на следующий день на Финсберийских полях.

Первыми с крайне самоуверенным видом на поле вышли лучники короля, а затем появились Робин Гуд и его стрелки, выступавшие за королеву. Расставили мишени. Король с королевой заключили пари, чьи лучники окажутся лучше. Ставкой в споре были триста бочек рейнского вина, триста бочек отличного английского пива и триста жирных оленей. Затем королева спросила, есть ли среди рыцарей короля те, кто хотел бы принять ее сторону, но таких не оказалось.

– Как мы можем ставить на людей, которых никогда не видели, в то время как знаем, на что способны Клифтон и остальные королевские лучники? – сказали рыцари.

Клифтон был лучшим королевским лучником и страшным хвастуном. Выйдя вперед, он выкрикнул:

– Мой король, не отмеряй нам расстояние до мишени, поскольку наши стрелы долетят и до солнца, и до луны!

Несмотря на заявление Клифтона, Робин Гуд одержал над ним победу. Королева попросила епископа Херефордского поставить на ее лучников, но он поклялся своей митрой, что не поставит на них даже одного пенни, поскольку не знает, на что они способны.

– Сколько же ты поставишь против нас, – спросил его Робин Гуд, – если думаешь, что мы так плохо стреляем?

– Я поставлю все деньги, которые найдутся в моем кошельке, – ответил епископ.

– И сколько же в нем денег?

Епископ высыпал деньги из кошелька на землю, пересчитал и сказал:

¹⁰² Йомены – в феодальной Англии мелкие землевладельцы, самостоятельно обрабатывающие землю. Термин «йомен» отличался известной неопределенностью. Изначально ядро йоменов составляли свободные крестьяне-фригольдеры. Йомены в качестве пеших лучников привлекались к службе в королевской армии. Особенно хорошо они зарекомендовали себя во время Столетней войны. Во времена Генриха VII из них был сформирован гвардейский корпус. К XV веку термин «йомены» распространился на всех крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство. Из йоменов происходили Уильям Шекспир и Исаак Ньютон. (Примеч. пер.)

– Здесь пятнадцать роуз-ноблей,¹⁰³ а это почти сто фунтов.

Тогда Робин Гуд высыпал содержимое своего кошелька на землю рядом с монетами епископа.

После этого они приступили к стрельбе. Первые три выстрела с обеих сторон не выявили победителя; лучники короля и королеввы стреляли одинаково.

– Победитель определится после следующих трех выстрелов, – решил король.

Первыми стреляли королевские лучники, а потом Робин Гуд, Маленький Джон и Мач, сын мельника, и каждый из них попал ближе к центру ивовой мишени, чем лучники короля. После победы своих лучников королева попросила короля выполнить ее просьбу, и король согласился.

– Прошу тебя, – сказала королева, – позволить моим лучникам свободно появляться в Лондоне, когда им захочется развлечься, и, прежде чем они уедут домой, разреши на несколько дней остаться в Лондоне.

– Я разрешаю, – ответил король.

– Тогда добро пожаловать в Лондон, Робин Гуд, – сказала королева, – и Маленький Джон, и Мач, сын мельника, и все остальные.

– Это Робин Гуд? – спросил король. – Но я слышал, что его убили в драке на севере страны.

– Вот это Робин Гуд? – вмешался в разговор епископ. – Если бы я знал, то не стал бы заключать с ним пари.

Однажды воскресным вечером он схватил меня, привязал к дереву и заставил служить обедню с пением для себя и своих дружков.

– И правильно сделал, – ответил Робин Гуд. – Моя душа нуждается в очистительных молитвах.

С этими словами Робин Гуд и его стрелки удалились, а когда истек разрешенный королем срок пребывания в Лондоне, вернулись в Шервудский лес.

Робин Гуд и нищий

Однажды, раздобыв много денег у шерифа из Ноттингема, Робин Гуд купил себе мощного мерина и как-то, отправившись на нем в Ноттингем, повстречал нищего. Робин Гуд пребывал в веселом расположении духа и был готов подшутить над первым встречным. Он заметил, что к залатанной одежде нищего прикреплены какие-то мешочки. Робин подъехал к нищему и, поздоровавшись, спросил, откуда тот родом.

– Из Йоркшира, – ответил нищий. – Подай мне что-нибудь.

– Подать тебе! – воскликнул Робин Гуд. – Почему я должен что-то давать тебе? Я бедный лесничий, а ты кажешься мне толстым мошенником. Хочешь, чтобы я прогулялся палкой по твоей спине?

– Да ладно тебе, успокойся, – урезонил его нищий. – Давай сразимся на палках, и я готов поставить на кон все содержимое моих мешков, что ты проиграешь.

Робин Гуд спешился, и они стали биться, но нищий так ловко орудовал своей дубинкой с железным наконечником, которую использовал в качестве посоха, что Робин, несмотря на все свое мастерство, никак не мог достать его своей палкой, зато на себе испытал, что палка противника как будто сделана из железа, а вот его голова точно была не железная. Робин в

¹⁰³ Роуз-нобль, или реал, с изображением розы на борту корабля. Эти монеты, видимо из-за романтического рисунка и высокой пробы золота, пользовались большой популярностью во многих странах. Им подражали, известен даже уникум русского подражания – монета, отчеканенная Иваном III. В России эти английские монеты получили название «корабельники» и использовались как подарки. Лишь недавно ученые установили, что нобли были отчеканены в память о победе в морском сражении над французами при Слюи в 1340 году, чем и объясняется изображение корабля на этих монетах. Вероятно, автор имел в виду нобль, а не роуз-нобль. (Примеч. пер.)

этом убедился, когда нищий со всей силы ударил его по голове и кровь залила лицо. Придя в бешенство, Робин стал пуще прежнего размахивать палкой, но вскоре понял, что удар по голове был только предвестником серии ударов, которые приближали его к смерти. Он крикнул, чтобы нищий остановился.

– Я остановлюсь только тогда, – ответил нищий, – когда ты отдашь мне своего коня, меч, одежду и все деньги, которые есть у тебя в карманах.

– Это несправедливо, – сказал Робин Гуд, – но я согласен.

Они поменялись одеждой, и, когда вошли в Ноттингем, Робин Гуд был в залатанной одежде нищего, а нищий в одежде Робин Гуда. В тот день в Ноттингеме должны были казнить трех монахов, которые убили оленя в королевском лесу. Робин отправился к дому шерифа. У дверей его остановил молодой человек и спросил, что ему надо. Робин Гуд ответил, что он пришел просить не еду и напитки, а жизнь трех братьев, которых сегодня должны повесить.

– Это невозможно, – ответил молодой человек, – по закону они должны ответить за то, что убили королевского оленя, и их уже повели к месту казни.

– Я должен немедленно отправиться туда, – сказал Робин Гуд.

Подойдя к месту, где была установлена виселица, Робин Гуд увидел, что многие из собравшихся оплакивают приговоренных к казни. Робин Гуд успокоил их и заверил, что казнь не состоится. Он затрубил в рог, и через мгновение появилось около сотни храбрых лучников, которые освободили монахов, убили палача и ранили нескольких людей шерифа. Они забрали с собой приговоренных к повешению за убийство королевского оленя, которые были так благодарны своему спасителю, что остались среди вольных стрелков Робин Гуда.

Робин Гуд и король Ричард

Король Ричард, прослышав о подвигах Робин Гуда и его стрелков, был настолько поражен, что захотел встретиться с ними лично. С дюжиной своих лордов он отправился в Ноттингем. Однажды во время пребывания в Ноттингеме король и его лорды переоделись монахами и отправились верхом к аббатству у источника, расположенному неподалеку от Барнсдейла. По дороге они попали в засаду, устроенную Робин Гудом и его шайкой. Робин Гуд принял короля, который был выше всех ростом, за настоятеля монастыря. Он подошел, схватил его коня за узду и остановил.

– Я борюсь с такими мошенниками, как ты, – сказал Робин Гуд.

– Подожди, – остановил его король, – мы посланники короля, который ждет неподалеку, чтобы поговорить с тобой.

– Боже, храни короля, – сказал Робин Гуд, – и всех его доброжелателей, и пусть будет проклят тот, кто не признает его власти.

– Ты проклинаешь самого себя, – вскричал король, – поскольку ты изменник!

– Не будь ты посланником короля, ты бы пожалел о своих словах. Я жизнь готов отдать за короля. И я не причинял вреда ни одному честному и порядочному человеку, а боролся лишь с теми, кто наживается за счет других. Никогда за всю свою жизнь я не обидел землепашца и охотника. Мой гнев направлен против духовных лиц, которые в наше время захватили большую власть. Я рад, что сегодня встретился с тобой. Пойдем со мной, и ты узнаешь, что такое наше лесное гостеприимство.

Король и его лорды переглянулись, недоумевая, о каком гостеприимстве говорит Робин. А Робин взял королевского коня под уздцы и подвел к своему шатру.

– Я делаю это для вас, поскольку вы посланники короля, – сказал Робин Гуд, – и если у вас с собой много золота, как порой бывает у меня, то с ним ничего не случится, поскольку это золото короля Ричарда.

После этих слов он взял рог и затрубил в него. Из леса тут же появились сто десять стрелков Робин Гуда, и каждый преклонил перед ним колено. «Какое прекрасное зрелище, – подумал король. – Они относятся к своему предводителю с большей почтительностью, чем

мои слуги ко мне. Придворным есть чему поучиться у лесных жителей». Для короля и его лордов накрыли стол, и король признался себе, что никогда не ел ничего вкуснее. Затем Робин Гуд, подняв кружку с элем, сказал:

– Предлагаю выпить за здоровье короля.

Все выпили за здоровье короля, и король вместе с остальными.

После обеда стрелки взяли луки и продемонстрировали королю такое мастерство, что он был вынужден признать, что нигде не видел лучших стрелков.

– Если бы я смог уговорить короля Ричарда простить тебя, – спросил король Робин Гуда, – ты стал бы служить королю?

– С огромным удовольствием, – ответил Робин, и все его стрелки повторили слова своего предводителя.

Тогда Ричард сказал:

– Я – король, ваш повелитель.

При этих словах Робин Гуд и его стрелки упали на колени, но король приказал им встать и сказал, что прощает их всех до единого, но они должны поступить на королевскую службу. Король вернулся в Ноттингем, а вместе с ним приехали Робин Гуд и все его люди, к великой радости жителей города, которым они сильно досаждали в течение долгого времени.

На радость горожанам всем наш Робин с королем
В родной вернулся Ноттингем, где помнили о нем.
Прельстившись лондонским двором, не сплеховал и тут,
Где был когда-то пэром он, живет наш Робин Гуд.

Смерть Робин Гуда

Но все-таки Робин Гуд вернулся в Шервудский лес и там встретил свою смерть. Однажды его ранили в схватке, и он покинул поле боя с Маленьким Джоном.

– Я больше не могу сделать ни одного выстрела, – сказал он Маленькому Джону. – Меня тяжело ранили. Поэтому я отправляюсь к своей кузине, настоятельнице Кирклейского аббатства, она вылечит меня кровопусканием.

Робин Гуд попрощался с Маленьким Джоном и отправился в Кирклей. Когда он добрался туда, силы почти покинули его, и он с трудом постучал в дверь. Кузина вышла на стук, впустила его и только потом, разглядев, что это ее кузен Робин Гуд, изобразила на лице радость.

– Видишь, сестра, как я ослабел, – сказал Робин Гуд. – Умоляю, пусти мне кровь, чтобы я скорее выздоровел.

Кузина взяла его за руку, отвела наверх, уложила в постель и пустила ему кровь. Но эта коварная женщина после кровопускания не перевязала ему руки, и жизнь стала уходить из Робина. Когда он понял, что силы окончательно покидают его, он решил сбежать, но не смог, поскольку дверь была закрыта, а окно находилось так высоко, что он не смог бы из него выпрыгнуть. Тогда, понимая, что скоро умрет, он дотянулся до своего рога, который лежал рядом на кровати, приложил его к губам и трижды протрубил. Хотя он старался изо всех сил, звук был еле слышен. Однако Маленький Джон, сидевший под деревом в лесу, услышал сигнал и сказал:

– Должно быть, Робин умирает, раз рог еле слышно.

Он вскочил и побежал в Кирклей так быстро, как только мог. Дверь была заперта, и он выломал ее и вбежал в комнату, где лежал Робин Гуд. Подойдя к кровати, Маленький Джон упал на колени и сказал:

– Об одном тебя прошу, разреши сжечь дотла весь Кирклей и женский монастырь.

– Нет, – прошептал Робин Гуд, – я не могу удовлетворить твою просьбу. Никогда в своей жизни я не причинял зла женщинам и мужчинам, если они были в обществе женщин,

поэтому не могу позволить, чтобы такое произошло даже после моей смерти. Лучше ты выполни мою просьбу. Дай мне лук, я выпущу стрелу, и ты меня похоронишь в том месте, куда упадет стрела. Вырой для меня просторную могилу, чтобы мне было удобно лежать. Положи мою голову на зеленый дерн, а рядом со мной положи мой большой лук.

Маленький Джон пообещал, что сделает все, о чем просит Робин Гуд. Того похоронили, как он попросил, – на расстоянии пущенной из Кирклея стрелы.

Глава 35 ЧЕВИ-ЧЕЙС

Перси из Нортумберленда
Богом поклялся, ей-ей,
На склонах Чеви, непременно,
Охотиться несколько дней.
В угодиях Дугласа дичь он погнал,
Что после случилось – я вам рассказал.

Томас Перси. 104
Памятники старинной английской поэзии

Для сочинителей баллад не менее популярной темой, чем история Робин Гуда, была битва при Чеви-Чейс. Причиной множества битв, одной из которых была эта битва, были бесконечные пограничные конфликты между шотландцами и англичанами, и поэты не могли обойти стороной эту благодатную тему. Однажды граф Дуглас, крупный шотландский землевладелец, чьи владения располагались на границе с Англией, вторгся в Нортумберленд. В ответ на нанесенное оскорбление лорд Перси пересек реку Твид и оказался в Шотландии.

Может показаться, что зачинщиком битвы при Чеви-Чейс был граф Перси. На самом деле в данном случае не имеет значения, кто первым затеял ссору. Слишком долго они испытывали ненависть по отношению друг к другу, и достаточно было малейшего толчка, чтобы последовал неминуемый взрыв.

БАЛЛАДА О ЧЕВИ-ЧЕЙС

Боже, храни короля, свет очей,
И нас не оставь заботой!
Случилась охота в горах Чеви-Чейс,
Не знаю страшнее охоты.

Охотничьим рогом и лаем собак
Граф Перси гонял там оленей.
Потомки о том не забудут никак,
В котором уже поколение.

Граф Нортумберлендский,
Шотландцев кляня,
Охотиться в Чеви

104 Перси Томас (1729–1811) – английский писатель, собиратель и переводчик фольклора разных народов. Сборник «Памятники старинной английской поэзии» вышел в 1765 году. (Примеч. пер.)

Поклялся три дня.

И лучших оленей
В горах Чеви-Чейс
Убить, чем унижить
Эрл Дугласа честь.

Граф Дуглас клянется – охоте не быть!
Натянуты грозно поводья...
Сэр Перси бесстрашно охоту трубит,
Собравшись к шотландцам в угодыя.

Он лучников лучших повсюду собрал,
Их крепче – из камня не высечь.
Их стрелам доступна и скрытая цель,
Их всех – до полутора тысяч.

Псам резвым погонщики дали бежать,
Следы нагоняя олени,
Как только в Шотландии стало светать,
Охоту открыв в понедельник.

Когда же светило поднялось в зенит,
Превысив надежду и квоту,
Был сотый олень в Чеви-Чейсе убит,
Но Перси продолжил охоту.

Стрелки овладели вершинами гор,
Расширив обзор до предела.
Надежно тылы охраняет дозор
На случай нежданного дела.

И с лаем собаки неслись по лесам,
Охотники мчались со смехом,
И шум от охоты летел к небесам
Пронзительно-радостным эхом.

Лорд Перси пошел посмотреть на трофей,
Наваленный грудой в траву,
Где Дуглас, тому уже несколько дней,
Назначил ему randevu.

То, что приедет сэр Дуглас сюда, —
Из недостовернейших версий.
Он юноша храбрый, но ждать никогда
Не станет его граф Перси.

Однако граф Дуглас, блистая броней,
Явился начальником старшим
Двух тысяч шотландцев, за ближней горой
В походном развернутых марше.

Оставить охоту граф Перси велел,
Оценив сей решительный вид
Шотландцев, покинувших Тивидейл
На реке полноводной Твид.

«За мной, англичане! Не ведая страх —
К победам бесчисленным нашим
На севере, в этих шотландских горах,
Как и южней, за Ла-Маншем.

Лишь дайте, товарищи, махом единым
Решить наши распри вдвоем
С их графом, вступив в поединок,
Все дело покончить копьем».

Граф Дуглас в блестящей на солнце броне
Отважно на Перси глядит.
И скачет навстречу на белом коне
Всех воинов он впереди.

«Покажись, — молвил Дуглас, — скажи, кто так лих?
Кто этот вор и тать,
Чтоб безнаказанно на землях моих
Оленей моих убивать?»

Перси был первым с ответом опять,
Кровь эти слова окропит:
«Мы должны всем объявлять
И показывать, кто мы такие.

Но мы готовы вам дать ответ —
Вас, как оленей, сразим...»
Дуглас торжественно, словно обет,
Гневно бросает им:

«Я положу вашей спеси конец
Здесь на холмах в Чеви-Чейсе.
Вы опытный воин и сильный боец,
Но я не слабее вас, Перси.

И думаю, граф, вы не лиходей,
Сражаться из умысла злого,
Преступно губить неповинных людей,
Не делавших в жизни худого.

Давайте, сэр Перси, мы копыя скрестим
И кровью своею раскрасим...»
Граф Перси в сердцах чертыхнулся за сим
И кратко ответил: «Согласен!»

Оруженосец Визерингтон
Был с Перси на той горе.

«Что ж, – с возмущением выкрикнул он, —
Я расскажу при дворе?!

Когда будет драться с врагом мой барон —
Забьются у тысяч сердца!
Вы оба – графы, – сказал Визерингтон, —
А оруженосец – я.

Я буду биться, не ведая страх,
Без сечи – мне нет житья.
Покуда держу этот меч в руках —
Буду сражаться я!»

В шотландца нацелен английский лук,
Свист стрел на лету затих —
Среди шотландцев попадали вдруг
Восемьдесят из них.

Сэр Дуглас под залпом стоял в полный рост,
От страха не бросило в жар.
Не сник, не согнулся, оставив свой пост,
А принял достойно удар.

Натрое войско разбил он свое —
Таков стратегический план.
Шотландские копья с трех разных сторон
Готовы проткнуть англичан.

Не стоит охота подобных утрат.
И Перси, и Дугласу – худо,
Но с яростью графы и сотни солдат
Убить пожелали друг друга.

Немало отважных тогда полегло,
Врага поразив на прощанье,
Упорно сражаясь с мечом наголо,
Держали ряды англичане.

Отброшены луки. Кипит ближний бой.
Бойцы разобрались на пары
И смерть окровавленной водит рукой,
Вокруг раздавая удары.

Враги наседают, нет силы уже,
И воины гибнут, не каясь,
А множество самых достойных мужей
Лежат на земле, задыхаясь.

Господи! Слышал ли кто до сих пор
Боль, в небо орущую тупо?
Ужас и вид окровавленных гор,
Ставших вдруг выше от трупов.

Как ангелы мести, с потухших небес,
Сошлись предводители бойни.
Как львы, защищая исконно свой лес,
Угодия предков покойных.

И потом, и кровью облились князья,
И жаром вражды обливали
Себя и друг друга, с упорством разя
Мечами отпущенной стали.

«Сдавайся, граф Перси, и, жизнь продля,
Для чести все доводы вески —
Шотландского я упрошу короля
Тебя наградить королевски.

Я отступными превышу рекорд,
Свою приложу я печать.
К буле, что сэр Перси – храбрейший лорд,
Из всех, что пришлось встречать».

«Нет, Дуглас, – вспыхнул у Перси взор, —
Я жизнь себе не куплю.
Не родился еще житель гор,
Которому я уступлю!»

Но тут лук английский, не обессудь,
Шотландцам стрелу послал.
Стрела отыскала сэра Дугласа грудь
И тот перед смертью сказал:

«Более не упражнять мне слог —
Пусть правит войны закон.
Граф Перси, наверное, видеть мог —
Меня продырявил английский стрелок,
А вовсе даже не он».

Граф Перси вдруг замер в ужасном бою
И Дугласа руку сжал с силой.
«Я отдал бы даром всю землю мою,
Когда б она вас воскресила.

Как же случилось среди христиан,
Главу посыпаю золою,
Что воин, возглавивший рыцарский клан,
Случайно повержен стрелою».

Среди шотландцев был рыцарь один —
Посланник сэра Дугласа мести.
Поскольку Шотландии сей верный сын —
Стал кровным врагом сэра Перси.

Итак, это был сэр Монтгомери Хью,
Верхом, англичанам вразрез,
Он брешь протыкает в английском строю
С копьем своим наперевес.

Волынка шотландская славу поет
Кровавым холмам Чеви-Чейса,
Так ловко навyleт пробило копье
Доспехи и грудь сэра Перси.

Сэр Хью причинил ему страшный урон,
Ударив с наскока и люто,
Копье оголилось с обеих сторон
Не менее чем на три фута.

Второй уже граф был поверженным в прах,
В горах, где с охотою мчался...
Вновь туго натянут английский был лук,
Как только сэр Перси скончался.

И, перекрывая сражения гул,
Сэр Хью, его сильное тело,
Английский стрелок добрый лук натянул —
Стрела отходную пропела.

Монтгомери храбрый скатился в пыли,
Мгновение сцена продлилась,
И на оперенье английской стрелы
Шотландская кровь заструилась.

С рассвета кровавая лава текла
До полного солнца сожженья.
К вечерне звонили уж колокола,
Когда затухало сражение.

Сэр Перси убит и в земле погребен,
Сэр Джон Эгертонский, сэр Джеймс, барон,
Сэр Роберт Ратклиф в этот список включен,
А также барон, сэр Джон.

Сэр Джордж и сэр Джеймс – таких не найти,
А также и славный сэр Рэби,
Чью доблесть в сражениях не превзойти,
В погоне за славой, на гребне.

А Визерингтона – враг лучше б убил,
Как славных соратников многих.
Шотландцев с колен этот мальчик разил,
Поскольку отрублены ноги.

Там с Дугласом вместе,
Господь, береги Монтгомери в царстве юдоли;

Сэр Чарльза Мюррея, без правой ноги,
Упавшей на бранное поле.

Из Ратклифа пал еще Чарльз Мюррей,
Из однофамильцев, затем,
Старше не станет теперь и старей
Рыцарь сэр Дэвид Лэм.

Лорд Максвелл в числе тяжелых утрат
Погиб, как сэр Дуглас тогда,
Всего из двух тысяч шотландских ребят
Осталось полсотни едва...

Английских стрелков – тоже не укори,
В охоте их весь интерес.
С полутора тысяч – их пятьдесят три
Покинули Чеви-Чейс.

Позднее, по следу мечей и ножей,
Оплакать и похоронить
Явились вдовы погибших мужей,
Но воинов – не воскресить.

Их тел разобрали кровавый затор,
Домой потащили, пыля.
Они целовали родных до тех пор,
Пока не взяла их земля.

До Эдинбурга дошла эта боль,
Нарушив обычный покой,
О Дугласе знает шотландский король,
Сраженном английской стрелой.

«Печальные вести. Померк белый свет —
Как призрачна жизнь порою.
Второго, как Дуглас, в Шотландии нет
И я салютую герою».

А вскоре, по Англии доброй пыля,
О Перси, покрытом попоной,
Известие достигло ушей короля
Под славной английской короной.

«Теперь он на небе, – заметил король,
Псалмы со святыми поет,
А я – собирать удалцов изволь,
Таких же, как он, пятьсот.

Я соберу и шотландцам воздам,
С лихвою им хватит, поверьте,
И с новой охотой пройду по следам
Погибшего там графа Перси».

Навеки запомнит разгром Хамблдон
За клятвой случившейся гордой,
Где за день слегли на английский газон
Полсотни прославленных лордов.

И тысячи гибли, а где и чья честь,
Уже не ответит граф Перси,
Решивший охотиться на Чеви-Чейс,
В шотландских горах, хоть ты тресни.

Боже, спаси короля и трон
От войн, потравы и мора.
Пусть мир к нам приходит с разных сторон,
А знать – прекратит раздоры.

Глава 36 БИТВА ПРИ ОТТЕРБУРНЕ

В день жатвы это произошло, Когда мечут в лугах стога, В английских землях Дуглас решил Поохотиться на врага.

При Оттербурне произошла еще одна знаменитая битва между Англией и Шотландией, причиной которой тоже был пограничный конфликт. Оттербурн, город в Нортумберленде, где, как и в битве при Чеви-Чейс, померились силой семейства Дуглас и Перси. В этой битве граф Дуглас погиб, а сэр Генри Перси (Готспер) был взят в плен. История, рассказанная на страницах этой книги, основана на хрониках Жана Фруассара.¹⁰⁵

Мы начинаем *in medias res* ¹⁰⁶ – с набега шотландцев, во время которого граф Дуглас, граф Марча и Данбара и граф Мар проникли в Англию до города Дарем и теперь возвращались в Шотландию.

Три шотландских лорда, достигнув цели своей экспедиции – Дарема, остановились у Ньюкасла на три дня, которые прошли в непрерывных схватках. Благодаря отваге и искусному владению копьём сыновья графа Нортумберлендского одержали много побед. Граф Дуглас сошелся в схватке с сэром Генри Перси и, к досаде Перси и других англичан, в конечном итоге одержал победу и захватил его флаг.

– Я отвезу этот символ проявленной мной доблести в Шотландию и повешу на башне своего замка в Далкейте, чтобы он был виден издалека, – сказал граф Дуглас.

– Господь с тобой, граф Дуглас, – ответил сэр Генри, – ты не сможешь его вывезти из Нортумберленда, а значит, никогда не сможешь похвастаться этим флагом.

– Тогда тебе придется прийти сюда сегодня ночью и забрать его. Я установлю этот флаг перед своим шатром и посмотрю, осмелишься ли ты явиться за ним.

Поскольку было уже поздно, схватки закончились и стороны разошлись по своим

¹⁰⁵ Фруассар Жан – французский хронист и поэт. Родился около 1337 года в Валансьене. В числе его покровителей были английская королева Филиппа и принц Уэльский Эдуард (Черный Принц). Его хроники Англии, Франции и Испании охватывают период с 1327 по 1400 год, то есть примерно первую половину Столетней войны. Видимо, Фруассар начал вести записи около 1373 года, к тому времени уже состоявшиеся как поэт. Картина обычаев и нравов дворянства XIV века – ценнейший вклад Фруассара в социальную историю. При множестве фактических погрешностей и путанице в хронологии Фруассар остается важнейшим летописцем Столетней войны. (Примеч. пер.)

¹⁰⁶ «В середину вещей», прямо к делу, к сути дела (лат.). (Примеч. пер.)

лагерям, чтобы отдохнуть. Еды было вдоволь, особенно мяса. Шотландцы выставили усиленную охрану, поскольку помнили заявление сэра Перси о том, что ночью их лагерь будет атакован.

Утром шотландцы покинули лагерь у Ньюкасла и, двинувшись в сторону дома, около четырех часов утра подъехали к замку сэра Раймонда де Лавалля, лорда, одного из самых доблестных рыцарей Нортумберленда. Выяснив, что владелец находится в замке, они стали готовиться к осаде, и действовали настолько умело и решительно, что вскоре захватили замок, а владельца взяли в плен. Затем шотландцы сожгли замок и направились к Оттербурну, где и разбили лагерь. В этот день они не стали нападать на замок, а утром следующего дня раздались звуки их труб, и они приготовились атаковать хорошо укрепленный замок, расположенный среди болот. За день они так устали от продолжительной и безуспешной атаки, что решили отступить. Вернувшись в лагерь, они стали держать совет. Большинство было за то, чтобы завтра свернуть лагерь, отправиться домой, не предпринимая повторной атаки на замок, и присоединиться к своим соотечественникам в Карлайле. Однако граф Дуглас категорически отверг это предложение.

– Позавчера сэр Генри Перси заявил, что отнимет у меня флаг, который я завоевал в честном бою у Ньюкасла, и я останусь здесь на два-три дня. Замок должен быть взят, поэтому мы возобновим его осаду. Это только добавит нам славы, и посмотрим, придет ли он за своим флагом. Если придет, то нам надо всерьез подумать об обороне.

Все согласились с тем, что сказал граф Дуглас, и не только ради будущей славы, но и потому, что граф Дуглас был главным среди них. Выразив ему почтение, все спокойно разошлись по местам. Они сделали из стволов и ветвей укрытия на случай внезапного нападения. Слуг с багажом разместили у болота, расположенного по дороге в Ньюкасл, а скот спрятали на болоте.

А теперь пора вернуться к сэру Генри и сэру Ральфу Перси, которые были очень расстроены тем, что граф Дуглас отвоевал у них флаг в битве под Ньюкаслем. Кроме того, они испытывали стыд, что сэр Генри не сдержал своего слова; ведь он сказал сэру Дугласу, что тому не удастся вывезти флаг из Англии, о чем не преминул объявить рыцарям, которые были с ним под Ньюкаслем. Англичане решили, что войско под предводительством Дугласа – только авангард шотландской армии и скоро подтянутся основные силы. По этой причине рыцари, имевшие большой опыт и лучше разбиравшиеся в военных делах, резко возражали против предложения сэра Генри Перси преследовать шотландцев.

– Сэр, – сказали они, – война связана с большими потерями. Если даже граф Дуглас и отбил у вас флаг, то он достался ему дорогой ценой, поскольку он пришел к вам, чтобы вступить в схватку, и ему был оказан соответствующий прием. В другой раз вы одержите победу и возьмете у него столько же, если не больше. Мы говорим так потому, что и вы, и мы знаем, что на этот раз Шотландия направила сюда все свое войско. Мы не настолько сильны, чтобы вступить с ними в сражение. Может, эта схватка всего лишь ловушка, чтобы выманить нас из города. Если, как предполагают, их сорок тысяч человек, они легко возьмут нас в окружение и сделают с нами что захотят. Намного лучше потерять флаг, чем двести—триста рыцарей, и оставить нашу землю без защиты.

Эти слова поумерили пыл братьев Перси, которые не могли действовать наперекор решению, принятому на совете. Они еще продолжали совещаться, когда прибыли со свежими новостями рыцари, которые следили за передвижением шотландцев и выяснили их численность и месторасположение. Сведения были достоверные, поскольку рыцари неотступно следовали за шотландцами.

– Сэр Генри и сэр Ральф Перси, мы пришли, чтобы сказать вам, что все время следовали за шотландцами. Сначала они захватили замок и взяли в плен сэра Раймонда де Лавалля. Оттуда они отправились к Оттербурну и расположились на ночь. Мы не знаем, что они делали на следующий день, но, похоже, собираются там задержаться. Нам точно известно, что в их армии не больше трех тысяч человек.

Услышав это, сэр Перси радостно воскликнул:

– На коней! На коней! Клянусь Богом, этой ночью я верну свой флаг и разобью шотландцев в их лагере!

Рыцари Ньюкасла приняли решение присоединиться к войску Перси.

В городе со дня на день ожидали прибытия епископа из Дарема, до которого дошло известие о вторжении шотландцев и что сыновья графа Нортумберленда готовятся дать им бой. Епископ собрал рыцарей и поспешил на помощь. Но сэр Генри не стал дожидаться подкрепления. Шестьсот рыцарей и более восьми тысяч пехотинцев во главе с сэром Генри Перси отправились к Оттербурну, чтобы вступить в бой с шотландцами, у которых было всего триста копий и две тысячи пехотинцев. Закончив сборы, армия под предводительством сэра Генри Перси в строгом порядке покинула Ньюкасл и двинулась в сторону Оттербурна по той же дороге, по которой до этого проследовали шотландцы.

Шотландцы ужинали, а некоторые уже спали, устав от изнуряющей осады замка, которую они решили возобновить с раннего утра, и тут подошли англичане, которые приняли хижины, построенные для слуг, за жилища господ. Они попытались прорваться в лагерь, который, однако, был хорошо защищен, выкрикивая: «Перси! Перси!» Как и предполагается в подобных случаях, скоро раздался сигнал тревоги, и шотландцам повезло, что англичане сначала напали на слуг, которые приостановили наступление противника. Шотландцы, ожидавшие англичан, подготовились должным образом, и, пока лорды облачались в доспехи, на помощь слугам были направлены пехотинцы. Облаченные в доспехи шотландские рыцари выступили под флагами трех главных баронов, каждый из которых во время боя решал поставленную перед ним задачу. Стоял август, когда ночи еще теплые и небо безоблачное, и, хотя уже стали сгущаться сумерки, было еще достаточно светло, благодаря яркому лунному свету.

Готовые к бою шотландцы построились в полном молчании и покинули лагерь, но двинулись не к месту боя, а по склону горы. Накануне они внимательно изучали окрестности, считая, что если появятся англичане, чтобы напасть на лагерь, то знание местности будет иметь важное значение. Они попытались предусмотреть все, поскольку тем, кто ожидает нападения, да еще и ночью, необходимо заранее продумать, как построить оборону, и взвесить шансы на успех и поражение. Англичане вскоре одолели слуг и, войдя в лагерь, встретили свежие силы, готовые выступить против них и продолжить борьбу. Тем временем шотландцы прошли по склону горы и с громкими криками внезапно обрушились на неприятельский фланг. Это явилось большой неожиданностью для англичан, хотя они и успели перестроиться.

Разгорелся яростный бой. С самого начала обе стороны понесли большие потери, поскольку и те и другие искусно владели копьями. Англичане, численно превосходящие противника и стремившиеся во что бы то ни стало одержать победу, сохраняли тесный строй и заставили шотландцев отступить. Граф Дуглас, молодой, горячий, стремившийся прославить себя ратными подвигами, приказал знаменосцу выдвинуться со знаменем вперед и кричать: «Дуглас! Дуглас!» Сэр Генри и сэр Ральф Перси, возмущенные тем, что граф Дуглас, захватив флаг, нанес им оскорбление, и жаждавшие вступить в схватку, бросились туда, откуда доносились крики, в свою очередь выкрикивая: «Перси! Перси!» Англичан было больше, и они сражались с такой яростью, что отбросили шотландцев. Сэр Патрик Хепберн с сыном, которого, как и отца, звали Патрик, прославили рыцарское звание и свою родину, доблестно сражаясь под знаменем Дугласа; если бы не они, то знамя могло оказаться у англичан.

Рыцари обеих сторон были полны решимости продолжать бой, пока хватит сил держать копья. Там не было места трусости; благородные юноши Англии и Шотландии демонстрировали чудеса храбрости и непревзойденное мужество. Воины так сгрудились, что лучники не могли стрелять, опасаясь попасть в своих, и бились врукопашную. Шотландцы сражались с невиданной храбростью, ведь англичан было втрое больше. Я не хочу сказать, что англичане проявили меньше отваги; они были готовы скорее погибнуть или попасть в плен, чем бежать с поля боя, но все-таки их было больше, чем шотландцев. Воины,

сражавшиеся под знаменами Дугласа и Перси, делали все возможное, чтобы добиться победы. Но в этом бою англичане были настолько сильнее, что заставили шотландцев отступать. Граф Дуглас при виде отступающих воинов схватил боевой топор и ринулся в гущу противника, нанося удары направо и налево. Ни доспехи, ни шлемы не могли защитить от безжалостных ударов его боевого топора, и англичанам не оставалось ничего другого, как расступаться перед Дугласом. Так он наступал, словно новый Гектор,¹⁰⁷ вдохновляя своих воинов личным примером в надежде отвоевать утраченные позиции и завоевать победу, пока не встретился с тремя копьями, направленными на него.

Одно поразило его в плечо, второе в живот, а третье вошло в бедро. Упав на землю, он продолжал отчаянно отбиваться. Дуглас уже не поднялся с земли. Хотя в небе сияла луна, но было уже довольно темно, и три английских всадника догадались, что поразили какого-то знатного воина, но не поняли, что это был граф Дуглас. Если бы они знали об этом, то от радости сражались бы с удвоенной силой, и победа, безусловно, была бы на их стороне. Шотландцы не знали о своей потере до окончания битвы, а если бы знали, то от отчаяния наверняка бы потерпели поражение.

А сейчас я расскажу, что случилось с графом после того, как он упал на землю. Не обратив никакого внимания, англичане прошли мимо, не предполагая, что на земле с разбитой головой и воткнутым в бедро копьем лежит их главный враг. На другом конце поля отважно сражался граф Марч и Данбара. Граф Мар так яростно преследовал англичан, что они не знали, как противостоять его натиску. Из всех сражений, о которых говорилось в этой истории, это сражение было самым ожесточенным. Не было ни одного воина, ни одного рыцаря, который бы не проявил отваги в рукопашном бою. В чем-то это сражение напоминало битву при Кошереле,¹⁰⁸ которая также долго и горячо обсуждалась.

Сыновья графа Нортумберлендского, сэр Генри и сэр Ральф, возглавившие поход, показали себя храбрыми рыцарями. С сэром Ральфом едва не произошло того же, что случилось с графом Дугласом. Оказавшись в гуще противника, он был тяжело ранен и, почти бездыханный, сдался шотландскому рыцарю сэру Джону Максвеллу.

Поскольку было темно, и сэр Максвелл не узнал пленника, он попросил его назвать свое имя. Сильно ослабевший от потери крови сэр Ральф чуть слышно прошептал, что он сэр Ральф Перси.

– Теперь, сэр Ральф, ты мой пленник! – воскликнул рыцарь. – Меня зовут Максвелл.

– Я согласен, – сказал сэр Ральф, – но удели мне немного внимания. Я серьезно ранен, и мои наголенники полны крови.

Шотландец повел себя очень достойно. Услышав крик графа Мара и увидев приближающееся знамя, сэр Максвелл направился к графу.

– Господин, – обратился он к нему, – я взял в плен сэра Ральфа Перси. Передаю его вам. Пусть о нем позаботятся, поскольку он тяжело ранен.

Граф Мар очень обрадовался и сказал:

– Максвелл, сегодня ты славно потрудился.

Граф поручил пленника своим людям, которые перевязали его раны. Битва не утихала, и в тот момент никто не мог сказать, кто в результате окажется победителем.

В ту ночь молодой граф Дуглас проявил чудеса отваги, но поверженный наземь, окруженный огромной толпой, он не смог подняться на ноги. Его люди старались держаться как можно ближе к нему, в том числе и его кузенам, сэру Джеймсу Линдсею, сэру Джону Синклеру и сэру Уолтеру Синклеру. Рядом с графом находился отважный рыцарь, который

¹⁰⁷ Гектор, в греческой мифологии сын Приама и Гекубы, главный троянский герой в Илиаде Гомера. Гектор убил Протесилая, который первым вступил на троянскую землю, а на десятом году войны, как старший сын Приама и его непосредственный преемник, возглавлял боевые действия троянцев, сам отличаясь силой и героизмом. (Примеч. пер.)

¹⁰⁸ В битве при Кошереле в мае 1364 года французы разгромили англо-наваррскую армию. (Примеч. пер.)

всю ночь следовал за графом с боевым топором в руках и не раз помогал графу отбиваться от англичан. Он был капелланом, но на эту ночь превратился в храброго всадника. Своим поведением он заслужил благодарность соплеменников и в том же году в качестве награды получил звание архидьякона и стал каноником в Абердине. Его звали сэр Уильям из Норт-Бервика. По правде говоря, он был словно создан для того, чтобы блистать в сражениях, и в этом бою получил серьезное ранение. Когда перечисленные выше рыцари подъехали к графу Дугласу, он находился в тяжелом состоянии, как и лежавший рядом с ним рыцарь, сэр Роберт Харт, который всю ночь сражался бок о бок с графом и получил пятнадцать ран от копий и другого оружия.

– Кузен, – спросил графа Дугласа сэр Джон Синклер, – как ты себя чувствуешь?

– Неважно, – ответил граф. – Славу богу, что только немногие из моих предков умерли в покоех или в постели. Прошу тебя, отомсти за мою смерть, поскольку у меня мало надежды на то, что я выживу; с каждой минутой мое сердце бьется все слабее. Ты, Уолтер, и ты, сэр Джон Синклер, поднимите мое знамя, которое, я это знаю, лежит на земле с тех пор, как убит мой знаменосец Дэвид Кэмпбелл. Этот отважный воин отказался сегодня принять от меня рыцарское звание, хотя по отваге и преданности равен самым доблестным рыцарям. Продолжайте кричать «Дуглас! Дуглас!», поскольку, если враги узнают правду обо мне, они очень обрадуются.

Братья подчинились его приказу. Знамя подняли, и опять повсюду разносился крик: «Дуглас! Дуглас!» Оставшиеся позади шотландцы, услышав часто повторяемый крик, собрали все свое мужество и перешли в такое мощное наступление, что англичане отступили, понеся значительные потери. Шотландцы отбросили врага от того места, где лежал мертвый граф Дуглас, который испустил дух сразу же после отданного им последнего приказа, и собрались под его знаменем, которое держал сэр Джон Синклер. Вскоре большая часть шотландцев, привлеченная криками «Дуглас!», собралась под знаменем. Подошли граф Мар и граф Марч со своими знаменами и людьми. Когда все собрались и увидели, что англичане отступают, битва разгорелась с большей силой, чем прежде.

По правде говоря, англичанам было труднее, чем шотландцам, поскольку вечером они совершили марш из Ньюкасла-на-Тайне до места, где они встретились с шотландцами, так что многие устали еще до начала боя, в то время как шотландцы успели отдохнуть, и это неоспоримое преимущество выявилося в ходе сражения. В результате последнего наступления они рассеяли англичан, и те уже не смогли сплотить ряды. Во время этого наступления сэр Генри Перси имел несчастье столкнуться с лордом Монтгомери, одним из самых доблестных рыцарей Шотландии. Они долго бились врукопашную, не уступая друг другу в отваге, но без особого успеха. В конце концов лорду Монтгомери удалось взять в плен сэра Перси.

Глава 37

ЭДУАРД ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ. «ICH DIEN»¹⁰⁹

Последним героем английского рыцарства, с которым мы познакомимся на страницах этой книги, будет Эдуард Черный Принц. Мы выбрали битвы при Креси и Пуатье, чтобы показать самую характерную сторону рыцарства этого самого благородного из английских принцев.

Битва при Креси

Англичане, разделенные на три отряда, сидели на земле, но при виде приближающегося

¹⁰⁹ Я служу (нем.). (Примеч. пер.)

противника поднялись и бесстрашно врезались в их ряды. Первыми были люди принца,¹¹⁰ чьи лучники были построены по диагонали, а за ними находились спешенные рыцари. Графы Нортумберленд и Арундел, которые командовали вторым отрядом, заняли позицию на фланге, чтобы в случае необходимости оказать помощь принцу.¹¹¹

Да будет вам известно, что короли, графы, бароны и лорды Франции, не признавая регулярного порядка, наступали один за другим или в любом порядке по собственному усмотрению. Завидев англичан, король Франции почувствовал, как закипела его кровь, и крикнул своим маршалам:

– Прикажите генуэзцам выдвигаться и вступать в бой, во имя Господа и святого Дени.

Генуэзских арбалетчиков было порядка пятнадцати тысяч, пройдя в тот день походным маршем шесть лиг¹¹² с тяжелыми арбалетами, они сильно устали.

Они сказали, что сегодня не способны на подвиги. Узнав об этом, граф Алансон раздраженно сказал:

– Вот что получается, когда имеешь дело с такими мерзавцами, которые ни на что не годны именно тогда, когда они нужны.

Внезапно над войсками с жутким шумом пролетела огромная стая ворон, и сразу с неба хлынул сильный дождь, который сопровождался грозой и затмением солнца. Однако вскоре прояснилось, и опять засияло солнце, но французам солнце светило в глаза, а англичанам в спину. Когда генуэзцев все-таки удалось построить и они, двинувшись на англичан, издали боевой клич для устрашения противника, англичане не обратили на это ни малейшего внимания. Тогда они издали еще один боевой клич и еще немного продвинулись; англичане стояли как вкопанные. Издав третий боевой клич, генуэзцы открыли стрельбу из арбалетов. Английские лучники шагнули вперед и стали пускать стрелы так часто и с такой яростью, что казалось, будто пошел снег. Когда генуэзцы испытали на себе силу английских стрел, которые пробивали доспехи и щиты, а то и срезали тетиву арбалетов и даже валили с ног, то развернулись и побежали с поля боя. У французов была большая группа всадников в богатых доспехах, которые должны были оказывать поддержку арбалетчикам. Французский король, увидев, что генуэзцы отступают, закричал:

– Убейте этих мерзавцев, поскольку они только мешают нашему наступлению!

И французские рыцари убили всех дезертиров, которых смогли догнать.

Английские лучники не прекращали интенсивную стрельбу. Многие конные рыцари, убитые и раненные стрелами, падали среди генуэзцев; оставшиеся без всадников кони врезались в ряды арбалетчиков. Началась паника, и не было уже никакой надежды на то, что удастся восстановить боевой порядок. Был убит отважный король Богемии, Иоанн Люксембургский, сын доблестного короля и императора Генриха Люксембургского.¹¹³

Услышав приказ к бою, он спросил, где его сын, Карл. Слуги ответили, что не знают, но уверены, что сражается. Тогда король сказал:

¹¹⁰ Эдуард Черный Принц, сын Эдуарда III. (Примеч. пер.)

¹¹¹ Описывая позицию англичан, военный историк Гейсман отмечал, что она состояла из трех линий: «Первая баталия боевой части принца Уэльского, в составе фаланги из 800 рыцарей, 2 тысяч лучников и тысячи уэльских пехотинцев, развернулась впереди, имея за собой, в виде резерва, вторую баталию Нортгемптона (граф Нортумберленд) и Арондела (граф Арундел), состоящую из 800 рыцарей и 1200 лучников. Третья баталия в составе 700 рыцарей и 2 тысяч лучников образовала общий резерв. Всего у англичан было 8500—10 000 человек; сзади вагенбург, или „парк“, а в нем все лошади, так как вся кавалерия должна была сражаться в пешем строю». (Примеч. пер.)

¹¹² Сухопутная английская лига = 3 сухопутным милям = 4,8279 км. (Примеч. пер.)

¹¹³ Генрих VII, известный также как Генрих Люксембургский, германский король и император Священной Римской империи. (Примеч. пер.)

– Господа, вы все мои подданные, мои друзья и братья по оружию. Отведите меня в гущу сражения, чтобы я смог нанести хотя бы один удар мечом.¹¹⁴

Рыцари, чтобы не потерять короля в гуще боя, связали вместе поводья своих коней, а короля, чтобы он смог исполнить свое желание, выдвинули вперед и двинулись навстречу англичанам. Карл Богемский, который уже подписывался как король Германии и имел герб, вступил в бой, но, когда увидел, что верх берут англичане, бежал с поля боя, и я не знаю, в каком направлении. Его отец, Иоанн Слепой, ловко орудовал мечом в гуще врага; и он, и его приближенные показали себя отважными воинами. Все они были убиты. На следующий день нашли их тела, лежащие на земле, и их коней, связанных вместе.

Граф Алансон наступал на англичан ровным строем, чтобы вступить с ними в бой, как и граф Фландрский на другом конце поля. Оба графа со своими отрядами, двигаясь рядом с лучниками, подошли к отряду принца и смело вступили в бой. Французский король стремился туда, где развевались его знамена, но путь ему преграждали лучники. В тот день он подарил красивую вороную лошадь графу Жану Эно, который посадил на нее своего рыцаря со знаменем. Рыцарь поскакал, прорвал строй англичан, а на обратном пути лошадь оступилась, свалилась в канаву и серьезно ранила всадника. Он бы погиб, если бы не его паж, который неотступно следовал за ним и пришел на помощь, когда увидел, что его господин не может встать. Рыцарю повезло, что в тот день англичане не выходили из строя, чтобы взять противника в плен. Паж спешил, помог рыцарю подняться, но вернуться тем же путем, каким он добрался до этого места, уже не представлялось возможным.

Эта битва, происходившая в субботу между Бруа и Креси, была жестокой и кровопролитной. Много было совершено боевых подвигов, о которых никогда раньше не слышали. К вечеру многие французские рыцари потеряли своих господ. Они рассыпались по долине, атакуя англичан маленькими группами. Вскоре все они были убиты. В тот день англичане были настроены очень решительно. Они ничего не хотели слышать ни о выкупе, ни о том, чтобы пощадить жизнь сдавшихся на милость победителя.

Несколько раньше отдельные части французов, германцев и савойцев прорвались через лучников принца и вступили в бой, но на помощь принцу пришел второй отряд, без которого ему пришлось бы трудно. Первый отряд, оказавшись в тяжелом положении, спешно отправил рыцаря к английскому королю Эдуарду III, который расположился на холме рядом с ветряной мельницей.

– Сэр, – обратился к королю рыцарь, – граф Уорвик, лорд Стаффорд, лорд Реджинальд Кобхэм и другие соратники вашего сына подвергаются жестокой атаке французов, и они просят, чтобы вы с вашим отрядом приехали на помощь, поскольку в том случае, если французов станет больше, принцу будет трудно отразить атаку.

– Мой сын убит, потерял коня или настолько тяжело ранен, что не может постоять за себя? – спросил король.

– Славу богу, ничего подобного, – ответил рыцарь, – но бой такой жаркий, что он очень нуждается в вашей помощи.

– Тогда, сэр Томас, возвращайся к тем, кто тебя послал, и передай, чтобы они больше никого ко мне не присылали и не ждали, что я приеду, пока жив мой сын. Еще им скажи, что я приказал, чтобы они позволили моему сыну завоевать признание, поскольку я решил, если на то будет милость Божья, что вся слава этого дня достанется моему сыну и тем, кому я его доверил.

Рыцарь вернулся и пересказал ответ короля тем, кто послал его. Ответ короля воодушевил лордов, но в то же время заставил пожалеть, что они обратились к королю с

¹¹⁴ Иоанн Слепой, король Богемии и граф Люксембургский, считался образцом рыцарства. Несмотря на плохое зрение, а в конце жизни – полную слепоту, участвовал в турнирах и сражениях по всей Европе и погиб в битве при Креси, сражаясь на стороне французов. Он всю жизнь был сторонником и приверженцем Франции, и именно это побуждало его принимать участие в многочисленных конфликтах Франции с ее врагами. (Примеч. пер.)

подобной просьбой.

К позднему вечеру у короля Франции оставалось не более шестидесяти человек. Лошадь короля была убита попавшей в нее английской стрелой, и на другую лошадь королю помог сесть граф Эно, который теперь обратился к королю с такими словами:

– Сир, отступите, пока у вас есть такая возможность, и не подвергайте себя опасности. Если вы проиграете эту битву, то сможете победить в другой.

Он взял королевскую лошадь под уздцы и силой повел прочь. Король скакал до тех пор, пока не подъехал к замку Бруа. Было уже очень поздно, поэтому ворота были закрыты. Король приказал, чтобы вызвали коменданта.

– Кто спрашивает меня в такой поздний час? – спросил появившийся на крепостной стене комендант.

– Открывай, открывай ворота, это судьба Франции.

Комендант, услышав голос короля, немедленно спустился, открыл ворота и опустил мост. Король в сопровождении пяти баронов, среди них был граф Жан Эно, въехал в замок. Король не стал задерживаться в замке. Немного отдохнув, он со своими спутниками около полуночи отправился дальше в сопровождении проводников, хорошо знавших местность, и к рассвету прибыл в Амьен. В субботу англичане не стали нарушать строй ради преследования противника, а остались на поле боя в прежнем порядке, выставив дозоры и подготовившись к обороне в случае нападения. Наконец к вечеру французы окончательно покинули поле боя, и битва закончилась.

Когда в ночь с субботы на воскресенье англичане перестали слышать боевые кличи, приказы собраться у знамени, выкрикиваемые имена их военачальников, они поняли, что битва выиграна и их враги разбиты. Было темно, и они развели большие костры и зажгли факелы, чтобы отпраздновать победу. И тут появился король Эдуард, который за весь день даже не надел шлема, и вместе со своим отрядом подошел к принцу Уэльскому. Король обнял сына, расцеловал и сказал:

– Дорогой сын, Господь наделил тебя стойкостью. Ты – мой сын, и сегодня ты наилучшим образом доказал свою преданность. Ты достоин быть сувереном.

Принц низко поклонился, отдавая почести отцу и королю. В течение ночи англичане не переставали благодарить Господа за счастливый исход дня, причем вели себя спокойно, поскольку король запретил устраивать беспорядки.

В битве при Креси Черный Принц завоевал признание, но наивысшим достижением его жизни стала победа при Пуатье – битва, которую он выиграл самостоятельно со своим войском, когда его отец Эдуард III находился не во Франции, а в Англии. По условиям мира, заключенного в Бретиньи, Франция отдала Англии несколько провинций, и Эдуард получил, кроме Гиени и Гаскони, которыми владел прежде, Пуату, Сентонж, Аженуа, Перигор, Лимузен, Ангумуа, Руэрг, Кале и некоторые другие провинции со всеми правами верховного владетеля и, создав отдельное королевство, управлял им до самой смерти. Он так и не взойшел на английский трон; Эдуарду III наследовал его сын, Ричард II.

Битва при Пуатье

Воскресным утром король Франции Иоанн II Добрый, которому не терпелось сразиться с англичанами, распорядился отслужить торжественную мессу в королевском шатре, и он и его четверо сыновей причастились. Когда служба закончилась, к королю подошли бароны и лорды, которые были приглашены для участия в совете. После долгого обсуждения было принято решение: армия выдвигается на равнину, и каждый барон под своим флагом наступает во главе своего отряда во имя Господа и святого Дени. Заиграли армейские трубы, все вскочили на коней и направились в ту часть долины, где развеялось на ветру королевское знамя. Здесь можно было увидеть самых знатных особ Франции, богато одетых, в сверкающих доспехах, с флагами и знаменами. Там собрался весь цвет французского дворянства, и ни один рыцарь, из опасения навлечь на себя позор, не посмел остаться дома.

Войско разделили на три отряда, по шестнадцать тысяч всадников в каждом, причем все уже однажды доказали свою отвагу. Герцог Орлеанский командовал первым отрядом, в котором было тридцать шесть знамен и вдвое больше флагов. Вторым отрядом командовал герцог Нормандский и двое его братьев, Луи и Жан. Король Франции командовал третьим отрядом. Пока шло формирование отрядов, король призвал к себе Эсташа де Рибомона, Жана де Ланда и Жискара де Боже и сказал:

– Постарайтесь как можно ближе подъехать к войску англичан и выясните, в каком они моральном состоянии, какова их численность и как лучше с ними сражаться, в конном или пешем строю.

Рыцари отправились выполнять приказ короля, а король сел на белого коня, выехал перед войском и громко обратился к своим воинам:

– Парижане, шартрезцы, руанцы и орлеанцы, вами пугали англичан, угрожая, что при встрече с вами им несдобровать. Вы стремились сразиться с англичанами, и сегодня вам представляется такая возможность. Я поведу вас к ним и хочу увидеть, как вы отомстите за все беды и несчастья, на которые они обрекли вас. Будьте уверены, мы вступим с ними в бой.

– Сир, с Божьей помощью мы охотно встретимся с ними, – ответили воины.

Тут вернулись три рыцаря, отправленные на разведку, и, пробившись сквозь толпу, подъехали к королю.

– Какие новости вы привезли? – спросил король.

Эташ де Рибомон, которого спутники попросили доложить королю обстановку, ответил:

– Сир, мы внимательно наблюдали за англичанами. Согласно нашей оценке, у них примерно две тысячи рыцарей, четыре тысячи лучников и пятнадцать тысяч пехотинцев. Они заняли отличную позицию, но нам кажется, им не составить больше одного отряда. Однако они удачно расположились, укрепили дорогу, разместили вдоль нее лучников, причем эта дорога единственный путь для наступления. Другой дороги нет, а эта настолько узкая, что по ней могут в ряд могут проехать не более четырех всадников. В конце дороги, среди виноградников и терновника, где нельзя пройти ни конным, ни пешим строем, расположились пешие рыцари, а перед ними построенные по диагонали лучники, так что одолеть их будет не так-то просто.

– И как, по вашему мнению, следует их атаковать? – спросил король.

– Сир, – ответил Эташ де Рибомон, – только в пешем строю. Триста самых опытных воинов должны прорваться через строй лучников, а затем ваши отряды должны быстро атаковать англичан, вступить в рукопашный бой и храбро сражаться. Это лучшее, что я могу предложить, но если у кого-то есть другие предложения, то пусть выскажется.

– Нет, – сказал король. – Остановимся на этом.

В сопровождении двух маршалов король поехал по отрядам, чтобы отобрать триста рыцарей, пользующихся самой хорошей славой; у них должны были быть лучшие кони и вооружение. Вскоре был сформирован отряд германцев, которые оставались в конном строю и поступали в распоряжение маршалов. Германцами командовали графы Зальцбурга, Нидау и Нассау. Король Иоанн был в королевских доспехах, и по обычаю девятнадцать рыцарей надели такие же доспехи.

Когда отряды короля Франции построились и каждый барон встал под свое знамя, поступил приказ всем воинам, вооруженным копьями, укоротить их до пяти футов, чтобы увеличить маневренность, и всем снять шпоры. Когда все было готово к наступлению, кардинал Перигорский, который рано утром покинул Пуатье, подскакал на коне к королю, почтительно поклонился ему и сказал, что просит разрешить ему отправиться к принцу Уэльскому и приложить все усилия для заключения мира между ним и королем Франции.

– Мы не возражаем, но поскорей возвращайтесь обратно.

Кардинал тут же отправился к принцу. Но хотя он провел целый день в разъездах между армиями, ему не удалось оговорить условия, устраивающие одновременно короля Франции и принца Уэльского. Оставшись в лагере и не имея недостатка в провизии,

французы отлично провели этот день, в отличие от англичан, которые сильно нуждались в провианте, но были настолько плотно окружены французами, что любая вылазка была сопряжена с опасностью. В воскресенье они занимались тем, что делали насыпи и рыли канавы, чтобы наилучшим образом разместить лучников.

Утром в понедельник принц и его войско находились в полной боевой готовности. Французы тоже построились, как только рассвело. Кардинал опять приехал утром, решив, что может примирить враждующие стороны, но французы ответили, что пусть лучше возвращается обратно и не пытается уладить конфликт. Когда кардинал понял, что все его усилия напрасны, он попрощался с королем Франции и отправился к принцу Уэльскому, которому сказал:

– Сын мой, сделай все, что в твоих силах, поскольку бит вы не избежать, так как мне не удалось склонить к миру короля Франции.

На это принц ответил, что он и его войско хотят сразиться с французами, и Господь защитит правое дело. Кардинал попрощался с принцем Уэльским и вернулся в Пуатье.

Армия принца была построена так, как доложили королю Франции три отправленных им на разведку рыцаря, за исключением того, что по приказу принца несколько смелых и сообразительных рыцарей остались верхом, как и отряд германцев, находившийся в распоряжении французских маршалов, а триста рыцарей и конных лучников расположились справа, на небольшом холме, не слишком высоком и не очень крутом, чтобы иметь возможность обойти с фланга отряд герцога Нормандского. Это были единственные изменения, которые принц внес в план битвы. Сам принц оставался с войском среди виноградников в полной боевой готовности и с лошадьми, стоявшими рядом на тот случай, если в них возникнет необходимость.

После отъезда кардинала, когда принц Уэльский понял, что ему не договориться о мире на почетных для себя условиях, битвы не избежать и король Франции относится с презрением лично к нему и его армии, он обратился к своим воинам с такими словами:

– Мои отважные соратники, хотя мы уступаем в численности армии нашего врага, не стоит унывать по этому поводу, поскольку победа не всегда за теми, кого больше, а за теми, кому хочет даровать ее Всемогуший Бог. Если нам повезет и мы победим, то завоюем славу и почет во всем мире. Если нам не повезет и мы погибнем, то останутся мой отец и братья, и ваши родственники и друзья, которые сумеют отомстить за нашу смерть. Поэтому я призываю вас мужественно сражаться, и даст Бог, вы сегодня увидите, что я буду биться как истинный рыцарь.

Такими словами принц воодушевлял своих рыцарей, и по его приказу то же самое сделали его военачальники, чтобы поднять боевой дух английской армии. Сэр Джон Чандос остался с принцем, чтобы охранять его и давать советы, и ни разу за весь день, как бы ни складывались обстоятельства, не отходил от него.

Лорд Джеймс Одли тоже долгое время находился рядом с принцем, но, увидев, что придется сражаться с французами, сказал:

– Сэр, я всегда преданно служил вашему отцу и вам и буду предан вам до конца своей жизни. Сегодня я хочу признаться вам, что поклялся, если мне придется участвовать в битве с вашим отцом или любым из его сыновей, то я буду впереди и постараюсь сражаться лучше всех или умру. Поэтому искренне прошу в качестве награды за мою службу отпустить меня, чтобы я смог исполнить свою клятву.

Принц пожал ему руку и сказал:

– Сэр Джеймс, Господь дарует тебе право быть сегодня самым доблестным рыцарем.

Получив согласие принца, сэр Джеймс Одли занял место во главе отряда, оставив себе в качестве охраны всего четырех оруженосцев. Лорд Джеймс был рассудительным и отважным рыцарем; это по его совету армия была построена именно таким образом. Итак, сэр Джеймс Одли двинулся вперед, чтобы сразиться с отрядом французских маршалов. Эташ д'Амбретикур вскочил в седло, поправил щит и, прищипорив коня, поскакал к этому отряду. Германский рыцарь, решив, что Эташ д'Амбретикур выходит из борьбы, оставил

свой отряд, которым командовал граф Нассау, и поскакал навстречу Эсташу д'Амбретикуру. Они столкнулись с такой силой, что оба упали на землю. Немец был ранен в плечо и не смог подняться так быстро, как Эташ, который, вскочив на ноги и восстановив дыхание, бросился к лежащему на земле рыцарю. Но пятеро германских рыцарей кинулись на него, сбили с ног и взяли в плен. Они отвели его к графу Нассау, который не обратил на пленника никакого внимания, и привязали вожжами к телеге.

Стороны вступили в бой. Отряд маршалов оказался впереди тех, кто должен был прорвать строй лучников, и двинулся по дороге, вдоль которой с обеих сторон были выстроены лучники, которые, выждав, пока отряд полностью выйдет на дорогу, устроили такую стрельбу, что кони от боли, причиняемой острыми стрелами, вставали на дыбы и сбрасывали всадников, которые не могли с ними справиться. Упавшие на землю не могли подняться из-за начавшейся неразберихи, и поэтому им не удалось приблизиться к отряду принца. Но нескольким рыцарям все-таки удалось удержаться в седле. Они пробились вперед, однако, несмотря на все усилия, они тоже не смогли приблизиться к отряду принца. Сэр Джеймс Одли, сопровождаемый четырьмя оруженосцами, обнажил меч и раньше всех бросился в бой, проявляя чудеса храбрости. Он так глубоко врезался в ряды противника, что сразился с самим маршалом Франции Арнольдом д'Андрегеном, и после продолжительного боя маршал Франции чувствовал себя не лучшим образом. Отряд маршалов был почти полностью уничтожен лучниками и пришедшими им на помощь рыцарями, которые добивали сраженных стрелами и взятых в плен французов. Был взят в плен и Арнольд д'Андреген, но не сэром Джеймсом Одли и его оруженосцами. В тот день рыцарь не терял времени на остановки, чтобы взять пленных: он неотступно преследовал врагов и вступал с ними в бой. В другом месте под своим флагом сражался Жан де Клермон, но, оказавшись на земле и не имея сил подняться, не смог договориться о выкупе и был убит на месте. Вскоре отряд маршалов был полностью разбит. Основное войско, не имея возможности двигаться вперед из-за отступления оставшейся в живых части отряда маршалов, стало напирать на отряд под командованием герцога Нормандского. Когда стало известно о поражении отряда маршалов, рыцари герцога вскочили на коней и ускакали, тем самым оголив тылы отряда герцога Нормандского. В это время подошли спустившиеся с занимаемой ими высоты англичане и вместе с большой группой лучников атаковали один из флангов отряда герцога Нормандского. По правде говоря, английские лучники оказали войску неоценимую помощь, поскольку стреляли так быстро и точно, что французы не знали, как увернуться от английских стрел. Благодаря этому англичане постепенно продвигались вперед, оттесняя противника. Когда английские рыцари поняли, что первый отряд удалось разгромить, а во втором под командованием герцога Нормандского смешались ряды, и он оказался без прикрытия, они вскочили на коней и издали боевой клич. Услышав это, сэр Джон Чандос сказал принцу:

– Сэр, теперь скачите вперед, это наш день. Видно, Господь решил отдать победу в ваши руки. Давайте отправимся к нашему противнику, королю Франции, поскольку все будет решаться там, где он находится. Я знаю, что гордость не позволит ему бежать, и он дождется нас, раз того хочет Господь. Но с ним придется побороться, а вы обещали быть сегодня достойным рыцарем.

– Джон, – ответил принц, – отправляйся вперед. Сегодня я не повернусь спиной к противнику и буду только в первом ряду. – И, повернувшись к знаменосцу, сэру Уолтеру Вудленду, приказал: – Знамя вперед, во имя Господа и святого Георгия!

Рыцарь выполнил приказ короля, и принц напал на отряд герцога Афинского. Они так яростно столкнулись, что многие были сбиты на землю. Французы, сражавшиеся большими группами, выкрикивали: «Монжуа! Сен-Дени!» – а англичане отвечали им: «Святой Георгий! Гиень!» Затем принц сразился с германским отрядом под командованием графа Зальцбурга, графа Нассау и графа Нидау, разгромил его и обратил в бегство. Английские лучники стреляли так хорошо, что никто не отваживался появиться в пределах досягаемости их стрел. Англичане убили многих, кто не смог предложить выкуп. Были убиты графы Зальцбурга,

Нассау и Нидау, а также многие их рыцари и оруженосцы. В суматохе Эсташа д'Амбrettiкура спасли его люди, которые помогли ему сесть на коня. В тот день он совершил еще много подвигов и взял в плен нескольких человек.

Когда люди герцога Нормандского увидели, что к ним быстро приближается войско принца, они стали думать о том, как спастись. Сыновья короля, герцог Нормандский, граф Пуатье и граф Турена, были еще очень молоды и поверили словам тех, кто руководил ими. Но Жискар д'Энгле и Жан де Сентрэ, вместо того чтобы бежать, устремились в гущу боя. Сыновья короля, следуя совету, ускакали в сопровождении более чем восьмидесяти копейщиков, которые даже не видели противника, и направились в Шавиньи.

В это время отряд короля в боевом порядке выдвинулся, чтобы встретить англичан. В ход пошли мечи, боевые топоры и другое оружие. Король Франции с младшим сыном Филиппом атаковали отряд графа Уорвика и графа Суффолка; в схватке приняли участие много знатных воинов с обеих сторон.

Лорд Джеймс Одли в сопровождении четырех оруженосцев все время находился в самом пекле сражения. Он получил несколько серьезных ранений, в том числе в голову и лицо, но пока мог дышать, продолжал наступать и сражаться. Он бился до тех пор, пока весь не покрылся кровью. Тогда, уже в конце битвы, оруженосцы вынесли его с поля боя, слабого и израненного, чтобы он мог отдохнуть и перевести дыхание. Они аккуратно сняли с него доспехи, чтобы осмотреть раны, перевязать и зашить самые серьезные.

Часто бывает, что удача в войне и любви превосходит все ожидания. По правде говоря, эта битва, происходившая неподалеку от Пуатье, на полях Бовуара и Мопертюи, была кровавой и жестокой. Было совершено много подвигов, о которых ничего не известно, и обе стороны понесли большие потери. Король Иоанн проявил чудеса храбрости. Вооруженный боевым топором, он сражал и защищался, и если бы четвертая часть его войска вела себя так же, то это был бы его день. Граф Танкарвиль, пытаясь прорваться сквозь толпу, был взят в плен вместе с королем, как и Жан де Бурбон, граф Понтье, Жан д'Артуа, граф д'Э. Англичане преследовали противника вплоть до ворот Пуатье, где произошла кровавая битва и погибло много людей и коней, поскольку жители города закрыли ворота и не дали никому войти. На дороге перед городскими воротами началась такая бойня, что некоторые стали сдаваться, только увидев англичан. Многие английские лучники взяли в плен по четыре, пять и даже шесть человек.

Желание захватить короля привело к усилению атаки, и те, кто оказался к нему ближе всего и знал его в лицо, кричали: «Сдавайся, сдавайся, или ты покойник!» На месте битвы оказался молодой рыцарь из Сент-Омера, который служил у короля Англии. Его звали Дени де Морбек. Он уже пять лет служил у англичан, после того как был изгнан из Франции за убийство, совершенное в драке в Сент-Омере. В этот тяжелый для короля Франции момент Дени де Морбек по счастливой для него случайности оказался рядом с королем. Он пробился сквозь толпу и на чистом французском языке обратился к королю:

– Сир, сдавайтесь!

Король, оказавшийся в отчаянной ситуации, повернулся к нему и спросил:

– Кому я должен сдаться? Кому? Где мой кузен принц Уэльский? Если я увижу его, то буду говорить с ним.

– Его здесь нет, сир, – ответил сэр Дени, – сдайтесь мне, и я отведу вас к принцу.

– Кто ты такой? – спросил король.

– Сир, меня зовут Дени де Морбек, рыцарь из Артуа. Я служу английскому королю, потому что Франция отобрала у меня все, чем я владел.

Тогда король вручил ему перчатку с правой руки и сказал:

– Я сдаюсь тебе.

Вокруг была страшная давка, и многие выкрикивали: «Я взял его!» Ни король, ни его сын Филипп не могли сдвинуться с места и выбраться из этой толпы.

Принц Уэльский, отважный как лев, был доволен тем, как в тот день разворачивались события. Сэр Джон Чандос, который все время неотлучно находился рядом с принцем и ни

разу не отошел даже для того, чтобы взять пленного, в конце битвы сказал:

– Сэр, вам лучше остановиться здесь и водрузить свое знамя, чтобы могло собраться ваше рассыпавшееся войско, поскольку я не вижу ни французских знамен и флагов, ни отрядов, способных оказать сопротивление. Мне кажется, вам надо немного остыть, а то вы слишком разгорячились.

Знамя принца водрузили на высокий куст, заиграли менестрели, затрубили трубы. Принц снял шлем, а рыцари, которые находились в его окружении, установили небольшой шатер темно-красного цвета, и принц вошел в него. Ему и рыцарям, которые были с ним, поднесли вино. Рыцари прибывали один за другим вместе с захваченными в плен французами.

Принц спросил, известно ли кому-нибудь о судьбе короля Франции.

– Мы точно не знаем, – ответили рыцари, – но думаем, что он либо убит, либо взят в плен, поскольку до конца оставался со своим отрядом.

Тогда принц обратился к графу Уорвику и лорду Кобхэму:

– Прошу вас сесть на коней, объехать поле и по возвращении предоставить мне точные сведения о короле.

Бароны сразу вскочили на коней и поднялись на небольшой холм, чтобы оттуда оглядеть окрестности. Они увидели толпу пеших рыцарей, которые медленно двигались в их направлении. Среди них был король Франции, и ему грозила серьезная опасность, поскольку французы и гасконцы отбили его у сэра Дени де Морбека и спорили, кому он должен достаться. Самый здоровый из них кричал:

– Это я его взял!

– Нет, – орал другой, – он мой!

Король, понимая всю опасность ситуации, сказал:

– Господа, господа, умоляю вас проводить меня и моего сына к моему кузену принцу Уэльскому. Не спорьте о том, чей я пленник, поскольку я настолько богат, что могу вас всех озолотить.

Сказанные королем слова на время успокоили толпу, но вскоре опять разгорелся спор. Когда бароны увидели, что происходит внизу, они спустились с холма и спросили, что случилось. Им ответили, что это король Франции, взятый в плен, и они спорят, кто именно взял его в плен. Бароны, применив силу, пробились через толпу и потребовали, чтобы все расступились. Именем принца и под страхом смерти они приказали оставаться на расстоянии и не приближаться без приказа. Все отступили от короля. Бароны спешили, подошли к королю и, почтительно поприветствовав, препроводили к принцу Уэльскому.

Вскоре после того, как граф Уорвик и лорд Реджинальд Кобхэм по приказу принца отправились выяснить, что известно о короле Франции, принц стал расспрашивать рыцарей, не знает ли кто-нибудь из них о судьбе сэра Джеймса Одли.

– Сэр, – ответил один, – он серьезно ранен и лежит на носилках в своем шатре.

– Клянусь, – воскликнул принц, – мне очень жаль, что он ранен. Прошу тебя, узнай, можно ли его перенести сюда, а если нет, то я сам пойду к нему.

Два рыцаря тут же побежали к сэру Джеймсу и сказали, что принц очень хочет повидаться с ним.

– Тысяча благодарностей принцу, – сказал лорд Джеймс, – за то, что снизошел до такого ничтожного рыцаря, как я.

Сэр Джеймс позвал слуг, и они отнесли его к принцу. Наклонившись, принц обнял сэра Джеймса и сказал:

– Мой дорогой сэр Джеймс, сегодня своей доблестью ты заслужил славу. Ты сражался лучше всех и доказал, что являешься самым храбрым и умелым рыцарем.

– Сэр, – ответил сэр Джеймс, – вы вправе говорить все, что вам хочется, но с сожалением должен признать, что это не так. Если я и был впереди, чтобы служить вам, то только потому, что исполнял свою клятву, так что я не заслуживаю вашей похвалы.

– Сэр Джеймс, – сказал принц, – я и все остальные считаем тебя самым храбрым

рыцарем с нашей стороны в этой битве, а чтобы ты и впредь мог множить свою славу, назначаю тебя навеки своим рыцарем с годовым доходом в пятьсот марок, которые будут выплачиваться из доходов с моих поместий в Англии.

– Сэр, – скромно произнес лорд Джеймс, – я заслужил эти почести с Божьей помощью.

На этих словах сэр Джеймс попрощался с принцем, поскольку почувствовал сильную слабость, и слуги отнесли его отдыхать. Вскоре после их ухода в королевский шатер вошли граф Уорвик, лорд Реджинальд Кобхэм и король Франции. Принц приветствовал короля низким поклоном и устроил его со всеми удобствами, какие только мог предоставить, а он в этом хорошо разбирался. Принц приказал, чтобы принесли вино и сладости, которые сам поднес королю в знак особого расположения.

Так 19 сентября 1356 года была выиграна эта битва на полях Мопертуйи в двух лигах от Пуатье. Она началась около девяти часов утра и закончилась к полудню, но англичане еще продолжали преследовать противника, и принц был вынужден водрузить свое знамя на высокий куст, чтобы его воины вернулись к месту сбора. Но и после вечерни вернулись не все англичане. Говорили, что погиб весь цвет французского рыцарства, что король, его сын Филипп, семнадцать графов и бесчисленное число баронов, рыцарей, оруженосцев взяты в плен, а на поле боя осталось от пяти до шести тысяч убитых. Когда собрались все англичане, то выяснилось, что пленников в два раза больше, чем победителей. Англичане решили, чтобы не рисковать, потребовать выкуп прямо на месте. Так и поступили. Лишний раз пленники убедились в учтивости англичан и гасконцев, поскольку многих из них в тот день освободили под обещание вернуться до Рождества в Бордо, чтобы заплатить выкуп.

Когда все собрались под своими знаменами, поступил приказ возвращаться в лагерь, который располагался рядом с полем боя. Некоторые начали снимать доспехи и помогли разоружиться пленникам, с которыми обходились весьма любезно, поскольку, как бы ни обстояло дело с выкупом, пленники находились в полном распоряжении англичан. Вполне понятно, что те, кто сопровождал принца, не были обойдены ни славой, ни богатством, ни выкупом с пленников в виде золотой и серебряной посуды, драгоценностей, сундуков, набитых до отказа тяжелыми от золотых и серебряных украшений поясами и меховыми накидками. Французы вырядились на битву так, словно были уверены в своей победе.

Когда сэр Джеймс Одли вернулся в свой шатер после того, как отблагодарил принца за королевский подарок, то сразу послал за своим братом сэром Питером Одли и за остальными родственниками. Затем он послал за четырьмя своими оруженосцами, которые весь день были рядом с ним.

– Господа, – обратился сэр Джеймс Одли ко всем собравшимся, – принц положил мне годовое содержание в размере пятисот марок. Вы видите здесь четырех оруженосцев, которые всегда служили мне верой и правдой, особенно в сегодняшней битве. Всей славой, которую я снискал сегодня, я обязан их мужеству и отваге, поэтому я хочу вознаградить их. Я передаю им дар в виде пятисот марок, которыми мой господин наградил меня, в той же форме и на тех же условиях, на которых они достались мне. Я отказываюсь от этих денег в их пользу без права изменить принятое решение.

Рыцари переглянулись и сказали:

– На такие подарки способен только благородный сэр Джеймс. Пусть Господь не забудет твоего поступка.

Рыцари попрощались и направились к принцу Уэльскому, который вечером устраивал ужин в честь короля Франции из его же съестных припасов, поскольку вся провизия, которая была у французов, перешла к англичанам, многие из которых уже три дня не пробовали хлеба.

Когда наступил вечер, принц Уэльский устроил пир в честь короля Франции и принцев и баронов, которые были взяты в плен. Принц посадил французского короля и его сына Филиппа за богато накрытый стол, находившийся на возвышении; за этим столом сидели и некоторые самые высокопоставленные французы. Остальных рыцарей посадили за другие столы. Принц сам прислуживал королю и другим знатым пленникам и отказался сесть за

стол, несмотря на все просьбы, объяснив, что не достоин чести сидеть за одним столом с таким могущественным и отважным королем.

– Дорогой сир, – добавил принц с присущим ему благородством, – пусть не портит вам аппетит то обстоятельство, что Всемогущий Господь не удовлетворил сегодня вашу просьбу. Будьте уверены, что мой господин и отец окажет вам все почести, насколько это будет в его власти, и уладит вопрос с выкупом таким образом, что вы навсегда останетесь друзьями. По моему мнению, вы должны радоваться тому, что победа в этой битве досталась не вам, поскольку сегодня благодаря своей доблести вы прославились так, что превзошли всех своих лучших рыцарей. Я говорю это не для того, чтобы польстить вам, а потому, что все единодушно считают, что вы были лучшим и заслуживаете приз и венки за отвагу.

Тут все стали восхвалять короля, а французы сказали, что принц говорил искренне и поступил благородно и что он станет одним из самых благородных принцев в христианском мире, если Господь дарует ему долгую жизнь, чтобы он следовал по пути славы.